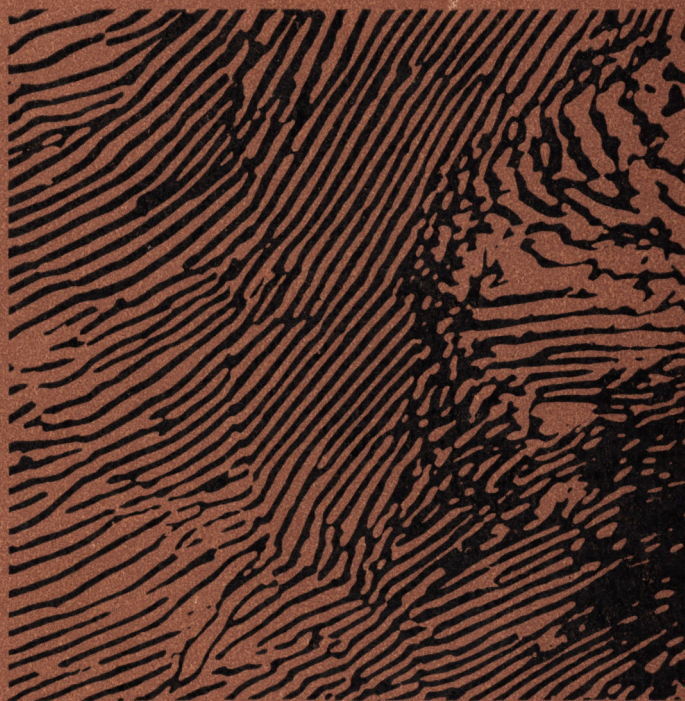

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ

(ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Под редакцией и со вступительной
статьей академика Е. М. ЖУКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Авторы:

академик Е. М. Жуков (вступительная статья,
гл. 1),
докт. ист. наук Б. Г. Сапожников (гл. 2, 3, 4,
заключение),
канд. ист. наук А. С. Савин (гл. 5),
канд. ист. наук А. П. Марков (гл. 6),
канд. ист. наук С. Т. Мажоров (гл. 7).

В книге исследуется процесс возникновения и развития японского милитаризма с начала XIX в. до наших дней. На базе большого фактического материала, часть из которого публикуется впервые, авторы рассматривают экономический, политический и идеологический аспекты милитаризации Японии, а также причины и характерные черты процесса возрождения японского милитаризма в послевоенный период.

ВВЕДЕНИЕ

Современная Япония — одна из самых крупных капиталистических держав. Главенствующую роль в экономике и политике страны играет монополистический капитал, безраздельно контролирующий государственный аппарат Японии. Значительную силу представляет японский пролетариат. В стране не затихает острая классовая борьба, свидетельствующая о неуклонном нарастании глубоких антагонистических противоречий, свойственных современному капитализму.

Важным осложняющим обстоятельством, характеризующим положение в Японии, является военно-политический союз ее правящих кругов с агрессивным империализмом США. Этот союз носит неравноправный характер. На территории Японии расположены многочисленные американские военные базы. Договорные отношения, существующие между США и Японией, ограничивают японский суверенитет, делают Японию соучастником военно-политических авантур американского империализма. Прогрессивные силы Японии решительно выступают против реакционного военного союза японских и американских монополий, за самостоятельную и мирную внешнюю политику страны. Однако японским трудящимся пока не удастся добиться успеха в этой борьбе.

Монополистический капитал Японии заинтересован в проведении экспансионистской политики, в захвате новых рынков сбыта, источников сырья. Уже на данной стадии японские монополии выступают соперником и конкурентом своих американских союзников. Тем не менее правящие круги Японии предпочитают оставаться на положении младших партнеров США по военному союзу, исподволь подготавливая условия для того, чтобы получить возможность серьезно ущемить своего сильного конкурента в будущем.

Если экономические интересы правящих кругов Японии и США уже сейчас во многом основательно разошлись, то

в политическом отношении их реакционные установки совпадают. Это проявляется во враждебном отношении к тем глубоким революционным процессам, которые происходят в современном мире — к росту и укреплению мировой социалистической системы, к подъему национально-освободительных антиимпериалистических движений, к борьбе рабочего класса и других слоев трудящихся в капиталистических странах за мир, демократию и социализм. Именно на этом базируется японо-американский военно-политический союз. Несмотря на взаимное недоверие его участников, их объединяют общие классовые интересы.

С этим связан и вопрос о перспективах возрождения японского милитаризма.

Исторический путь Японии отмечен особой ролью военщины, ее политическим влиянием, агрессивными, захватническими войнами в процессе становления и развития японского капитализма. На протяжении нескольких десятилетий — начиная с конца XIX столетия и до 1945 г. — войны и колониальные захваты были основными вехами японской истории, а милитаристская машина, будучи главным инструментом проведения агрессивной политики, рассматривалась как важнейшая опора, как любимое детище господствующих эксплуататорских классов. Это предопределило значительную самостоятельность японской военщины. Ее представители занимали привилегированное положение в системе японской монархии, нередко оказывались во главе правительства, причем всегда стояли на страже классовых интересов наиболее реакционных элементов японского общества.

Служа интересам капиталистов и помещиков, японская военщина упорно сохраняла и культивировала некоторые традиции феодального военного дворянства — самурайства. Это было связано не только с феодальным происхождением большинства главарей милитаристской правящей клики, но и со стремлением проводить империалистическую политику под идеологическим прикрытием «исключительности» японской монархии. Реакционная внешняя «самурайская» оболочка не меняла классовой природы японской военщины. К ней была полностью применима данная В. И. Лениным характеристика милитаризма. «Современный милитаризм, — указывал В. И. Ленин, — есть результат капитализма. В обеих своих формах он — „жизненное проявление“ капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях („Militarismus nach aussen“, как выражаются немцы), и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата („Militarismus nach innen“)»¹.

Исторический опыт Японии полностью подтверждает ле-

нинские положение о двух формах милитаризма. Осуществление агрессивной внешней политики руками японской военной постоянно дополнялось и использованием ее как ударной силы в подавлении различных проявлений революционного протеста народных масс. Особенно наглядно выявилось это типическое свойство реакционного милитаризма в Японии накануне и во время второй мировой войны, когда утвердившийся в стране военно-фашистский режим одновременно выполнял обе упомянутые выше функции, тесно связанные друг с другом.

Вторая мировая война, ознаменовавшаяся невиданным размахом японской империалистической экспансии в условиях засилья в стране фашизированной реакционной военной, закончилась полным крушением милитаристской Японии. Был развеян миф о «непобедимости» японского оружия. Отборная сухопутная армия японского империализма в Маньчжурии была разгромлена советскими войсками. На тихоокеанском театре военных действий были уничтожены военно-морские силы Японии.

Японскому милитаризму был нанесен сокрушительный удар — как военный, так и престижно-политический. Военное поражение и вынужденная капитуляция империалистической Японии разоблачили в глазах широких народных масс преступную авантюристическую политику правящей клики, добровольно связавшую свою судьбу с гитлеровской Германией и ввергнувшую страну в пучину бедствий.

Отрезвление от шовинистического угара, наступившее в массах после окончания войны, подъем рабочего и демократического движения в стране, казалось, навсегда закроют путь к восстановлению милитаристских порядков в Японии. Оккупация японской территории американскими войсками сопровождалась широковещательными декларациями правящих кругов США об их готовности следовать международным обязательствам и до конца ликвидировать японский милитаризм, выкорчевать его социальные корни.

Однако реальные действия американских оккупационных властей показали, что действительные цели политики США были иными. В течение нескольких месяцев американское командование проводило более или менее твердый курс в отношении разгромленной японской военной, заставило осуществить ряд буржуазно-демократических реформ, провело некоторую чистку государственного аппарата Японии от наиболее скомпрометированных поджигателей войны, фашистских прислужников и соучастников военных преступлений. Но и на протяжении этого весьма короткого периода американское командование показало себя непримиримым врагом подлинно демократических сил Японии, гонителем рабочего движения, отчетливо выявило свои намерения «приручить» япон-

ские правящие круги, сделать их послушными интересам американского империализма.

Как только этот процесс «приручения» был, по мнению американского командования, закончен и господствующие классы Японии проявили готовность идти в фарватере американской реакционной политики, правящие круги США стали последовательно «смягчать» военно-оккупационный режим, отменять всякого рода ограничения политического и экономического характера, до известной степени связывавшие активность тех социальных сил Японии, которые несли прямую ответственность за войну, за милитаризацию страны.

Уже с начала 1947 г. наметился поворот к сотрудничеству реакционных правящих кругов США и Японии, которое в дальнейшем привело к установлению прямых договорных союзных отношений, закрепивших пребывание американских войск на японской территории.

Американский империализм стал рассматривать Японию как важнейшую опору в проведении своей агрессивной политики на Азиатском континенте. Агрессия США против Кореи явилась первой серьезной пробой в этом отношении. Правящие круги Японии использовали «покровительство» американского империализма для постепенного восстановления своего военно-промышленного производства и для воссоздания собственных вооруженных сил, оснащенных современными техническими средствами ведения войны. Хотя в количественном отношении японские «силы самообороны» сами по себе и не очень еще велики, они представляют серьезную потенциальную базу развертывания массовой армии.

Реакционные силы Японии не довольствуются тщательным учетом и бережным сохранением старых военных кадров. В стране постепенно развертывается идеологическая обработка населения, особенно молодежи, имеющая вполне определенный милитаристский характер.

Широко используются лозунги антикоммунизма и реваншизма, исподволь происходит восстановление и подновление традиционной «самурайской» шовинистической пропаганды. Растут и расходы на вооружение.

Правда, времена изменились. В Японии существует широкое демократическое движение. Японский рабочий класс представляет собой серьезный политический фактор в жизни страны. Коммунистическая партия Японии, Социалистическая партия, сильные профсоюзные объединения образуют костяк внушительной народной оппозиции всяким агрессивным планам, исходящим как из стана японской реакции, так и от ее американских союзников. Милитаристский дух отнюдь не пользуется всеобщей поддержкой.

Японский народ не в состоянии забыть преступное исполь-

зование американскими империалистами ядерного оружия против мирного населения Нагасаки и Хиросимы в 1945 г.

Тем не менее было бы опасно не обращать внимания на ярко выраженные симптомы возрождения японского милитаризма.

Быстрый рост могущества японских капиталистических монополий, расширение и совершенствование производственно-технической базы современного японского капитализма усиливают экспансионистские претензии и аппетиты «дзайбацу» — монополистических клик. Японская реакция, опьяненная достижениями японской промышленности последних лет, начинает мечтать о захвате или переделе «сфер влияния», о новых военно-политических авантюрах. Эти опасные настроения подогреваются классовой ненавистью к миру социализма, к успешно развивающемуся национально-освободительному движению в Азии, Африке и Латинской Америке.

В основном документе, принятом международным Советом коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г., говорится: «Усиливается японский империализм, нарастает его экспансия, прежде всего в Азии. В Японии вновь поднимает голову милитаризм. Связанные многими узами с американским империализмом, правящие круги Японии фактически превратили страну в один из arsenалов США в войне против вьетнамского народа и участвуют в происках против корейского народа»².

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, говоря о росте в небывалых масштабах в послевоенные годы в капиталистическом мире милитаризма, касаясь Японии, отмечал, что японские милитаристы «вопреки конституции, запрещающей „на вечные времена“ войну, стремятся вновь толкнуть эту страну на путь экспансии и агрессии»³.

Логика существования всякого империализма неизбежно ведет к росту милитаризма, к усилению опасности осуществления агрессивных планов монополистической буржуазии.

Восстановление сил японского империализма особенно тесно связано с милитаристскими тенденциями. Глубокие социально-классовые корни японского милитаризма не подорваны.

Советский Союз — ближайший сосед Японии. Советскому народу отнюдь не безразлично, каким путем пойдет дальнейшее развитие этой страны.

В истории советско-японских отношений немало страниц, свидетельствующих о том, что милитаристское острие японского империализма почти всегда было направлено против Советского социалистического государства. Поэтому у советских людей не могут не вызывать озабоченности факты, ко-

торые говорят об усилении милитаристских тенденций в современной Японии.

Вместе с тем исторический опыт учит, что главной жертвой японского милитаризма оказывается в конечном счете сам японский народ.

В современную историческую эпоху любая империалистическая агрессия чревата для агрессора самыми катастрофическими последствиями. Эту простую истину должны понять дальновидные деятели капиталистических государств. Надо полагать, что такого рода понимание подлинных национальных интересов своей страны способно найти отклик и в Японии.

Что касается Советского Союза, то во всех документах и выступлениях его руководителей красной нитью проходит мысль о желательности установления прочных взаимовыгодных, добрососедских отношений между СССР и Японией.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ЯПОНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Япония — одна из немногих крупных империалистических стран, в которой диктатура эксплуататорских классов в течение длительного времени осуществлялась руками военщины. Особо привилегированное положение японских милитаристов уходит своими корнями в далекое историческое прошлое.

Вплоть до середины XIX столетия в Японии сохранялся феодальный общественный строй. Характерной особенностью японского феодализма было господствующее положение военного дворянства — самурайства. Капиталистическая Япония унаследовала многие стороны феодального прошлого. В частности, современная японская империалистическая военщина связана своим происхождением с самурайством феодальной Японии. Эта связь носит прежде всего идейный характер. Современный японский милитаризм систематически использовал до сих пор живучие феодальные самурайские традиции.

В. И. Ленин отмечал «военно-феодальные» черты японского империализма. Одно из проявлений этих черт — происхождение и особая роль японской военщины.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ САМУРАЙСТВА

Слово «самурай» означает «слуга», «услуживающий». На протяжении нескольких столетий японской истории понятие «самурай» существенно видоизменялось. В VII—VIII вв. самураями именовался сравнительно немногочисленный еще слой «дворовых» крестьян, непосредственно обслуживавших феодализирующуюся знать. По мере того как постепенно складывались феодальные поместья (сёэн), происходил процесс обособления самураев от основной массы крестьянства. Наряду с собственно «дворовыми» — самураями в прямом понимании этого слова — появляются самураи нового типа —

вооруженные слуги, образующие зачатки феодальной дружины владельца сёэн. Численность их увеличивалась по мере расширения размеров феодальных владений, политического и территориального обособления наиболее крупных феодалов, обострения классового антагонизма между крестьянством и феодалами. Самураи вербовались, с одной стороны, из числа наиболее состоятельных крестьян, нередко выполнявших функции старост в деревнях и являвшихся опорой феодалов, а с другой — из числа беглых крестьян (ронин), бросавших свои земельные наделы из-за непосильных налогов и тяжких повинностей, налагавшихся представителями центральной власти. Странствуя по стране, ронины охотно прибегали к покровительству владельцев сёэн, обладавших правом иммунитета.

С развитием феодального землевладения самурайство дифференцировалось: наряду с простыми воинами появились самураи высшего ранга, особо приближенные к феодалу, выполнявшие обязанности его представителей, управлявшие отдельными отраслями его хозяйства, творившие суд и расправу над зависимыми крестьянами. Расширение феодальных земельных владений сопровождалось появлением ленных отношений. Самураи высшего ранга стали получать от своего хозяина не только пропитание и вооружение, но и землю с приписанными к ней крестьянскими дворами. Самурай, держатель лена, сам превратился в феодала, эксплуатирующего крестьян. В то же время с увеличением числа самураев-дружинников значительная их часть также стала получать земельные участки, которые они сами должны были обрабатывать. По первому призыву феодала самураи-воины, «полукрестьяне», возвращались в дружину. Таким образом, в XII в., ко времени установления в Японии военно-феодальной диктатуры Минамото, самурайство представляло уже определенный класс-сословие, который условно можно назвать военным дворянством. К верхнему слою этого дворянства относились крупные земельные собственники, владельцы большого количества сёэн, феодальные магнаты. Средний слой составляли их непосредственные вассалы, держатели ленных земель, так же, как и первые, эксплуатировавшие неполноправную крестьянскую массу. И наконец, низший, наиболее многочисленный слой рядовых самураев образовывали воины-дружинники, часть которых непосредственно обрабатывала предоставленные им в пользование земельные участки и, следовательно, по своему положению приближалась к крестьянству. Нельзя, однако, относить эту последнюю категорию к классу крестьян. Во-первых, воины-земледельцы сохраняли свою принадлежность к привилегированному сословию, в отличие от крестьян имели оружие и нередко использовали его против них в составе феодальных дружин. Во-вторых, саму-

раи-земледельцы были свободны от уплаты ренты-налога и не несли никаких феодальных повинностей, обременявших крестьян.

2. ПРЕВРАЩЕНИЕ САМУРАЙСТВА В ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ СОСЛОВИЕ

С XII в. самураи стали в масштабе всей страны организованным в сословие военного дворянства господствующим классом феодалов.

Наиболее благоприятные условия для появления крупного феодального землевладения в Японии сложились в северо-восточных областях (Канто). Этому способствовали обилие земель, отдаленность от тогдашнего политического центра (Киото) и беспрепятственный приток беглых (ронин)ов). Частые войны с «северными варварами» (эбису), т. е. аборигенами Японии — айну, помогли образованию и закреплению сильных постоянных феодальных дружин. Практически реальная власть японской столицы (Киото) на область Канто не распространялась. Начиная с IX в. центральные районы Японии оказываются под угрозой частых вооруженных вторжений воинственных феодалов северо-востока.

Натиск феодалов Канто непрерывно усиливался и в конце концов привел к установлению диктатуры феодальных магнатов северо-востока.

В 1156 г. страна оказалась во власти феодального завоевателя Тайра, и самурайство стало господствующей силой. В результате междоусобной феодальной борьбы Тайра через некоторое время должен был уступить власть другому северо-восточному магнату — Минамото. С 1192 г. в Японии утвердился порядок, известный в истории под названием «первый сёгунат». Так именовалась система господства феодальной династии Минамото, установившей в стране детально разработанный режим военной диктатуры. Введенное новое сословное деление, по существу, узаконило привилегированное положение самурайства, хотя и с некоторыми элементами компромисса: формально было признано более высокое общественное положение старой, «придворной» аристократии.

Самураи были разделены на две категории: гокэнин и хигокэнин. Первые из них находились на службе непосредственно у сёгуна Минамото, возглавлявшего феодальную иерархию. Они составляли основу нового феодального правопорядка, выполняли функции наиболее доверенных правительственных чиновников, правителей отдельных округов страны. Гокэнин представляли собой феодалов «среднего достатка». Основными видами земельных владений были

сирё — земли, полученные от сёгуна, или вновь обработанные участки целины и онти — земли, пожалованные за особые заслуги. Эта последняя категория земель составлялась из земельных владений экспроприированных феодалов — противников или соперников сёгуна. Самурай, не являвшийся вассалами сёгуна, назывались хигокэнин. Положение хигокэнин определялось степенью богатства и влияния их сюзеренов (крупных феодалов, не принадлежавших к династии Минамото). Преобладающей формой взаимоотношений между хигокэнин и крупными феодалами были ленные отношения. Немалая часть хигокэнин относилась к категории воинов-дружинников, самостоятельно обрабатывавших выделявшиеся им земельные участки.

Основная же масса самураев существовала за счет эксплуатации крестьянства, работавшего на землях своих господ. Норма эксплуатации была высокой: крестьяне отдавали самураям не менее половины урожая. Крестьяне обслуживали своих хозяев. С течением времени роль вспомогательной крестьянской дружины повышалась. Иногда она сопровождала самурая в поход. В отличие от самурайской конницы крестьяне сражались исключительно в пешем строю. Эти пехотинцы — асигару — с усложнением форм и способов ведения войны приобретали все большее значение. В связи с этим в обстановке расширения масштабов феодальных междоусобных войн часть крестьян закреплялась в качестве профессиональных воинов и фактически уравнивалась с самураями низшего ранга — рядовыми дружинниками (каси).

Установление диктатуры Минамото, политическая победа самурайства над представителями старых патрицианских родов и придворной знати (кугэ) не означали полной экспроприации последних. Старейший аристократический род Фудзивара сохранил значительную часть своих богатств и определенное политическое влияние. Правда, высокие должности и пышные титулы, монополизированные представителями двора, в большой мере были лишены своего прежнего значения, однако борьба за власть продолжалась. С конца XII в. в связи с завершением длительного процесса феодализации Японии классовые различия между кугэ и букэ («военными домами», т. е. самураями высших рангов) постепенно стираются. Происходило взаимопроникновение и слияние различных по своему происхождению элементов «единого» господствующего класса феодалов. Предпринимавшие неоднократно в XIII и в XIV вв. попытки тех или иных группировок кугэ свергнуть режим бакуфу (военное управление, режим «полевой ставки»), установленный Минамото еще в XII в., по существу ничем не отличались от обычных феодальных усобиц.

В XV столетии Япония надолго погружается в состояние всеобщего хаоса, обусловленного ожесточенной междоусобной борьбой крупных феодальных магнатов. Почти вся страна становится ареной военных действий. Крестьянство разоряется, феодальные поместья (сээн) перестают давать доход, система эксплуатации крестьян феодалами приобретает все более хищнический и жестокий характер. Не заботясь о завтрашнем дне, самураи торопятся выколотить из крестьян все то, что те имеют. Голод и эпидемии опустошают целые провинции. В ответ на бесчинства феодалов крестьянство поднимает целый ряд восстаний, по временам сливающихся в общий поток и приобретающих подобие могучей крестьянской войны. В 1429 г. крестьяне провинции Харима впервые выдвигают революционный антифеодальный лозунг «В стране не должно быть самураев». Крестьянское ополчение нанесло серьезное поражение феодальному воинству. Революционные выступления крестьянства в обстановке непрерывных усобиц, ослаблявших феодалов, имели своим результатом в ряде районов страны смягчение форм эксплуатации. Крестьяне захватывали в свои руки оружие, организовывали самооборону, создавали выборную местную «администрацию», предъявляли феодалам определенные требования или даже вовсе изгоняли их.

Поместье (сээн), являвшееся прежде основой феодального строя, переживает в этот период глубочайший кризис. Его владельцы и их вассалы, отвлекаемые постоянными войнами, не могут больше держать в повиновении зависимых от них крестьян. Поместье оказывается несостоятельным и в экономическом отношении. Опустошение полей приводит к резкому снижению урожая. Крестьяне, а нередко и сами самураи попадают в петлю кабальных долговых обязательств ростовщикам. Подавляющее большинство самурайства окончательно отрывается от земли, переходя на жалованье к крупнейшим феодальным магнатам, в непрерывной борьбе друг с другом «округляющим» свои владения. На смену сээн, т. е. средним и мелким феодальным хозяйствам, приходят огромные феодальные латифундии, владельцы которых обладают солидной вооруженной силой, обеспечивающей покорность крестьянства и гарантирующей от внезапных вторжений, опустошения полей и т. п.

Победа крупного феодального землевладения над средним и мелким потребовала длительного времени и сопровождалась определенными изменениями в структуре и организации господствующего класса — самурайства. Уже в XV в. значение центральной государственной власти — сёгуна и его правительства (бакуфу) — сходит на нет. 200—300 крупных феодалов, сконцентрировавших в своих руках политическую власть над обширными районами и огромные земельные площади,

превращаются в почти неограниченных повелителей отдельных частей страны. В процессе вооруженной междоусобной борьбы из этой категории феодалов выделяется небольшая группа еще более могущественных феодальных магнатов (даймё). По существу, это уже независимые владетельные князья, обладающие полным суверенитетом на подвластной им территории.

Большая часть даймё по своему происхождению была связана с сёгунатом. Установленные Минамото должности провинциальных наместников и администраторов — сьюго и дзито — с течением времени приобрели наследственный характер. Занимавшие эти должности феодалы систематически «округляли» свои личные земельные владения, не считаясь с интересами центральной власти. При втором сёгунате (Асикага) многие сьюго уже открыто выступали против бакуфу. Именно в этот период некоторые сьюго начинают именоваться даймё.

Тенденция к распадению Японии на несколько отдельных княжеств (или «царств») в XV и в первой половине XVI столетия становится господствующей. Каждый даймё стремился построить один или несколько укрепленных замков, способных в случае необходимости выдерживать длительную осаду. Как и в Европе, замки, являвшиеся основной резиденцией владетельного феодала, были окружены обычно поселением городского типа, где концентрировались торговцы и ремесленники, обслуживавшие самураев.

В XIV в. в Японии существовала уже довольно многочисленная и обладавшая определенным влиянием торговая буржуазия. Роль денег усиливалась, и феодалы нередко вынуждены были прибегать к содействию богатых купцов, ссужавших им необходимые суммы. Ростовщичество принимало огромные размеры, и жертвой его являлось не только крестьянство, но и самураи. Еще в 1297 г., т. е. на пороге XIV столетия, сёгунат издал закон об аннулировании задолженности самурайства, закладывавшего и продававшего свои земельные участки. Феодальное правительство решилось на эту меру прежде всего с той целью, чтобы предотвратить разорение гокэнин, являвшихся опорой существовавшего режима. Одновременно это демонстрировало неизбежность феодальных принципов и наносило чувствительный удар по торгово-ростовщическим элементам.

Однако огромные и все возрастающие непроизводительные расходы при общем падении доходности сёэн вынуждали феодалов снова и снова обращаться к ростовщикам. Феодальные власти неоднократно пытались чрезвычайными мерами приостановить процесс обеднения и разорения самураев (в особенности самураев низших рангов), но это давало кратковременный эффект и в конечном счете приводило лишь

к удорожанию кредита ввиду риска, связанного с его предоставлением.

Распадение Японии на ряд удельных княжеств не остановило процесса экономического усиления торгово-ростовщической буржуазии. Напротив, владетельные князья (даймё), которые вели нескончаемые войны, постоянно нуждались в деньгах и были заинтересованы в помощи богатых купцов. Эта помощь носила разнообразный характер: простой денежной ссуды, предоставления товаров в кредит и, наконец, откупа. Откупные операции, получившие особенно большое распространение именно в провинциях, являлись источником колоссального обогащения для купцов-откупщиков. Вместе с тем они способствовали известному политическому сближению верхушки торговой буржуазии с самурайским классом, поскольку откупщики брали на себя выполнение значительной части функций феодалов по выколачиванию прибавочно-го продукта и эксплуатации крестьянства.

Несмотря на глубокое внедрение торгово-ростовщического капитала в поры феодального общества, самурайство, однако, ревниво охраняло свою монополию на политическую власть. Купцы, ремесленники и крестьяне были лишены каких бы то ни было политических прав. Вплоть до начала XVI столетия городское население находилось в полной зависимости от произвола феодальных властителей. Предоставляя кредит феодальным господам, города пользовались их защитой, но это не мешало иногда тем же феодалам жестоко грабить горожан и накладывать тяжелые поборы на богатых купцов.

Крупными ростовщическими операциями занимались также и монастыри. Влиятельную прослойку господствующего класса феодалов представляло многочисленное, главным образом буддийское, духовенство. Буддийская церковная иерархия едва ли ни в наиболее чистом виде воспроизводила феодальную иерархию, являясь одной из ее разновидностей.

Формально духовенство не принадлежало к привилегированному сословию самураев. Практически духовные феодалы мало чем отличались от светских. Они также эксплуатировали крестьян, вели войны, накапливали богатства, «округляли» свою территорию.

К началу XVI столетия из общего количества населения Японии, составлявшего приблизительно 20 млн. человек, около 10%, т. е. два миллиона человек, приходилось на самурайство всех категорий, включая духовенство. Национальный доход Японии условно исчислялся в 11 млн. коку риса¹. Не менее 60% этой суммы, т. е. стоимость 6,5 млн. коку, попадало в руки самураев и так или иначе растрчивалось ими. Стоимость оставшихся 4,5 млн. коку риса приходилась на долю всего остального населения — крестьянства и горожан (купцов и ремесленников). Следует, разумеется, при этом

учесть, что часть горожан (богатые купцы) захватывала себе львиную долю. При всей условности и относительности этих подсчетов видно все же, что средняя доля годового дохода, падающего на одного самурая, почти в 15 раз превышала среднюю долю годового дохода недворянина.

Необходимо, однако, иметь в виду, что эти условные средние цифры не дают действительной картины, и прежде всего потому, что самурайство никогда не представляло собой однородной массы. Имущественная дифференциация господствующего класса как раз к началу периода феодальной раздробленности Японии, т. е. к XV в., достигла исключительных размеров. Если даймё, буддийский епископат, настоятели крупных монастырей и другие представители феодальной верхушки утопали в роскоши, то большинство рядовых воинов влачили жалкое существование. Чаще всего им приходилось довольствоваться весьма ограниченной долей военного грабежа. Даже наиболее состоятельные прослойки самураев, включая гокэнин, не имели достаточного источника постоянного дохода и нередко попадали в лапы ростовщиков. Непрочное материальное положение низших звеньев самурайства объясняет тот факт, что рядовые самураи — дружинники — оказывались иногда участниками антифеодальных в своей основе крестьянских восстаний. Чаще всего это происходило в тех случаях, когда выступления крестьян были направлены против крупного купечества и ростовщиков. Не следует забывать при этом, что простые воины-пехотинцы (асигару) в силу своего происхождения нередко сохраняли связь с крестьянством.

Значительные изменения во внутренней структуре японского феодализма произошли в XVI столетии. К концу XV в. Япония фактически перестала быть единым государством. На ее территории существовало от восьми до десяти (число менялось в результате междоусобных войн) самостоятельных княжеств. Первые европейцы, прибывшие в Японию в середине XVI столетия, именовали их даже «королевствами». Однако уже во второй половине XVI столетия начинается объединительный процесс, который завершается к началу XVII в. воссоединением самурайской Японии в единое государство, сохраняющее, правда, ряд элементов феодальной раздробленности. Этот процесс тесно связан с деятельностью трех феодальных полководцев — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Иеясу Токугава*. В ожесточенной борьбе с владетельными князьями эти трое завоевателей, сменяя друг друга, последовательно утверждали свое личное военно-политическое господство, логическим завершением чего явилось установление третьего и последнего сёгуната — токугавской династии.

* Все японские имена даны в европейском написании: сначала имя, потом — фамилия.— *Прим. ред.*

3. УТВЕРЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНОЙ ДИКТАТУРЫ

В XIV и особенно в XV столетиях междоусобные войны феодалов разрушающим образом повлияли на развитие производительных сил. В то же время острая классовая борьба крестьянства серьезно расшатала систему феодальных отношений. Прежняя стабильность феодальных порядков была подорвана. Материальное положение большинства самураев резко ухудшилось. Развитие товарно-денежных отношений и усиление торгово-ростовщической буржуазии еще более отрицательно влияли на общее состояние феодального хозяйства. Дифференциация внутри самурайского класса приняла угрожающие для него размеры. Возникла пропасть между интересами владетельных князей и их ближайшего окружения, утопавших в роскоши, с одной стороны, и интересами разорившихся средних и мелких феодалов — с другой. Масса рядовых самураев-дружинников целиком зависела от воли и богатства крупных феодальных магнатов.

Выше уже отмечалось, что рядовые самураи нередко возмущались той близостью, которая устанавливалась между владетельными князьями и крупной торговой буржуазией, финансировавшей даймё и за это получавшей разного рода привилегии, позволявшие разорять не только крестьян, но и должников-самураев. Какими бы мотивами ни руководствовался Нобунага, а за ним Хидэёси, предпринимая свои походы против владетельных князей с тем, чтобы лишить их самостоятельности и подчинить своему контролю, их действия встречали сочувствие значительной части, если не большинства, господствующего класса. Средние и мелкие феодалы надеялись, что обуздание и ослабление даймё, сконцентрировавших в своих руках огромные земли, будут способствовать укреплению и восстановлению устойчивости средних и небольших феодальных поместий. Рядовое самурайство прельщала перспектива приобретения собственных наделов за счет земель, отнятых у побежденных князей. Наконец, почти весь самурайский класс, за исключением владетельных даймё, ощущал потребность в воссоздании сильной центральной власти, которая была бы способна совладать с крестьянскими восстаниями, не прекращавшимися в стране.

Налицо был кризис феодального режима, преодолеть который могла консолидация господствующего класса, ликвидация феодальной раздробленности. Феодальные полководцы Нобунага, Хидэёси и Токугава сравнительно легко побеждали японских «королей» и быстро закрепляли результаты своих побед.

В истории Японии XVI век знаменует собой начало превращения страны в относительно централизованное феодаль-

ное государство, которое, несмотря на свою отсталость и значительную оторванность от западного мира, испытывало на себе воздействие процесса появления новых, капиталистических отношений.

До середины XVI столетия регулярные внешние сношения Японии ограничивались странами Восточной Азии, главным образом Кореей и Китаем. В длинной цепи великих и малых географических открытий, совершенных в XVI в., занимает свое место и «открытие» португальцами Японии. Португалия была одним из наиболее активных западноевропейских колониальных государств. На рубеже XVI в., в 1498 г., португальцы проникли в Индию. В 1542 г., застигнутые штормом, португальские моряки высадились на о-ве Тангасима (у южной оконечности одного из четырех главных островов Японии — Кюсю).

Португальцы встретили хороший прием со стороны местных японских феодалов. Пришельцы с самого начала заинтересовали самураев привезенным из Европы огнестрельным оружием — аркебузами. Предприимчивые португальцы немедленно приступили к обмену оружия на золото. Японцы быстро усвоили нехитрый способ применения аркебузов; слава об этом оружии стала распространяться по всей стране. Японцы стали называть аркебузы «тангасима» — по имени островка, где они впервые познакомились с ними.

По возвращении домой португальцы не преминули завязать постоянный контакт с вновь открытой страной. Они находили весьма выгодным ввозить в Японию оружие в обмен на золото. Уже спустя шесть месяцев Японии было продано свыше 600 аркебузов.

Южные феодалы, приобретавшие огнестрельное оружие, вскоре осознали, что обладание им таит в себе возможности расширения собственного могущества.

На протяжении почти 50 лет португальцы фактически монополизировали внешнюю торговлю с Японией.

Лишь через 40—50 лет после португальцев в Японию стали наведываться и испанские купцы, которые базировались на Филиппинах. Наконец, в самом конце XVI столетия в Японию стали прибывать коммерсанты из Голландии и Англии.

Почти до 1592 г., пока португальцы оставались монополистами, оружие являлось основной статьей японского импорта. Торговые операции приносили португальцам немалые барыши. В Японии разница между стоимостью золота и серебра была почти незаметной, в то время как в Испании и Португалии золото ценилось гораздо дороже. Это давало возможность иностранным купцам скупать золото в Японии по выгодному курсу.

Однако португальцы не довольствовались одной лишь коммерческой деятельностью. Почти на каждом португальском

корабле, прибывавшем в Японию, находились миссионеры, главным образом иезуиты, которые спешили установить дружеские отношения с японскими феодалами.

Установление первых контактов Японии с европейскими государствами совпало по времени с объединительным процессом в стране, оказав на него определенное влияние. Вторая половина XVI столетия прошла под знаком «объединительных» походов Нобунага и Хидэёси, ставивших своей задачей обуздать наиболее сильных владетельных феодалов и установить свою диктатуру.

Одной из важнейших предпосылок успехов завоевательной политики Ода Нобунага явилось применение им огнестрельного оружия (танэгасима), позволившего изменить характер ведения войны. Ода Нобунага первый в Японии учел необходимость применять новую тактику, соответствующую огнестрельному оружию. Наряду с тяжеловооруженными конными самураями Нобунага стал использовать легкую пехоту (асигару), составленную из крестьян, обученных владеть ружьями. В этом был ключ к победам, которые Ода одерживал над феодальными князьями, обладавшими более многочисленными войсками и имевшими значительно более богатые ресурсы.

Нуждаясь в огнестрельном оружии, Ода Нобунага уделял особое внимание эксплуатации золотых и серебряных рудников, дававших ему необходимые средства для закупки оружия и пороха у португальцев.

Будучи кумиром самурайства, Ода Нобунага отличался крайней жестокостью. Он отдавал приказания закапывать людей живыми в землю, отпиливать деревянной пилой головы, бросать живьем в кипящее масло.

Ода Нобунага не успел завершить объединение Японии. Ему удалось подчинить себе 30 провинций из 66. Во время подготовки к борьбе с наиболее опасным из своих противников — князем Мори, которого поддерживали буддийские монастыри, — Ода Нобунага пал жертвой предательства со стороны одного из ближайших своих сподвижников: в 1582 г. он был убит в храме Хоннодзи.

Его преемником оказался Тоётоми Хидэёси. Хидэёси родился в 1536 г. и воспитывался в семье рядового воина. Этот простой солдат, отличавшийся редким физическим безобразием (японцы называли его обезьяноподобным), стал грозой японских князей, полновластным владетелем страны, автором авантюристического плана покорения Кореи и Китая.

Несмотря на свое крестьянское происхождение, Хидэёси полностью воспринял феодальную традицию. Он окружал себя вассалами, требовал от самураев беспрекословного подчинения. Иностранные послы поражались пышности церемониала и роскоши приемов у Хидэёси. Никому и в голову не

приходило, что помимо Хидэёси в Японии имеется еще какое-то лицо, хотя бы номинально облеченное более высокой властью, — микадо (император) в Киото. Тем не менее Хидэёси пришлось провести целый ряд походов, прежде чем все феодальные магнаты страны признали его первенство.

На первом этапе диктатуры Хидэёси деятельность христианских миссионеров продолжалась беспрепятственно, но она была уже объектом самого неусыпного наблюдения со стороны агентов диктатора. Используя буддийскую церковь, Хидэёси стремился извлечь всю возможную пользу и из христиан. Еще до развертывания похода на Кюсю, состоявшегося в 1587 г., Хидэёси принимал в своем осакском замке христианскую миссию в Японии во главе с патером Коэлхо, прибывшим с чрезвычайными полномочиями от вице-короля Португальской Индии. Разыгрывая полное доверие к своим собеседникам, очевидно с тем, чтобы вызвать их на ответную откровенность, Хидэёси сказал, что он хочет наказать одного из князей Южной Японии и по-новому распределить владения на о-ве Кюсю. При этом он говорил, что «интересы христианской церкви будут полностью учтены». Хидэёси стал посвящать Коэлхо в свои самые сокровенные планы. Он сообщил, что готовится к великому походу с целью завоевания Кореи и Китая. Для этого похода ему нужно две тысячи кораблей, на которых он смог бы переправить свои войска на материк. Хидэёси просил своих собеседников снабдить его двумя хорошо оснащенными европейскими кораблями, чтобы помочь ему осуществить свои замыслы. По-видимому, он хотел по образцу этих европейских судов строить свои собственные корабли. Заметив явное изумление слушателей, Хидэёси продолжал в том же духе. Он обещал повышенную плату португальским морякам, которые пошли бы к нему на службу. «Китайцы, — заявил он, — должны будут подчиниться, ибо нет силы, способной противостоять силе Хидэёси. Я заставлю Китай принять христианство, построить церкви и соблюдать ваши законы. Я отдам крестившимся князьям половину завоеванных мной земель».

По прошествии весьма короткого времени Хидэёси обрушил целый ряд репрессий на головы католических миссионеров, обвинив их в целом ряде действительных и вымышленных преступлений. Обещания, дававшиеся Коэлхо и его спутникам, были чистейшим обманом.

4. АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ КОРЕН

Авантюризм Хидэёси получил свое наиболее яркое выражение в предпринятой им в самом конце XVI столетия попытке завоевания Кореи.

Корейский поход Хидэёси представлял собой крупную агрессивную войну, затеянную японским самурайством. Еще в первой половине XVI в. из Японии неоднократно снаряжались пиратские экспедиции к берегам Азиатского материка. В 1523 г. японцы напали на Нинпо (пров. Чжэцзянь) в Китае. Город был разграблен японскими пиратами. В 1552 г. банда японских ронинов осадила даже Нанкин и потребовала выкуп за снятие осады. Японские пираты совершали набеги и на районы Южного Китая, на Филиппины и в Индокитай. В 1579 г. один из королей Сиам принял к себе на службу группу японских самураев, составивших его личную охрану. Впоследствии этот отряд организовал мятеж и ограбление сиамской столицы.

В течение длительного времени Хидэёси вынашивал свои захватнические планы. Он широко прибегал к использованию шпионов, отправлявшихся в Корею и в Китай под видом торговцев или монахов. Несмотря на враждебное отношение к европейцам — христианским миссионерам, которых Хидэёси не без основания подозревал в политических интригах, он использовал в своих целях получаемые от них ценные сведения относительно Китая. Посредниками в данном случае служили богатые купцы в городах Сакаи, Хаката, Карацу, которые постоянно вели дела с иностранцами.

Хидэёси рассматривал подготовлявшийся им поход на Корею как первый этап обширных завоеваний, ставивших целью покорение Китая. Японский диктатор проектировал создание огромного государства, центр которого находился бы не в Японии, а в Китае.

Серьезным препятствием на пути к реализации завоевательных планов была слабость и малочисленность японского флота. Даймё строили суда, приспособленные преимущественно для каботажного плавания. Хидэёси приказал приступить к сооружению 2000 больших военных кораблей, которые могли бы направиться к берегам Китая и затем на Филиппины. Однако постройка судов шла медленно. Кроме того, за исключением ограниченного количества опытных моряков, принимавших участие в пиратских экспедициях, японские феодалы не располагали ни корабельными мастерами, ни капитанами. Убедившись в том, что строительство крупного флота затягивается, Хидэёси заставил даймё собрать самураев, необходимое количество лошадей, запасы продовольствия и мобилизовал минимум легких кораблей, нужных для переброски войск в Корею.

В 1591 г. Хидэёси высадился на побережье Кореи во главе большой армии — численностью 140 тыс. человек. Разделив войска на две большие колонны, феодальный диктатор быстро оттеснил слабый заслон корейских войск и двинулся на северо-запад. Воспользовавшись нерешительностью корей-

ских феодальных военачальников, самураи помешали им сконцентрировать войска и в первые же месяцы нанесли противнику ряд поражений. Корея, находившаяся в вассальной зависимости от Китая, обратилась к нему за помощью. Однако император минской династии не торопился послать достаточно сильную армию на выручку корейцам. Китайские феодалы повторили ошибку корейских и выставили лишь сравнительно небольшие, численно уступавшие японцам отряды. Хидэёси нанес поражение и объединенным корейско-китайским войскам.

Оккупировав значительную часть территории Кореи, самураи, однако, не достигли своей цели, поскольку главные силы противника оставались нетронутыми, а в стране постепенно развертывалась патриотическая народная война против захватчиков. Несмотря на свои организационные таланты, Хидэёси не смог преодолеть огромные трудности, выставлявшие перед его армией по мере ее углубления на территорию Кореи. Японцам постоянно угрожал разрыв коммуникаций в обстановке враждебности местного населения и при недостаточности продовольственных и иных запасов. Хидэёси сначала добивался, чтобы основные материальные тяготы войны легли на плечи его потенциальных противников. К этой категории он относил и многих богатых даймё, привлеченных к участию в походе. Хидэёси заранее составил детальный план-разверстку, предусматривавший не только количество воинов и средств передвижения, которые должны были выставить те или иные даймё, но и определенные денежные суммы, необходимые для похода. Главную ударную силу японских войск, направленных в Корею, составляли самураи юго-западных княжеств, внушавших Хидэёси наибольшие опасения. Своих непосредственных вассалов он боялся удалять далеко за пределы Японии. Не будучи уверен в прочности своих позиций на родине, Хидэёси постоянно с тревогой оглядывался назад; не доверяя князьям, он искусственно возбуждал между ними вражду, надеясь, что они растратят свои силы и средства в тяжелом походе. Между тем среди самураев нарастало недовольство в связи с затянувшейся войной. Больше половины самурайского воинства было занято трудноразрешимой задачей охраны путей, связывавших их с побережьем, и поисками продовольствия. Положение еще более осложнилось после того, как выдающийся корейский флотоводец Ли Сун Син уничтожил японский флот.

Чисто грабительский характер вторжения самураев в Корею, их жестокость по отношению к местному населению вызвали всеобщую ненависть к захватчикам. Разгоравшаяся народная война корейцев против японских самураев, гибель флота, продовольственные затруднения, вспыхнувшие эпидемии заставили Хидэёси согласиться на переговоры о мире,

предложенные корейскими и китайскими феодалами. Однако японский диктатор никак не хотел признать крушения своих обширных завоевательных планов. Хотя было вполне очевидно, что японские самураи, не обладая ни морским флотом, ни сильной конницей, не могут и мечтать о «покорении» Кореи или тем более Китая, Хидэёси пытался еще разыгрывать роль победителя, диктующего свои условия побежденным. Несомненно, значительную роль в этом играло его стремление поддержать свой пошатнувшийся престиж среди даймё. Хидэёси домогался присоединения к Японии южной половины территории Кореи и установления японского протектората над остальной частью страны («введения способной японской администрации во главе с наместником»). Агрессивные японские притязания были решительно отвергнуты, и военные действия возобновились. Еще до разрыва мирных переговоров Хидэёси покинул свои войска и вернулся в Японию, обеспокоенный вестями о брожении среди оставшихся там князей. Жестокими мерами он разгромил оппозицию части феодалов, не остановившись перед казнью своего племянника, оставленного им в качестве наместника во время похода.

Отъезд Хидэёси усилил разброд среди японских феодальных военачальников. Возобновившиеся военные действия протекали неблагоприятно для агрессора. Китайские и корейские войска нанесли ряд чувствительных поражений японцам. В Северной Корее в боях на р. Ялу одна из японских армий, которой командовал Кониси, была почти полностью уничтожена. Самураи начали в беспорядке отступать, покинули столицу Кореи Сеул и отошли к побережью. Несмотря на очевидную неудачу военной авантюры, Хидэёси направил в Корею свежие военные подкрепления. Железной рукой диктатор заставлял даймё вновь и вновь посылать вассалов, снаряжение и продовольствие в Корею. Сам Хидэёси развернул лихорадочную активность по подготовке нового похода на материк, который он лично намеревался возглавить. Однако в самый разгар этих приготовлений диктатор заболел и в сентябре 1598 г. умер.

Самураи потерпели полное поражение. Семилетняя агрессивная война, поглотившая массу сил и средств, обескровившая японское самурайство, закончилась бесславно и безрезультатно. Остатки японских войск поспешно вернулись на острова.

5. СЕГУНАТ ТОКУГАВА

Неудача корейского похода, предпринятого Хидэёси, произвела огромное впечатление по всей стране, серьезно подорвав военный и политический престиж самурайства. Преем-

ник Хидэёси, крупнейший феодал Иеясу Токугава, поспешил заключить мир и обратил все свое внимание на вопросы внутренней политики, в частности на поддержание порядка среди привилегированного сословия и на строжайшую регламентацию всех сторон жизни других сословий.

Провал военной авантюры Хидэёси содействовал распространению в феодальных верхах Японии идеи о том, что следует максимально избегать опасного контакта с внешним миром и воздерживаться от активной внешней политики.

Ставшая очевидной военная слабость феодальной Японии усилила вместе с тем опасения, что страна может оказаться объектом вооруженного вторжения со стороны европейских держав, продолжавших вести политику колониальных завоеваний и проявлявших повышенный интерес к Японии.

Неудача завоевательной политики Хидэёси произвела настолько большое впечатление на японских феодальных правителей, что от самонадеянных мечтаний о создании континентальной империи они перешли к паническому страху перед возможным иностранным нашествием.

Сёгуну Токугава боялись, что часть даймё воспользуется появлением европейских военных кораблей для того, чтобы отделиться и вступить в самостоятельные переговоры с чужеземцами.

При этом наибольшую подозрительность вызывали князья-христиане.

Феодальная верхушка опасалась также возможных последствий военной дискредитации самурайства в случае европейского вторжения. Такая дискредитация была вполне вероятной, и она могла повлечь за собой взрыв крестьянских выступлений против самураев, новый подъем антифеодальной борьбы в самых широких масштабах.

Сёгунат Токугава провел ряд предупредительных мер, направленных против распространения христианства. Европейские миссионеры подвергались строгим репрессиям. Был установлен контроль над внешнеторговыми операциями южных даймё. Под наблюдением токугавских чиновников была осуществлена «дехристианизация» южных провинций. Христианство было объявлено «злоучием», безнравственным и опасным. Крестившиеся самураи, воспринимавшие преимущественно внешнюю обрядовую сторону католицизма, как правило, легко расставались с христианством, как только оно перестало быть дозволенной религией. Иначе обстояло дело с крестившимися крестьянами, которые нередко видели в новой религии путь к освобождению от жизненных тягот и приписывали отдельным христианским догмам объективно революционное, антифеодальное содержание. «Дехристианизация» была встречена враждебно крестьянами южных провинций. Разразившееся в 1637 г. восстание в Симабара напугало

феодалов тем, что крестьянство оказалось вполне способно вести упорную вооруженную борьбу.

Интриги испанских и португальских миссионеров, ненадежность части феодалов, угроза нападения европейских колониальных держав, антифеодалная борьба крестьянства — все это ускорило искусственную изоляцию Японии от внешнего мира. Идея «закрытия страны», положенная в основу политического курса третьего сёгуната, по существу, означала признание собственной слабости японскими феодальными верхами. Токугава в отличие от своих предшественников отказался от каких-либо новшеств в деле укрепления феодальных порядков. Главную свою задачу третий сёгунат видел в том, чтобы законсервировать сложившийся в Японии к началу XVII в. политический и общественный строй.

Естественно, что первостепенное внимание уделялось организации господствующего класса — самурайства. Сословное деление, узаконенное Хидэёси, осталось в силе, с той лишь разницей, что сословие горожан (тёмин) было подразделено на две самостоятельные категории — купцов и ремесленников. Сословие самураев формально было единым. Однако имущественные различия между отдельными прослойками внутри господствующего класса получили четкое отражение в многоуровневой феодальной иерархии.

На вершине феодальной лестницы находился сёгун, являвшийся вместе с тем богатейшим и сильнейшим в военном отношении владетельным феодальным князем. По приблизительным подсчетам, сёгуну принадлежало свыше одной трети территории страны с соответствующей долей национального дохода. Земельные владения Токугава были разбросаны по различным провинциям, но в восточной части страны (Канто) они составляли компактную массу. Кроме столицы, перенесенной из Киото в Эдо (современный город Токио) и ставшей постоянной резиденцией сёгуна, на подвластной ему непосредственно территории находилось полтора десятка сравнительно крупных городов. Все владетельные князья (даймё) номинально считались вассалами сёгуна. В действительности они подразделялись на три категории: 1) синхан, т. е. прямых родственников сёгуна, пользовавшихся его наибольшим доверием и окруженных соответственным почетом; 2) фудай, т. е. князей, действительно находившихся в вассальных отношениях с династией Токугава, оказывавших сёгуну поддержку и пользовавшихся его доверием, и 3) тодзама, т. е. князей, принадлежавших к тем группировкам феодалов, которые в свое время противодействовали установлению диктатуры Токугава, его потенциальных противников, внешне изъявивших свою покорность сёгуну, но постоянно находившихся у него на подозрении.

Даймё значительно отличались друг от друга по степени

своего богатства. Наиболее богатыми даймё (после Токугава) были родители сёгуна — синхан — и большинство тодзама. Доход князей, условно выраженный в коку риса (приблизительный валовой доход княжества), колебался от 10 000 коку риса в год до 1 млн. коку. На каждые 100 000 коку риса даймё были обязаны содержать от 2500 до 3000 самураев. Таким образом, наибольшее количество непосредственных вассалов — самураев, которым располагали крупнейшие даймё, доходило до 25—30 тыс. человек.

Самураи, стоявшие на социальной лестнице ниже самой привилегированной феодальной верхушки, в свою очередь подразделялись на несколько категорий.

Непосредственно подчинявшиеся сёгуну самураи — вассалы Токугава — составляли самую избранную часть — хатамото. Их положение во многом соответствовало статусу гокэнин при первом сёгунате. Хатамото играли основную роль в государственном аппарате сёгуната, замещая важные посты, и во многих случаях по степени влияния превосходили некоторых даймё. Показательно, что в «Записках флота капитана Головнина», этого весьма вдумчивого русского морского офицера — наблюдателя токугавской Японии, пленником которой в 1812—1813 гг. он оказался, хатамото (у Головнина «хадамадо») характеризуются как «бояре, дворянство».

Значительная часть хатамото проживала постоянно в столице в качестве личной свиты и охраны сёгуна. Они находились на жалованье и не имели земли. Общее количество хатамото в середине XIX в. составляло 75—80 тыс. человек.

Прочие самураи (не хатамото) являлись вассалами даймё. При этом вассалы родичей сёгуна (синхан) по своему положению до известной степени приближались к хатамото, так как наряду с ними считались опорой токугавского режима.

Вассалы прочих князей подразделялись на старших самураев, как правило получавших от своего сюзерена землю и управлявших определенной частью владений даймё, и на рядовых самураев — простых воинов, большая часть которых не получала земли, а существовала на жалованье — так называемую «рисовую стипендию». Старшие самураи, выполнявшие функции ближайших советников даймё, иногда заменявших их в качестве управителей княжеств, именовались «каро».

Имущественное положение самураев всецело зависело от степени богатства и влияния их непосредственного сюзерена. Так, например, самураи князя Симадзу (пров. Сацума), годовой доход которого превышал 700 000 коку, принадлежали к категории гораздо более обеспеченных, чем самураи сравнительно мелких фудай-даймё, несмотря на то что Симадзу являлся представителем тодзама-даймё. Небогатые даймё

вообще не были в состоянии содержать большое количество самураев: в мелких княжествах самураи не превышали 5% всего населения. Лишь в немногих, наиболее крупных княжествах они составляли около четверти населения.

Княжество находилось в наследственном владении даймё. Однако сёгунат прибегал иногда к экспроприации отдельных князей, обвиненных в каком-либо серьезном преступлении. В случае меньшей вины даймё перемещали с крупного на более мелкое владение. Сёгуны не упускали возможности расширить свои собственные земли или передать часть территории тодзама-даймё в «более надежные» руки. Одним из средств «округления» владений сёгуна было поглощение «выморочного имущества», так как Токугава считался наследником всякого даймё, если у него не было прямого мужского потомства. Перемена владельца княжества обычно отражалась и на судьбе подвассальных самураев. Если княжество присоединялось к владениям сёгуна и переставало существовать как самостоятельная единица, его самураи чаще всего оказывались «лишними людьми». Они не пользовались никаким доверием нового хозяина и чаще всего обращались в ронинов, т. е. теряли связь с княжеством и деклассировались. В свою очередь сами даймё под давлением возраставших расходов нередко оказывались не в состоянии содержать всех своих самураев и сокращали размеры дружины.

Вопреки феодальным традициям и всему воспитанию самураев, приученных с пренебрежением относиться ко всякому труду, не связанному с военным делом, обедневшее самурайство силой обстоятельств было вынуждено искать заработка и идти на поклон к купцам или даже ремесленникам. Деклассированные самураи (ронины) уже в XVIII столетии все в большем количестве устремляются в города, где отчасти пополняют ряды немногочисленной интеллигенции — лекарей, учителей, писцов, отчасти становятся мелкими торговцами или ремесленниками. Далеко не все самураи были достаточно грамотны или способны к быстрому овладению той или иной профессией, чтобы заняться производительным трудом. Поэтому значительная часть оставалась на положении людей, живущих без определенных занятий, зависящих от случайного заработка. Ронины представляли собой своеобразный феодальный люмпен-пролетариат, развращенный паразитическим существованием, легко становившийся на путь вымогательства и грабежа.

Вместе с тем нельзя не учитывать и того, что из среды ронинов, являвшихся живым воплощением распада феодальных отношений, иногда выходили наиболее острые обличители феодальных порядков. Это не было случайностью. Крайне затруднительное материальное положение ронинов, как и значительной части низшего слоя самураев вообще, было не-

намного лучше положения основной массы населения: крестьянства и городского плебса (ремесленников, наемных рабочих, мелких служащих торговых предприятий и т. п.). Постоянно вступая в контакт как с представителями социальных «низов», так и с богатым купечеством, приобретающим все большую силу и проявлявшим в связи с этим возрастающие политические амбиции, ронины во многих случаях оказывались посредниками между буржуазией и феодальным дворянством. Занимая двойственное положение между этими двумя классами, они становились иногда рупором буржуазных элементов, особенно тех, которые сами предпочитали не выступать против феодального строя.

Важным фактором внутреннего разложения японского военного дворянства был его паразитизм. Уже в XVI в. закончился в основном процесс отделения самурайства от земли (в связи с закрепощением крестьянства) и превращения феодального воинства в чисто паразитический класс. Даже те самураи, которые «сидели на земле», т. е. владели ею на ленных основаниях, ограничивались ролью надсмотрщиков за крестьянами, а нередко не выполняли и этой функции. Основной формой присвоения феодалами прибавочного продукта, производимого крестьянами, был оброк. Следовательно, самураи были совершенно оторваны от производственного процесса, который от начала и до конца осуществлялся крестьянами без вмешательства феодальных господ. Официальная токугавская регламентация запрещала самураям заниматься земледелием, ремеслами или торговлей. Если в XVI в. оправданием этого могло служить постоянное привлечение самураев к несению военной службы, то с утверждением токугавской монархии войны прекратились. Единственным постоянным полем деятельности самураев осталось подавление крестьянских восстаний и административная служба у сёгуна или даймё. Но этого было недостаточно, чтобы занять всех самураев, и в частности наиболее многочисленную его часть — низшее самурайство. Последнее превращалось в обширный слой праздных, недостаточно обеспеченных, но вполне полноправных вооруженных дворян, которые были неудовлетворены своим положением, хотя и не всегда способны формулировать причины недовольства.

Как уже указывалось, экономическое ослабление тодзама-даймё приводило к сокращению феодальных дружин последних. По данным проф. Хосокава, количество самураев — васалов даймё (байсин) сократилось в токугавской Японии повсеместно на 30 и даже на 50%. Оставшиеся при князьях самураи получали уменьшенное рисовое содержание.

Среди самураев увеличивалось количество несостоятельных должников. Однако сёгунат не мог часто прибегать к такому сильно действующему средству, как аннулирование

самурайской задолженности. Поэтому, стремясь выпутаться из долгов своими средствами, самураи становились на путь грубого нарушения феодальных законов и традиций. Они продавали или закладывали свои воинские доспехи и оружие, что считалось нарушением законов: владение оружием было монопольной привилегией самурайского сословия и самураи обязаны были носить оружие; несамураям иметь оружие запрещалось под страхом смерти.

В начале XIX столетия законные сделки подобного рода становятся уже обычным явлением. Это свидетельствовало не только о том, что отдельные представители господствующего класса не считались больше с феодальными порядками, но и об общей эволюции социальных отношений.

Деньги властно заявляли о своем могуществе, и против него не могли устоять не только самураи низших степеней, но и привилегированные и высокопоставленные представители класса феодалов. Объектом купли-продажи становится сама принадлежность к сословию самураев. Выходцы из купечества и других слоев «третьего сословия» становились самураями при помощи различных уловок, чаще всего посредством «усыновления» богатых горожан обедневшими самурайскими семьями. Но бывали случаи и прямой продажи самурайского «достоинства». В записках капитана Головнина мы находим следующую характерную запись о могуществе денег в токугавской Японии: «При нас находился несколько времени чиновник, очень молодой человек, сын богатого купца, который, по словам японцев, получил офицерское достоинство не по заслугам, но по проискам отца своего, а сей сделал это помощью денег».

Изменениям в материальном положении самурайства соответствовали и перемены в его идеологии. За все время существования самурайского сословия неоднократно проводилась кодификация норм поведения и внутренней организации класса феодалов. Уже в XIII в., т. е. в начальной стадии господства самураев, появился первый феодальный кодекс — «Дзээй сикимоку» (1232). Содержанием этого документа была регламентация прав и обязанностей представителей администрации сёгуна на местах — сюго и дзито, а также установление различных случаев наследования феодальных владений. Кодекс был доступен только для самураев; «простой народ» в его содержание не посвящался. При втором сёгунате Асикага появился новый феодальный кодекс — «Кэмму сикимоку». Его практическое значение было, однако, невелико, так как в XV в. наступил период «всеобщей узурпации», или период «воюющих государств» (сэнкокудзидай), когда правовые нормы оказались фактически опрокинуты.

Исключительно большое внимание законодательной регламентации феодальной Японии уделяли Нобунага, Хидэеси и

особенно основатель третьего сёгуната — Иеясу Токугава. По его указанию был составлен феодальный кодекс — «Уложение из 100 статей» (о-садамэгаки хяккадзё). Этот токугавский свод законов, состоявший фактически из 103 статей, являлся своеобразной «хартией вольностей» военного дворянства. Кодекс закреплял привилегированное положение самурайского сословия, устанавливая за одинаковые преступления для «простолюдинов» гораздо более суровые меры наказания, чем для самураев. В большей своей части «100 статей» излагали правила судопроизводства, нормы уголовного и полицейского законодательства и представляли собой инструкцию для префектов или наместников сёгуна на местах. Последние обладали большими полномочиями, могли вершить суд и расправу над населением от имени сёгуна, руководствуясь не только законом, но и феодальным обычаем. Обычай же нередко освящал самые дикие проявления самурайского произвола. Примером может служить так называемая «проба меча» (тамэсигири), позволявшая самураю испытать качество нового меча на любом встречном «простолюдине», и если он с одного удара сносил клинком голову этого несчастного, то убийство оставалось безнаказанным.

Если для несамураев феодальные законы предусматривали самые жестокие пытки и казни за определенные виды преступлений, то для дворян высшей мерой наказания было получить категорическое повеление покончить с собой посредством вспарывания живота (сэппуку) ².

В японской феодальной литературе эта форма «искупления» за совершенный проступок (свой собственный, своих близких или своего сюзерена) нашла значительное отражение, подвергнувшись особой «героизации» как одно из проявлений самурайской доблести соответствующих бусидо — кодексу поведения «идеальных» самураев.

Бусидо означает буквально «путь воина», причем термин «путь» следует понимать соответственно классической китайской традиции как «добродетель», «мораль». Таким образом, бусидо следует переводить «самурайская добродетель». Средневековая Япония не оставила единого литературного памятника, где были бы изложены принципы бусидо. Но они разбросаны во многих литературных источниках, получили достаточно отчетливое выражение в легендах прошлого (верность вассала своему сюзерену, презрение к смерти и т. п.).

Нет сомнения в том, что при всей самобытности японской феодальной идеологии в ее формировании немалую роль сыграли сильные внешние влияния, в особенности приходившие из Китая.

Быстрое распространение буддизма — и в меньшей степени конфуцианства — имело тем больший успех, что буддизм

в основном являлся продуктом более развитых, чем в Японии, феодальных отношений. Собственно японская религия — синто, — отражавшая сравнительно примитивное мировоззрение, соответствовавшее патриархально-родовому строю, не могла противостоять буддизму. Кроме того, буддийская церковь настоятельно срослась с феодальными отношениями и приспособилась к ним, что во многом представляла как бы их слепок.

Следует учитывать, разумеется, что буддизм никогда не представлял собой единообразной системы верований, а расщеплялся на ряд более или менее самостоятельных школ с особой обрядностью и особыми религиозно-этическими нормами. В Японии, в частности, формой буддизма, наиболее отвечающей потребностям и привычкам господствующего класса феодалов — самурайства, была секта дзэн. Как известно, ортодоксальный буддизм (как и христианство) категорически запрещает убийство. Японские феодалы, охотно принимавшие буддизм, естественно, не могли и не хотели ни изменить свою социальную природу, ни отказаться от своих прежних жестоких обычаев. Но они оказались вынуждены уделять известное внимание различным видам «искупления» своего жизненного пути, на котором убийства как бы носили характер «профессионально-бытовой» необходимости. Формами такого «искупления» были щедрые пожертвования храмам и монастырям, а в отдельных случаях и пострижение в монахи. Это в немалой степени способствовало увеличению доходов буддийского духовенства и укреплению его политического и идеологического влияния.

Выполнение различных обрядностей буддийского культа нередко сопровождалось в Японии одновременным поклонением и старым синтоистским богам. Самурайство, отдавая дань буддизму, охотно чтило также старые привычные божества, гораздо менее взыскательные по части запрета кровопролития, мясоедения и т. п., особенно бога войны Хатимана. Неоднократно предпринимались попытки официально объединить буддизм и синтоизм в одну общую религиозную систему, достаточно удобную для японского феодального обихода.

Сёгунат активно содействовал распространению конфуцианства — учения о моральном совершенствовании путем строжайших соблюдениях незыблемых законов семьи, общества и государства. Конфуцианство поощрялось прежде всего за то, что главной добродетелью считало «послушание государю». Самурайский моральный кодекс бусидо ввел больше всего заимствований именно из арсенала конфуцианских понятий о долге.

6. КРИЗИС ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ И ПОЛОЖЕНИЕ САМУРАЙСТВА

Процесс разложения феодального класса и деклассирования самурайства усиливался и к середине XIX столетия достиг исключительной остроты. Происходило повсеместное приспособление военного дворянства к изменяющейся экономической обстановке. В японской деревне рос новый, весьма своеобразный социальный слой — госи (букв. «деревенские самураи»). Юридически госи относились к господствующему сословию военного дворянства. Вместе с тем они не только проживали в деревнях, но и вели самостоятельное хозяйство — наряду с крестьянами. Проф. Цутия характеризует госи следующим образом: «Госи занимали переходное положение между байсин (т. е. самураями, подвассальными князьями) и ронинами. Они объединяли в себе специфические черты самураев и крестьян»³. Таким образом, в отличие от ронинов госи обладали сравнительно устойчивым экономическим положением, занимаясь земледелием. Но в то же время их сближала с ронинами оторванность от дружины даймё, фактическое прекращение вассальных обязанностей. Земельные участки, которыми владели госи, по существу, потеряли характер ленов, хотя первоначально они, наподобие ленных владений, выделялись князьями за счет сокращения крестьянских земель тем самураям, прокормить которых даймё уже были не в состоянии. Земельные участки госи были крупнее крестьянских. Это открывало возможность сдачи части земли в аренду соседним крестьянам, страдавшим от малоземелья. В большинстве случаев госи, сохранявшие самурайские привилегии, эксплуатировали крестьян, устанавливая различные формы их зависимости. Это облегчалось тем обстоятельством, что податной единицей считалась деревня в целом, а не отдельный крестьянский двор и, следовательно, госи имели возможность прибирать к рукам своих бесправных односельчан, присваивая себе обязанности блюстителей порядка в деревне, наблюдающих за своевременным взносом оброка князю.

Госи становились как бы оплотом феодальных порядков внутри японской деревни и постепенно, в меру своего обогащения, превращались в мелких или даже в средних землевладельцев. Это достигалось прежде всего тем, что большое развитие получили арендные операции. Крестьяне, арендовавшие часто земли у госи, во многих случаях оказывались неплатными должниками, и тогда их собственные наделы переходили в руки «деревенских самураев», «округлявших» таким путем свои владения. В дальнейшем госи сами скупали землю.

Для значительной части госи была характерна тенденция совместить занятие сельским хозяйством с торговлей и

ростовщицеством. Проф. Хаттори упоминает в своей работе «Революция и контрреволюция в перевороте Мэйдзи» о двух госи, которые в больших масштабах занимались винокурением⁴. Совмещая легальные сделки с нелегальными (такими, например, как скупка земли), госи становились особой разновидностью мелких феодальных помещиков, как бы перебрасывая мост от прежних изживших себя форм эксплуатации крестьянства классом феодалов к новым, более гибким формам эксплуатации.

К середине XIX столетия госи представляли собой уже количественно значительный и обладавший реальным экономическим, а отчасти и политическим влиянием слой самураев. Количество байсин, владевших землей с крестьянами на ленных основаниях, было крайне невелико: не более $\frac{1}{7}$ их общего числа. Подавляющее большинство байсин существовало, таким образом, на рисовый паек, получаемый от даймё, и было отдалено от крестьянства. Госи, напротив, находились в непосредственной близости от крестьян и оказывали на них сильнейшее воздействие. В некоторых случаях госи оказывались прямо заинтересованы в том, чтобы ослабить эксплуатацию «своей» деревни со стороны даймё или администрации сёгуна (если речь шла о территории, непосредственно подвластной Токугава). Госи были заинтересованы также в том, чтобы обойти многочисленные регламентации, установленные сёгуном и препятствовавшие свободе предпринимательской деятельности.

Требование свободного выбора сельскохозяйственных культур, нередко выдвигавшееся крестьянами, полностью поддерживалось и госи. Поэтому участниками антифеодальных в своей основе крестьянских восстаний в конце токугавского режима иногда являлись и «деревенские самураи». Этому способствовал также интенсивный процесс дифференциации крестьянства.

Развитие товарно-денежных отношений привело к серьезным внутренним изменениям в японской деревне. Несмотря на все усилия токугавского правительства сохранить неизменным установленный феодалами в конце XVI — начале XVII столетия порядок, крестьянство расслаивалось. Оброчная форма ренты в немалой степени этому содействовала, оставляя в руках наиболее богатых крестьян минимальные оборотные средства, позволявшие эксплуатировать бедноту. Богатые крестьяне (гоно) обычно избирались сельскими старостами и вообще выделялись из общей массы крестьянства. В то же время они были неотъемлемой частью класса крестьян и разделяли антифеодальные настроения крестьянской массы, а во многих случаях даже выступали в качестве авторитетных вожakov антифеодальных движений.

Подобно «деревенским самураям», гоно также постоянно

прибегали к различного рода нелегальным операциям, добиваясь расширения возможностей своего обогащения. Гоно занимались ростовщичеством, скупкой земли (под видом заклада, дарения, наследования и т. п.). Многие гоно были торговцами или принимали на себя функции посредников между купцами и крестьянами.

Госи и гоно, образуя вместе социальную верхушку токугавской деревни, различались между собой по своему классовому происхождению и являлись соперниками в борьбе за влияние на крестьянство. Однако не только гоно, но и госи логикой экономического развития превращались в противников токугавского режима, ставившего серьезные рогатки на пути их предпринимательской деятельности. В условиях углублявшегося кризиса феодальной экономики госи все больше отрывались от самурайского класса, что приводило к постепенному стиранию первоначально весьма резких граней между ними и гоно. При дешевизне «самурайского достоинства» в XIX столетии гоно нередко приобретали самурайское звание точно в таком же порядке, в каком богатые купеческие сыновья в городах покупали принадлежавшее самураям право носить два меча. Естественно, что это приводило к фактическому слиянию гоно и госи в одну общую социальную группу.

Превращаясь в помещиков, госи воспроизводили в слегка видоизмененной форме феодальную эксплуатацию крестьян, арендовавших землю и уплачивавших за это до 70% собранного урожая. Но точно такие же кабальные условия аренды практиковали и гоно. Таким образом, гоно — этот самый ранний прообраз японского кулака — по методам эксплуатации совпадал с госи — прадедом японского помещика.

Если «деревенские самураи», принимая иногда участие в крестьянских антифеодальных выступлениях, преследовали при этом собственные ограниченные цели, то те ронины, пополнявшие ряды интеллигенции, которые включались в антифеодальную борьбу городского плебса, служили, хотя и бессознательно, уже другому, новому классу — буржуазии. Последняя в борьбе против феодальных порядков выдвигала более определенные политические лозунги, чем те, под которыми шли значительно более мощные по масштабам восстания крестьянства.

Тот факт, что к этим политически заостренным антифеодальным выступлениям горожан нередко примыкали представители самурайства, свидетельствует о глубине разложения господствующего класса. Разумеется, речь идет о низших звеньях самурайства, о рядовых самураях.

Буржуазное по своим конечным целям движение народных низов против Токугава обращалось зачастую против крупных представителей торговой буржуазии. И именно среди участ-

ников таких выступлений особенно часто встречались ронины и представители низкорангового самурайства.

Говоря об отдельных прослойках внутри господствующего класса, необходимо прежде всего учитывать принадлежность самураев к тому или иному княжеству. Самураи привилегированных княжеств, находившихся в руках синхан и некоторых фудай (наиболее богатых), так же как хатамото и гокэнин, т. е. непосредственные вассалы Токугава, в меньшей степени подвергались социальному «размыванию», чем байсин. В основной массе эта часть самураев материально была лучше обеспечена и поддерживала режим сёгуната. Следует отметить, что основные владения Токугава и синхан-даймё были расположены на северо-востоке страны, где процесс разложения феодальных отношений и зарождения новых, капиталистических порядков протекал более замедленными темпами, чем на юго-западе и на юге Японии. Именно на юго-западе и на юге были расположены многие крупные города и порты Японии, и вплоть до «закрытия страны», т. е. до начала XVII столетия, этот район был вовлечен в сферу наиболее интенсивных внешнеторговых связей. Отсюда снаряжались и всевозможные пиратские экспедиции за море. Наконец, эта часть страны в XVI в. была первым местопребыванием европейцев и плацдармом для подготовки и развертывания самурайской агрессии против Кореи. Все эти обстоятельства способствовали более быстрому зарождению капиталистических отношений на юге. Не случайно поэтому самураи — выходцы из южных и юго-западных княжеств (почти целиком принадлежавших тодзама-даймё) значительно чаще, чем выходцы из Канто, становились рупором чуждых феодалам буржуазных настроений. Вместе с тем нельзя не учитывать и чисто феодальных мотивов постоянно нараставшей оппозиции даймё южных провинций по отношению к сёгунату Токугава. Отдаленность южных княжеств от столицы Эдо усиливала их сепаратистские тенденции, а, с другой стороны, богатство южных даймё, исторические корни их оппозиции Токугава вызывали крайне настороженное, а большей частью и прямо враждебное отношение к ним со стороны сёгуната.

Если говорить об экономическом положении так называемых низкоранговых самураев в целом, то несомненно, оно не было достаточно обеспеченным ни у вассалов южных и юго-западных даймё, ни во владениях приближенных к сёгуну князей. Это создавало отчужденность не только между самураями низких категорий и даймё, но и между самураями различных рангов. Наиболее приближенные к князю вассалы, и в особенности каро, находились в привилегированном положении. Они имели возможность расходовать сравнительно крупные средства и в быту стремились подражать князьям.

Что касается самураев низших рангов, то размеры их содержания систематически сокращались. Рисовый паек или соответствующее ему жалование не могли удовлетворить рядовых самураев, заставляя их изыскивать дополнительные источники дохода.

Распространение капиталистических отношений в целом проходило весьма медленно и неравномерно. Влияние буржуазных элементов на определенные звенья самурайского класса также осуществлялось по-разному в различных районах страны и с неодинаковой интенсивностью. Показательно, что в некоторых княжествах юго-восточных провинций Японии внутренние реформы буржуазного характера были проведены значительно раньше, чем начались революционные события шестидесятых годов XIX столетия. Суть этих реформ сводилась к предоставлению горожанам известных политических прав (в частности, привлечение их к административной службе, которая прежде составляла абсолютную монополию самурайства), а также к легализации торгово-промышленной деятельности рядовых самураев. Наконец, в начале 60-х годов в княжестве Тёсю появляются воинские формирования, набранные из крестьян и горожан (кихэйтай). Это было полным разрывом с феодальной традицией, установившейся еще в середине XVI столетия. Предоставление оружия «простонародью», привлечение его к несению военной службы подрывали самые устои самурайского правопорядка, лишали господствующий класс феодалов его важнейшего составного атрибута — воинской специфики.

Фактическое падение социальных перегородок, которые все более искусственно отделяли господствующий класс от основной массы населения, повышало чувствительность горожан и деревенской верхушки к тем самурайским привилегиям, которые в изменившихся экономических условиях становились чистейшим анахронизмом. Это стали понимать и сёгунские власти. Начиная с середины XIX столетия время от времени предпринимаются робкие попытки «обновить» или «поправить» традиционный политический курс. Об ограниченности и фактической бесплодности подобных попыток говорит, например, следующий факт: в 1863 г. сёгунат опубликовал официальное разъяснение, ограничивающее «право» самураев применять тамэсигири, т. е. безнаказанно рубить головы простолюдинов, «пробуя» новый клинок. Самураям впредь запрещалось обнажать меч, если в спорах с простолюдинами не оказывалась непосредственно затронута «самурайская честь».

Но само понятие «самурайская честь» не внушало уже никакого почтения не только бесправному большинству населения страны, но и привилегированному сословию. Самурайские добродетели почти открыто становились мишенью ядовитых

острот, и нередко сами самураи способствовали их распространению. Всевозможные виды коррупции процветали не только в отдельных княжествах, где буржуазные элементы подымали голову и добивались осуществления тех или иных реформ. Продажной становилась и высшая сёгунская администрация, сквозь пальцы смотревшая на грубое нарушение тех суровых регламентаций, которые не пересматривались и формально оставались в силе. Классическое требование токугавского режима о том, чтобы «горожане пребывали в скромности», выглядело издевательски в свете той роскоши, которой окружали себя богатые купцы.

Но молодая, численно слабая японская промышленная буржуазия еще не отделилась в полной мере от старой торгово-ростовщической буржуазии. Она оставалась связана с нею тысячами нитей, и прежде всего общей заинтересованностью в том, чтобы в японской деревне сохранились те специфические формы феодальной эксплуатации крестьянства (кабальная аренда), которые охотно «перенимались» у феодалов буржуазными дельцами. Это делало японских промышленников особенно осторожными, склонными к компромиссу и, во всяком случае, побуждало их воздерживаться от прямых, открытых политических выступлений против феодальной власти. Они предпочитали действовать чужими руками. При этом главная антифеодальная сила в стране — крестьянство не внушало им никакого доверия. Буржуазия была, конечно, не прочь использовать крестьянские выступления для дискредитации и ослабления феодального режима. Но она боялась, что крестьянская революционная стихия может пойти дальше, чем это выгодно самой буржуазии. Но если крестьянству буржуазия не доверяла и боялась его, то иным было ее отношение к ронинам, низкоранговым самураям и всей той разношерстной антитокугавской оппозиции, которая созрела в недрах привилегированного дворянского сословия. Эта самурайская по внешнему облику оппозиция легко поддавалась контролю со стороны буржуазии. Кроме того, самурайское обличье открывало значительные легальные возможности для внутренней организации этой оппозиции.

7. РОЛЬ САМУРАЙСТВА В БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Правильная оценка революционных событий, происходивших в Японии во второй половине XIX столетия, невозможна без учета того, что за дворянскими, внешне феодальными выступлениями против сёгуна Токугава в подавляющем большинстве случаев стояла буржуазия, которая инспи-

рировала эти выступления и направляла их в своих классовых интересах. При этом следует не упускать из виду, что наиболее радикальную позицию занимала именно промышленная буржуазия, являвшаяся скрытой, но главной движущей пружиной «самурайской» оппозиции против Токугава. Что касается крупной торговой буржуазии, то она предпочитала иной, эволюционный путь защиты своих интересов. Она также в основном опиралась на самурайство, но не на деклассированные и оппозиционные его прослойки, а на токугавскую бюрократию.

Государственный аппарат бакуфу, построенный по принципу коллегиальной ответственности двух или нескольких чиновников за определенный участок управления, отличался большой громоздкостью. Токугавское государство носило полицейский характер: система сыска и доносов была всеобъемлющей. Каждое должностное лицо находилось не только под гласным наблюдением своего напарника, но и постоянно контролировалось секретными агентами бакуфу, доносившими о его поведении в центр. В силу этого государственные чиновники чувствовали себя неуверенно, заваливали столицу бесконечными запросами по самым второстепенным и даже третьестепенным делам. Бюрократическое управление бакуфу при таких обстоятельствах было весьма малоэффективно и подвержено воздействию тех же молекулярных процессов разложения класса феодалов, которые наблюдались по всей стране. Богатые купцы быстро вступали в контакт с нужными им хатамото, гокэнин или другими высокопоставленными вассалами сёгуна. Этому способствовало само правительство бакуфу, постоянно прибегавшее к помощи кредиторов из среды осакских и эдоских богачей. В результате феодальная по своему происхождению бюрократия Токугава к концу существования режима уже играла двойственную роль: не только охранителя «неизменных» феодальных устоев, но и робкого покровителя богатых купцов и банкиров.

Хорошо налаженный аппарат политического сыска служил немаловажным препятствием для развития инициативы чиновников бакуфу. Но вместе с тем благодаря этому аппарату сёгунат в лице его высших сановников был достаточно полно информирован о критическом положении страны. Принцип «незыблемости» сословных перегородок, лежавший в основе политической мудрости Токугава, полностью обанкротился. Революционная борьба крестьянства подтачивала феодальный порядок. Антисёгунская оппозиция, чрезвычайно разношерстная, выступавшая преимущественно в самурайско-дворянских доспехах, но, несомненно, выражавшая в основном интересы капиталистических элементов, усилилась с начала XIX столетия. У берегов Японии все чаще появлялись военные корабли могущественных иностранных держав, напоминая

о том, что Япония — отсталая в военном отношении и плохо защищенная страна.

Наиболее дальновидные деятели токугавского режима в этих условиях не могли не задумываться о будущем.

В середине XIX столетия в правительственных кругах бакуфу появляются планы укрепления расшатанных феодальных устоев. Некоторые деятели сёгуната видели выход в том, чтобы отказаться от системы мелочных (и в значительной мере эфемерных) регламентаций, предоставить известные минимальные права состоятельным горожанам, установить прочный контакт с богатыми купцами и, опираясь на их финансовую поддержку, модернизировать оборону страны, сделав ее менее уязвимой против возможного вторжения внешнего врага. Сторонники этих взглядов считали полезным как можно лучше ознакомиться с потенциальным противником и с этой целью рекомендовали шире использовать «европейскую», или «голландскую», науку (рангаку). Некоторые «либералы» доходили даже до умеренной критики системы «закрытия страны» и утверждали, что следует расширить внешнеторговые операции и не ограничиваться чрезвычайно слабым контактом с европейской цивилизацией через посредство голландцев. (Голландские купцы имели монопольное право вести строго ограниченную торговлю в одном из южных портов Японии.) Панацею от всех бед усматривали в создании эффективных вооруженных сил — армии и флота, оснащенных всеми тогдашними техническими средствами ведения войны. Но эти реформы были не под силу правительству Токугава.

Наиболее решительные действия, направленные на модернизацию токугавского режима, связаны с именем Ии-Камон но kami (Наоскэ Ии). Жестоко расправляясь с оппозицией сёгунату, Ии стремился в кратчайшие сроки создать надежную вооруженную опору бакуфу прежде всего путем «пересадки» на японскую почву иноземной военной и административной организации. Однако Наоскэ Ии не смог преодолеть сопротивления своих противников, поскольку он проводил реформы уже в условиях насильственного вторжения иностранного капитала и связанного с этим резкого ухудшения материального положения самых различных категорий населения.

Заключение правительством сёгуна серии торговых договоров с иностранными державами было вынужденным актом, а сами договоры носили неравноправный для Японии характер. Они ставили иностранных купцов в привилегированное положение. В открытых для внешней торговли портах вводился принцип экстерриториальности иностранцев. Япония фактически утратила таможенную самостоятельность. Иностранцы выколачивали из Японии золото (используя сложившееся в условиях изоляции страны необычное соотношение

между золотом и серебром). Бакуфу делало попытки выправить положение и проводило перечеканку монет, снижая в них содержание золота. Однако это лишь подрывало кредит феодального правительства. Когда бакуфу, запутавшись в бесплодных попытках урегулировать соотношение между золотом и серебром в стране, приблизив его к тому соотношению, которое установилось на мировом денежном рынке, по совету иностранцев выпустило бумажные деньги, они были встречены с огромным недоверием. Бумажные деньги почти не имели хождения. Проникновение в страну дешевых европейских и американских товаров наносило сильный удар по слабой японской мануфактуре. Так как внутренние японские цены были ниже мировых, то иностранные купцы скупали японское сырье и продовольствие. Вскоре началось общее повышение цен на все товары, включая и рис. Финансовая политика бакуфу способствовала росту цен, который приобрел невиданные размеры. Товары поднялись в цене в среднем на 300%, а рис — на 1000%. Это означало обнищание наименее состоятельной части населения и резкое ухудшение материального положения самураев низших рангов.

Правительственные расходы с открытием некоторых портов для внешней торговли не только не снизились, но практически возросли. Кроме того, иностранцы игнорировали требования бакуфу заключать сделки на доставку оружия только с представителями правительства. Оружие ввозилось и в те княжества, которые были на постоянном подозрении у сёгуна.

Характерной чертой политического кризиса, которым была охвачена страна в 50-х и 60-х годах XIX столетия, являлось антииностранное движение, свидетельствовавшее о пробуждении национальных чувств. Но оно принимало специфические, нередко даже уродливые формы, особенно в тех случаях, когда в роли защитников национальных интересов выступали самураи, отягощенные грузом феодальных предрассудков и постоянно ставившие свои местнические, классовые и сословные интересы выше национальных.

Поведение европейских и американских пришельцев в Японии часто создавало повод для взрыва антииностранных чувств. Официальные и неофициальные представители передовых капиталистических держав вели себя вызывающе высокомерно по отношению к японцам, не считались с местными обычаями, занимались грубым вымогательством на основе расширительного истолкования навязанных Японии под угрозой пушек договоров. Обстановка в стране была крайне накаленной. Наименее обеспеченная и недисциплинированная часть самурайства, и в особенности ронины, часто становилась инициатором враждебных вылазок против иностранцев. Так, например, в августе 1859 г. на улицах Йокогамы самураями были убиты три русских моряка. В ноябре того же года

там же был убит слуга французского консула. В январе 1861 г. в Эдо было подожжено здание французской миссии и убит английский переводчик.

Лозунг «Изгнать иностранцев!» (дзёи) становился наиболее популярным среди самураев низших рангов. Но, несомненно, антииностранные настроения усиливались не только в самурайской среде. Они имели широкое распространение. Пострадавшая от насильственного вторжения иностранного капитала буржуазия (в первую очередь ее радикальное крыло — промышленники) также поддерживала предложения о разрыве неравноправных договоров с иностранцами.

Выдвижение любого политического требования в условиях токугавского режима даже самураями было нарушением принципа верности феодальному сюзерену и, следовательно, находилось под запретом. Наоскэ Ии жестоко расправился с теми самураями, которые критиковали внешнюю политику сёгуната. Однако оппозиция не останавливалась перед нарушением рамок феодальной лояльности. Сам Наоскэ Ии пал от руки заговорщиков.

Поскольку низкоранговое самурайство играло видную роль в оппозиционном движении, оно стремилось выдвинуть и приемлемое для себя идейное знамя борьбы против сёгуна. Наиболее удобным лоялистским обоснованием такой борьбы и было «восстановление» в полном объеме «законной» императорской власти. Император (микадо) не имел никакой реальной власти и жил в Киото фактически на положении почетного затворника, находившегося под надзором представителя сёгуна.

Сёгунат ревниво следил за тем, чтобы император и его двор не занимались никакой политической деятельностью (не общались с феодальными князьями и т. д.).

Однако сёгун был обязан оказывать внешние знаки почтения императору как лицу «божественного происхождения». Лоялистское обличье позволяло феодальным элементам антисёгунской оппозиции оставаться на почве старых, феодальных воззрений и само нарушение краеугольного принципа режима — верность сюзерену — толковать как соблюдение этого принципа с той только разницей, что верховным сюзереном считался уже не сёгун, а микадо. Самурайский лозунг «Изгнать иностранцев!» был дополнен лозунгом «Почтение к императору!», что означало, по существу, «Долой сёгуна!». Данный лозунг свидетельствовал, что политическое руководство в антитокугавской коалиции принадлежало не буржуазии, а дворянству. Это не имело прямого отношения к вопросу о том, какие общественные классы были подлинной движущей силой революционных событий так называемого «переворота Мэйдзи». Подлинной движущей силой были крестьянство и городская беднота, революционные выступле-

ния которых расшатали токугавский режим и сделали возможной победу антисёгунской оппозиции, возглавлявшейся обуржуазившимися элементами дворянства и включавшей в себя как низкоранговое самурайство, так и влиятельные слои буржуазии и даже часть князей.

В январе 1861 г. бакуфу предупредило иностранных послов о том, что их жизни угрожает опасность в результате возникновения антииностранного заговора среди самураев. Хотя сёгунат и предоставил послам в связи с этим специальную охрану, но на нее нельзя было полагаться, так как она состояла из самураев и могла легко сама поддаться на призыв «покончить с варварами». После убийства в Эдо переводчика (14 января 1861 г.) многие иностранные представители стали перебираться в Йокогаму под защиту постоянно находившихся там иноземных военных кораблей. В ночь на 5 июля 1861 г. группа самураев произвела вооруженное нападение на здание английской миссии в окрестностях Эдо. Произошла горячая схватка, во время которой с обеих сторон было убито и ранено несколько человек. Самурайская официальная охрана миссии сперва соблюдала «нейтралитет» и лишь спустя длительное время вмешалась и рассеяла нападающих. Большинство самураев, принимавших участие в нападении, не были обнаружены, трое задержанных прибегли к самоубийству посредством харакири.

Бакуфу, стремясь снять с себя ответственность перед державами за эти покушения и одновременно спекулируя внутри страны на своем «нежелании» решительными мерами обуздать антииностранные выступления, опубликовало сообщение о том, что оно не в силах взять на себя охрану иностранных миссий. Этот лицемерный акт имел весьма тяжелые для страны последствия. Англия и Франция высадили на японской территории отряды морской пехоты и ввели их в Эдо под предлогом необходимости обеспечить охрану своих дипломатических представителей.

Ввод иностранных войск лишь усилил всеобщую ненависть к чужеземцам и возмущение внешней политикой бакуфу. В июне 1862 г. какой-то самурай проник в здание английской миссии в Эдо и убил двух служащих, после чего распорол себе живот. Лозунг «Долой чужеземцев!» приобретал все более громкое звучание.

Формально во главе самурайской оппозиции токугавскому режиму стояли трое князей — Мотонори Мори (княжество Тёсю), Сабуро Симадзу (княжество Сацума) и Тоёнори Ямаоути (княжество Тоса). Фактическое же руководство в ней принадлежало представителям низкорангового самурайства.

Самурайская оппозиция ни в какой степени не была единой. Для понимания запутанного хода событий в 60-х годах

XIX столетия необходимо учитывать такой специфический момент, как наличие острого соперничества между наиболее сильными феодальными противниками сёгуната — княжествами Сацума и Тёсю. Оба эти княжества издавна оспаривали друг у друга политическое руководство в Юго-Западной Японии, и взаимоотношения между верхушечными звеньями самураев Сацума и Тёсю были недружелюбными.

Различная роль обоих соперников в антитокугавском блоке определялась в первую очередь неодинаковым уровнем социально-экономического развития. Это объясняло выдвижение на авансцену в княжестве Тёсю тех низкоранговых самураев, которые были наиболее тесно связаны с чисто буржуазными элементами. Такие низкоранговые самураи, как Коин Кидо, Аримото Ямагата, Синсаку Такасуги, игравшие роль политических лидеров в княжестве Тёсю, были проводниками буржуазных взглядов и выступали за создание широкой коалиции всех недовольных токугавским режимом, включая и недворянские социальные прослойки. Рядовые самураи, главным образом из кланов Тёсю и Сацума (в меньшей пропорции — Тоса и Хидзэн), приняли наиболее активное участие в свержении сёгуната Токугава. Поэтому они стали первым вооруженным оплотом японской монархии, главным источником пополнения командных кадров пришедшего к власти блока буржуазии и феодалов.

Рядовые самураи, принимавшие активное участие в революционных событиях и в гражданской войне 1866—1869 гг. (особенно из Тёсю), до свержения сёгуната щеголяли чрезвычайным радикализмом и в отдельных случаях даже «братались» с крестьянством. Прогрессивно ухудшавшееся экономическое положение этого слоя самураев побуждало его становиться на «революционные» позиции. Однако в основе этой «революционности» лежало стремление свергнуть сёгунат, чтобы обеспечить себе в будущем привилегированное и паразитическое существование за счет крестьянства. На второй день после свержения сёгуната низкоранговое самурайство «революционных» юго-западных кланов стало беспощадно расправляться с крестьянством, боровшимся за уничтожение феодализма. Таким образом, принимавшее участие в революции 1868 г. рядовое самурайство было, как правило, реакционной силой, боровшейся за ограждение своих феодальных привилегий и совершавшей прямое предательство по отношению к подлинно революционным участникам событий 1866—1869 гг. — крестьянским массам и городскому плебейству.

После свержения сёгуната в государственном аппарате японской монархии (и в частности, в армии) нашла себе надежное пристанище лишь часть низкорангового самурайства, в первую очередь самураи кланов Тёсю и Сацума. Осталь-

ные низкоранговые самураи, принимавшие участие в походе против Токугава (а также количественно небольшая часть самураев побежденных северо-восточных кланов), оказались после революции в затруднительном материальном положении. Это привело к расщеплению самурайства на привилегированную часть, судьба которой оказалась тесно связанной с японской монархией, и оппозиционную, из среды которой выделялись всевозможные антиправительственные группировки, носившие различную политическую окраску — от ультра-реакционной с программой «возврата к старому» до либеральной и даже леворадикальной (меньшинство, временно сомкнувшееся с буржуазно-демократической оппозицией).

Захват привилегированной частью самурайства важнейших позиций в государственном аппарате японской монархии сопровождался закреплением монопольного положения выходцев из кланов Тёсю и Сацума. Это приводило к утверждению феодально-самурайской кастовости в японском государственном аппарате. Прежние кланово-сословные персональные связи и влияния переносились на новую почву и закреплялись, усиливая феодальные черты японской монархии. Проводившиеся буржуазные реформы носили ограниченный характер и, по существу, не изменяли бесправного положения огромного большинства японского народа — крестьянства и городской бедноты.

Японская монархия очень скоро осознала опасность сохранения феодальной системы организации вооруженных сил при недисциплинированности и неорганизованности самурайских дружин. Сохранение монополии военной силы (а значит, и государственной власти) в руках феодально-буржуазного блока, действовавшего под руководством новой бюрократии (Ямагата, Ито, Окубо и др.), было возможно только при унификации системы вооруженных сил. Реально это означало: 1) разоружение той части самурайства, которая не принадлежала к привилегированным кадрам Тёсю и Сацума и не являлась опорой абсолютизма, и 2) создание постоянной армии путем введения воинской повинности для крестьян и горожан. При этом, разумеется, Ямагата, этот истинный создатель японского милитаризма, весьма ревниво отстаивал монополию самураев на офицерские посты в новой армии, построенной на буржуазных началах.

Опыт «кихэйтай» в гражданской войне 1865—1866 гг., затем опыт Сацумской войны 1877 г. показал большую эффективность буржуазной армии в сравнении с чисто самурайским воинством. Даже идеолог и вождь реакционной самурайско-феодальной оппозиции Такамори Сайго понимал ненадежность чисто самурайской армии и сам проводил мобилизацию крестьян в свои войска.

Создание в Японии регулярной армии, основанной на

принципе всеобщей воинской повинности, формально положило конец существованию самурайства как особого воинского сословия. Поэтому наибольшее количество антиправительственных самурайских выступлений против монархического правительства в семидесятых годах XIX столетия было вызвано именно опубликованием закона о всеобщей воинской повинности. Однако действительного уничтожения самурайства не произошло, так как офицерство (почти исключительно выходцы из Тёсю и Сацума) и впредь комплектовалось монополю из самурайской среды. Оно сохранило целиком феодально-самурайские традиции, воспроизводившиеся лишь на несколько измененной социальной основе.

Комплектуя свой военный, бюрократический и полицейский аппарат, японская монархия ориентировалась главным образом на тот слой самурайства, который имел прочные корни в экономике страны — на так называемых «новых помещиков» (большинство которых принадлежало к категории госи). Что же касается неустроенной части низкоранговых самураев-дружинников, то они являлись обузой для правительства. Выплата пенсий этому обширному слою людей ложилась тяжелым бременем на государственную казну. Поэтому императорские министры изыскивали всевозможные пути для разрешения «самурайской проблемы» (проекты переселения самураев на о. Хоккайдо и наделения их землей). Поскольку все эти проекты ухудшали материальное положение неустроенных и «обиженных» самураев, их оппозиция правительству неизменно усиливалась.

Вооруженная борьба оппозиционной части самурайства против новой власти окончилась поражением мятежных самураев. Это объяснялось изменениями, происшедшими в экономике страны, укрепившими позиции императорского правительства, поддержанного не только буржуазией, но и помещиками и частью крестьянства.

События 1874, 1877 и отчасти 1882 гг. подорвали силы самурайской оппозиции. Она оказалась частично уничтожена в результате военных действий и репрессивных мер, частично расплылась. Лишившись своих вожakov и разочаровавшись в целях своей борьбы, осколки оппозиционного самурайства постарались приспособиться к изменившейся обстановке. Этот процесс им облегчило развитие внешней агрессии молодого японского капитализма.

Привилегированный слой самураев, укрепившийся в государственном аппарате (главным образом в армии), представлял собой численно небольшую величину (приблизительно около 40 000 человек). Благодаря кастовости самурайства и силе феодально-клановых традиций это количество почти не менялось на протяжении многих лет. Главной питательной базой самурайства служили «новые помещики». Так называе-

мое служилое дворянство (сидзоку), выдвигавшееся из недр буржуазии, как правило, не проникало в армию, а оседало в гражданской администрации. Несмотря на деспотизм самурайской клики, монополизировавшей военную власть (гунбацу и хамбацу)⁵, буржуазия, помещики и уцелевшие осколки старой самурайской оппозиции (в значительной мере уже перестроившейся) поддерживали эту клику, видя в ней защиту от демократической, революционной стихии. Деспотизм хамбацу был обращен своим острием против трудящихся масс Японии — крестьянства и молодого рабочего класса.

В девяностых годах XIX столетия происходит завершение процесса смыкания верхушки милитаристов (сохранившей свою клановую специфику) с крупной буржуазией. Это смыкание происходило чаще всего посредством завязывания типичных для Японии семейных связей (браки, усыновления), а также на основе коррупции. По мере укрепления экономических позиций японского капитализма буржуазия оказывалась все больше и больше заинтересована в максимальном использовании военной машины для подавления масс внутри страны и для проведения военных захватов вовне. Если 70-е и 80-е годы — годы становления полуфеодалного японского милитаризма связаны с именем Ямагата, то период наиболее тесного смыкания этого милитаризма с буржуазией совпадает с расцветом деятельности Кацура (1898—1913) (в армии) и Ямамото (1913—1923) (во флоте).

Глава II

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И МИЛИТАРИЗМА (конец XIX в.— 1917 г.)

1. БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1868 г. В ЯПОНИИ И СОЗДАНИЕ ВОЕННОГО АППАРАТА АГРЕССИИ И ЗАХВАТНИЧЕСКИХ ВОЙН В АЗИИ

Два с половиной века, вплоть до буржуазной революции 1868 г., в Японии господствовал феодальный режим во главе с династией Токугава, основным костяком которого были воины-самураи — класс привилегированного военного дворянства. Монополизировав верховную власть, сёгунат Токугава стремился обеспечить стабильные условия, позволявшие эксплуатировать крестьян — основных производителей материальных благ в феодальном обществе — и держать в подчинении горожан, в том числе торговую и зарождающуюся промышленную буржуазию.

В силу развития капиталистических отношений и дальнейшего обуржуазивания феодальных элементов в Японии наступил период разложения феодализма. Попытки сохранить пошатнувшийся режим путем подавления оппозиционного движения, изоляции страны от внешнего мира не смогли остановить его распада: социальные, экономические и политические противоречия феодального общества продолжали обостряться. «Все попытки сёгуната Токугава,— пишет Х. Т. Эйбус,— в XVIII и первой половине XIX в. укрепить феодализм в Японии кончились неудачей. Феодальный строй переживал жестокий экономический и политический кризис. Частые крестьянские восстания и „рисовые бунты“, хронический финансовый кризис, разорение даймё и самураев — все это знаменовало приближение конца феодализма в Японии»¹.

В результате значительного развития товарно-денежных отношений в юго-западных провинциях Японии — Тёсю, Сацума, Тоса — в 60-х годах XIX в. появились первые фабрики и заводы (текстильные, сахарные, стекольные, серно- и азотнокислые), интенсивно расширялся внутренний рынок, что предопределило более активное участие этих провинций в буржуазной революции 1868 г. и их успех в борьбе за укреп-

ление политических позиций во вновь образованном буржуазно-помещичьем государственном аппарате.

На ускорение процесса разложения японского феодализма оказали влияние решительная политика США, а также — в известной степени — и царской России, стремившихся «открыть» рынок в Японии. 20 июля 1846 г. в Токийский залив (тогда Эдоский) вошли корабли США, коммодор Биддл предложил сёгуну начать торговые переговоры. Не добившись результатов, США 8 июля 1853 г. вновь попытались силой своих «черных кораблей» под командованием коммодора Перри заставить сёгуна подписать торговый договор. Но и на этот раз, несмотря на личное обращение к японским властям президента США Филмора, американцы не достигли цели. В свою очередь правительство царской России предприняло попытку завязать торговые отношения с Японией. С этой целью 21 августа 1853 г. в Нагасаки прибыла русская эскадра под командованием вице-адмирала Путятина. Путятин передал сёгуну желание царского правительства начать торговлю с Японией. Сёгун не принял и это предложение, но пообещал подумать и позднее дать ответ. Однако в своих действиях правительство царской России было менее настойчивым, чем правительство США, которое вскоре предприняло новый, более решительный шаг. 11 февраля 1854 г. коммодор Перри вновь привел свои корабли в Токийский залив и предъявил японским властям ультиматум, который был ими принят. Японии таким путем был навязан неравноправный торговый договор, в результате которого японский рынок открылся для американских товаров по весьма выгодным импортным тарифам. Вслед за США к берегам Японии устремились и другие капиталистические государства Европы. Это грубое вторжение в экономическую жизнь Японии сильно ущемляло интересы местной торгово-промышленной буржуазии, но вместе с тем повлияло на ускорение процесса развития капиталистических отношений в стране в целом.

Следует подчеркнуть, что в Японии, где в середине XIX в. совершилась буржуазная революция, свыше 80% населения составляло крестьянство. Проникновение торгово-ростовщического капитала в деревню подрывало устои феодальных отношений, опрокидывало систему регламентаций и в то же время ускоряло процесс расслоения и обнищания основной массы крестьян. В японской деревне в первой половине XIX в. ширилась антифеодальная борьба крестьян, а в городах участились выступления ремесленников и мелких торговцев против администрации и крупных торговых фирм, связанных преимущественно с феодальными чиновниками. На пороге второй половины XIX в. глубокие экономические процессы, происходившие в стране, делали неизбежным устранение феодальной политической надстройки. Феодальная власть

столкнулась с мощным революционным подъемом крестьянских масс, борющихся за освобождение от ига феодальной эксплуатации². Нарастание антифеодального движения не могло не насторожить торгово-промышленную буржуазию и обуржуазившуюся часть феодалов.

Буржуазная революция 1867—1868 гг. привела к замене сёгуната властью императора, к созданию правительства, отличие которого от старого режима Токугава состояло в том, что на первое место в государственных органах выдвигаются бюрократические элементы — преимущественно из среды низкоранговых самураев.

Аграрная реформа 1872—1873 гг. сохранила феодальные пережитки в японской деревне. Вместе с тем установление буржуазной собственности на землю, аннулирование феодальных ограничений купли-продажи и заклада земли, право разводить любую культуру в земледелии, признание наследственной собственности на землю, введение единого общегосударственного поземельного налога, вносимого деньгами, а не натурой, и т. п. способствовали развитию капиталистических отношений в деревне, обеспечивали известное расширение внутреннего рынка. Однако потребности капиталистического развития далеко не удовлетворялись внутренним рынком.

Новое буржуазно-помещичье правительство проводило агрессивную внешнюю политику.

Японские государственные деятели изучали опыт колонизаторской политики Англии, Франции, Испании, Голландии и других европейских стран и «пришли к выводу, что они запоздали выйти на просторы Азии по крайней мере на полстолетие»³. Аргумент «запоздалого выхода на просторы Азии» был столь распространён в конце XIX в. в Японии, что шовинистические настроения ширились с каждым днем. Об американцах и европейцах говорили не иначе как о «варварах»⁴. Это служило как бы идеологической подготовкой для проведения срочных мер по милитаризации страны и осуществлению политики экспансии.

В. И. Ленин, характеризуя рост экспансионистских устремлений японской буржуазии, писал: «Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний „великих держав“ либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общеизвестное обстоятельство колеблет хоть сколько-нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т. е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии...»⁵.

В 1876 г. Япония послала в Корею военно-морскую эскадру, и под дулами пушек корейские власти «открыли» страну и заключили с ней неравноправный Канхваский договор: были установлены дипломатические отношения, японским гражданам в Корее предоставлены права экстерриториальности и консульской юрисдикции. Для беспошлинной торговли были открыты вначале порт Фузан, а затем Гензан и Чемульпо.

Следующим актом агрессивного характера стала японо-китайская война (1894—1895), в результате которой Япония получила от побежденного Китая по неравноправному Симонсекскому договору о. Формозу (Тайвань) и 25 160 256 английских фунтов (300 млн. юаней) контрибуции⁶. Полученные от Китая деньги в валюте создали условия для стабилизации финансов страны и увеличения объема закупок промышленного оборудования и военной техники за границей. Экономика Японии продолжала быстро развиваться. «После 1871 г., — писал В. И. Ленин, — Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия»⁷.

Программа экспансии в Азии влекла за собой не только увеличение расходов на военные приготовления, но и изменение принципов мобилизации для военных целей людских и промышленных ресурсов, а также реорганизацию системы военного руководства вооруженными силами в мирное и военное время.

Одной из важных реформ нового правительства было введение воинской повинности.

Среди руководителей правительства не было единого мнения о характере будущей армии. Разногласия касались главным образом вопроса о распространении обязательной воинской повинности на крестьян. Представители феодального дворянства во главе с военным министром Такамоори Сайго выражали недоверие к крестьянским массам. Хотя Сайго сам и привлекал крестьян к несению военной службы, он считал, что крестьянство не может служить основной базой для комплектования регулярной армии, поскольку одной из ее функций является подавление народных, в том числе крестьянских, движений. Выступавшие против введения всеобщей воинской повинности предлагали сохранить не только принцип наследственности военной профессии, но и привилегированное военное сословие в качестве основного источника комплектования армии. Их противники, наоборот, указывали на высокие боевые качества народных ополчений (нохэй, кихэйтай), продемонстрированные ими в период борьбы за восстановление императорской власти.

Эта борьба завершилась компромиссом. За феодальным дворянством сохранялись все высшие командные посты в создаваемой армии: за представителями клана Тёсю — преиму-

шественно в сухопутных войсках, за представителями клана Сацума — во флоте.

В марте 1871 г. была создана императорская гвардия в количестве 10 тыс. человек из отборных частей войск князей Тёсю, Сацума и Тоса⁸.

Обязательная воинская повинность всех граждан вводилась постепенно. Вначале она была принята в виде опыта лишь в пяти провинциях, и только в ноябре 1872 г. был издан закон о введении всеобщей воинской повинности⁹.

Согласно этому закону все граждане мужского пола, достигшие 20-летнего возраста, независимо от их классового положения, сословной принадлежности подлежали призыву в армию — в регулярные войска, резерв или же территориальные войска, предназначенные для местной (территориальной) обороны в период всеобщей мобилизации. Вся страна была разделена на шесть военных округов. Штабы и управления округов были размещены в городах Токио, Сэндай, Нагоя, Осака, Хиросима и Кумамото. Вооруженные силы страны включали сухопутные войска и военно-морской флот. И войска и флот оснащались современной техникой.

В 1873 г. в Токио была открыта военная академия, куда были приглашены французские офицеры для обучения командного состава армии.

В основу идеологической обработки армии был положен самурайский кодекс бусидо, а также синтоизм с его культом предков и верой в божественное происхождение императора.

Наряду с организацией сухопутных войск создавался японский морской флот. До середины XIX в. Япония имела незначительный флот. Строительство крупных кораблей было запрещено вследствие политики изоляции, проводимой правительством сёгуна. Создание военно-морского флота фактически началось в 1855 г. с постройкой металлургического и судостроительного заводов и открытием военно-морского училища в Нагасаки, куда были впервые приглашены голландские офицеры для обучения японцев морскому делу — морской тактике, навигации, судостроению¹⁰. Значительное развитие морское дело получило в клане Сацума, представители которого занимали командные позиции во флоте.

Переход к всеобщей воинской повинности и образование регулярной армии и флота нанесли сильнейший удар по самурайству как сословию, считавшему военное дело своей наследственной и неотъемлемой монополией и привилегией. Однако командные кадры сохранили свою самурайскую специфику.

Немалое значение для подготовки подрастающего поколения Японии к службе в армии и флоте имела реформа народного образования.

Система народного образования, так же как и всеобщая

воинская повинность, была подчинена задаче дальнейшего укрепления монархии и предполагала воспитание в народе верноподданнических чувств, беспрекословное повиновение императору и тем, кто выступает от его имени.

В июне 1871 г. было создано министерство просвещения и ускорена реорганизация системы народного образования по западному образцу. Были заложены основы всеобщего начального обучения детей начиная с шестилетнего возраста.

В августе 1872 г. был издан закон о народном образовании, согласно которому страну разбили на восемь «образовательных» округов. Каждый такой округ должен был иметь один университет в качестве научного центра народного образования. Округ в свою очередь делился на 32 района среднего образования, в каждом из которых создавалась одна средняя школа в качестве образовательного центра этого района, последний же в свою очередь делился на 210 участков начального образования с одной начальной школой в каждом участке¹¹.

Срок обучения в начальной школе был установлен в шесть лет, в средней — пять и высшей — три года.

Допускались также и частные школы.

Система размещения центров высшего, среднего и начального образования была приспособлена к системе военных округов, районов и участков комплектования. Такая система была удобна для непосредственного влияния военизации на школьное образование. Преподавание в школах должно было вестись строго по утвержденным правительством учебным программам, в основу которых были положены идеи божественного происхождения императорской власти. В учебных программах высшей школы большое внимание уделялось изучению иностранных языков. Выпускники высшей школы нередко призывались в армию для службы в разведке или военно-дипломатических органах. Правительственным законом предусматривалось, что из каждых ста учащихся, зачисленных в университеты, должно быть не менее пяти человек, относящихся к сословию сидзоку, военная служба для которых традиционно считалась пожизненной.

После издания закона о народном образовании количество начальных школ стало быстро увеличиваться.

Уже в 1873 г. в Японии было 8 тыс. государственных и 4,5 тыс. частных начальных школ, в которых обучалось 41,26% всех детей школьного возраста¹².

Была введена довольно высокая плата за обучение, которая для большинства крестьян оказалась непосильной.

В ряде районов страны крестьяне восставали против открытия новых школ, и даже были случаи, когда восставшие громили эти школы.

Объясняется это отнюдь не отсутствием тяги крестьян

к знанию, а главным образом их бедственным положением, усугубляемым дополнительной тяжестью платного школьного обучения.

Вышеназванные реформы, отражавшие, в частности, стремление улучшить подготовку резервов для армии и флота, требовали и реорганизации управления всем делом военной подготовки страны.

В 1885 г. в Японии был создан кабинет министров, но вопросы руководства армией и флотом не вошли в его юрисдикцию, оставаясь исключительной компетенцией императора. В императорском рескрипте № 135 от 1889 г., в § 7, указывалось: «За исключением военных и военно-морских вопросов крупного значения, будут и такие проблемы, которые после непосредственного сообщения их монарху начальником штаба могут быть затем представлены решением его величества на рассмотрение кабинета. В этом случае кабинету докладывают военный и военно-морской министры»¹³. Рескрипт, таким образом, определил, что кабинет министров должен решать только менее значительные вопросы обороны. В конституции 1889 г., в ст. 11, указывалось: «Императору принадлежит верховное командование армией и флотом», а в следующей, 12-й статье предусматривалось, что «император определяет организацию и положение армии и флота в мирное время». Таким образом, военное и военно-морское министерства, генеральные штабы (а позднее и генерал-инспекторы военного обучения) находились на особом положении и, по существу, были поставлены выше других министерств и ведомств. Японские и зарубежные исследователи сходились на том мнении, что кроме признания политики внешней агрессии в качестве основной меры «исправления исторической несправедливости» в отношении Японии здесь играло большую роль традиционно сложившееся в японском обществе исключительное положение сословия самураев. Социально-экономические изменения после революции 1868 г. привели к формальной ликвидации этого сословия, но императорское правительство признавало за выходцами из бывших феодальных княжеств Сацума и Тёсю право и привилегию занимать ключевые позиции в армии и на флоте и поставлять для них военачальников. Военный и военно-морской министры, начальники генеральных штабов и генерал-инспекторы являлись в течение многих десятилетий выходцами именно из этих кланов, были приближены к императорскому двору, что давало им определенное преимущество при решении проблем войны и мира.

В 1900 и 1912 гг. для морского министерства, в 1908 и 1912 гг. для военного министерства были изданы специальные императорские инструкции о правах и привилегиях должностных лиц. Этими инструкциями было установлено, что военный

министр должен быть по крайней мере в чине генерал-лейтенанта, а военно-морской министр — вице-адмирала на действительной военной службе¹⁴. С 1912 г. по настоянию партии Сэйюкай на пост министра допускались и отставные военные в чине генерала или адмирала в запасе, но ни в коем случае не разрешалось занимать этот пост гражданским лицам.

В правящих кругах Японии, представлявших интересы блока буржуазии и помещиков, не было единства. Некоторые группировки были недовольны привилегиями выходцев из Сацума и Тёсю, ибо это создавало угрозу их политическому влиянию. Особенно наглядно было засилье представителей кланов Сацума и Тёсю в совете маршалов и адмиралов флота. Но совет маршалов и адмиралов был по своему характеру органом военного времени, он созывался только для решения проблемы войны. Для решения же крупных государственных вопросов при императоре существовал другой постоянный орган — Тайный совет, учрежденный в 1888 г. Согласно указу императора Тайный совет в 1890 г. получил право решения вопросов, связанных с «объявлением войны и введением военного положения»¹⁵. Правда, в этом указе оговаривалось «право военного совета высказывать свое мнение, а также опротестовывать перед императором решения Тайного совета по вопросам войны и военного положения»¹⁶. В действительности при решении важных вопросов — объявления войны или военного положения — военные и военно-морские круги Японии часто вносили серьезные поправки, расходившиеся с предложениями Тайного совета.

При императоре существовал еще один высокий орган, с которым приходилось считаться и военщине, — гэнро, т. е. «старейшие государственные деятели». Их деятельность не регламентировалась никакими инструкциями или конституцией; это был олигархический орган, в основе функционирования которого лежали традиции и обычаи, свойственные только Японии.

В первую группу гэнро входили Аритомо Ямагата, Хиробуми Ито, Каору Иноуэ, Ивао Ояма, Масаёси Мацуката¹⁷. После принятия конституции вновь назначенными императором членами гэнро стали Таро Кацура и Киммоти Сайондзи — единственный гэнро из сословной группы кугэ, т. е. из придворных чинов, слышавший либералом и поддерживавший парламентский режим.

Для японской военщины было чрезвычайно важно использовать гэнро в качестве советников императора. Эта возможность вытекала из того, что, во-первых, гэнро были по преимуществу выходцами из кланов Тёсю и Сацума; во-вторых, почти «все они были самураями, которые завоевали положение своими военными и государственными способностями и заслугами перед императором»¹⁸.

К концу XIX столетия после тщательного изучения опыта капиталистических стран Запада военная организация и управление военными делами в Японии получили стройную форму.

Военное министерство состояло из департаментов: военных дел, личного состава, интендантства, арсеналов, финансового, военно-медицинского и военно-юридического. Генеральный штаб включал в свой состав начальника, его помощника, управляющего делами и отделов: оперативного, разведывательного, военного обучения и военно-топографического. Отдельно был организован департамент военного обучения и военно-учебных заведений. Возглавлял департамент генерал-инспектор военного обучения, ему были подчинены академия генерального штаба и около 20 военно-учебных центров¹⁹.

Военно-морское министерство состояло из департаментов: военных дел, личного состава, интендантского, военно-морского строительства, военно-морских учебных заведений, финансово-расчетного, военно-медицинского и военно-юридического. Непосредственно военно-морскому министерству подчинялись начальники военных судостроительных и судоремонтных верфей, начальник военно-морской академии и военно-морских училищ. Начальник генерального штаба военно-морских сил, так же как и начальник генерального штаба армии, назначался императором и ведал всеми вопросами стратегии, а также разработкой планов операций.

Совершенствуя свою военную организацию, Япония вступила в XX в. с достаточно подготовленной армией и военно-морским флотом для того, чтобы реализовать агрессивные планы, получившие свое осуществление в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг.

2. ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

Агрессия Японии в Корею и Китае принесла значительные прибыли японским промышленникам. На рубеже XIX и XX вв. усиливался процесс концентрации производства, общая численность рабочего класса Японии неизменно увеличивалась. Оплаченный капитал всех акционерных компаний вырос за 1893—1903 гг. почти в 4 раза — с 232 млн. до 888 млн. иен. За этот же период значительно выросла внешняя торговля: стоимость экспорта за 1888—1893 гг. оценивалась в 77 118 тыс. иен, за 1894—1898 гг. — 139 200 тыс., а в 1899—1903 гг. — 243 млн. иен. Стоимость импорта выросла соответственно до 72 466 тыс., 223 040 тыс. и 270 406 тыс. иен²⁰.

Однако японский капитализм в сравнении с западноевро-

пейским и североамериканским в экономическом отношении был к началу XX в. довольно отсталым. Развитие таких отраслей тяжелой промышленности, как металлургия, машиностроение и некоторые другие, тормозилось крайней ограниченностью сырьевых ресурсов и недостатком капиталов. На ближайших к Японии рынках господствовали капиталисты Англии, Франции, Соединенных Штатов и России. Стремление к приобретению новых рынков сбыта, источников сырья вызывало в Японии расширение шовинистической пропаганды, рост милитаризации и увеличение расходов на военные нужды. О росте военных расходов с 1891 по 1899 г. свидетельствуют следующие данные: в 1899 г. общие расходы на армию составили 50783,1 тыс. иен против 13822,6 тыс. иен в 1891 г. На военно-морской флот было израсходовано соответственно 58529,5 тыс. против 10159,3 тыс. иен²¹.

Расходы на армию и военно-морской флот особенно возросли после победы в войне против Китая в 1894—1895 гг., что связано с интенсивной экономической и военной подготовкой к войне против сильного противника — царской России.

В. И. Ленин, характеризуя японский империализм, писал, что здесь монополия военной силы и особое удобство грабить Китай «отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»²². В результате сохранения многочисленных феодальных пережитков, которые господствующие классы старались использовать в своих интересах, японский капитализм приобрел характер военно-феодального империализма, т. е. такого «новейшего капиталистического» империализма, который оплетен особенно густой сетью докапиталистических, феодальных отношений²³.

В начале XX в. японский империализм поставил перед собой задачу прежде всего вытеснить Россию с Дальнего Востока и получить простор для колониальной эксплуатации Кореи и Китая. В октябре 1895 г. в результате организованной в Сеуле японцами провокации была убита корейская королева, и японское правительство, пользуясь замешательством корейских властей, предложило царской России поделить сферы колониального господства в Корее по 38-й параллели — на северную (русскую) и южную (японскую) сферы. Царское правительство отказалось от этого.

В апреле 1896 г. был подписан китайско-русский союзный договор, по условиям которого оба государства должны были в случае войны согласованно выступить против Японии. Согласно этому договору Россия получила концессию на строительство на маньчжурской территории Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) с целью соединения ее с Транссибирской магистралью в России.

Японские правящие круги, убедившись в нежелании цар-

ского правительства поделить с кем-либо «сферы влияния» на Дальнем Востоке, предприняли наступление на Китай вместе с другими враждебными России империалистическими державами. Используя признание американской империалистической доктрины «открытых дверей», Япония потребовала и для себя «равных прав» на экспансию в Китае. Установив вначале свой контроль над провинцией Фуцзянь, Япония затем активно помогала подавлять восстание ихэтуаней в 1900 г. и по «заключительному протоколу» от 7 сентября 1901 г. получила с Китая значительную долю контрибуции и право наряду с другими державами, подавившими «боксерское восстание», участвовать в контроле за выполнением условий «протокола». Но это не удовлетворяло колониальные аппетиты японских правящих кругов. Они искали себе союзников в антирусской политике. Таким союзником могла стать Англия, буржуазия которой также была заинтересована в ослаблении русского влияния на Дальнем Востоке, особенно в Китае. В то же время в Англии не были особенно убеждены в целесообразности союза с Японией. В японских правительственных кругах в свою очередь шла борьба между группами Х. Ито и А. Ямагата: первая стояла за сговор с царской Россией на основе раздела между ней и Японией «сфер влияния», вторая — за военный союз с Англией и за решительное изгнание России с Дальнего Востока. Японское правительство Т. Кацура не могло прийти к единому мнению и решило вступить в переговоры как с Англией, так и с Россией. Победила антирусская политика. В 1902 г. был подписан англо-японский союзный договор сроком на пять лет. Заключив союз с Англией, японское правительство усилило нажим на царское правительство, требуя от него признания «особых прав и интересов» Японии в Корее и Маньчжурии. Летом 1903 г., когда японские армия и флот находились на заключительной стадии подготовки к войне с Россией, были вновь повторены японские требования о признании Россией «специальных интересов» Японии в Корее и Маньчжурии. Царское правительство, не готовое к военному столкновению с Японией, в ноте от 3 февраля 1904 г. предложило ряд серьезных уступок Японии, в частности в Корее. Однако дипломатические демарши Японии имели целью лишь еще более обострить обстановку и явились прелюдией к началу военных действий. Вскоре после посещения Японией военным министром США Тафтом и обещания от имени президента Теодора Рузвельта дипломатической и финансовой поддержки на случай конфликта с Россией, после обещания Англии предоставить финансовый заем 30 января 1904 г. на расширенном заседании Тайного совета и правительства Японии было решено начать войну против России.

Русско-японская война 1904—1905 гг.²⁴ была одним из

первых крупных вооруженных столкновений эпохи империализма.

Как Япония, так и Россия имели к этому времени промышленную базу, необходимые сырьевые и трудовые ресурсы для военного производства, способные обеспечить потребности действующих армий и флотов в вооружении и боевой технике, в ремонте и восстановлении обычных потерь. Русская армия не уступала японской по своим качественным данным, организация соединений армии строилась на основе опыта и достижений военного искусства того времени, флоты сторон имели надлежащий боевой корабельный состав, офицеры и матросы были хорошо тренированы. Потенциальные возможности России в области промышленного производства, снабжения сырьевыми и людскими ресурсами были выше, чем у Японии.

В 1902 г. из собственной железной руды Япония была в состоянии выплавить 240 тыс. т чугуна, добывала всего 10 млн. л нефти. Потребность страны в том же году составила 1850 тыс. т чугуна, 236 млн. л нефти²⁵. Стоимость импорта черных металлов и металлоизделий в 1901 г. составила 29406,5 тыс. иен, нефти и нефтепродуктов — 15 млн. иен, машин и оборудования для промышленных предприятий — 16,6 млн., шерсти и шерстяных изделий — 12 млн. иен, а всего эти четыре вида товаров, имеющих важное значение для военно-экономического потенциала, обходились Японии в 73006,5 тыс. иен, или 54,1% всей стоимости импорта в 1901 г.²⁶.

Военная промышленность Японии в значительной степени зависела от объема импорта стратегического сырья, которым страна была бедна. Она отставала от России и по объему производства важнейших видов военно-промышленной продукции. Имея бóльшие, чем у Японии, материальные ресурсы, царизм и его командование оказались неспособными вести войну. Царское главное командование не обеспечило заблаговременной тщательной подготовки к военным действиям, сосредоточения необходимых сил и средств, создания мощной группировки армии и флота, запасов продовольствия и военного снаряжения, особенно учитывая бедность коммуникаций, ничтожность производственной базы на Дальнем Востоке. В. И. Ленин писал: «Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях... Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией»²⁷.

Несомненным просчетом русского командования на Дальнем Востоке являлась явная недооценка степени готовности противника к современной войне. Оно исходило из того, что Япония до этого имела лишь опыт военных операций против Кореи и Китая, т. е. против отсталых государств на Востоке. По подсчетам генерала Куропаткина, Япония обладала «возможностью выставить в этой войне около 125 тыс. солдат и офицеров», она могла «располагать немногим более 400-тысячной территориальной резервной армией»²⁸. В действительности к февралю 1904 г. армия Японии насчитывала 850 000 обученных солдат, а со всеми видами резервов для пополнения ее численность составляла 4 250 000 человек. В течение всей войны, учитывая пополнения, которые доставлялись в Маньчжурию, у русского командования было 1 500 000 солдат и офицеров, сведенных в три армии, т. е. сила, которой располагал Наполеон в войне против России в 1812 г.²⁹. Военные обозреватели России в 1903 г., основываясь на оценках генерала Куропаткина, утверждали: «Невероятно, чтобы русский флот потерпел поражение, невероятно также и то, что японцы будут высаживаться в Чемульпо и Ляодунском заливе»³⁰.

Такая оценка давалась несмотря на то, что к началу 1904 г. Россия располагала лишь двумя военно-морскими базами — Владивостоком и Порт-Артуром, расстояние между которыми составляло 1300 миль. Эти базы и их способность к войне зависели от снабжения производственным оборудованием, рабочей силой, горючими и смазочными материалами, а также и продовольствием, т. е. от поставок из далеких районов центра России, Сибири и Урала.

Японский военно-морской флот находился в лучшем положении. Все японское побережье было разделено на пять морских округов, управление которыми вместе с доками, арсеналами и казармами для экипажей было сосредоточено в военно-морских базах Йокосука, Курэ, Сасэбо, Майдзуру и Муроран. Йокосука, Курэ и Сасэбо были технически совершенными по тому времени военно-морскими базами; Йокосука, расположенная вблизи промышленного центра Йокогама, имела хорошо оборудованные доки, самый длинный из них достигал 735 футов и позволял производить ремонт крупных эскадренных броненосцев, броненосных крейсеров. Заводы арсенала выпускали все виды оружия и технического оборудования для военных кораблей. На заводах и верфях было занято более 3500 рабочих и инженеров³¹. База Курэ, расположенная вблизи префектурального центра Хиросима, располагала двумя доками, заводами арсенала, выпускавшими броню и корабельную артиллерию. В 1904 г. здесь строился линейный броненосец водоизмещением 15 тыс. т. В Курэ работало около 4 тыс. рабочих и инженеров³². Военно-морская база Сасэбо

на полпути между Нагасаки и Симоносеки имела хорошо оборудованные причалы для укрытия кораблей флота, пополнения топливом и водой. Заводы и базы ремонтировали и выпускали новые котлы, в доке длиной 430 футов ремонтировались миноносцы. В арсенале и на верфях было занято более 3500 рабочих и инженеров³³. Майдзуру и Муроран — базы снабжения и ремонта — перед войной только развертывали свою деятельность, но уже имели значительные запасы топлива и запасных частей для кораблей флота.

К началу войны Япония располагала флотом в 168 кораблей водоизмещением 265 тыс. т. В его составе было: 6 эскадренных броненосцев, 2 броненосца береговой обороны, 6 броненосных крейсеров, 9 бронепалубных крейсеров первого класса и 7 — второго класса, 19 миноносцев-истребителей и 85 легких миноносцев. В первые же недели войны в строй вступили два броненосных крейсера — «Касуга» и «Ниссин». Корабли обслуживания и тылового обеспечения были мобилизованы у главной мореходной компании «Ниппон Юсэн»; получившей из государственного бюджета за второе полугодие 1904 г. 2327 тыс. иен компенсации³⁴. Весь личный состав был хорошо натренирован и обучен. Для высшего командного состава сохранилась клановая основа комплектования. На флоте поддерживались традиции культа императора Японии, воспитывался крайний шовинизм³⁵.

К началу русско-японской войны в Японии была уточнена схема организации наземных войск и органов управления. Высшим тактическим соединением армии была дивизия. Предусматривалось, что в военное время будут созданы армии. Так появились три армии для войны против России. Дивизия состояла из двух пехотных бригад по два полка в каждой, полк в свою очередь состоял из трех батальонов, а батальон — из четырех рот. В составе дивизии находился один кавалерийский полк трехэскадронного состава, артиллерийский полк двухдивизионного состава, в каждом дивизионе — три батареи шестиорудийного состава. В дивизии имелись саперный и обозный батальоны³⁶.

Гвардейская и Первая столичная дивизии были организованы особым образом. Каждая из них имела в своем составе кавалерийскую бригаду, в бригаде два полка по пять эскадронов в каждом, по артиллерийской бригаде, составленной из трех полков по два дивизиона в каждом, в дивизионе три батареи по шесть орудий в каждой³⁷. Армейская артиллерия составлялась из выделяемых дивизионов и батарей, входящих в состав дивизий. В военное время каждой дивизии придавались части усиления. Рота военного времени имела по штату 217 человек, саперная рота — 220 человек, полевая батарея — шесть 75-мм орудий, 150 солдат и офицеров³⁸.

На вооружении японской пехоты была 6,5-мм винтовка

образца 1896 г. На вооружении артиллерии состояли горные и полевые орудия 75-мм калибра. Пулеметы в частях японской армии в отличие от русской армии, где уже были соответствующие подразделения и расчеты, лишь поступали на вооружение и использовались в экспериментальных целях; специальных пулеметных подразделений в начале войны у японцев не было³⁹.

Японская армия комплектовалась на основе закона о всеобщей воинской повинности, который распространялся на лиц в возрасте 17—40 лет. Служба японских граждан делилась на действительную, запаса первого разряда, запаса второго разряда (территориальные войска) и ополчение⁴⁰. В связи с тем что контингент призыва в мирное время превышал потребность, набор в армию проводился по жеребьевке. На действительной службе солдат находился 3 года (во флоте 4 года), затем он зачислялся в запас первого разряда, через 4 1/3 года — второго разряда и через 5 лет — в ополчение⁴¹.

Большое внимание уделялось подготовке офицерского состава. Японское офицерство, продолжая самурайские традиции, рассматривало себя как главный оплот империи, как носителя идей «великой Японии», «исключительности» японской нации.

Согласно императорскому рескрипту офицер непосредственно выполняет волю императора в армии, так же относится к своим подчиненным, как и император к своему народу, и его приказ является императорским приказом, а послушание расценивается как неподчинение воле императора.

На основе принципа полной покорности воле командира и неукоснительного выполнения приказа офицера воспитывался японский солдат. Такой тип солдата-фанатика прославлялся японской печатью, воспевалась его доблесть, а служба в армии рассматривалась как великая честь, несравнимая ни с одной профессией. Как правило, выступления руководящих государственных деятелей Японии, тронные или юбилейные речи представителей императорского дома не обходились без славословия в адрес армии и флота. Никакой праздник не праздновался более пышно, чем День армии и флота, никого не провожали так торжественно, как солдат, отправляющихся на фронт. Об офицерах и генералах слагались песни, им отводились самые почетные места на церемониях — как религиозных, так и светских. Чтобы создать видимость социальной близости солдат и офицеров, допускалось выдвижение и назначение на офицерские должности среднего и особенно низшего звена солдат-крестьян, отличившихся на службе. Накануне русско-японской войны в японской армии был введен чин токумусотё — старшего фельдфебеля. Это был опытный, кадровый военный, прошедший все стадии обучения непосредственно в подразделении, командовавший отделением и даже

полувзводом, зарекомендовавший себя как сторонник монархического строя. Старшим фельдфебелям разрешалось без отрыва от службы подготовиться и сдать экзамен для получения офицерского чина. Фельдфебелям и старшим унтер-офицерам, ушедшим в запас первой очереди в офицерском звании, разрешалось после прохождения лагерного сбора в войсках, но не позднее полугода после увольнения вернуться в армию и получить должность офицера. Такова была система подготовки офицерских кадров, которая без особых изменений сохранилась до момента поражения японской армии во второй мировой войне.

Шестого февраля 1904 г. армия и флот Японии получили приказ императора начать боевые действия против России. 8 февраля без предварительного объявления войны японский флот под командованием вице-адмирала Хэйхатиро Того вероломно напал на русскую эскадру, стоявшую на порту-артурском рейде. Началась русско-японская война⁴².

Японское командование в войне с Россией использовало фактор внезапности и более выгодное стратегическое положение своей армии и флота, а также финансовую поддержку империалистических союзников — США и Англии. В идеологической подготовке войны видное место занимала националистическая расистского характера пропаганда, рассчитанная на Китай и Корею, о необходимости борьбы против русского белого империализма⁴³. Националистическая пропаганда была широко развернута и среди японского населения; при этом русские назывались не иначе как «исконные враги народа Ямато»⁴⁴.

Сражение под Мукденом 10 марта 1905 г., морское сражение в Японском море 27 мая 1905 г. были проиграны русским командованием. Противники, как побежденный, так и победитель, понесли в этих сражениях значительные потери. Пала после длительной осады русская крепость Порт-Артур. Особенно велики были потери японской пехоты и артиллерии во время пятикратного штурма этой крепости. Война в целом, продолжавшаяся около 17 месяцев (до заключения Портсмутского мирного договора), нанесла тяжелый экономический урон воюющим государствам и обострила внутривнутриполитический кризис. Народные массы двух империалистических государств, ощущавшие на себе тяжелое бремя налогов и поборов для обеспечения грабительской войны, расплачивавшиеся жизнями за интересы капиталистов и помещиков, стали активно выступать против войны.

В России рабочий класс и его партия большевиков-ленинцев поднимали знамя революционного восстания. Идеи демократической революции захватили все прогрессивные слои русского общества, в стране назревал политический кризис, непосредственно угрожавший царскому самодержавию.

В то же время в Японии росло недовольство войной, развернулось социалистическое движение. В его программе ярко обнаруживались интернациональные черты, выражением которых было резко отрицательное отношение к шовинистической, агрессивной политике правящих классов.

Печатный орган японских социалистов газета «Хэймин симбун» в годы войны вела активную антивоенную пропаганду, разоблачая политику правительства и военщины. В восемнадцатом номере газеты в начале марта 1904 г. было опубликовано письмо к Российской социал-демократической партии, в котором говорилось «о необходимости объединить усилия японских и русских рабочих для совместной борьбы против войны»⁴⁵. В разгар войны, в августе 1904 г., на амстердамском Международном конгрессе II Интернационала видный руководитель японского рабочего движения Сэн Катаяма встретился с делегатом от социал-демократов России Плехановым. Они участвовали совместно в разработке проекта резолюции протеста против войны. На этом конгрессе Японская социал-демократическая партия была принята в состав II Интернационала⁴⁶. Дошедшие через делегатов конгресса в Японию сведения о развернувшейся в России революции получили большой отклик у японских трудящихся.

Симптомы интернациональной солидарности японских рабочих с русским рабочим классом, а также антивоенные настроения вызывали беспокойство в лагере господствующих классов. Активные пропагандисты социализма и международной солидарности рабочих были брошены в тюрьмы, некоторые капитулировали под угрозой репрессий или же эмигрировали за границу.

Репрессивные меры против прогрессивных сил Японии сопровождались дальнейшим развертыванием шовинистической, милитаристской пропаганды среди населения. Тем не менее военная обстановка, сложившаяся к лету 1905 г., поставила перед Японией ряд трудных проблем.

После сражения под Мукденом и морского сражения в Цусимском проливе японское командование израсходовало все свои резервы, а потери в армии и на флоте были значительными. Финансовое положение Японии стало угрожающим. Для крупных наземных и морских операций, если бы они были навязаны Японии, уже не было сил и средств, способных обеспечить успех. К тому же внутривластная обстановка, как указывалось выше, была напряженной. Все это требовало от правительства Японии немедленного прекращения военных действий.

Японское правительство учитывало, что и правящие круги России заинтересованы в срочном выходе из проигранной войны. Хотя людские резервы России еще были значительны и возможности военно-промышленного производства пол-

ностью не исчерпаны, тем не менее опыт проигранной войны показал, что в условиях начавшейся революции при существовании коррупции в государственном аппарате, плохой работе транспорта нельзя было рассчитывать на новую мобилизацию и отправку на фронт дополнительных контингентов войск, средств вооружения и материального снабжения.

Японское правительство опасалось того, что английские и американские империалистические круги попытаются затянуть русско-японскую войну, чтобы использовать фактор ослабления обеих воюющих сторон, что сведет на нет плоды победы армии и флота Японии на суше и на море.

Вместе с тем японские государственные деятели рассчитывали на то, что среди руководящих кругов США и Англии налицо боязнь революционной ситуации, особенно в России. Продолжение войны могло бы ускорить революционный процесс. Это обстоятельство давало основание для надежды на активное посредничество великих держав с целью заключения мира.

31 мая 1905 г. министр иностранных дел Японии Дзютаро Комура по поручению своего правительства обратился к президенту США Теодору Рузвельту с предложением о посредничестве. 8 июня 1905 г. Т. Рузвельт пригласил обе стороны для переговоров, которые начались 8 августа в Портсмуте (США), а 5 сентября 1905 г. был подписан русско-японский мирный договор. Корея была признана сферой японского влияния. Япония получила право на аренду Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, Южно-Маньчжурской ж. д.— от Порт-Артура до ст. Куанчэнцзы — и Южный Сахалин. Царское правительство согласилось на заключение рыболовной конвенции и уплату 20 млн. ам. долл. на покрытие расходов по содержанию русских военнопленных. Важным пунктом договора было согласие обеих сторон использовать КВЖД и ЮМЖД только в коммерческих целях.

Подписание Портсмутского договора проходило в обстановке острой борьбы в Японии. Упоенные победой, шовинистические элементы и созданные ими организации: Общество черного дракона («Кокурюкай»), Антирусская лига («Тайро досикай»), специально созданная Лига борьбы с мирным договором («Тайхэйдзенкай») и др.— протестовали против подписания мирного договора, считая «преждевременное» прекращение войны антипатриотическим шагом правительства. Они настаивали на ее продолжении и требовали в ближайшее время овладеть всем Сахалином и захватить приморские районы России.

Однако эти шовинистические требования не учитывали реальной обстановки и были совершенно фантастичными.

В. И. Ленин в статье «Падение Порт-Артура» писал: «Главная цель войны для японцев достигнута. Прогрессивная,

передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа, с Россией во главе, обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы... Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе»⁴⁷.

Результаты русско-японской войны, с одной стороны, способствовали росту шовинистических, ультранационалистических тенденций во внутренней и внешней политике Японии, они дали новый толчок развитию милитаризма и его идеологии в стране. В то же время эти результаты не устранили, а, наоборот, усилили межимпериалистические противоречия, способствовали распространению антивоенных настроений, показали трудящимся массам, в чьих интересах ведутся империалистические, захватнические войны. Именно это определило сочувственное отношение японского рабочего класса и социалистов к революционной борьбе русского пролетариата в 1905—1907 гг.

3. ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ МЕЖДУ ДВУМЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ВОЙНАМИ (1906—1914 гг.)

Итоги русско-японской войны 1904—1905 гг. были использованы японскими монополиями и военщиной для пропаганды непобедимости японского оружия, для распространения шовинистического, националистического угара в стране. В городах и селах Японии появились десятки и сотни мемориальных сооружений (памятников, храмов, музеев и др.), прославлявших героизм японских солдат и офицеров, генералов и адмиралов. Адмирал Того превратился в кумира и образец самурайской доблести.

Милитаристская пропаганда ложилась на благоприятную почву. Япония всего в одно десятилетие превратилась в крупную колониальную державу. Нетрудно было доказать, что положение колониальной державы было завоевано агрессивными действиями, «самурайским мечом». Если раньше, до русско-японской войны, руководящие круги Японии считали необходимым «оглядываться» на отношение к своим действиям Англии, США и других крупных капиталистических держав, то после японо-американского соглашения Кацура—Тафта от 27 июля 1905 г. и нового англо-японского союзного договора от 12 августа 1905 г., в которых признавались особые права и интересы Японии в Корее и Китае, Япония стала более смело проводить политику расширения колониальной экспансии на Дальнем Востоке. Все расчеты в этом смысле

она связывала с дальнейшим усилением своих вооруженных сил.

Корея и Маньчжурия стали важнейшей базой японского колониализма. Концерн «Мицуи» уже в 1906 г. захватил многие источники угля, железной руды и большие площади леса в Корее. С помощью государства этот концерн создал в конце 1908 г. Восточно-колониальное общество, которое эксплуатировало обширные земли Кореи. В Южной Маньчжурии на базе ЮМЖД был создан концерн, значительная часть акций которого принадлежала «Ясуда». В Корею и Маньчжурию устремились концерны «Мицубиси», «Сумитомо», «Кухара» и др., которые под охраной японских штыков грабили маньчжурское и корейское население.

Активность концернов в самой Японии выражалась в строительстве многих новых промышленных предприятий. Объем капиталовложений вырос с 888 млн. иен в 1903 г. до 1215 млн. иен в 1908 г.⁴⁸ Стала развиваться тяжелая промышленность, «чему способствовала продолжавшаяся и после войны политика милитаризации страны»⁴⁹. В руки разбогатевших на японо-китайской и русско-японской войнах концернов («Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда» и др.) постепенно переходили казенные предприятия, которые по техническому оснащению были несравненно выше принадлежавших частным компаниям. Все правительственные заводы, выпускавшие военную продукцию в период японо-китайской и русско-японской войн, имели импортное оборудование, поставленное в счет межгосударственного кредита английскими и французскими фирмами. Производственный процесс на этих заводах осваивался с помощью английских и французских специалистов — инженеров и техников. Предприятия, поскольку они продолжали выпускать продукцию для армии и флота, были обеспечены заказами правительства и менее всего зависели от рыночной конъюнктуры. В то время как заводы и фабрики частных предпринимателей, выполнявших заказы для армии, после окончания русско-японской войны сразу же стали испытывать серьезные затруднения, бывшие казенные предприятия, проданные частным концернам, в 1906—1908 гг. сохраняли заказы на военную продукцию, что позволило загрузить эти предприятия на 65—70%⁵⁰.

Концерны, которые приобрели казенные предприятия, пользовались льготными условиями при закупке за рубежом сырья и оборудования, получали субсидии на импорт сырья и оборудования в размере до 10% стоимости импорта⁵¹.

Крупные концерны скупали акции и государственных arsenалов, полностью загруженных заказами на военную продукцию. Арсеналы превращались в государственно-частные предприятия. Это давало возможность крупному капиталу влиять на распределение заказов и на цены. Если обычные

машиностроительные компании в 1906—1908 гг. имели среднегодовую прибыль 3—5% оборотного капитала, то компании, специализировавшиеся на военном производстве, имели за эти годы среднегодовую прибыль 6—7%⁵². Это вызывало острую конкурентную борьбу между концернами, которая ослаблялась лишь вывозом капитала в Корею и Маньчжурию, где среднегодовая прибыль была выше максимальной, получаемой в Японии.

Японская экономика развивалась также за счет увеличения объема внешней торговли. Не только Маньчжурия, но и приморские районы Центрального и Южного Китая наводнялись текстильными и другими товарами легкой промышленности Японии. Ввозила же Япония преимущественно машины и оборудование, а также сырье для тяжелой промышленности. Японские правящие круги форсировали создание более прочной военно-промышленной базы, обращая основное внимание на развитие отраслей тяжелой промышленности и добычу стратегического сырья.

К концу 1900 г. общее число акционерных компаний в Японии достигло 5217 с капиталом 843 млн. иен, к концу же 1905 г. это число сократилось до 4326, капитал же этих компаний вырос до 1189 млн. иен. В следующем пятилетии, т. е. до 1910 г., число акционерных компаний сократилось до 3317, но капитал их вырос до 24 224 млн. иен⁵³. Таким образом, за 10 лет, несмотря на сокращение общего числа акционерных компаний, в 1900 из них капитал вырос более чем в 28 раз.

В связи с усилением процесса концентрации капитала и производства в Японии значительно возросла роль крупных акционерных компаний в промышленности, особенно в обеспечении военного потенциала страны. Так, в 1910 г. из 3317 компаний 822 были непосредственно заняты в отраслях тяжелой промышленности, главным образом в металлургии и машиностроении, 127 из них выполняли заказы для армии и флота⁵⁴.

Быстро развивались арсеналы, производившие стрелковое и артиллерийское оружие для армии и флота, а также судостроение, особенно военное, удельный вес которого неуклонно возрастал.

В течение 1911—1914 гг. на основе тщательного анализа опыта русско-японской войны были выработаны более совершенные формы организации войск, методы обучения и воспитания личного состава армии и флота. Во-первых, в стрелковых войсках были введены специальные подразделения тяжелого стрелкового оружия. Вместо ликвидированных четвертых рот в батальонах вводились четвертые огневые взводы в ротах. Этим была увеличена огневая мощь армии в целом.

Во-вторых, в тактику пехоты был введен термин «группа поддержки и развития наступления». Это стало первым ша-

гом к созданию вторых эшелонов и резервов для развития успеха в наступательном бою.

В-третьих, используя опыт русской армии в обороне во время войны, японские уставы и наставления пополнились специальными разделами о полевой фортификации и огневой системе в обороне. Тактика японской армии до русско-японской войны строилась исключительно на дерзких наступательных действиях, и признание необходимости и целесообразности обороны как одного из видов боевых действий пехоты явилось, несомненно, поворотным пунктом в решении японским командованием тактических задач.

В-четвертых, было признано, хотя и неофициально, право на ночные операции, которые игнорировались в практике действий японской пехоты. Японским войскам хорошо запомнились ночные рейды русской кавалерии и охотников-стрелков, которые появлялись внезапно на флангах и в тылу, сеяли панику и наносили довольно ощутимые удары растерявшимся подразделениям.

Следует признать, что японское командование всесторонне и тщательно проанализировало и обобщило опыт военных действий в русско-японской войне, сделало для себя весьма ценные выводы, которые были использованы в практике обучения и воспитания войск.

В 1907—1908 гг. отношения между Японией и США несколько обострились. В то же время создалась известная напряженность и в отношениях между Японией и Англией, поскольку первая решительно препятствовала проникновению английского капитала в Маньчжурию, в то время как японо-русские отношения стали постепенно улучшаться. 30 июля 1907 г. в Петербурге была подписана русско-японская конвенция (Извольский—Мотоно) о признании территориальной целостности обеих стран, принципа «открытых дверей» и статус-кво на Дальнем Востоке. До этого была подписана русско-японская рыбная конвенция, регулировавшая японское рыболовство в русских дальневосточных водах.

Придерживаясь «гибкой» внешней и внутренней политики, японское правительство Кацура после убийства в Харбине бывшего генерального резидента в Корее Ито перешло к открытой колонизации Кореи. 30 мая 1910 г. генеральным резидентом в Корее был назначен видный представитель японской военщины генерал Масатакэ Тэраути.

22 августа 1910 г. после тщательной «чистки» государственного аппарата Кореи и мощной демонстрации кораблей военно-морского флота у корейских берегов был подписан японо-корейский договор об аннексии Кореи, которая теперь и формально превратилась в колонию Японии.

Японские государственные и политические деятели, осуществив аннексию Кореи и замышляя еще более широкие

планы агрессии на Дальнем Востоке, вновь усилили пропаганду мнимых «освободительных целей» Японии, якобы направленных против «белого империализма». В стране и за ее пределами распространялись лозунги паназиатизма.

Экономический спад в Японии в 1907—1909 гг. не захватил предприятий военной промышленности. С 1909 по 1914 г., т. е. до начала первой мировой войны, японская экономика на базе все шире развертывающейся военной подготовки быстро развивалась. В 1910 г. в японской черной металлургии было 206 заводов, в 1913 г.—515. Число занятых рабочих соответственно выросло с 37 тыс. до 49 тыс. человек⁵⁵. Выплавка свинца в 1900 г. достигла 1987 т, в 1913 г.—3779 т, выплавка меди за эти же годы выросла с 24 тыс. до 67 тыс. т, промышленность, необходимая для выпуска военной продукции, выросла за 1900—1913 гг. в 2—2,2 раза. Еще более усиливались мощь крупных концернов и их влияние на государственные дела. На крупных предприятиях, имевших более 500 рабочих, в 1909 г. было занято 20%, а в 1914 г.—более 25% всех рабочих⁵⁶. Наблюдалось ускоренное промышленное картелирование, создавались синдикаты в цементной и других отраслях промышленности.

В связи с быстрым экономическим развитием Японии и усилением ее зависимости от внешней торговли японские государственные и политические деятели все чаще заявляли о притязаниях Японии на «исключительные права» на китайском и южноазиатском рынках. Это не могло не вызывать тревогу американского, английского и русского правительств. Их дипломатические представители в Токио не раз предупреждали японское правительство, что такие притязания «чреватые обострением отношений Японии с великими державами»⁵⁷. Но каждое такое предупреждение отводилось руководящими кругами Японии посредством «заверений в том, что расчеты на особые права в области торговли и капиталовложений в Китае ничуть не будут затрагивать интересы третьих держав»⁵⁸. С другой стороны, в японской печати развертывалась шовинистическая пропагандистская кампания о «дискриминации Японии со стороны великих держав».

Такая тактика давала возможность японским правящим кругам всячески оправдывать растущие военные расходы и развертывание военных отраслей промышленности. При резком обострении внутривнутриполитического недовольства в связи с ростом налогового бремени, связанного с гонкой вооружений, правящие круги страны шли на временную замену откровенно милитаристских правительств. Так, в частности, 30 августа 1911 г., когда в Японии особенно широко распространились антиправительственные настроения, правительство генерала Кацура ушло в отставку и на смену ему пришло правительство «либерала» Сайондзи, которое частично сокра-

тило расходы на военные цели, хотя и не собиралось отказаться от политики экспансии, например от попыток завоевания китайского рынка. В октябре 1911 г. в Китае вспыхнула революция, и большинство министров правительства Сайондзи, поддержанные военщиной, склонялись к тому, чтобы вторгнуться в Китай. Однако в связи с протестом великих держав, которые категорически воспротивились односторонней интервенции Японии в Китае, правительство Сайондзи не решилось осуществить интервенцию, хотя и не отказалось от усиленной к ней подготовки.

Правительство Сайондзи носило переходный характер.

Военщина резко критиковала его деятельность прежде всего за сокращение военных расходов и отказ от интервенции в Китае. Военная печать открыто требовала «перестроиться» перед лицом «сгустившихся туч и угрозы войны»⁵⁹. Правительство Сайондзи «сгорело в огне критики военных и военно-морских кругов»⁶⁰. 21 декабря 1912 г. в третий раз к власти пришло правительство Кацура, которое, однако, также не смогло обеспечить спокойствия в стране. Создав в январе 1913 г. новую политическую партию — Досикай (Общество единомышленников), Кацура попытался методом политических комбинаций ослабить оппозицию противников военных приготовлений. Однако это не могло предотвратить взрыва недовольства милитаристской политикой, правительству вскоре пришлось уйти в отставку. Только вспыхнувшая в Европе первая мировая война и осложнившаяся в связи с этим обстановка на Дальнем Востоке привели к временному ослаблению внутривнутриполитического кризиса в Японии. Правительство Окума стояло перед решением вопроса о том, как максимально использовать создавшуюся обстановку в интересах японского капитализма.

4. ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

В начальный период первой мировой войны, в августе — октябре 1914 г., японская пресса развернула внутри страны кампанию, которая была призвана показать, что «хотя события войны происходят на Западе, но они серьезно угрожают колониальной Азии и в связи с этим непосредственно затрагивают интересы Японии»⁶¹. Так как в стратегическом плане японской агрессии предусматривалось захватить приморские районы Китая, а также обеспечить контроль над северной частью Тихого океана, то конкретным объектом японских нападков стала Германия, обладавшая опорными позициями в приморском районе Шаньдуна и владевшая группой тихооке-

анских островов — Маршалловыми, Марианскими и Каролинскими. Для того чтобы поднять «ярость масс» против Германии, японское правительство сделало официальное заявление, в котором утверждалась историческая враждебность Германии к Японии⁶². Этот надуманный аргумент антигерманской пропаганды был предложен военщиной.

Следует подчеркнуть, что именно милитаристская и реваншистская пропаганда военщины накануне и в начале первой мировой войны помогла правительству Японии «обосновать» решение о вступлении в войну на стороне Антанты. Здесь, правда, сыграли определенную роль и заявления официальных лиц «об обязательствах в связи с англо-японским союзом». Однако значение этого союза оспаривалось задолго до войны. Так, на страницах японской официальной печати уже с 1909 г., вначале робко, а затем более откровенно, писалось о том, что «неизбежны обострение и борьба между империей и Великобританией, ибо правительство последней все меньше понимает цели и интересы Японии в Китае»⁶³. В некоторых статьях обращалось внимание на «подозрительное тайное сближение между Великобританией и Россией, направленное против Японии»⁶⁴. Под крупными заголовками в столичных японских газетах помещались сообщения о приезде в С.-Петербург делегаций и гостей из Лондона, высказывались предположения о «тайных переговорах по проблемам Восточной Азии и Индии». Военщина и ее покровители в японском правительстве настаивали в этой связи на необходимости «быть готовым ко всяким случайностям».

Предвоенная антибританская пропаганда была по-своему использована японской военщиной в новой обстановке. Когда 7 августа 1914 г. в ноте правительству Японии Великобритания попыталась доказать своему союзнику, что его участие в войне против Германии «было бы весьма целесообразно ограничить очищением китайских вод от германских кораблей», японским военно-морским и военным кругам легко было утверждать, «что эти ограничения для Японии проистекают из условий сепаратного сговора между Великобританией и Россией, игнорирующих интересы империи в Китае». Министр иностранных дел Японии виконт Като в неофициальной беседе с английским послом прямо заявил, что «нота британского правительства вызывает досаду и подозрения у правительства Японии, что ограничения прав Японии в качестве участника войны против Германии могут ослабить японо-английские отношения»⁶⁵. В условиях, когда все силы и средства Великобритании были направлены на европейскую войну, английский империализм не хотел «развязать руки» японскому империализму, который мог воспользоваться обстановкой, чтобы посягнуть и на позиции своей союзницы — Великобритании — в Азии.

15 августа 1914 г. японское правительство обратилось к правительству Германии с «советом» вывести свои войска и корабли флота из китайских вод, а также предложило «содействие» в разоружении тех частей и кораблей, которые не в состоянии немедленно эвакуироваться. К портам и военно-морским базам на территории Йокосука, Курэ и Сасэбо подвозились для погрузки части экспедиционной армии, которая должна была отправиться к берегам Шаньдуна и к Маршалловым, Каролинским и Марианским островам на Тихом океане.

Документ японского правительства от 15 августа 1914 г. не удовлетворял военные и военно-морские круги Японии. Был выдвинут для обсуждения ультиматум германскому правительству, предлагавший к 15 сентября передать японской стороне без всяких компенсаций и предварительных условий арендованную территорию Цзяочжоу со всем военным оборудованием, а также коммуникациями и связью «в полной сохранности»⁶⁶. Хотя срок ультиматума и был указан — 23 августа, на рассвете 17 августа выделенная для экспедиции на Шаньдун пехотная дивизия была погружена на корабли. Одновременно на о-вах Садо и Окисима в Японском море проводились маневры флота и пехотных частей, отрабатывавших взаимодействие при высадке десантов⁶⁷. Общее число подготовленных для операций войск достигло 78 тыс., в ней предусматривалось участие 17 боевых кораблей, 120 орудий полевой и 136 орудий корабельной артиллерии⁶⁸.

Такая мобильность войск, а также группировка сил и средств не могли не обратить на себя внимание и не вызвать подозрений у союзников Японии, в частности у США, правительство которых обратилось 17 августа 1914 г. с запросом к правительству Японии «о целях и намерениях японских вооруженных сил в Тихом океане и в Восточном Китае»⁶⁹. Премьер-министр Японии Окума неоднократно давал устные заверения в том, что «Япония не имеет никаких территориальных притязаний в Восточной Азии и по согласованию с Великобританией — союзницей Японии — предпринимает действия, обеспечивающие выполнение задач в войне против Германии»⁷⁰. Даже 24 августа, т. е. по истечении срока ультиматума, предъявленного Германии, когда японские корабли и пехота (второй эшелон десанта) подошли к берегам Шаньдуна и приступили к выполнению приказа по захвату германских «арендованных территорий» в Китае, Окума продолжал уверять правительство США, что Япония не намерена приобретать чужие территории или лишать самостоятельности какое-либо государство Востока.

В то время как давались эти клятвенные обещания, первый эшелон вторжения на кораблях стоял в 80 милях от шаньдунского берега, а 23 августа корабельная артиллерия

открыла огонь по крепости Циндао. Пока первый эшелон высадки (около полка пехоты при поддержке 48 орудий корабельной артиллерии) ввязывался в бои с 1,5-тысячным немецким гарнизоном, усиленным резервистами-немцами (всего немногим более 3 тыс. человек), второй эшелон, высаженный в бухте Лункоу — в 150 милях севернее Циндао, форсированным маршем подошел с суши к югу и юго-западу от Циндао и осадил крепость с трех сторон.

Поощряемое США китайское правительство Юань Ши-кая неоднократно заявляло протест японскому правительству в связи с военными действиями на китайской территории. Из Токио Юань Ши-кая заверяли, что соответствующие «распоряжения японскому командованию отданы»⁷¹. Однако нарушения суверенитета Китая продолжались. Китайское правительство объявило о том, что «территория, прилегающая к границам арендованной Германией территории Китая, объявляется военной зоной, а следовательно, запретной для военных действий»⁷². В подтверждение этого заявления правительство Юань Ши-кая отдало распоряжение губернатору провинции выставить на побережье свои войска. Это затруднило японскому командованию выполнить в срок намеченную им задачу, так как нельзя было без столкновения с китайскими войсками по сухопутным коммуникациям снабжать войска, осадившие Циндао, а их было уже около 30 тыс. человек.

Неожиданно для японского командования 24 сентября 1914 г. из Тяньцзиня «в помощь союзнику» прибыл английский отряд в 1350 штыков (англичане и сикхи), который был принят японцами весьма холодно, но все же получил задачу «охраны тыла осаждающих войск» и выполнения разведывательных функций. Такой шаг был вызван стремлением предупредить невыгодные для Англии последствия, которые могли возникнуть в результате оккупации японцами в одностороннем порядке территорий, ранее арендованных Германией.

Но японское правительство использовало участие английских войск в штурме Циндао для расширения программы оккупации Шаньдуна. С одобрения правительства Великобритании японские войска захватили железную дорогу Циндао—Цзинань, находившуюся в совместном владении Германии и Китая. Японское командование согласилось на охрану национализированной собственности совместными англо-японскими охранными подразделениями. В то же время японское правительство использовало «добрую волю» правительства Великобритании, чтобы собственными силами решительно осуществлять операцию по захвату Маршалловых, Каролинских и Марианских островов. Важно отметить, что группа японских кораблей находилась на близких подступах к этим островам еще с 18 августа 1914 г., т. е. в период, когда срок ультиматума Германии еще не истек.

После того как к концу 1914 г. Японией были завершены операции по захвату Шаньдуна и островов в Тихом океане, встал вопрос о выполнении обязательства, данного Китаю,— вернуть ему территории, арендованные Германией.

В декабре 1914 и в начале 1915 г. в правительственных кругах Японии велись острые споры вокруг этого вопроса. Высказывалось мнение, что возвращение Шаньдуна китайскому правительству выгодно, так как оно может дать широкие возможности для вывоза японского капитала в Китай и предоставит значительные экономические преимущества Японии.

В противовес этому мнению военные и военно-морские круги выдвинули тезис о «праве страны Ямато господствовать в Восточной Азии». Поскольку этому сопротивляются «европейско-американские торговцы свободой азиатских народов и потерявшие чувство азиатской гордости правители некоторых стран Азии, постольку миссия Японии состоит в устранении этих двух зол»⁷³. Японская военщина считала, что следует вести речь не о переговорах с Юань Ши-каем, а о предъявлении новых требований, которые стали бы «новым шагом вперед по пути создания великой азиатской империи»⁷⁴. Такие выступления вызывали тревогу даже среди многих государственных деятелей Японии, поскольку это могло вызвать осложнения в англо-японских и англо-американских отношениях.

Тем не менее правящие круги Японии поддержали военщину, и 18 января 1915 г. японский посланник в Пекине Хиоки вручил Юань Ши-каю «21 требование»⁷⁵. Не останавливаясь на всех пяти группах требований, принятие которых означало бы признание господствующего положения Японии во всех сферах государственной, политической, экономической и культурной жизни Китая, необходимо особо отметить те пункты, которые касались подчинения японскому контролю китайской армии, ее обучения и воспитания, военного снабжения и вооружения. Японское правительство выразило согласие участвовать в эксплуатации предприятий Ханьпинского комбината, имевших решающее значение для военно-промышленного развития Китая; строительство дорог, портов, хранилищ должно было находиться в руках японских концернов. Все стратегическое строительство на территории Китая ставилось под контроль Японии. Особенно унижительной была пятая группа требований: китайское правительство обязывалось пригласить влиятельных японцев в качестве политических, финансовых и военных советников; в важнейших пунктах Китая создавалась объединенная японо-китайская полиция; японские госпитали, храмы и школы в Китае получали право владеть землей; китайское правительство должно было приобретать в Японии свыше 50% нужного ему оружия или

создать в Китае объединенные японо-китайские военные арсеналы и приглашать японских специалистов и т. п.⁷⁶.

Совершенно очевидно, что это было частью тщательно разработанной программы военно-стратегического использования китайского плацдарма для завоевания Японией Восточной Азии, вытеснения из этого региона великих держав. Эта программа, став вскоре известной США, вызвала немедленную реакцию; предприняв ряд дипломатических акций в самой Японии, правительство США поспешило заверить Юань Ши-кай, что оно будет и впредь всемерно поддерживать самостоятельность и независимость Китая.

Получив такого рода поддержку, Юань Ши-кай в ходе японо-китайских переговоров отклонил японские притязания. Японским уполномоченным пришлось пойти на смягчение первоначальных требований, что вызвало резкую критику со стороны военных кругов. В начале мая 1915 г. военные круги добились от японского правительства объявления мобилизации в армию и флот трех возрастных групп запасных контингентов. Была развернута широкая антикитайская пропаганда. Китаю грозили решительными мерами в связи с «несговорчивостью китайского правительства». 25 мая 1915 г. китайское правительство приняло ряд требований Японии, сформулированных менее грубо, чем первоначальные.

Это был первый серьезный шаг на пути к открытой японской интервенции в Китае. Японские милитаристы были недовольны результатами переговоров. Они намеревались спровоцировать японо-китайское столкновение, которое могло бы послужить предлогом для вооруженной интервенции.

С учетом этой ситуации Англия и США высказались за приглашение Китая вступить в войну против Германии в качестве союзника Антанты. Япония категорически сопротивлялась этому, считая, что вооружение и мобилизация военных контингентов в Китае несовместимы с ее интересами. Тогда Великобритания через своего дипломатического представителя в Токио пригрозила непризнанием японских приобретений за счет Германии в Китае и на Тихом океане⁷⁷.

Пришедшее к власти в октябре 1916 г. на смену правительству Окума правительство Тэраути было весьма озабочено тем, чтобы добиться признания великими державами японских захватов в Китае и на Тихом океане. Лучшим средством для достижения этого было, по мнению Тэраути, финансирование соперничавших военных клик в Китае и разжигание междоусобных столкновений. Войны между китайскими милитаристскими кликами позволяли выставить Японию в роли «умиротворителя» в Китае. Правительство Тэраути предоставляло займы китайским милитаристам и их вассалам и получало взамен концессии на железные дороги, право на эксплуатацию источников стратегического сырья

и т. п. Одновременно в Китае появились и японские военные специалисты, прикомандированные к различным милитаристским организациям.

В начале февраля 1917 г. США порвали дипломатические отношения с Германией и обратились к нейтральным странам, в том числе и Китаю, с предложением вступить в войну против Германии. После того как Япония удалось разжечь междоусобные войны в Китае и внедрить туда своих военных специалистов, японское правительство не возражало больше против участия Китая в войне против Германии. Формальное участие Китая в войне давало японцам еще большие возможности подчинить своему контролю организацию, тактику и вооружение китайской армии.

2 ноября 1917 г. было подписано известное в истории японо-американских отношений «соглашение Лансинг—Исии», в котором признавалось, что Япония имеет специальные интересы в Китае. Обе стороны обязывались соблюдать независимость и территориальную целостность Китая и принцип «открытых дверей» для торговли и промышленности в этой стране.

В это время в мире произошло событие, до основания потрясшее всю капиталистическую систему: свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Колониальные планы империалистических держав в отношении Китая оказались под вопросом. Хотя никто из руководителей капиталистических держав не хотел верить в долговечность завоеванной в России пролетариатом власти, этот величайший в истории человечества поворот в судьбах мира вызывал растущее беспокойство и порождал неуверенность в империалистических кругах.

* * *

Первая мировая война и относительно легкий захват германских владений в Китае и на Тихом океане, значительный рост экспорта японских товаров на рынки Азии позволили империалистической Японии значительно укрепить здесь свое положение. Этому способствовало также ослабление в связи с войной экономических позиций США, Англии, России и других капиталистических стран в азиатских странах, в частности на таких крупных рынках, как Китай и Индия.

Японские правящие круги с новой силой стали «поднимать на щит» армию и военно-морской флот. 18 января 1915 г. более 2 тыс. генералов, адмиралов и офицеров японской армии и военно-морского флота, более 5 тыс. солдат и матросов были награждены императорским указом «за преданность империи и участие в кампании по освобождению от противника территорий и уничтожению его форпостов в океане и на

суше»⁷⁸. Однако в императорском указе не было конкретных указаний на то, какую именно территорию «освобождали» от противника японские войска и флот. Японская буржуазная пропаганда твердила о том, что «штурм Циндао и форпостов противника на Маршалловых, Марианских и Каролинских островах — самый ценный вклад в победу союзников. Шаньдун отвоеван для Китая, острова Тихого океана в руках Японии служат успешной борьбе против австро-германского флота»⁷⁹. В ходе войны нельзя было откровенно признаться в том, что Шаньдун был захвачен как плацдарм для борьбы за колониальное подчинение других провинций Северного и Центрального Китая, а Маршалловы, Марианские и Каролинские острова превращались в вооруженный форпост японского империализма для будущих военных провокаций на Тихом океане.

В годы первой мировой войны еще больше обогатились японские монополии, прежде всего за счет ограбления колоний и расширения колониальных позиций японского империализма. Быстро развивались металлургия и машиностроение, возрастал военно-экономический потенциал страны.

Некоторое представление о стоимости вывезенного из Кореи — этой самой крупной японской колонии — за годы первой мировой войны стратегического сырья и благородных металлов дают следующие данные*:

Благородный металл или вид стратегического сырья	Стоимость вывезенной продукции, тыс. иен				
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Золото (намытое из золотых песков) . . .	5316,0	5662,5	6632,5	7466,6	8269,5
Серебро	15,1	28,7	18,9	22,5	33,7
Медная руда и концентрат	6,6	3,7	1,7	9,5	308,8
Железная руда	201,8	233,9	293,1	375,4	388,7
Свинец	234,8	252,3	152,3	215,1	394,7
Уголь	557,8	570,1	810,7	997,7	819,2
Прочие виды сырья . . .	483,1	445,4	592,5	1446,9	3956,9
Итого . . .	6815,2	6196,6	8501,8	10 733,7	14 181,5

* «Нихон дзигё сёси», Токио, 1924, стр. 123.

Таким образом, стоимость вывезенных из Кореи в Японию благородных металлов и стратегического сырья за годы войны выросла более чем в 2 раза.

Такому же ограблению подверглась территория Тайваня (Формозы). Стоимость вывезенного отсюда стратегического сырья и благородных металлов к концу войны в сравнении

с 1913 г. выросла в 1,5 раза. Важно отметить, что преимущественное внимание японских концернов было уделено разработке, добыче и вывозу золота и других благородных металлов, повышавших фонды для оплаты импорта стратегических материалов.

За годы первой мировой войны заметно расширилась энергетическая и топливная база японской промышленности. В 1913 г. мощность тепловых и гидроэлектростанций Японии составляла 256—846 квт, а в 1917 г. — 422 450 квт⁸⁰.

За годы войны получили развитие отрасли тяжелой и химической промышленности. Пользуясь ослаблением конкуренции США и Англии на рынках Восточной Азии, Япония добилась повышения обеспеченности своей металлургии импортным сырьем, что позволило расширить производство военных кораблей, артиллерийского и стрелкового оружия, всевозможных боеприпасов и военно-инженерной техники. В 1916 г. сталелитейное производство на 68,7% работало по заказам правительства для военного ведомства (исключая объем выплавки стали концернами, владевшими значительным портфелем акций в военных арсеналах), в 1917 г. объем этих заказов составил уже 71,4% всей выплавки стали в стране⁸¹.

За 1905—1915 гг. Япония на основе развития металлургии и общего машиностроения построила и спустила на воду 78 военных и военно-транспортных кораблей общим водоизмещением 360 тыс. т⁸²; в то же время японское правительство заказало и построило на зарубежных судостроительных верфях шесть военных кораблей общим водоизмещением 62 тыс. т⁸³. Удельный вес строительства кораблей для гражданского судоходства за эти десять лет не превышал 40—42%, остальной объем строительства осуществлялся по заказам правительства для военно-морского ведомства. По закону, изданному в марте 1908 г., строительство грузовых судов должно было «учитывать потребности периода мобилизации и обслуживания действий военно-морского флота»⁸⁴. За период первой мировой войны в Японии были построены и введены в действие 33 новых дока и ремонтных баз; всего их стало 271. Они были способны одновременно строить и ремонтировать 443 корабля общим водоизмещением 540 531 т⁸⁵. На военном судостроении в период войны обогатились такие судостроительные предприятия, как «Токио Исикавадзима дзюкосё», «Кавасаки дзюкосё», «Мицубиси дзюкосё», «Утида дзюкосё», «Тэйкоку кисэн кайся», «Харада дзюкосё» и др., — всего 18 крупных судостроительных компаний, оплаченный капитал которых вырос со 144 700 тыс. иен в 1914 г. до 221 850 тыс. иен в 1917 г.⁸⁶.

Участие государства в судостроении обеспечивало получение компаниями субсидий по военным заказам, а также высокие цены на произведенную продукцию и значительные

привилегии по налогам. Вся тяжесть военных расходов перекладывалась на плечи японского народа.

К концу первой мировой войны японская промышленность оказалась способной производить все виды современного оружия — от классных военных кораблей до стрелкового оружия. В области технического совершенствования стрелкового оружия, артиллерийских систем для наземной и корабельной артиллерии Япония опередила такие страны, как Англия и Франция, и приближалась к техническому уровню производства этих видов вооружения в Германии. В США «с завистью смотрели на достижения японской военной промышленности»⁸⁷. За 1914—1916 гг. в японской пехоте были введены карабины «Арисака», имевшие в сравнении со старыми винтовками большую скорострельность, заменены горные 75-мм орудия на более облегченные и легко разбираемые для вьюков, полевые 75-мм орудия поставлены на масляную, полуавтоматическую откатку, увеличилась скорострельность орудия⁸⁸.

Важно отметить то обстоятельство, что вступление Японии в войну на стороне Антанты дало возможность японским военным руководителям заимствовать многое из достижений союзников, внести значительные коррективы в программы военной академии и школ подготовки среднего звена офицерского состава армии. Как только во время осады Циндао появился отряд английских войск, из императорской академии в район боев в качестве наблюдателей и «советчиков» прибыло 27 японских офицеров старших курсов с «задачей поближе ознакомиться с тактикой и вооружением английской пехоты»⁸⁹.

После объявления войны Германии органы японской буржуазной пропаганды внушали общественному мнению страны, что Япония преследует «национальные цели в войне».

Особое внимание японская печать уделяла воспитанию шовинизма и паназиатизма. Эта пропаганда усиливалась по мере роста недовольства японских трудящихся.

Несмотря на военно-полицейский режим и репрессии против демократических сил страны, рабочий класс Японии высказывал свое недовольство войной, боролся за улучшение своего экономического положения. Крестьянство Японии в годы войны также усилило сопротивление эксплуатации со стороны помещиков. Положение в стране было напряженным. Росла инфляция: если в 1914 г. внутренний долг государства составлял 341 млн. иен, то к концу 1918 г. он вырос до 2045 млн. иен, т. е. более чем в 6 раз. Выпуск денег и ценных бумаг Японским банком вырос с 87 млн. до 716 млн. иен⁹⁰. Быстрыми темпами поднимались цены на товары массового потребления, особенно на продовольствие и одежду. Если принять уровень стоимости товаров массового потребления в 1914 г. за 100, то к 1918 г. он вырос до 230 пунктов⁹¹. Хотя

индекс номинальной заработной платы в эти годы и поднялся до 157 пунктов, индекс реальной заработной платы снизился до 68 пунктов в 1918 г.⁹².

Инфляция сильно ударила по производителям сельскохозяйственной продукции. Цены на сельскохозяйственные продукты, закупаемые государством, были низкими, а стоимость удобрений, химикалий и инвентаря возрастала. Быстро росли налоги на трудящихся. Повышение налогового бремени было связано с ростом расходов на милитаризацию, планами увеличения японской армии до 40 дивизий и строительства флота, «равного американскому»⁹³.

Глава III

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ в 1917—1931 гг.

1. ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Февральскую революцию 1917 г. в России государственные и политические деятели Японии встретили относительно спокойно.

Однако, по мере того как «под влиянием Октябрьской революции начался быстрый подъем революционного движения пролетариата»¹, в Токио стали проявлять нервозность. В правящих кругах Японии начали разрабатывать планы «преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта»². Эти планы ставили специальные задачи перед армией и флотом. Японская военщина требовала усиления вооруженных сил для «преграждения пути коммунистической революции».

О перспективах японской армии и флота стали говорить после того, как в июле 1917 г. в Токио вернулась из Европы первая группа японских офицеров, командированных в 1915 г. для связи с союзным командованием на Европейский театр войны, и прежде всего для изучения состояния вооруженных сил союзников в войне против Германии.

Японских генералов и адмиралов, живших устаревшими представлениями об уровне военного искусства на Западе, крайне смущали рассказы офицеров о развитии технических средств ведения современного боя и операции, о мощи артиллерии и ее огня, о групповой поддержке авиацией наземных войск, о танках и бронемашинах, изменивших в корне течение современного боя, о существовании разработанной теории «танковой войны», «воздушной войны» и т. п.³. Японским офицерам нетрудно было доказать, что японская армия и флот, их вооружение и методы ведения боя и операции значительно отстают от армий и флотов государств Европы и США. Вывод напрашивался сам собой: армию и флот необходимо перевооружить, а японская промышленность должна

освоить в короткие сроки выпуск современных видов вооружения и боевой техники.

Не меньшее беспокойство вызывали сообщения офицеров, вернувшихся из Европы, о кризисе буржуазно-демократических режимов, о массовых антивоенных выступлениях рабочих, крестьян, об участии в них солдат и матросов, о политических забастовках рабочих. Но особую тревогу среди военных и военно-морских кругов Японии вызвала весть о совершившейся Октябрьской революции в России. 8 декабря 1917 г. перед слушателями императорской академии (Тэйкоку гун дайгакко) с лекцией на тему «Современные стратегические теории» («Гэндай но сэнряку сорон») выступил тогдашний кумир военной молодежи Японии генерал Кадзусигэ Угаки⁴. Японский генерал разразился бранью в адрес русских большевиков, которые «сломали столетиями существовавшую империю, растоптали принципы демократии и создали анархическую систему власти безответственных интеллигентов и нищих». Угаки нарисовал картину тех «бедствий, которые ждут Японию», в случае если она не обеспечит себя «правительством твердой руки и великой решимости в борьбе против национальных предателей, выставляющих себя революционерами»⁵. Угаки отражал в данном случае испуг реакционных кругов Японии перед совершившейся в России великой революцией. Формулируя свое политическое кредо, он утверждал, что в мире нет иной, более прочной и целесообразной государственной системы, чем императорская система, ниспосланная избранному японскому народу. В пору хаоса и неразберихи в мире, угрожающих народам Азии, императорская Япония, по его мнению, в качестве главного фактора сохранения независимости азиатских народов должна поднять знамя священной борьбы как против европейского и американского деспотического капитализма, так и против катящейся на Восток волны русского большевизма особенно... Именно Япония, говорил генерал Угаки, призвана выполнить миссию объединения и сплочения азиатских народов, закрыть путь в Азию европейскому деспотическому капитализму, уничтожить русский большевизм, стремящийся ликвидировать границы государств и распространить дух анархии и неповиновения⁶. В это же время перед офицерами пехотных училищ (Тэйкоку хогун гакко) выступали сторонники старой, ортодоксальной школы военного искусства — маршал Тэраути, генералы Араки, Хаяси, Ниси, Абэ, Уэда и др. Характерно, что по вопросам политической стратегии у маршалов и генералов Японии как старой, так и новой школы не было разногласий. Все они опирались на философию и политику панasiatизма, насильственного насаждения на Азиатском континенте идей «императорского пути» («кодо»), которые должны были привести к созданию великой японской империи⁷.

Представители старой, ортодоксальной военной школы считали, что отставание японской армии в области вооружения и технического оснащения компенсируется за счет «исключительности японского духа, за счет готовности японского солдата и офицера умереть за императора, пожертвовать своей жизнью за идеи японизма»⁸. Упрекая «молодых офицеров» за их склонность отдавать предпочтение военной технике, они утверждали, что «решающим условием победы в поединке между Японией и ее противниками является отречение японских воинов-самураев от всех благ земной жизни и от самой жизни во имя идеи великой империи, вершиной которой является вера в императора и его божественное происхождение»⁹.

Главным врагом настоящей и будущей японской империи объявлялся большевизм и его родина — Советская Россия. Слушателям-офицерам внушалась мысль о том, что «не следует принимать всерьез силу оружия и способность русских воевать, тем более побеждать». Революция и большевизм сделали якобы русских солдат склонными к анархизму и неповиновению. Не желая умалить значение победы Японии в русско-японской войне 1904—1905 гг., представители ортодоксальной школы говорили, что солдаты Советской России не солдаты царской армии, которые сражались за Порт-Артур и Ялу, что они не обладают тем духом и боеспособностью, которые были проявлены русскими под руководством генералов Куропаткина и Кондратенко¹⁰. Таким образом, японские маршалы и генералы не считали вооруженный революционный пролетариат России серьезным противником. Они ориентировали офицеров японской армии на легкую победу, во весь голос заявляли о намерении сокрушить молодую Советскую власть на Дальнем Востоке и в самом скором времени поднять знамя «восходящего солнца» над обширными азиатскими территориями вплоть до границ между Азией и Европой.

Примыкавший к группе старой военной школы генерал Танака в то время сетовал на то, что «большевистская волна гонит на восток России подлинных хозяев страны. Они заслужили у японцев сочувствие и поэтому должны быть использованы в качестве социальной и политической базы будущего административного и политического устройства Приморья, Приамурья и Восточной Сибири»¹¹. Генерал Танака выражал мнение тех государственных деятелей Японии, которые видели в отступавшей белой армии, в бежавших с ней русских капиталистах, помещиках и высшем духовенстве свою опору в борьбе против революционной России. Они хотели использовать эти контрреволюционные силы на Дальнем Востоке для прикрытия и маскировки своих грабительских планов. Правительство Японии, таким образом, интен-

сивно готовило почву для военной интервенции на русский Дальний Восток и Сибирь.

В это же время дипломаты США, Англии и Франции, значительно опережая Японию, вступают в более тесные контакты с верхушкой русской контрреволюции, помогают ей в организации гражданской войны и в создании марионеточных белогвардейских режимов.

Япония стремится прежде всего использовать обстановку гражданской войны для того, чтобы силой своей армии оккупировать обширные территории Дальнего Востока и Сибири и лишь после этого приступить к формированию марионеточного режима из представителей русской буржуазии и помещиков.

Подобная перспектива вполне устраивала японские монополии. Перед ними сразу же открывалась широкая возможность под охраной штыков приступить к эксплуатации источников угля и нефти, железной и медной руд, продовольственных и технических культур, леса и рыбы на советском Дальнем Востоке.

Именно поэтому японское правительство не скупилось на расходы для ускоренной подготовки армии и флота к интервенции на советском Дальнем Востоке. Подготовка к интервенции приносила значительные прибыли военным промышленникам. Компании, специализировавшиеся на военном производстве, присваивали значительные суммы, отпущенные по бюджету на военные расходы, занимаясь не только производством военных материалов по заказу, но и посредничеством при импорте этих материалов из-за границы. Характерны в этом отношении данные о расходах на военные цели и стоимости импорта военных материалов *:

Год	Общая сумма военных расходов, тыс. иен	Стоимость импорта военных материалов, тыс. иен	Индекс—I	Индекс—II
1894	22 832	22 515	100	100
1906	620 717	174 262	2720	774
1911	199 612	215 707	876	958
1916	235 134	279 608	1030	1243
1921	869 636	910 528	3811	4044

* Н. Цудзиката, «Дзайсэй си», 1928, стр. 35 (на япон. яз.).

Пока в правительстве Японии обсуждались условия участия в антисоветской интервенции, события на Дальнем Востоке нарастали. Правительства США, Англии и Франции с каждым днем все больше убеждались в бессилии бывших

«хозяев» России, в невозможности вырвать их из кольца народной ненависти. В то время у правительств западных держав не было еще достаточно военных сил, особенно наземных войск, для осуществления интервенции на советском Дальнем Востоке. Зато такими силами обладала Япония; ее Квантунская группа войск в зоне ЮМЖД и на Ляодунском полуострове, ее гарнизоны в городах и портах Кореи могли стать первым и достаточно внушительным эшелонem для высадки во Владивостоке и других портах Приморья.

Японское правительство решило использовать это свое преимущество.

На интервенцию правящие круги Японии толкало и острое внутрисполитическое положение. Мартовские стихийные революционные выступления 1918 г. («рисовые бунты»), падение производства в связи с экономическим кризисом 1920—1921 гг. и резким сокращением заказов для военной промышленности, а также сокращение японского экспорта на рынки Азии после окончания войны в Европе чрезвычайно осложнили обстановку. Обострялась и классовая борьба в стране. Если в 1917 г. было зарегистрировано 108 забастовок рабочих, в которых участвовали 8413 человек, то в 1918 г. забастовок было 393, а число участников — 57 309 человек¹². Все это толкало японскую буржуазию на поиски «выхода», который и был найден на пути ускорения военной интервенции на советский Дальний Восток.

К тому же милитаристские круги Японии открыто требовали «пойти на любые жертвы, только бы не опоздать к делу территории России, который произойдет после вмешательства США, Англии и Франции, поддерживавших русских монархистов, капиталистов и помещиков»¹³.

Подобные аргументы широко использовались милитаристскими кругами для того, чтобы склонить правительство Японии к решению вопроса о захвате обширных территорий советского Дальнего Востока и Сибири под прикрытием «коалиционной военной стратегии». Милитаристы Японии мечтали занять ведущее место среди интервентов и постепенно отодвинуть своих союзников на второй план, не считаясь с неизбежным обострением японо-американских, японо-английских и японо-французских отношений.

Участие в интервенции правительство Японии рассчитывало использовать и для того, чтобы добиться официального признания союзниками по первой мировой войне захвата германских арендованных территорий на Шаньдуне и Маршалловых, Марианских и Каролинских островах. На Парижской мирной конференции 1919 г. Япония получила права и привилегии, которыми пользовалась Германия в Шаньдуне, добилась передачи ей в качестве мандатных территорий тихоокеанских островов, принадлежавших ранее Германии.

Таким образом, японское правительство не ошиблось в своих расчетах: империалисты США, Англии и Франции пошли на большие уступки, лишь бы заполучить японскую армию и флот в качестве ударной силы в интервенции против Советской Республики. Весной 1918 г. во Владивостоке высадились японские, американские, английские и французские войска. Япония сразу оказалась в более выгодном стратегическом положении, поскольку ее собственная территория и ее колонии — Маньчжурия и Корея — находились вблизи Советской России. Во главе высадившихся интервенционистских войск сразу же встал японский генерал, который привез с собой хорошо слаженный штабной аппарат и тыловую службу. Японская военщина настойчиво шла к осуществлению своей цели.

Советское правительство принимало все меры к тому, чтобы сорвать замыслы японского империализма и его союзников по интервенции. В 1920 г. по предложению В. И. Ленина была создана Дальневосточная республика (ДВР) как буферное государство между Россией и Японией. Между ДВР и правительством Японии в августе 1921 — апреле 1922 г. в Чаньчуне велись переговоры об эвакуации японских войск. В это время японская экспедиционная армия на Дальнем Востоке терпела одну военную неудачу за другой, участились факты разложения и дезертирства солдат и офицеров этой армии. Тем не менее японская сторона отказывалась вывести войска и предъявляла требования: не устанавливать Советской власти на Дальнем Востоке, открыть для японской торговли приморские порты ДВР, в том числе и Владивосток, допустить японские монополии к эксплуатации богатств Дальнего Востока и Сибири, в том числе предоставить им свободу лова рыбы в советских водах, сдать в аренду на 80 лет северную часть Сахалина и т. д.

Правительство ДВР не могло согласиться с этими колониальными требованиями агрессора. В результате героической борьбы Красной Армии и партизан Дальнего Востока и Сибири под руководством партии большевиков японские интервенты в 1922 г. были изгнаны с советской земли. Северный Сахалин был очищен от японцев позднее, в 1925 г., после установления дипломатических отношений между СССР и Японией.

2. УРОКИ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Во время оккупации советского Дальнего Востока японское командование обобщало опыт ведения военных действий. Генералы и офицеры экспедиционной армии тщательно знако-

мились с достижениями военного искусства и военной техники в армиях США, Англии и Франции.

Вместе с тем решалась задача изучения и обобщения опыта действий японской армии против «нового» противника в условиях резко континентального климата, особенно в Сибири, таежного и бездорожного театра войны. Военные круги Японии первоначально добились решения своего правительства выделить для участия в интервенции наиболее подготовленных и физически тренированных солдат и офицеров, «численность которых могла быть доведена за один год до 50 тыс.». Флот Японии должен был обеспечить высадку войск, осуществлять связь между фронтом и тыловыми учреждениями, перевозить пополнение и предметы материального снабжения для действующей оккупационной армии. Что касается союзников по интервенции, то в их обязанности входило кроме оказания Японии финансовой и материально-технической помощи участие небольшими силами в отдельных операциях на оккупированной территории. Японские генералы считали политически целесообразным привлечь в качестве прикрытия своих грабительских целей для работы в органах «законной власти» на оккупированной территории бежавших из России помещиков, капиталистов и монархических чиновников. Японский генеральный штаб, имея значительную экспедиционную армию, планировал скоротечную операцию для ликвидации «русской революции на Дальнем Востоке и в Сибири в кратчайшие сроки». Генштабисты предлагали, используя удобный порт Владивостока, железные дороги на территории Маньчжурии, быстро перебросить войска, выйти в Приморье и Забайкалье, стремительно продвинуться вглубь по коммуникациям на захваченной территории. Войска и транспорт должны были встретиться в районе Иркутска и дальше объединенной колонной двигаться по сибирской магистрали. Овладение тыловыми и фланговыми гарнизонами, установление с помощью союзников антисоветских режимов не должны были мешать форсированному маршу японских колонн. Все это должно было якобы обеспечить завершение оккупации в самые короткие сроки.

Военщина и ее хозяева в Токио не предвидели больших осложнений. Они доказывали, что социалистическая революция в России и власть большевиков победили лишь в Петрограде, Москве и других крупных городах России. Вместе с тем революция привела к хаосу во всей стране, политической и экономической неразберихе, к ликвидации русской армии в качестве силы, способной отстоять Россию от посягательств извне. Стоит, мол, только вступить в Россию организованным и цивилизованным армиям Японии, США, Англии и Франции, как с их помощью русские капиталисты и помещики, воспрянув духом, вновь обретут силу. За ока-

занную им помощь контрреволюция откроет кладовые не-
сметных богатств России, позволит японским монополиям
хозяйничать на Дальнем Востоке и в Сибири¹⁴.

Однако японские стратеги просчитались. Октябрьская
социалистическая революция охватила всю страну и быстро
пробудила активную политическую жизнь трудящихся стран
Европы и Азии¹⁵. В самой Японии под влиянием русской
революции ширилась борьба рабочего класса и крестьянст-
ва против буржуазии и помещиков. Только в текстильной
промышленности Японии за 1918—1923 гг. было отмечено
более 1955 рабочих конфликтов, в которых участвовало бо-
лее 300 тыс. рабочих и работниц. Особенно ширились конф-
ликты в японской деревне, росло число крестьянских вы-
ступлений, направленных против высокой арендной платы
и ссудного процента. Число арендных конфликтов выросло
с 862 в 1919 г., 1953 в 1924 г., до 2751 в 1930 г. Экономиче-
ская борьба стихийно перерастала в политическую, вклю-
чавшую и лозунги защиты первого в мире социалистическо-
го государства рабочих и крестьян. Одним из лозунгов
японского пролетариата был лозунг «Прекратить интервен-
цию, вернуть войска с Дальнего Востока».

Японская реакция не рассчитывала встретить упорное
сопротивление рабочих, крестьян и интеллигенции Дальне-
го Востока и Сибири. Участник интервенции капитан япон-
ского военно-морского флота, впоследствии корреспондент
газеты «Токио-Асахи», Такэторо Мори писал: «Порой ка-
залось, что земля под нами полна таинственной враждебно-
сти, готова проглотить нас»¹⁶. Японским милитаристским
кругам пришлось вскоре признать, что идеи большевизма
чрезвычайно близки и понятны народным массам, «они на-
столько близки им, что никакие обещания и посулы, а так-
же никакое насилие не в состоянии их повернуть спиной
к большевикам, они им верят, они идут за ними»¹⁷. Мало
того, японское командование экспедиционного корпуса на
Дальнем Востоке, выросшего численно к 1919 г. до 75 тыс.
солдат и офицеров, столкнулось с неожиданным для него
явлением: присягавшие императору солдаты из рабочих и
крестьян выказывали сочувствие русским революционным
рабочим и крестьянам, становились на путь невыполнения
приказов, отдельные группы солдат дезертировали или от-
казывались совершать насилия над мирным населением, не-
навидевшим оккупантов.

Японские историки пишут о значительной революцион-
ной, антивоенной работе, которую направлял видный дея-
тель японского революционного движения Сэн Катаяма.
Они отмечают, что «в борьбе против интервентов участвова-
ли и другие японцы». Японский юноша Митио Сато из г. Но-
бори (преф. Миячи) в 1919 г. уехал во Владивосток, рабо-

тал на японской спичечной фабрике, в 1922 г. вернулся в Японию, но тут же выехал в Сибирь, вступил в русский партизанский отряд, принял участие в борьбе против японских захватчиков. «Сато распространял литературу, разъяснявшую преступность империалистических войн, значение классовой борьбы, необходимость отзыва японских войск¹⁸. Сато простудился, заболел и умер, и русские и японские товарищи похоронили его с почестями. Борьба против интервенции, пишут японские историки, велась и в самой Японии. «Профсоюзы, прогрессивные студенческие и женские организации активно участвовали в этой борьбе»¹⁹.

Японская армия, прошедшая школу позиционной русско-японской войны 1904—1905 гг., хорошо тренированная для наступательных действий в полевых условиях, решительно идущая в штыковой бой, вдруг встретила с маневренной партизанской войной, к которой она не была готова. Командиры полков, батальонов, рот и взводов сетовали на то, что «большевики ведут войну не по правилам»: они появляются неожиданно там, где их совсем не ждут, исчезают, как только противником построен боевой порядок для решительной атаки. Офицеры жаловались на то, что им трудно ответить на вопрос о численности противника, ибо воюют не только те, кто находится под ружьем, но и все население в тылу и в прифронтовой полосе. Трудно установить границу между фронтом и тылом.

Японское командование, рассчитывавшее на то, что ему удастся быстро и успешно осуществить марш-маневр с целью оккупации Дальнего Востока и Сибири, вдруг оказалось перед фактом затяжной, тяжелой и кровопролитной войны против народных масс, руководимых большевиками. Солдаты и офицеры японской армии тяжело переносили тяготы войны, зимнюю стужу и выражали открытое недовольство просчетом своего командования. Штабы частей и соединений доносили в Токио о фактах массового обморожения со значительными смертельными исходами или ампутацией конечностей. Командование экспедиционной армии пыталось решить проблему укрепления морального состояния своих войск отменой наказаний за зверства и грабеж, чинимые офицерами и солдатами над мирным населением, в том числе и над стариками, женщинами и детьми. Но отмена наказаний за военные преступления (зверства, насилия, грабеж, поджоги и массовые убийства садистского характера, например сжигание живых людей на кострах или в топках паровозов) привела к еще большему разложению и моральной деградации солдат и офицеров. Замена частей и подразделений экспедиционной армии оказалась также весьма тяжелой и невыгодной: прибывающее из Японии пополнение привозило с собой вести о накале классовой борьбы, недо-

вольстве и протестах трудящихся против интервенции. Отправляемые в Японию солдаты и офицеры увозили с собой тяжелые впечатления, вызванные бесперспективностью интервенции, вольно или невольно они содействовали распространению сведений о стойкости, самоотверженности революционного русского народа, его ненависти к эксплуататорам и преданности идеям интернационализма.

Пессимизм в армии свидетельствовал о серьезном кризисе политической и военной стратегии японского империализма, впервые столкнувшегося лицом к лицу с новым миром, рожденным великим Октябрем. Японское командование экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке вынуждено было признать и то, что армия плохо подготовлена для действий в «особых условиях», прежде всего в условиях низких температур и таежного театра военных действий. Автор книги «Japan's Military Masters» Хиллис Лори писал: «Исходя из того, что Советская Россия остается в будущем основным противником Японии, японское командование у себя дома — на островах — ввело специальные военные зимние лагеря, зимние учения в условиях мороза и обильного снега, зимние марши по пересеченной местности („Тайка когун“)... Полки вывозились на север, туда, где выпадает снег и бывают морозы, и находились в течение месяца в зимних лагерях. Через лагерь проходили в первую очередь полки, которые должны были отправить в Маньчжурию и Сибирь»²⁰.

Автор признает, что союзное командование считало японскую пехоту и ее вооружение наиболее подготовленными для действий в условиях сибирской зимы. Но вскоре наступило разочарование, ибо экспедиционный корпус оказался неспособным вести войну в этих условиях.

Да и политический итог интервенции был для японских генералов и их западных союзников весьма поучительным. Наиболее реакционные круги среди военщины Японии считали, что в ближайшее время «союз и взаимодействие с патриотическими силами России на Дальнем Востоке — колчаковской, семеновской и калмыковской армиями — не смогут изменить обстановку в пользу союзных войск»²¹.

Они убедились в том, что поддержка, оказанная «отверженным русским вождям белого движения», серьезно подорвала доверие крестьян к союзным государствам и разоблачила лозунг о гуманных целях союзников в России²².

Однако в Токио не отказались от плана антисоветской войны в будущем и в связи с этим много писали о необходимости учета всех возникших в период интервенции 1918—1922 гг. трудностей, недостатков в организации, боевой подготовке войск, а также об использовании военного опыта союзных государств. Много статей было опубликовано в военной печати по вопросам технического оснащения войск, экипиров-

ки, вооружения, боевой подготовки и тренировки офицерского корпуса. Все это «открывало» японскому командованию новые факты отставания японской армии.

К тому же у японского командования росло убеждение, что господствовавшее мнение о возможности компенсировать техническую слабость армии ее слепым повиновением и готовностью жертвовать собой во имя императора не оправдало себя. Японские генералы приходили к выводу о том, что при всей важности морального фактора слабость боевой подготовки и технического вооружения может стать главной причиной поражения. Встреча и соприкосновение в боевых условиях с «большевистскими силами», стойкость и самоотверженность этих сил в ходе поединка неизменно приводили в смятение японских солдат и офицеров. Все это меняло представление японских милитаристов о требованиях, предъявляемых к современной армии, той армии, на которую возлагалась задача сокрушить большевизм и разбить руководимую им армию рабочих и крестьян.

3. ВОЙНА ИМПЕРИАЛИЗМА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ЯПОНСКАЯ ВОЕНЩИНА

Империалисты Англии, Франции, США и Японии с первых дней Октябрьской революции готовились к разбойничьему нападению на Советскую Россию и помогали русской контрреволюции в гражданской войне. Весной 1918 г. японские войска, а вслед за ними и войска США и Англии высадились во Владивостоке.

Предпринимая интервенцию, японское командование не верило в способность Советской власти создать армию и вести военные действия.

Однако действительность жестоко обманула японских стратегов. В лице армии ДВР, партизанских частей и соединений, руководимых подпольными организациями большевистской партии, они встретили стойких и искусных противников, победить которых оказалось невозможно, несмотря на большое превосходство интервентов в боевой технике и обильное снабжение их войск продовольствием и снаряжением. Один из членов Высшего военного совета, генерал Нобуюки Абэ, в марте 1919 г. писал на имя премьер-министра Такаси Хара: «Наша армия проходит невиданное до сих пор в истории испытание: революционное бунтарство в России не столь беспочвенно, как об этом думали наши стратеги и политики. К нашей программе объединения Азии под стягом императора следует добавить тщательно разработанную тактику борьбы против мирового коммунизма и его идей»²³. Заявление это обратило на себя внимание правительственных и

военных кругов Японии; в 1922—1923 гг. происходило активное обсуждение проблем политической стратегии с учетом последствий Великой Октябрьской социалистической революции.

2 мая 1919 г. премьер-министр Такаси Хара выступил в кабинете министров с речью «О государственной политике в чрезвычайное время», в которой была изложена военно-политическая программа японского империализма в связи с «функциями империи в союзной стратегии на Дальнем Востоке». Хара заявил, что «XIX век был веком западных теорий насильственного объединения многочисленных территорий суши и моря Восточного и Западного полушарий под флагами европейской цивилизации. Создавались на этой основе крупные и могущественные империи. XX век должен стать веком распространения теории национального объединения цветных народов и отказа от чуждой цивилизации. Япония в качестве самой передовой силы в Азии призвана стать во главе освободительного движения цветных народов, в первую очередь народов Азиатского континента, под девизом — освобождение и единение под стягом нашей империи»²⁴.

В основу военно-политической программы Японии были положены паназиатизм и антикоммунизм. Разъясняя сущность тезиса о том, что «XX век должен стать веком распространения теории объединения цветных народов», премьер Хара подчеркнул, что «империя протягивает руку миллионам китайцев, корейцев и другим родственным азиатским народам и предлагает им опереться в своей борьбе за освобождение на могущество империи, которой суждено скрестить мечи с теми силами, которые отвергают первенство Японии в решении судеб Азии»²⁵. Этот тезис наглядно показывал, что Япония, прикрывая свою программу оболочкой «освобождения азиатских народов», исходит из положения о неизбежности войны. Правящие круги Японии заявляли, таким образом, о том, что они собираются решать свои империалистические задачи методом подготовки войны против своих противников. В первой четверти XX в. в силу конкретно сложившихся условий на Дальнем Востоке, и в частности в Китае, и в целом на Тихом океане серьезным противником Японии стали выступать США. В. И. Ленин писал о соперничестве между Японией и Америкой: «Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно»²⁶.

В силу того что Япония вышла на путь империалистиче-

ского развития позднее крупных капиталистических государств Европы и США, после того, как эти державы уже успели стать колониальными империями, поработившими народы Азии, Африки и Латинской Америки, внешняя политика Японии основывалась не на «разделе», а на «переделе» колоний в Азии. Такая политика неизбежно должна была привести к столкновениям между теми, кто «обделен», и теми, кто «много» захватил в колониальном мире.

Поскольку Япония не имела ни материальных, ни финансовых средств, необходимых для обеспечения «большой войны», и на ее собственной территории отсутствовали важнейшие виды стратегического сырья, ей были необходимы союзники. Выступая с доктриной паназиатизма, японские государственные и военные деятели считали наиболее выгодным вариантом использование азиатских стран в войне против империалистических держав. Близость Китая, Юго-Восточной Азии, стран всего бассейна Тихого океана позволяла японским империалистам вынашивать мечту об «азиатской сфере взаимного процветания», об использовании богатейших сырьевых и людских ресурсов азиатских государств, и в первую очередь Китая, для обеспечения нужд Японии в войне против сильных противников. В качестве «постоянных союзников» японские пропагандисты называли государства Азии, «освобожденные от западного империализма и вошедшие в союз азиатских государств под руководством Японии»²⁷. Совершенно очевидно, что для того чтобы образовать «союз азиатских государств», т. е. создать японскую империю подчиненных Японии азиатских народов, была необходима война против тех, кто уже давно господствовал и эксплуатировал богатства азиатских стран. К такой войне и готовилась Япония. Не случайно, что в предполагаемом «союзе азиатских государств» первое место занимал Китай, его огромная территория и население, а также богатые ресурсы стратегического сырья. Именно по китайскому вопросу в первой четверти XX в., в особенности до победы Октябрьской социалистической революции в России, обострялись противоречия между Японией, с одной стороны, и США, Англией, царской Россией, Францией, Германией и Италией — с другой. Остро стояли проблемы передела «сфер влияния» империалистических государств в Китае.

Стратегия Японии строилась на стремлении создать японо-китайский блок при условии, что в этом блоке будет господствовать японский империализм. Это был колониализм японского типа. Японская военная доктрина отождествляла империалистический разбой под флагом «освобождения азиатских народов» с борьбой в «защиту отечества», поскольку империалистические круги Японии объявляли о своей ответственности как ведущей азиатской страны за судьбы Азии и ее

народов. «Вы прекрасно знаете,— писал В. И. Ленин,— что японский капитализм и американский одинаково разбойны. О „защите отечества“ с обеих сторон будут говорить...»²⁸. Японские пропагандисты «защиты отечества» утверждали, что «народы Китая и Кореи смирились с потерей национальной сути своего развития. Миссия Японии состоит в том, чтобы вернуть национальную сущность развития этим народам и вызвать любовь и благодарность к Японии, признать ее заслуги в защите отечества»²⁹.

Личный состав армии и флота Японии воспитывался именно в духе «защиты отечества», причем под этим подразумевались претензии Японии на безраздельное господство в Азии, порабощение ее народов, «поскольку эти народы не осознали еще свою национальную сущность и у них утеряно чувство национальной самобытности и самостоятельности»³⁰.

Видный государственный деятель Японии Ки Инукаи писал: «Япония — избранная страна, миссия ее велика и почетна. Еще первый наш император Дзимму в своем манифесте перед вступлением в права божественного управителя страной и народом провозгласил принцип „Хакко итту“ — „восемь углов под одной крышей“, что означает объединение всех азиатских народов под крышей нашей империи»³¹. Ки Инукаи был убит в мае 1932 г. мятежными «молодыми офицерами», считавшими его «недостаточно» преданным идее милитаристской экспансии, но провозглашенные им принципы паназиатизма были полностью взяты на вооружение и даже легли в основу военной доктрины в Японии.

Великая Октябрьская социалистическая революция, в корне изменившая ход исторического развития, возвестившая о наступлении новой эпохи, эпохи перехода от капитализма к социализму, во всемирном масштабе заставила империалистических теоретиков и идеологов по-новому взглянуть на свои военные планы.

Японские буржуазные идеологи увидели в русской революции величайшую угрозу реализации замаскированного колониалистского лозунга «Освобождение азиатских народов от белого империализма» — «Азия для азиатов». Ленинская национальная политика, пример освобождения бывших национальных окраин России и предоставление им действительной свободы и равноправия поднимали колониальный Восток против всяких форм угнетения.

Все это заставило идеологов японского империализма внести коррективы в свои военно-политические теории и планы. Советская Россия была объявлена врагом номер 1. Если с империалистическими конкурентами признавались возможными компромиссы и временные соглашения, то по отношению к первому социалистическому государству они отвергались. Японские реакционные круги избрали путь вооруженной борь-

бы против Советского Союза — форпоста социализма. Военная теория получила ярко выраженное антикоммунистическое, антисоветское содержание. Она включала в себя требование жестокого подавления национально-освободительного революционного движения в странах Азии, «поскольку это представляет особый и сильный резерв мирового коммунизма»³².

Весь военный, в том числе разведывательный, политический, дипломатический и идеологический аппарат Японии нацелен на осуществление разного рода мероприятий, направленных против коммунизма вообще и Советского Союза в особенности.

Хотя империалистические соперники Японии и были удовлетворены антикоммунистической и антисоветской направленностью японской военной доктрины, они тем не менее вынуждены были считаться с тем, что для достижения своей цели — стать великой азиатской империей — японские правящие круги не остановятся перед тем, чтобы скрестить мечи с США, Англией, Францией. Они, безусловно, попытаются отвоевать у этих государств их колонии в Азии. Поэтому правительства империалистических государств внимательно следили за военным усилением Японии, принимали меры к его ограничению.

4. ВАШИНГТОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ — ПОПЫТКА УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ НАД ЯПОНСКИМ МИЛИТАРИЗМОМ

Послевоенный экономический кризис охватил в значительной степени экономику всех капиталистических стран, в том числе США, Англии — союзников Японии по интервенции на Дальнем Востоке. Однако уже к 1920 г. эти союзники постепенно стали убирать контингенты своих войск, сокращать расходы на поддержку русской контрреволюции. Япония же, наоборот, продолжала увеличивать число оккупационных войск, напрягать усилия и расходовать большие средства на содержание оккупационной армии, неся значительный материальный и моральный урон.

Используя сложившуюся ситуацию, США решили заставить Японию отказаться от дальнейшего расширения военно-экономических позиций в Азии, и особенно в Китае, намеревались открыто предостеречь Японию от дальнейших шагов по захвату баз и территорий в бассейне Тихого океана; они стремились официально добиться ограничения военно-морской мощи Японии. С этой целью 11 ноября 1921 г. была созвана в Вашингтоне конференция представителей США, Англии, Канады, Австрии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Индии, Японии, Франции, Италии, Голландии, Бельгии, Португалии и Китая. Советское государство на

конференцию приглашено не было «ввиду отсутствия единого и признанного правительства России»³³.

13 декабря 1921 г. был подписан договор четырех держав (США, Англии, Франции и Японии) о взаимной гарантии неприкосновенности их островных владений на Тихом океане. В случае возникновения конфликта он должен был быть рассмотрен дипломатическим путем или же разрешен на конференции четырех держав. Стороны согласились, что «данный договор предназначен заменить прежний англо-японский договор»³⁴. Союзные отношения Англии и Японии, таким образом, были расторгнуты и формально. Дух и буква договора были направлены на известное ограничение японской экспансии на Тихом океане.

Япония вынуждена была также подписать обязательство уважать суверенитет, независимость, территориальную целостность и административную неприкосновенность Китая.

6 февраля 1922 г. представители США, Англии, Франции, Италии, Японии, Бельгии, Голландии и Китая подписали договор держав, который, по существу, означал фактическую ликвидацию преимущественных позиций, завоеванных Японией в годы первой мировой войны и по «21 требованию» 1915 г. Договор установил равные для всех «дружественных» государств права и условия в области торговли и капиталовложений в промышленность Китая. Это был серьезный удар по японской внешней политике в отношении Китая. Япония обязалась вернуть Китаю Цзяочжоу, а Англии — Вэйхайвей.

В тот же день, 6 февраля, был подписан договор пяти держав (США, Англии, Японии, Франции и Италии) об ограничении морских вооружений и установлении пропорции для общего тоннажа линейных кораблей этих держав — 5:5:3:1,75:1,75. Договор также предусматривал, что США не будут укреплять и не будут строить военно-морские базы восточнее 110-го меридиана восточной долготы, исключая побережье США, Аляски, зоны Панамского канала, Гавайских островов, где сооружение военно-морских баз не ограничивалось; Англии запрещалось строить военно-морские базы восточнее 110-го меридиана восточной долготы, за исключением побережья Канады, Австралии, Новой Зеландии; Японии — на островах Курильских, Бонинских, Амами-Осима, Рюкю, Пескадорских и на Формозе.

Условия договоров девяти и пяти держав были встречены военными и военно-морскими кругами Японии с нескрываемым раздражением. Результаты конференции в Вашингтоне сказались на затянувшемся политическом кризисе в стране. На волне этого кризиса к власти пришли военно-морские реакционные деятели — адмирал Томосабуро Като, адмирал Гомбей Ямамото, — которые считали своей главной задачей направить в нужное русло последствия Вашингтонской кон-

ференции в интересах сохранения позиций японского милитаризма.

Японская печать не прекращала антиамериканской кампании в связи с результатами Вашингтонской конференции и требовала на страницах своих газет «отказа от кабальных условий и ограничений», навязанных Японии в Вашингтоне. «Токио нити-нити» писала, что «тихоокеанская конференция была основана на американских притязаниях в Китае», что она «была наполнена враждебными чувствами по отношению к Японии». «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны»³⁵.

Военные и военно-морские круги Японии считали, что Вашингтон превратил в кладбище их азиатские планы и Тихий океан для них потерян³⁶. В действительности это было не так, что видно из данных о составе линейных военно-морских сил в результате Вашингтонского договора*:

Класс кораблей	США		Англия		Япония	
	число	тоннаж	число	тоннаж	число	тоннаж
Послеютландские сверх-дредноуты	3	97 800	—	—	2	70 000
Линейные крейсера	—	—	4	122 700	4	113 800
Линейные корабли (дредноуты)	15	428 050	18	457 750	4	129 500
Всего	18	525 850	22	580 450	10	313 300

* В. Белли, Борьба за Тихий океан..., стр. 79.

Японские военно-морские круги уже в сентябре 1922 г. на заседании кабинета министров устами адмирала Гомбей Ямамото «вынесли приговор вашингтонским документам». Адмирал заявил, что «Япония никогда не верила в силу и действенность договоров и соглашений, которые в силу определенных обстоятельств подписывались в ущерб национальным интересам страны и народа»³⁷. Это было предупреждением о том, что подписанные в Вашингтоне договоры не будут соблюдаться, что нарушение условий и обязательств по этим договорам — не за горами.

С декабря 1921 и до конца 1926 г. Япония построила 11 крейсеров, 29 эскадренных миноносцев и 28 подводных лодок — всего 68 кораблей общим водоизмещением 119 640 т³⁸. Из этого числа 10 крейсеров, 22 эскадренных миноносца и 23 подводные лодки были заложены еще до Вашингтонской конференции. Судостроительная программа, пересмотренная

в сентябре 1922 г. после конференции в Вашингтоне, была следующей:

Класс кораблей	Полная программа 1922—1928 гг.		Построенные и строящиеся корабли (число)	Намечено к постройке в середине 1928 г.
	число	тоннаж		
Легкие крейсера	8	68 400	8	—
Эскадренные миноносцы	21	30 900	16	5
Подводные лодки . . .	27	37 770	19	8

Примечание. В 1926 г. эта программа была увеличена на четыре эскадренных миноносца с тем же сроком готовности, т. е. к середине 1928 г.

Имея план захвата Маньчжурии и подготовки войны против Советского Союза, японские милитаристы торопились с решением вопроса об увеличении численности, о перевооружении армии, а также выдвигали обширные программы военно-морского строительства. К 1928 г. армия должна была иметь 19—20 дивизий, около 250 тыс. солдат и офицеров, флот должен был иметь 8 линейных кораблей, 27 легких крейсеров, 77 эскадренных миноносцев, 80 подводных лодок и около 30 вспомогательных судов. Все корабли этого состава должны быть не старше 8 лет со времени вступления в строй³⁹. Япония твердо держалась агрессивного курса.

5. ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ СУХОПУТНЫХ СИЛ И СТРУКТУРЕ РУКОВОДСТВА ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЯПОНИИ (1922—1930 гг.)

С 1922 по 1925 г. военное министерство и генеральный штаб Японии производили на основе опыта военных действий в Советской России реорганизацию армии, перевооружение ее некоторыми наиболее важными видами стрелкового и артиллерийского вооружения, полевым снаряжением и военно-инженерной техникой.

Одним из важных итогов реорганизации армии было уточнение к 1925 г. схемы организации и штатной численности пехотной дивизии — высшего войскового соединения армии. Дивизия состояла из двух пехотных бригад (в каждой бригаде два пехотных полка), кавалерийского, артиллерийского полков, инженерного и обозного батальонов и отряда связи. С 1929 г. в состав дивизии входил и бронетанковый отряд⁴⁰. Общая штатная численность дивизии в 1929 г. была 26 тыс. человек. Вооружение — около 13 тыс. винтовок, 453 легких пулемета, 102 тяжелых пулемета, 580 гранатометов, 104 артиллерийских орудия различных калибров. Вес минутного залпа составлял 8,2 т⁴¹. Большое внимание было уделено подготовке резервов для развертывания и комплектования новых соединений и частей. Центром подготовки ре-

зерва — обучения и воспитания будущих солдат — стал полковой участок. Бригадных участков не создавалось. К полковым участкам было приписано определенное количество офицеров, что обеспечивало развертывание полков в бригады, а бригад в дивизии.

К 1922 г. в японской армии все еще действовали временные уставы: полевой, пехоты, артиллерии и др. С 1925 г. появились отдельные инструкции и наставления по ведению боя в различных условиях. Японские генеральные штабы, однако, не приняли во внимание опыт боевых действий против маневренной тактики партизан советского Приморья и Приамурья, считая, что это была война без правил. Наступательный бой по-прежнему строился на принципе сосредоточения в первом эшелоне абсолютного большинства сил и средств, в резерв же выделялись небольшие пехотные и инженерные подразделения, которые не способны были развить успех первого эшелона. При такой тактике бой затухал, глубина прорыва обороны противника не могла быть значительной, а материальные средства и физические усилия солдат и офицеров затрачивались максимальные.

Отставание в области тактики вызывало критику со стороны «молодых офицеров», следивших за развитием военной мысли по зарубежной военной литературе. Они с завистью читали донесения своих коллег — военных атташе при зарубежных армиях — и укреплялись во мнении, что военное искусство Японии отстает от искусства армий и флотов стран Европы и США.

К 1930 г. японская армия была обеспечена стрелковым и артиллерийским оружием отечественного производства⁴². Тем не менее в техническом оснащении она отставала от армий ведущих капиталистических стран, особенно в области танкового вооружения. Бомбардировочной авиации Япония почти не имела, истребительная авиация была слабой. Подвижность пехоты была рассчитана прежде всего на физическую выносливость солдата, на его способность совершать марши в дневное и ночное время со скоростью 4—5 км в час, а суточный переход был рассчитан на 45—50 км. Японская пехота не имела достаточных навыков взаимодействия с военно-морским флотом, была слабо подготовлена к противовоздушной и противохимической обороне. Примитивными оставались средства организации связи в бою.

Японский генеральный штаб придерживался того мнения, что если для войны против США, Англии, Франции и других капиталистических соперников требуется длительное наращивание боевой мощи, то для войны против Советской России и национально-освободительного движения в Азии армия при определенном напряжении тыла подготовлена. Чем скорее эта война начнется, тем быстрее империя получит необ-

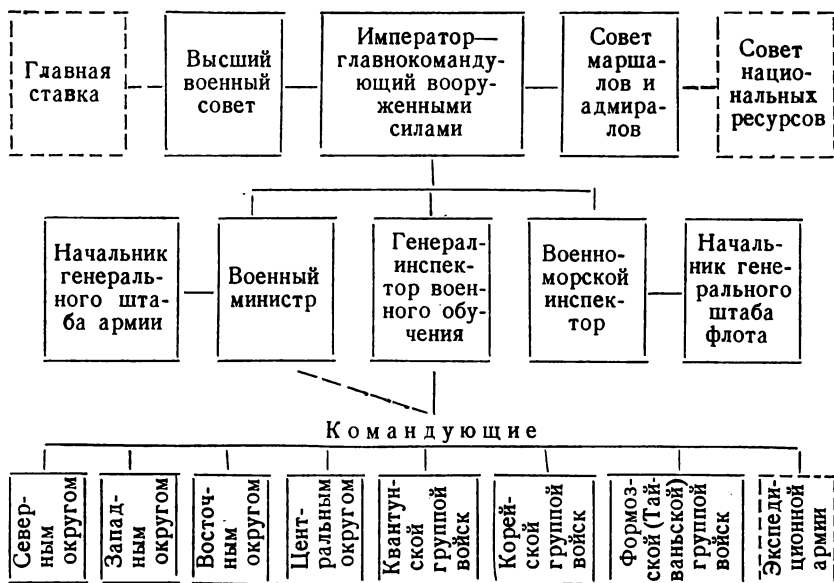
ходимые ресурсы для «большой войны». Появилась программа ускоренной подготовки к антисоветской войне, потребовавшая значительных финансовых расходов и расширения военного производства. Как сообщалось на 52-й сессии японского парламента, с декабря 1925 по март 1927 г. по чрезвычайному военному бюджету было получено более 900,5 млн. иен, израсходовано на военные цели около 881,7 млн. иен, в том числе на нужды армии — 624,3 млн., на нужды флота — 257,4 млн. иен ⁴³.

Таким образом, в эти годы особое внимание обращалось на реорганизацию и перевооружение сухопутных сил японской армии, подготовку ее к войне против Советского Союза.

* * *

В ходе интервенции и борьбы против революционных рабочих и крестьян на советском Дальнем Востоке японские правительственные круги и руководители буржуазных политических партий убедились в слабости стратегического руководства армии, неподготовленности идеологического и оккупационного аппарата. В связи с этим в 1922—1930 гг. были приняты меры по упорядочению подготовки кадров офицерского состава, внесены некоторые изменения в систему комплектования армии.

К 1930 г. структура военного управления была следующей:

Примечания. 1. Пунктиром обозначены формирования, которые создаются во время войны.

2. Эскадры военно-морского флота были приписаны к военно-морским базам и через военно-морского министра были подчинены императору.

Императору Хирохито в качестве главнокомандующего всеми вооруженными силами подчинялась не только «большая тройка» — военный министр, начальник генерального штаба и генерал-инспектор военного обучения, — но и командующие четырьмя территориальными военными округами Японии — Северного, Восточного, Центрального и Западного, командующие группами войск в Квантунской области (Маньчжурии), Корее и на Формозе. Заранее предусматривалось на случай войны создание Главной ставки, экспедиционных армий и Совета национальных ресурсов. Такая организация военного управления юридически освобождала милитаристов страны от ответственности перед парламентом, она давала в руки военщины Японии всю полноту военной и военно-административной власти. Монополии оказывали влияние на военную политику через Высший военный совет, органы военного и военно-морского министерств и генеральные штабы, где заседали генералы и адмиралы, отстаивавшие интересы определенных капиталистических групп. По инструкции в военное время командиры дивизий, действующих на отдельном направлении и не входящих в армию, также подчинялись непосредственно императору и отчитывались только перед ним. Следовательно, армия в военное время получала полную независимость⁴⁴.

К концу 1925 г. были внесены некоторые уточнения в закон о воинской повинности: названы границы для 14 дивизионных районов, включавших 51 полковой участок. Полковой участок становился центром всей доармейской подготовки молодежи в возрасте от 17 до 20 лет. Здесь в течение трех лет молодой человек проходил обучение, воспитание, физическую и моральную подготовку к военной службе, которую он начинал с 20 лет⁴⁵. Действительная служба продолжалась в связи с этим всего 2 года, на флоте — 3 года. Служба в запасе для солдат сухопутных войск длилась 15 лет и 4 месяца, а для моряков — 12 лет. Так как призывного контингента в мирное время оказывалось больше, чем необходимо для пополнения частей и соединений, то часть призывников зачислялась в резерв 1-го или 2-го разрядов: в 1-й разряд входили годные к военной службе, но не принятые на действительную службу из-за наличия излишнего контингента; во 2-й разряд — лица, имевшие льготы по состоянию здоровья, по семейным и иным обстоятельствам. Лица, прошедшие службу в армии, резерве и запасе, зачислялись в ополчение 1-го разряда сроком на три года. В ополчение 2-го разряда зачислялись лица от 17 до 40 лет, признанные негодными к действительной службе в резерве и ополчении 1-го разряда⁴⁶.

В итоге японская армия к 1930 г. получила значительные резервы, состоявшие из молодежи в возрасте 17—20 лет. При этом следует учесть, что 98% всего резерва составляли гра-

мотные, лица, имевшие по крайней мере шестилетнее общее образование, в большинстве своем физически здоровые, способные переносить длительные марши и походы, владевшие стрелковым и холодным оружием ⁴⁷.

Значительно вырос контингент младшего офицерского состава: младших унтер-офицеров (готё), старших унтер-офицеров (гунсо), фельдфебелей (сотё), зауряд-офицеров, подпрапорщиков (токумосотё). Большинство прошедших обучение в специальных школах в течение года и 10 месяцев и получивших звание младших офицеров были выходцами из семей мелкой буржуазии деревни и города, воспитанными в духе шовинизма. Подготовка офицерского состава охватывала все специальности. К 1927 г. в Японии действовало более 50 училищ и школ подготовки среднего офицерского состава; около половины из них готовили техников и инженеров — саперов, артиллеристов, химиков, топографов и др.

Для подготовки кадров офицеров генерального штаба и органов полевого управления было создано семь центров: Высший колледж генерального штаба армии, Центральное пехотное училище, Центральное артиллерийское училище, подготовительная офицерская школа, школа штабной службы, школа стрелково-артиллерийских техников, школа полевых хирургов. Для военно-морского флота готовили офицерские кадры: Высший колледж главного военно-морского штаба, военно-морская академия, военно-морская инженерная академия, школа судовых артиллеристов, школа торпедных специалистов и школа подводников ⁴⁸. Отбор в училища и школы проводился строго индивидуально и в первую очередь преследовал цель — создать офицерский корпус, абсолютно благонадежный в социально-классовом отношении, способный руководить боем и операцией, войной в целом в интересах буржуазно-помещичьего государства.

В высшие колледжи генеральных штабов поступала молодежь из семей генералов и адмиралов, крупных государственных чиновников, капиталистов и помещиков. Материально обеспеченная, эта молодежь не особенно нуждалась в государственном казенном довольствии. В училища же поступала преимущественно молодежь из семей военных и государственных чиновников среднего достатка, разночинной интеллигенции, небогатых помещиков и кулаков. Эти юнкера жили преимущественно за счет казны. Разница в материальном обеспечении офицерского корпуса была всегда предметом недовольства и фактического раскола среди офицеров одинаковых рангов и званий, но разных по своему социально-классовому происхождению, тем более что офицер японской армии должен был платить из своего жалованья за питание, за обмундирование, а последнее стоило в Японии очень дорого ⁴⁹.

Офицерский корпус к 1927 г. имел следующие звания, нормы выслуги и месячное жалование*.

Воинское звание	Срок выслуги лет в данном звании	Предельные сроки действительной службы		Месячное жалование, иены	Эквивалент в ам. долл.
		Строевой состав	Нестроевой состав		
Подпоручик	1 год	45 лет	47 лет	7 000	1 610
Поручик	2 года	45 "	47 "	9 400	2 162
Капитан	4 "	48 "	50 "	13 750	3 162
Штабной службы капитан	4 "	48 "	50 "	15 800	3 634
Майор	2 "	50 "	52 года	19 416	4 462
Подполковник	2 "	53 года	54 "	26 800	6 164
Полковник	2 "	50 лет	56 лет	34 500	7 935
Генерал-майор	3 "	58 "	60 "	41 600	9 568
Генерал-лейтенант	4 "	62 года	62 года	48 300	11 109
Полный генерал	—	65 лет	65 лет	55 000	12 650

* «Вооруженные силы Японии», 1928, стр. 6. См. также: Hillis Logu, Japan's Military Masters..., стр. 88.

Примечания. 1. Все лица, имевшие офицерские чины, должны были состоять в запасе в течение шести лет с момента достижения предельного возраста. См. также: «Кокубо то гумби», стр. 198.

2. Семья погибшего в бою офицера получала единовременное пособие в размере 1200 иен (276 долл.). См.: Hillis Logu, Japan's Military Masters..., стр. 49.

Месячного жалования часто не хватало на покрытие личных расходов — питания и обмундирования, не говоря уже о содержании семьи, которое обходилось дорого. В истории японских вооруженных сил зарегистрировано немало случаев казнокрадства, стяжательства. Офицеры и солдаты экспедиционной армии на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. грабили граждан, отправляя награбленное в Японию.

На воспитание преданных империи солдат японское командование обращало особое внимание.

В 1926 г. был опубликован первый проект⁵⁰ наставления по политико-воспитательной работе в армии, который, по существу, был простым разъяснением «Рескрипта императора Мэйдзи к солдатам и матросам». Газета «Токио-Асахи» опубликовала в сентябре 1926 г. беседу своего корреспондента с генералом Сэндзиро Хаяси в связи с «Проектом наставления по моральному воспитанию армий». На вопрос корреспондента об общем значении «Проекта» генерал заявил: «Не только армия, но все наши соотечественники видят в лице императора живущее среди нас божество. Для нас это не вопрос нашего исторического прошлого, а проблема настоящего и будущего»⁵¹. Девизом, начертанным на титуле «Проекта», были слова: «Ты сам — ничто. Твоя жизнь при-

надлежит твоему императору». В официальной беседе с одним из офицеров генерального штаба Хиллис Лори услышал такое признание: «В японской императорской армии придается значение моральному совершенствованию большее, чем военному обучению. Моральная стойкость имеет значение большее, чем физическая сила»⁵². В предисловии к «Проекту», названном «Сэйсин кёйку» («Моральное воспитание»), бросается в глаза следующая фраза: «Дисциплина, воинская доблесть, героизм и, наконец, победа даются только тем, кто одухотворен идеей преданности тэнно-хэйка» («его императорскому величеству») ⁵³. Авторы «Проекта» стремились внушить мысль о близости солдат и офицеров, подчеркнуть их равную ответственность перед императором. «Офицеры и их подчиненные,— читаем в „Проекте“,— должны всегда помнить, что они солдаты тэнно-хэйка, что приказ офицера, который им отдан в силу его положения старшего, по существу, является приказом императора»⁵⁴.

Воспитание чувства национальной исключительности, пренебрежения к другим народам, готовность к безрассудному самопожертвованию, культивирование фанатизма⁵⁵ и убежденности в «праве» Японии господствовать над Азией и всем миром — вот главная задача морального кодекса, который был принят на вооружение японской армией в середине 20-х годов. Культ императора был нужен господствующим классам Японии не только в армии, он использовался для обоснования борьбы против «опасных мыслей», против антивоенных настроений, против идей пролетарского интернационализма, которые получали в стране довольно широкое распространение.

Военные и военно-морские круги под прикрытием культа императора все решительнее прибирали к рукам политическую власть в Японии.

6. МОНОПОЛИИ ЯПОНИИ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ В 1927—1930 гг.

Социально-экономическая структура японского общества в 20-х годах была своеобразной и сложной. Более 50% населения было занято в сельском хозяйстве, крестьянское хозяйство основывалось на мелком землевладении и аренде. Японский землевладелец жил под гнетом чрезвычайно высокой ренты, был задавлен натуральной арендной платой, налогами на землю и другими поборами. Сохранившиеся феодальные пережитки и жестокая эксплуатация обостряли социальные противоречия в деревне, шел процесс разорения крестьян. С. Кимура в своей книге «Голодающее крестьянство» писал, что мелких крестьян-собственников в Японии в 1910 г. было

1 776 873 семьи, или 32,8% всего сельского населения Японии, а в 1920 г. — 1 682 297 семей, или 30,7% всего сельского населения. Куда же делись исчезнувшие сто тысяч мелких хозяйств? «8,4% из них сдают свою землю в аренду, 68,9% стали арендаторами, остальные 22,7% ушли искать работу в город, стали пролетаризироваться»⁵⁶.

Низкая рентабельность карликовых крестьянских хозяйств, растущая задолженность крестьян по арендной плате помещикам и излишек рабочих рук в крестьянском хозяйстве превращали деревню в огромный резервуар дешевой рабочей силы для промышленности. Однако развитие производительных сил в городе происходило чрезвычайно медленно, фабрично-заводская промышленность в состоянии была поглотить только 40% избытка рабочей силы, который образовывался в деревне. Вследствие этого деревня оказалась способной поставлять для армии значительный контингент солдат. Крестьянская семья была в состоянии без ущерба для хозяйства отдать молодых парней в императорскую армию. Служба солдата ободочивала семью уважение в обществе, кроме того, она освобождала ее от бремени расходов на содержание члена семьи. В армии солдата одевали, кормили, а оставшись на сверхсрочную службу, ефрейтор (старший солдат) получал ежемесячно 6 иен 40 сен (1,47 долл.), а в период маневров или учений ему надбавляли еще 2 иены. Он писал патристические письма на родину, время от времени вкладывал в конверт свою фотографию в полном военном одеянии и снаряжении; самодовольный, улыбающийся, он всем своим видом должен был внушать родным мысль о важности своей персоны, находящейся на службе в «императорской армии, не знающей поражений».

Тяжелое экономическое положение деревни отрицательно сказывалось на развитии промышленности и ограничивало возможности расширения базы военного производства.

Капиталовложения в сельское хозяйство находились на весьма низком уровне по сравнению с капиталовложениями в промышленность, торговлю, банки и транспорт. Об этом свидетельствуют данные за 1913, 1920 и 1930 гг.*:

Направление капиталовложений, млн. иен	1913 г.	1920 г.	1930 г.
Сельское хозяйство	28	153	203
Промышленность	826	3 699	5 905
Торговля и банки	918	—	5 667
Транспорт	—	—	1 382

* Подсчитано по «Дзайсэй кэйдзай токэй» за 1921—1931 гг. «Дзайсэй токэй хэн», стр. 13—38, 126—141, 211—244 (на япон. яз.).

Все это, включая и огромную задолженность японской деревни по арендной плате и господство непомерно высоких процентов по ссудам⁵⁷, приводило к чрезвычайной узости внутреннего рынка для японской промышленности. Японский экономист Кэнтаро Кобаяси подсчитал покупательную способность сельского населения Японии в 1930 г., оценив ее в 1200 млн. иен, что составляет 210 иен на один крестьянский двор. Если предположить, что половину этой суммы крестьяне будут тратить на покупку промышленных товаров, то это составило бы лишь 15% стоимости продукции обрабатывающей промышленности страны⁵⁸.

Милитаристские пропагандисты Японии пытались объяснить трудности японской экономики, бедность крестьян и ограниченную торгово-промышленную деятельность отсутствием колоний, крайней недостаточностью «жизненного пространства». Япония, по их мнению, оказалась обделенной «как землей, так и сырьевыми ресурсами». Поэтому предлагался единственный выход — насильственное «восстановление справедливости», что означало подготовку войны против колониальных соперников Азии, а в качестве ближайшей задачи подготовку войны против Советского Союза и Китая.

Рынок Китая, богатства его недр должны были, по мнению японской пропаганды, перейти в руки Японии, и таким образом за нею было бы признано право ведущей державы в Азии, способной сокрушить «белый империализм». Активность японских монополий на китайском рынке росла с каждым днем. По данным С. Уэхара, в 1913 г. стоимость экспорта составила 154 660 тыс. иен, импорта — 61 223 тыс. иен. В 1930 г. она составила соответственно 260 826 тыс. и 161 667 тыс. иен⁵⁹.

В структуре японского экспорта в Китай особенно быстро росла стоимость товаров текстильной промышленности.

Хотя Япония имела положительное сальдо в торговле с Китаем, тем не менее общая стоимость японского экспорта и импорта с 1920 по 1930 г. значительно сократилась.

Подготовка войны требовала создания промышленности вооружения и военной техники. В этом были заинтересованы крупные монополии⁶⁰. Концентрация производства и капиталов в отраслях, имеющих военное значение, происходила быстрее, чем в других отраслях промышленности. Тем не менее в конце 20-х годов рост затрат на обновление постоянного капитала был все еще недостаточно высок. В то же время в Японии по-прежнему имела место исключительная дешевизна рабочей силы. Это приводило к преобладанию предприятий с низким органическим составом капитала.

Для японской промышленности 1927—1930 гг. были характерны, во-первых, преобладание легкой промышленности над тяжелой. К 1930 г. стоимость продукции промышлен-

ности, производящей средства производства, достигла 30%, а стоимость продукции средств потребления — 70%. В одной только текстильной промышленности было занято более 50% общего количества рабочих. Во-вторых, наличие огромного числа мелких предприятий. Их слабая вооруженность машинами и электроэнергией приводила к крайне низкой производительности труда. Усиление эксплуатации рабочих осуществлялось за счет удлинения рабочего дня и интенсификации труда, без повышения технического оснащения предприятий.

В 1909 г. на одно предприятие в Японии приходилось в среднем 28,3 рабочего, в 1925 г.— 36,7, в 1929 г.— 30,9 рабочего. Структура японских предприятий по количеству занятых рабочих видна из следующей таблицы

Количество рабочих, занятых на предприятиях*, %

Год	На предприятиях		
	мелких—5—9 рабочих	средних—30—90 рабочих	крупных—более 100 рабочих
1909	85,6	10,8	3,6
1926	83,0	12,2	4,8
1929	84,2	11,2	4,6

* Подсчитано по «Нихон дзю когё дайкан», 1930—1931 гг., Токио, 1931.

Тем не менее наибольшее число рабочих и служащих сосредоточивалось на предприятиях с числом рабочих более 100 человек. Об этом свидетельствуют данные следующей таблицы:

Распределение рабочей силы*, %

Год	На предприятиях		
	мелких	средних	крупных
1909	34,1	21,7	43,2
1926	23,6	17,2	59,2
1929	26,3	18,2	55,5

* Подсчитано по «Родо токэй нэнкан», 1910 и 1930 гг. Токио, 1930.

Для сравнения отметим, что в США в 1929 г. на крупных предприятиях было сосредоточено 71,3% рабочих.

Для японской промышленности была типична также чрезвычайная живучесть кустарного производства, мельчай-

шие предприятия которого имели занятыми до пяти рабочих и не учитывались японской статистикой. Это были по преимуществу «семейные» предприятия, т. е. мастерские, где были заняты члены одной семьи. Общее число занятых рабочих на таких предприятиях достигало более 2 млн. человек⁶¹. Промышленность Японии при такой структуре не способна была обеспечить выпуск необходимой военной продукции для перевооружения армии и флота. В японских военных кругах считали, что слабое развитие металлургической и металлообрабатывающей промышленности, машиностроения и приборостроения представляет опасность для страны, делает ее якобы безоружной перед «угрозой советского, коммунистического наступления в Азии»⁶².

Анализ, проведенный генеральным штабом Японии, показал, что стоимость продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности в 1929 г. составляла всего 15,1% общей стоимости продукции обрабатывающей промышленности, на предприятиях этих отраслей было занято всего 19,4% общего числа работающих в обрабатывающей промышленности. При этом до 63% продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности производилось на военных арсеналах.

Технический уровень японской металлургии был чрезвычайно низок. Кроме того, Япония должна была импортировать из-за границы чугуны и сталепродукты, коксующийся уголь и скрап. Собственным производством Япония удовлетворяла 58% потребности в чугуне, 76% потребности в стали. Стоимость продукции машиностроительной промышленности упала с 900 млн. иен в 1919 г. до 580 млн. иен в 1929 г. В том же году из-за границы было ввезено машин на 114 млн. иен⁶³.

Милитаристские круги Японии, связавшись непосредственно с монополиями ведущих отраслей промышленности, разработали и в сентябре 1928 г. представили правительству «план подъема национальной экономики и ее решающих отраслей, план процветания страны и народа», в котором предлагалось «увеличить государственные субсидии компаниям военной промышленности и особенно тем ее отраслям, которые должны быть использованы в первую очередь в случае войны»⁶⁴. В 1929—1930 гг. рассматривались меры «поощрения капиталовложений в военную промышленность»⁶⁵. В 1928—1930 гг. с участием правительства были предприняты действия, которые позволили поднять технический уровень военной промышленности на несколько ступеней выше среднего уровня всей японской промышленности, и, за исключением авиационной и авиадвигательной отраслей, технический уровень военной промышленности уже не уступал английскому⁶⁶. На специальных заводах-арсеналах, подчиненных военному и военно-морскому министерствам, к 1930 г.

было занято около 100 тыс. рабочих. Эти заводы-арсеналы производили все виды стрелкового оружия и боеприпасов, взрывчатые и отравляющие вещества (ОВ), артиллерийские орудия и боеприпасы к ним, самолеты и бронев автомобили, авиабомбы и торпеды, военные корабли и имущество связи. К 1930 г. металлургические заводы Явата поставляли 62,3% своей продукции стали и проката для военного и военно-морского министерств, более 2 тыс. фабрик и заводов Японии имели заказы для военного и военно-морского министерств⁶⁷.

Военное производство стало главным «бизнесом» крупных монополий Японии. Так, на долю концернов «Мицуй» и «Мицубиси» в их военном производстве приходилось по 250 млн. иен оплаченного капитала, на долю промышленно-финансовой группы «Сибудзава—Асано—Окава» — 111 млн. иен, «Мацуката» — 90 млн., «Кухара» — 79 млн. иен и т. д.⁶⁸.

Помимо четырех частных заводов, изготовлявших взрывчатку (ВВ), другие связанные с этими заводами предприятия химической промышленности выпускали различные кислоты, нитрошелк, целлулоид и другие сопутствующие продукты для военного ведомства. На ряде металлургических и металлообрабатывающих заводов открывались оружейные цехи (в городах Осака, Кавасаки, Явата и др.). Частные компании при субсидировании со стороны правительства построили к 1931 г. восемь самолетостроительных и шесть авиамоторных заводов. Открывались цехи и заводы по выпуску радиотелеграфного и телеграфно-телефонного оборудования, точных приборов, обмундирования, обуви и др.⁶⁹.

Ускоренное развитие и расширение военной промышленности стали возможны благодаря политике тесного сращивания промышленно-финансовых групп с государственным аппаратом. Государственно-монополистические мероприятия сыграли решающую роль в области милитаризации экономики: правительственные заказы, субсидии, высокие тарифы на импорт, освобождение от налогов по заказам, касавшимся военной промышленности, а также реализация продукции этого производства по высоким ценам за счет бюджета — все это способствовало усилению и обогащению в конце 20-х годов военно-промышленных монополий.

О роли государственных заказов можно судить по таким данным: в 1927—1930 гг. в среднем ежегодно государственные закупки оценивались в 500—700 млн. иен, кроме того, на 1,5 млрд. иен закупили различных товаров государственные предприятия⁷⁰. В эти же годы такие отрасли тяжелой промышленности, как металлургия (сталеплавильная и сталепрокатная отрасли), освобождались от подоходного и промышленного налогов. Отрасли военного производства, химическая (в частности, лакокрасочная, сернокислотная и др.) пользовались государственными субсидиями. Установленная с конца

XIX в. протекционистская таможенно-тарифная политика была расширена: от таможенного обложения освобождались важнейшие виды импортного сырья (хлопок, руда, шерсть и др.), зато повысилось обложение на импортную готовую промышленную продукцию и на продовольственные товары. Японское государство стало выступать в качестве гаранта торговых сделок своих монополий и выплачивало значительные суммы по счетам обанкротившихся национальных торговых и промышленных компаний. Финансовый кризис 1927 г. вскрыл всю глубину связи между государством, государственным банком и частными промышленно-финансовыми учреждениями. Чтобы спасти от банкротства частные банки крупных концернов, Японский банк учел их векселя на 500 млн. иен, открыл кредит Тайваньскому банку на 200 млн. иен, что вместе с погашением на 207 млн. иен «векселей землетрясения» составило 907 млн. иен⁷¹. Это была подачка правительства частным банкам за счет увеличения налогов, внутреннего займа и аналогичных мероприятий.

В эти же годы государство само выступило крупным вкладчиком капиталов в ведущие отрасли, имеющие решающее значение для милитаризации экономики. К 1931 г. было вложено более 4 млрд. иен. О величине этой суммы можно судить по тому, что частный капитал в этих же отраслях составлял 8,5 млрд. иен⁷². На государственных и государственно-частных предприятиях к этому времени работало около 500 тыс. рабочих, служащих, инженеров и техников⁷³. Видную роль в экономике страны начали играть смешанные государственно-частные предприятия и компании (ЮМЖД, Восточно-колониальное общество, Сахалинская горнорудная компания, Сахалинская нефтяная компания, компания воздушного транспорта и др.).

Участие государства в ведущих отраслях промышленности, особенно в военной промышленности, гарантировало монополиям возможность получения сверхприбыли за счет усиления эксплуатации рабочего класса.

На апрель 1931 г., согласно выборочной переписи, в Японии было около 7 млн. рабочих и служащих, из которых на фабрично-заводских промышленных предприятиях с числом занятых более 5 человек работало 2,2 млн., 800 тыс. человек было занято в наземном и морском транспорте. Средняя продолжительность рабочего дня на этих предприятиях достигала 10,5 часа (на текстильных фабриках — 11 часов 15 минут, в шахтах — 14—16 часов).

В 1929 г. японское правительство по предложению военного ведомства ввело льготы для рабочих и служащих военных отраслей производства. Заработная плата по сравнению с той, которую получали рабочие и служащие той же специальности в «мирных» отраслях производства, была повышена на 10—

12%, продолжительность рабочего дня не должна была превышать 9 часов 45 минут⁷⁴. Рабочие и служащие военных предприятий находились под надзором полиции, проходили специальную проверку на благонадежность. Увольнение рабочего или служащего по разряду «неблагонадежности» лишало возможности вообще получить какую-либо работу. Безработных же в 1931 г. официально числилось более 300 тыс. человек.

К началу 30-х годов в Японии был создан государственный мобилизационный аппарат с участием и под руководством представителей военных органов: военного и военно-морского министерств, генеральных штабов армии и военно-морского флота. Определились функции и методы контроля государства в промышленности; роль государственно-монополистического регулирования в интересах милитаризации экономики повысилась. Увеличился рост капиталовложений государства в ведущие отрасли экономики.

7. НА ПУТИ К ВОЕННО-ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЕ И АНТИСОВЕТСКОЙ ВОЙНЕ

С конца 1918 г., после прихода к власти первого парламентского правительства партии Сэйюкай — кабинета Хара, в армейских кругах усилилась оппозиция против «партийных» кабинетов. К этой оппозиции примыкала и часть представителей монополий, считавших, что в создавшейся сложной внутренней и международной обстановке страны необходимо правительство военной диктатуры, опирающееся непосредственно на монополии. Военные круги обвиняли партийных лидеров в том, что они недооценивают роль армии в стране; капиталисты, окрепшие и сильно разбогатевшие в годы мировой войны, якобы узурпировали императорскую власть. Вместе с тем милитаристы прекрасно понимали, что рост революционной активности народных масс (об этом свидетельствовали уроки «рисовых бунтов» 1918 г.) неизбежно толкает буржуазию на путь усиления реакции и на использование армии в качестве вооруженной опоры капитализма. На этой основе военные и военно-морские круги Японии укрепляли свои связи с монополиями, равно как и с представителями дворцовых кругов. Когда обстановка в стране обострялась, монополии соглашались на создание военно-бюрократических кабинетов: с июня 1922 г. руководство кабинетом министров, например, было поручено представителям вооруженных сил: было сформировано правительство адмирала Като, и далее, в 1923 г., представители военно-морских кругов продолжали удерживать за собой руководство, что вызывало недовольство в кругах военного министерства.

ва, в частности в связи с тем, что стратегический план на ближайшие годы был связан с подготовкой войны против Советского Союза, Китая и МНР, где армия должна была играть роль главной силы. Недовольство проявляли и те монополии, которые связывали свою предпринимательскую деятельность с производством военной продукции преимущественно для армии.

В апреле 1927 г. правительство Японии возглавил представитель армии генерал Танака. Он оставался во главе правительства в течение двух лет и проводил крайне реакционную политику, развертывая одновременно широкую программу агрессии. В 1929 г. был сформирован кабинет во главе с Хамагути. В этом кабинете также были представлены военные круги.

В составе офицерского корпуса в армии к 1930 г. произошли значительные изменения. Большинство офицеров, пришедших в армию и на флот в 1925—1930 гг., были выходцами из мелкой буржуазии города и деревни. Эти офицеры были настроены крайне шовинистически, но вместе с тем выступали против «сильных мира сего» — против монополий, выдвигали демагогические антибуржуазные лозунги.

Именно к началу 30-х годов в армии и на флоте возник термин «молодое офицерство», означавший появление офицерского корпуса нового направления. По мнению этой части офицерства, политика государства была недостаточно решительной. Территориальные проблемы «великой Японии» могли быть решены силой оружия. Этому и должна была соответствовать внутренняя и внешняя политика государства.

В 1930 г. на военно-политической арене появился генерал Минами, занимавший пост военного министра. Это была все еще компромиссная, «переходная» фигура, ибо, возглавив движение «молодого офицерства», которое торопило с началом войны против Китая, он в то же время поддерживал те круги в армии, которые настаивали на том, чтобы выждать, пока гражданская война в Китае углубит его внутривнутриполитический кризис и создаст условия для «легкой добычи» в результате вмешательства на стороне контрреволюционных сил гоминьдана. Крепкая дружба связывала генерала Минами с бывшим начальником генерального штаба японской армии при военном министре Угаки, генералом Судзуки, который был сторонником поэтапной подготовки и осуществления агрессии в Китае. В группу Минами входили: начальник генерального штаба генерал Каная, командующий ВВС генерал Ватанабэ, шеф военной жандармерии генерал Хата, командир 2-й дивизии Тамон, командир 10-й дивизии Хиросэ и командир 5-й дивизии Ниномия. В японской военной печати группа Судзуки — Минами называлась эклектической: она пыталась примирить старое и новое в военном искусстве.

Признавая необходимость обновления и перевооружения армии, эти люди в то же время отдавали предпочтение моральному духу японского воина-самурая.

Сочетание старого и нового в военном деле отталкивало значительную часть офицеров и генералов японской армии, особенно тех, которые сыграли большую роль в реорганизации армии после интервенции на советском Дальнем Востоке. Противники Минами — Судзуки создали свою группу под руководством члена Высшего военного совета генерала Муро, получившую известность как «группа Сага» — по названию города на о-ве Кюсю, откуда был родом генерал Муро⁷⁵. К этой группе вскоре примкнул и военный министр генерал Араки, сменивший генерала Минами на этом посту. В группу вскоре вошли командующий Квантунской группой войск в Маньчжурии генерал Хондзэ, инспектор кавалерии, а затем помощник военного министра генерал Ямакава, генерал Мадзаки — начальник оперативного управления генерального штаба, начальник штаба Квантунской группы войск генерал Койсо, командир 20-й дивизии Умэсаки и др. В ходе подготовки и разработки плана оккупации Маньчжурии к «группе Сага» присоединилась «группа Кумамото» (тоже по названию города на Кюсю), куда входили: начальник императорской военной академии генерал Усидзима, командир 1-й дивизии генерал Хаяси, командующий железнодорожными охранными войсками Квантунской области в Маньчжурии генерал Иноуэ и др.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в «группу Сага» вошла значительная часть генералов, занимавшихся разработкой плана оккупации Маньчжурии и подготовки плацдарма на ее территории для войны против Советского Союза.

Авантюризм и крайний экстремизм «группы Сага» были по душе «молодому офицерству», и оно поддерживало ее, поднимало ее авторитет в армии. Правящие круги шли на предоставление генералам и офицерам этой группы высоких постов в государственном аппарате. Так, например, в нарушение старых традиций, когда в Высшем военном совете могли заседать только полные генералы и адмиралы, в 1930 г. в этом совете заседали генерал-лейтенанты Араки, Мадзаки и Хондзэ. С ними должны были считаться такие влиятельные члены совета, как принцы Канин и Насимото, маршал виконт Уэхара и другие лица из ближайшего окружения императора.

«Группа Сага» заигрывала с массой офицеров в армии. В выступлениях перед ними, а также в военной печати об офицерском корпусе руководители группы говорили и писали только в высоких тонах. Генерал-лейтенант Тамон опубликовал 3 марта 1930 г. в газете «Мияко» статью под названием

«Мозг нации и армии», в которой прямо заявлял, что «никакая административная или политическая организация страны не может заменить собой офицерский корпус, несущий в себе высокий дух японизма, беспредельную преданность божественному императору и готовность умереть за него»⁷⁶. Одновременно военщина открыто выражала недовольство внешней политикой правительства. Резко критиковала «излишнюю осторожность», уступчивость во взаимоотношениях Японии с другими государствами, которые «игнорируют» ее права и интересы в Азии, и в особенности в Китае.

Военщина осуждала внешнюю политику прошлых правительств Японии за невыгодные для нее результаты Вашингтонской (1922 г.), Дайренской (1921 г.) и Чаньчунской (1922 г.) конференций, за «нерешительность» в отношении Дальневосточной республики, за признание СССР и установление с ним дипломатических отношений. В целом программа наиболее авантюристических групп военщины к началу 30-х годов сводилась к двум основным требованиям: 1) активизации захватнической политики Японии на континенте и войне против Советского Союза; 2) мобилизации всех экономических ресурсов страны для более интенсивной подготовки войны с целью создания великой империи в Азии.

В связи с этой программой в правящих кругах Японии происходили споры — главным образом по вопросу о ближайшем противнике Японии и японо-американских отношениях на Дальнем Востоке. Военщина полагала, что не только Маньчжурия, но и Северный и часть Центрального Китая, особенно его приморские районы по р. Янцзы, необходимы в качестве исходного плацдарма для войны против СССР. Она была уверена в том, что США и Англия во имя антисоветской войны готовы пожертвовать своими правами и интересами в континентальном Китае.

Парламентско-партийные круги, отражавшие интересы монополий, считали, что в крайнем случае можно пойти на оккупацию Маньчжурии, но не следует одновременно начинать операции по захвату Северного и Центрального Китая. В Маньчжурии, полагали они, интересы США и Англии не столь значительны, операции же в Северном и особенно Центральном Китае вызовут крайнее обострение отношений с западными державами, что очень невыгодно для Японии. Споры, продолжавшиеся в течение всего 1930 г., велись в то время, когда в генеральном штабе были уже разработаны в деталях операции по трем этапам: первый — оккупация Маньчжурии, второй — захват Жэхэ — Хэбэй — Чахар — Суйюань — Шэньси — Шаньси и Шаньдуна. На третьем этапе при условии успеха намеченных операций предполагалась высадка десантов и захват Шанхай-Ханчжоуского района, закрытие «парадного въезда» в континентальный Китай и бассейн

р. Янцзы. Все три этапа служили подготовкой для «большой войны» против Советского Союза силами Квантунской армии в Маньчжурии при поддержке военно-морского флота в Японском и Охотском морях.

Именно в соответствии с этим планом войны и велась интенсивная политическая, экономическая и идеологическая подготовка оккупации Маньчжурии, которая была осуществлена в сентябре — ноябре 1931 г.

Глава IV

МИЛИТАРИЗМ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ

1932—1939 гг.

1. МАНЬЧЖУРИЯ — ОПЫТНЫЙ ВОЕННЫЙ ПЛАЦДАРМ И «ЛАБОРАТОРИЯ» КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ И АЗИИ

К концу 1931 г. вся территория Маньчжурии (1 303 143 кв. км с населением 35 822 тыс. человек, из них в Квантунской области — 1 621 266 человек¹) была оккупирована японскими войсками². Квантунская японская армия, насчитывавшая до сентября 1931 г. всего около 11,5 тыс. солдат и офицеров, дислоцированная в зоне ЮМЖД — в Дальнем (Даляне), Инькоу, Ляонине, Фынхуажене, Мукдене (Шэньяне), Порт-Артуре и некоторых других гарнизонах на побережье Ляодунского залива, к 15 декабря 1931 г. имела в своем составе уже около 50 тыс. солдат и офицеров³. Продолжалось дальнейшее усиление Квантунской армии: в марте 1932 г. из Японии прибыли части 10-й, в начале мая — части 14-й пехотной дивизии и подразделения усиления. К началу 1933 г. численность армии в Маньчжурии была доведена до 100 тыс. солдат и офицеров⁴. Усиление Квантунской армии преследовало две цели: сосредоточить необходимые силы на главных направлениях по границе Маньчжурии с советским Приморьем, Приамурьем и Забайкальем, а также с Монгольской Народной Республикой (МНР) и одновременно обеспечить создание группировки войск на южных границах Маньчжурии — с Внутренней Монголией и Северным Китаем. Японское командование имело в виду таким образом сковать силы советской Красной Армии и монгольской Народно-революционной армии, а также, используя растерянность и бездействие правительства Чан Кай-ши, расширить агрессию на просторах Внутренней Монголии и Северного Китая. Военные круги Японии сопровождали указанные акты агрессии пропагандой паназиатизма и «освободительной» миссии японских вооруженных сил в Азии.

В целях маскировки агрессии японское правительство тщательно разработало специфическую форму колониального

режима, который устанавливался в Маньчжурии. Система японского колониального господства прикрывалась местной национальной вывеской, которая должна была создать впечатление политической самостоятельности нового «государства». Японцы формально выступали в качестве «добрых советников», рачительных помощников в строительстве нового «процветающего маньчжурского общества». Захватив всю территорию Маньчжурии в конце 1931 г., японское правительство вплоть до марта 1937 г. вводило временные экспериментальные схемы государственного устройства. Речь шла о том, чтобы на опыте Маньчжурии «показать» другим народам Азии, что Япония не собирается вводить режима «классического» колониализма Запада, что новый режим будет в корне отличаться от того, который существует в соседней Корее. Формально сохранилась китайская схема организации национальных органов власти. Для внешнего мира Маньчжоу-го выглядело как государство, где есть своя конституция, кабинет министров, свой суд, полиция и армия, министерство иностранных дел, посольские и консульские права.

Но за «национальным» фасадом этого государства скрывался механизм жесточайшего японского контроля, разностороннего вмешательства во внутренние дела Маньчжоу-го, превращавшего местный государственный аппарат в фикцию⁵. Всей разветвленной системой японского контроля ведал командующий Квантунской армией в Маньчжурии, он же был назначен чрезвычайным и полномочным послом императорской Японии в Маньчжоу-го. Все без исключения вопросы — как гражданские, так и военные — решались командующим Квантунской армией и его штабом. Советниками по проблемам экономики, культуры и строительства в правительственных органах Маньчжоу-го были опытные и хорошо подготовленные для этой цели японские специалисты. Жизнь государства регулировалась многотысячной армией японских советников⁶.

Главной задачей японского аппарата советников и контролеров было обеспечение колониальной эксплуатации территории, ее сырьевых и людских ресурсов, использование их для создания военно-промышленного комплекса, строительства военного плацдарма, а также для удовлетворения потребности Японии в продовольствии и стратегическом сырье в интересах подготовки к войне⁷. Особо важной задачей являлось создание благоприятных условий для осуществления планов «континентальной военной стратегии». Эти планы включали в себя организацию на территории Маньчжурии военного плацдарма, сосредоточение на нем значительных сил пехоты, авиации и других частей усиления для развертывания наступательных действий против Советского Союза, МНР и против возможных империалистических соперников. Разработка пла-

на действий против СССР, народной Монголии, а также против национально-освободительных сил Китая позволяла японским государственным и военным деятелям утверждать, что Япония готова начать открытую борьбу против коммунизма в Азии и потому нуждается в поддержке и помощи со стороны империалистических государств Европы и США. Подобные заявления не могли не привлечь внимания фашистских главней в Европе, которые готовились к узурпации власти в Германии, и уже находившихся у власти итальянских фашистов. Японские планы привлекали внимание и реакционных кругов США, рассчитывавших вести антисоветскую войну с помощью Японии.

Программа дальнейшей экспансии в Восточной Азии и осуществленная Квантунской армией операция по «молниеносному» захвату территории Маньчжурии способствовали успеху шовинистической пропаганды среди японской молодежи. Возросли популярность и авторитет военных кругов и армии в целом, которым приписывалась главная роль в расширении территории и приумножении богатств империи. Созданный вокруг военщины ореол «непосредственных борцов против коммунизма» способствовал распространению фашистских идей среди офицеров японской армии. Авантюристические, агрессивные планы получали поддержку со стороны так называемых «молодых» концернов Японии, которые стремились оттеснить своих конкурентов, захватив львиную долю военных сверхприбылей.

Буржуазные политические партии Японии, в частности «Сэйюкай» и «Минсэйто», и «старые», экономически более сильные концерны («Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда»), хотя и поддерживали захватнические планы, направленные против СССР и Китая, тем не менее боялись резкого обострения отношений с западными державами, особенно с США и Англией.

На этой почве в правительственной политике Японии развертывалась борьба двух тенденций. С одной стороны, тенденция к использованию успеха в Маньчжурии для немедленного расширения агрессии в Китае и форсирования подготовки войны против Советского Союза, с другой — тенденция выжидания, неторопливости в развитии «материковой политики», с тем чтобы дипломатическими мерами добиться от империалистических конкурентов уступок и гарантированной поддержки агрессии на севере. Представители этой точки зрения рекомендовали пока ограничиться освоением Маньчжурии и постепенным использованием ее территории в качестве военного плацдарма для войны против СССР. Разногласия по поводу ближайшего курса внешней политики государства неизбежно вызывали споры и в руководящих кругах японской армии и флота. Здесь также не было единства в вопросе

о темпах подготовки и осуществления планов войны против Китая и Советского Союза. Следует подчеркнуть, что военно-морские круги Японии были серьезно встревожены усилениями влияния армии, которая «так блестяще подготовила и осуществила операцию по захвату обширной территории Маньчжурии»⁸. Чувство «ревности» привело руководящие круги военно-морского флота к решению осуществить «нечто необыкновенно дерзкое»⁹, не уступающее инициативе армии. Такой военной дерзостью, как это выяснилось впоследствии, был предложенный главным морским штабом план «десантной операции силами военно-морского флота, авиации и морской пехоты в районе Шанхай—Ханчжоу...». Готовилась десантная операция и в районе Кантона¹⁰.

Командование военно-морскими силами Японии вербовало своих сторонников в финансово-промышленных кругах («дзайбацу»), среди крупных правительственных чиновников, заинтересованных в заказах военно-морского министерства. Военно-морское командование на узких совещаниях упорно доказывало, что «десантная операция в районе Шанхай—Ханчжоу может в полной мере ликвидировать кризисное состояние японского судостроения, застой в морских и океанских перевозках, она способна вообще стать тем бумом, который ликвидирует трудности, вызванные экономическим кризисом»¹¹. Сама подготовка к «десантной операции» велась открыто, поскольку руководящие военно-морские круги хорошо понимали, что их предложения касаются будущего японо-американских и японо-английских отношений.

Обстановка в стране благоприятствовала реализации замысла военно-морских кругов. «Молодые» военно-морские офицеры все чаще открыто выступали с нападками на «алчущую политику англосакского империализма», при этом оправдывалось фашистское движение в Европе, которое-де «законно ставит вопрос о насильственном свержении „старого порядка“ и установлении „нового порядка“»¹². Эти выступления привлекали внимание как флотских, так и армейских офицеров, способствовали росту шовинистических настроений среди японской молодежи и студенчества. Японская морская разведка организовала ряд провокационных выступлений против японских резидентов в Шанхае. Командование военно-морского флота, ссылаясь «на усилившиеся бесчинства и оскорбления японских резидентов»¹³, получило согласие правительства форсировать подготовку к шанхайской десантной операции. С 23 по 28 января 1932 г. корабли японской эскадры высадили на берег 2800 морских пехотинцев, которые должны были «поддерживать шанхайский японский охранный гарнизон и подавить антияпонские выступления и пропаганду в Шанхае»¹⁴. Высадка японского десанта и начало интервенции в районе Шанхая привели к упорному сопротивлению

всего китайского народа. В авангарде этого сопротивления встал рабочий класс Шанхая, который поддержали солдаты китайской 19-й армии. За два дня боев в Шанхае японская сторона потеряла около тысячи солдат и офицеров¹⁵. Созданный в ходе боев антияпонский городской национальный комитет действия, возглавленный рабочими, организовал забастовки на японских предприятиях, бойкот японских товаров, а главное — поднял на вооруженную борьбу против захватчиков все трудовое население города. В ходе боев в Шанхае были стихийно объединены усилия рабочих и студенческих отрядов, фронтовых частей 19-й армии. В результате японские милитаристы почувствовали всю силу народного сопротивления.

Начав военную провокацию в надежде, что внезапный и мощный удар с суши и моря небольшой группировки морской пехоты, поддержанной корабельной артиллерией и охранным гарнизоном внутри Шанхая, принесет скорую победу, японское командование просчиталось. В районе Шанхая оно вынуждено было сосредоточить около 100 тыс. японских солдат и офицеров, 60 кораблей военно-морского флота и более 100 самолетов¹⁶. Здесь оказалось в несколько раз больше сил, чем это намечалось планом десантной операции.

Обстановка под Шанхаем и в самом городе складывалась в пользу сил народного антияпонского фронта. Однако правительство Чан Кай-ши, искавшее пути сговора с агрессором в расчете получить его поддержку в борьбе против Коммунистической партии Китая, не ввело вовремя в сражение свою 5-ю армию, не снабдило шанхайскую группировку войск и отряды народного сопротивления боеприпасами, продовольствием, не направило в помощь войскам корабли военно-морского флота на р. Янцзы¹⁷. США, Англия и Франция были не на шутку встревожены десантной операцией японского флота. Вместе с тем их пугали упорство и единство действий пролетариата Шанхая, поддержка этих действий со стороны китайских регулярных войск. Они видели в этом единстве самую серьезную опасность для своих империалистических позиций в Китае. 22 февраля 1932 г. американский посол в Токио обратился к японскому правительству с призывом «учитывать интересы великих держав в бассейне р. Янцзы и в г. Шанхае»¹⁸. 3 марта 1932 г. японская интервенция в районе Шанхая стала предметом обсуждения Лиги наций. Народы Советского Союза выразили свой решительный протест японским захватчикам. Советское правительство потребовало от Лиги наций принятия эффективных санкций против Японии. Все прогрессивные силы в капиталистических странах, осуждая японскую агрессию, выступили с поддержкой требования Советского Союза в защиту интересов китайского народа.

Требования Советского Союза, движение народов в капи-

талистических странах против японской агрессии наряду с чрезвычайным напряжением во внутривосточной обстановке в Японии, вызванным опасностью затяжной войны в Китае, неизбежным ухудшением отношений между Японией и западными державами, заставили японское правительство принять решение о прекращении военных действий и отзыве своих войск из района Шанхая. Западные державы потребовали от Чан Кай-ши укрощения «анархических» действий рабочих и студентов, они рекомендовали после тщательной подготовки и получения оружия (кстати, и от Японии) направить все силы на организацию 4-го похода против Красной армии Китая¹⁹.

Провал шанхайской операции имел далеко идущие последствия для Японии. Японское правительство убедилось в том, что в решении «китайской проблемы» серьезным препятствием будет прежде всего непримиримая позиция Советского Союза, осуждение агрессора мировой прогрессивной общественностью. Наиболее экстремистские круги японского империализма открыто пропагандировали на этом основании форсированную подготовку антисоветской войны. Они настаивали на подготовке в Маньчжурии в самые короткие сроки исходного военного плацдарма для развертывания сил вторжения на советский Дальний Восток. Японское правительство убедилось на опыте провала шанхайской операции, что империалистические соперники Японии не склонны сдавать свои колониальные позиции в Китае. Было очевидно, что уступки империалистических держав Японии возможны только при условии, если Япония возьмет на себя обязательство вступить в войну против СССР и организовать вооруженную борьбу против «коммунистических элементов и их подрывной деятельности в Китае». Вследствие того что Чан Кай-ши и его сподвижники были также озабочены ростом влияния коммунистов в стране, японские стратеги рассчитывали на то, что империалистические государства будут толкать правительство Нанкина на участие в антисоветской войне, а также на совместные с Японией действия с целью уничтожения китайских коммунистов. Во всех случаях стратегическое положение Маньчжурии приобретало особо важное значение.

Провал шанхайской операции был отнесен армейскими кругами на счет «несостоятельности военно-морского искусства Японии». Многие промышленные компании, уже готовившие аппарат экономического «освоения» бассейна р. Янцзы, рассчитывавшие на бум в судостроении и других отраслях военной промышленности, перестраивались с целью поддержки «наземной стратегии». В связи с этим обострилась борьба японских монополий за свои позиции в Маньчжурии.

Среди «молодых офицеров» армии и флота вскоре стали раздаваться голоса о том, что неудача в Шанхае объясняется

«неспособностью дипломатии страны защищать национальные интересы». Экстремистская молодежь Японии требовала «покончить со всякими условностями вроде коллективной безопасности в рамках Лиги наций, разоружения, международных арбитражных комиссий (имелась в виду работавшая в это время комиссия Лиги наций по Маньчжурии во главе с Литтоном.— *Прим. авт.*), санкций и запретов»²⁰, покончить с «ложным демократизмом» и ввести диктатуру правительства, выражающего интересы нации, «действующего от имени императора»²¹.

Японская буржуазная печать в восторженных тонах сообщала об успехах фашистской партии на выборах в Пруссии 24 апреля и на выборах во всей Германии 30 июня 1932 г. Было очевидно, что германская монополистическая буржуазия находила себе опору в фашизме. Японские правящие круги все больше склонялись к тому, чтобы сочетать подготовку к войне с фашизацией страны.

В предложенном военной стратегическом плане главное место занимала интенсификация подготовки военного плацдарма в Маньчжурии, использование ее территории и ресурсов для захвата всего Китая. На этой основе и под вывеской «японо-маньчжуро-китайского экономического блока» намечалось создание единого плацдарма «большой войны» против Советского Союза, а если позволит обстановка, то и против империалистических соперников Японии в Юго-Восточной Азии.

Японские монополии развили активную деятельность в Маньчжурии, где создавался военно-промышленный комплекс, право контроля над которым взял на себя штаб Квантунской армии. По свидетельству японского обозревателя Исихара, «в Маньчжурию прежде всего приехали посредники для переговоров между монополиями и Квантунским штабом. Их приехало множество, и каждый в отдельности думал, что он опередил своих соперников, привез наиболее выгодные для штаба Квантунской армии предложения. Не поддается учету сумма „преподношений и поощрительных взносов“, которая была выплачена большим и малым служащим и чиновникам штаба в надежде на то, что они помогут компании занять ведущее или даже „абсолютное“ место в будущем маньчжурском военно-промышленном комплексе»²².

Первый вариант программы «экономического развития Маньчжоу-го», составленный японскими советниками, был обнародован 1 марта 1933 г., т. е. через год после официального объявления об образовании этого «государства». Поскольку эта программа исходила от «независимого правительства Маньчжоу-го», постольку с точки зрения пропаганды было важно показать, что будущее экономики Маньчжурии строится с учетом интересов экономического блока государств

Япония — Маньчжурия — Китай. В преамбуле к программе было торжественно объявлено: «Для объединения и рационального использования экономики Восточной Азии, учитывая тесное экономическое сотрудничество между Маньчжоу-го и Японией, все ресурсы будут использованы для укрепления этого сотрудничества... Главнейшие отрасли промышленности, имеющие оборонный характер, должны находиться в ведении или под контролем государства, здесь будут созданы „специальные компании“...»²³.

Первый вариант «экономической программы» был рассчитан на то, чтобы в течение трех лет, т. е. до 1936 г., обеспечить всем необходимым из местных ресурсов Квантунскую армию (всего около миллиона солдат и офицеров), которую готовили в качестве «армии вторжения и захвата обширных территорий Китая и советского Дальнего Востока»²⁴. Как свидетельствуют японские авторы Уити Нагаи и Камедэо Танимото, составители программы исходили из того, что годовая потребность такой армии может составить 2400 тыс. т стали и стальных изделий, 48 млн. т угля и около 2,5 млн. т нефти²⁵. Для этого имелось в виду мобилизовать также ресурсы Северного Китая и Внутренней Монголии.

Кроме угля и железной руды Маньчжурия, Северный Китай и Внутренняя Монголия имели значительные запасы вольфрама, магниевых руд, золота, а также производили нужные армии хлопок и шерсть.

К моменту оккупации, осенью 1931 г., Маньчжурия занимала важное место в системе экономики Китая. Сельское хозяйство Маньчжурии давало значительные урожаи ячменя, сои, кукурузы, риса, сорго и пшеницы. Посевные площади занимали 32 млн. акров (из 54,9 млн. акров пригодной для пахоты земли). Ежегодный урожай зернобобовых культур составлял 790 млн. бушелей стоимостью около 200 млн. кит. долл.²⁶. Кустарная и фабричная промышленность выпускала высококачественный шелк, являвшийся важнейшей статьей китайского экспорта. Маньчжурское скотоводство — около 15 млн. голов крупного рогатого скота — также давало большой объем своей продукции на экспорт. Из Маньчжурии экспортировался строевой лес (площадь лесов в Маньчжурии достигала около 89 млн. акров)²⁷. Рыбные ресурсы Маньчжурии, особенно на побережье Желтого моря и в Бохайском заливе, позволяли ежегодно вылавливать и отправлять за рубеж десятки тысяч тонн рыбы и других морских продуктов. Только в 1930 г. стоимость улова достигла 3 млн. кит. долл.²⁸. На основе больших возможностей сельского хозяйства, лесного и рыбного промыслов в Маньчжурии развивались предприятия по переработке продукции этих отраслей; они производили бобовое масло и жмыхи, спички, строительный лесоматериал, бумагу, посуду и др. Имелись и зачатки военного

производства. Один из крупнейших военных arsenалов Китая находился в Мукдене (Шэньяне), на нем работало более 9 тыс. рабочих. Здесь производился ремонт различных систем артиллерийского и стрелкового вооружения, выпускались боеприпасы, инженерно-саперный инструмент и др.

Главным и наиболее мощным концерном Японии, щупальца которого проникли далеко за пределы Квантунской области, был «Мантэцу». Этот концерн монополизировал все отрасли экономики и торговли. Значительные доходы концерн получал от контрабандной торговли. Под вывеской концерна работал и разведывательный центр японского генерального штаба.

Всего к 1930 г. в Маньчжурии действовало 1214 компаний (из них 883 смешанные — японо-китайские) с общим капиталом 1073 млн. иен. Интересы компаний охватывали почти все отрасли промышленности, торговли, финансов и кредита²⁹.

После оккупации Маньчжурии японское правительство потребовало от командования Квантунской армии «навести порядок» на этой территории, с тем чтобы создать «нормальные условия» для функционирования японских монополистических организаций, гарантировать безопасность капиталовложений и строительство военно-промышленного комплекса.

Следует отметить, что развернувшаяся партизанская война против захватчиков, в которой принимали активное участие и корейские партизаны, создала крайне напряженную обстановку в Маньчжурии. Это пугало японские монополии, и они очень осторожно шли на капиталовложения в Маньчжурию. Предварительный план (1933—1936) поэтому недовыполнялся. Так, к концу 1936 г. вместо намеченных 2,1 млрд. иен капиталовложений удалось привлечь едва половину этой суммы. При этом важно то, что значительная часть новых капиталовложений была сделана тем же концерном «Мантэцу». Правда, часть этих капиталовложений скрывалась за так называемым «правительственным вкладом Маньчжоуго» в новое строительство. Из общего объема капиталовложений в 1573 млн. иен 794 млн. принадлежали концерну «Мантэцу»³⁰.

За 1936 г. в Маньчжурии было выплавлено 850 тыс. т чугуна, 400 тыс. т стали, добыто 11 700 тыс. т угля, 145 тыс. т синтетической нефти (перегонка Фушуньских сланцев), 4 тыс. т алюминия, произведено продовольственных культур: риса — 337,2 тыс. т, пшеницы — 966 тыс., бобовых культур — 4201,3 тыс., хлопка — 15 тыс. т³¹. Эти данные показывают, что намеченный план эксплуатации ресурсов Маньчжурии не был выполнен. Спротивление патриотов Маньчжурии колониальному режиму росло. По весьма приблизительным данным, за 1933—1936 гг. японская армия провела в Маньчжурии 832 карательные экспедиции и более 2 тыс. боев против пар-

тизан. По официальным данным японских штабов, на конец 1935 г. в Маньчжурии действовало более 300 тыс. партизан³².

Уже в это время японское правительство поощряло провокации своей армии в Маньчжурии на Китайско-Восточной железной дороге (сокращенно КВЖД)³³. Командующий Квантунской армией настаивал на захвате КВЖД силой. Однако японское правительство не решалось на резкое обострение японо-советских отношений и пошло на переговоры с правительством СССР об условиях продажи КВЖД. Пока шли эти переговоры, японское правительство форсировало строительство плацдарма, в том числе и железных дорог к районам залегания сырьевых ресурсов и к границам СССР и МНР. Для мобилизации частных капиталов в строительство создавались государственно-частные компании; правительство за счет бюджета отпускало значительные субсидии частным военно-промышленным компаниям, действующим в Маньчжурии. Таким образом, укрепляли свои позиции новые («молодые») военно-промышленные компании. В октябре 1937 г. была утверждена правительством компания «Мансю дзюкогё кайхацу» (сокращенно «Мангё») с капиталом 150 млн. иен. Она специализировалась на производстве черных и цветных металлов, машиностроении, самолетостроении и автомобилестроении. Во главе «Мангё» стоял Гисуке Аюкава — реакционный деятель, разбогатевший на военном бизнесе. Между «молодыми» концернами и «старыми» — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и др. — развернулась упорная борьба.

В этой обстановке правительство Японии, выполняя волю государственно-монополистического капитала, пыталось примирить интересы монополий, проявляя крайнюю заинтересованность в том, чтобы как «молодые», так и «старые» концерны, их группировки в армии и на флоте в должной мере служили общей идее — созданию большой колониальной империи. Поскольку главным средством в этом деле было военное насилие, постольку правительство заботилось о том, чтобы командование армии и флота также было заинтересовано в военном бизнесе, впервые в истории японских вооруженных сил правительство разрешило генералам и старшим офицерам армии в Маньчжурии «по совместительству участвовать в прибылях предприятий, производящих военную продукцию»³⁴.

Принятыми мерами японскому правительству удалось довести число компаний, занятых строительством военно-промышленного комплекса в Маньчжурии, до 2348. Крупных компаний с капиталом от 50 млн. иен и выше насчитывалось 23; им принадлежало в 1937 г. 50,4% всего государственного и частного капитала³⁵. Привлечение капиталов дало возможность составить примерный план развития экономики Маньчжоу-го на 1937—1941 гг. За это пятилетие намечалось вы-

плавить на предприятиях Маньчжурии 2400 тыс. т чугуна, 2250 тыс. т стали, добыть 25 500 тыс. т угля, построить ТЭС мощностью 1200 тыс. квт, произвести синтетической нефти 1300 тыс. т, намыть на 200 млн. иен золота, добыть 870 тыс. т промышленной соли. План предусматривал уже в 1938 г. приступить к серийному выпуску новых видов артиллерийского, минометного и стрелкового оружия, экспериментально начать сборку автомобилей и самолетов из выпущенных на заводах в Японии частей³⁶. Однако обстановка затяжной войны в Китае, обострение политической ситуации в Европе дали японским правящим кругам основание для пересмотра плана. В начале 1938 г. он был увеличен и имел задачи: выплавить 5 млн. т чугуна, 3,5 млн. т стали, добыть 38 млн. т угля, построить ТЭС мощностью 2600 тыс. квт, произвести синтетической нефти 2 млн. т, намыть золота на 300 млн. иен и произвести 1 млн. т промышленной соли³⁷. Капиталовложения в новое строительство по первоначальному плану намечались в сумме 1220 млн. иен, а по второму варианту — в сумме 3900 млн. иен. Второй, исправленный план предусматривал серийное производство танков и бронемашин, легких катеров с металлическими корпусами и т. п.³⁸. Пятилетний план имел совершенно отчетливое назначение — полностью обеспечить действующую миллионную армию в Маньчжурии и Корее всем необходимым для «большой войны» и снабдить частично необходимым вооружением, боевой техникой и довольствием действующую армию в Китае.

В связи с превращением Маньчжурии в военный плацдарм Японии на материке росла потребность в сырьевых ресурсах для маньчжурской и корейской промышленности. Вывоз ресурсов из Маньчжурии в Японию при этом сокращался. Мало того, в 1937—1941 гг. по мере «освоения» ресурсов Северного Китая сырье и полуфабрикаты для металлургии, машиностроения, химической и строительной промышленности стали вывозиться в Маньчжурию.

Импорт из Маньчжурии в 1937 г. в сравнении с 1932 г. сократился более чем в 2,5 раза. Он продолжал сокращаться и в 1937—1940 гг. С 1938 г., когда японская армия расширяла агрессию в Китае, возрос импорт чугуна из «других стран», главным образом из США.

В 1936 г. запасы железной руды в Маньчжурии оценивались: Аньшаньское месторождение — 457,3 млн. т (50—60% железа), Мязоугоу — 230 млн. т (60—68% железа), Гунчжанлин — 400 млн. т (более 40% железа), Чжэнтоушань — 151,4 млн. т (более 30% железа), Далицзыгоу — 1,4 млн. т (около 50% железа), Цидаогоу — 1,4 млн. т (50% железа), Юйсигоу — 110 тыс. т (40—58% железа), Куантунцзы — 1 млн. т (более 50% железа), а всего выявленных запасов — 1260,6 млн. т³⁹. При этом, кроме Аньшань-

ского месторождения, которое было отдано под контроль экономического отдела штаба Квантунской армии в Маньчжурии, все источники руды находились в непосредственном ведении этого штаба. Именно отсюда было организовано управление рудниками, давались указания о размерах добычи и порядке поставки руды на металлургические предприятия государственного и государственно-частного секторов. Отдел мобилизации штаба Квантунской армии через штабы гарнизонов по всей Маньчжурии производил мобилизацию рабочей силы для работы на шахтах. Отсюда шли распоряжения о том, чтобы экспедиционная армия в Северном Китае мобилизовала и направляла китайцев «в качестве военнопленных или завербованных» для работы на шахтах.

Японская армия расширяла масштабы наступления в Северном Китае. В 1933—1935 гг. под предлогом «преследования антияпонской армии Чжан Сюэ-ляна», отошедшей из Маньчжурии в Хэбэй, Шаньси и Чахар, «охраны жизни и интересов японских граждан в Северном Китае» японская экспедиционная армия осуществила хэбэй-чахарскую наступательную операцию. В ходе этой операции японское командование, опираясь на прояпонские элементы среди местных политиканов, оппозиционных к Чан Кай-ши, развернуло движение «за автономию» Северного Китая, за выход обширного и богатого ресурсами района из подчинения центральному китайскому правительству.

Главными деятелями движения «за автономию» Северного Китая были старые японские ставленники: Тан Эр-хэ, Ван Кэ-мин, Чжу Шэн, Тун Гуан, Ван И-тан, Ван Ин-тай, Цзи Ши-юань и др. Эти японские агенты стали руководителями и членами Хэбэй-Чахарского политического совета, а затем позднее, 14 декабря 1937 г., вошли в состав марионеточного правительства Северного Китая, сформированного японским командованием в Пекине.

Образование марионеточного правительства Северного Китая во главе с агентами японского империализма, фактическое отделение Северного Китая от остального Китая дали право японскому командованию объявить весь район «зоной особых интересов» Японии, ввести войска в демилитаризованную зону в Хэбэе, захватить коммуникации и контролировать перевозки и торговлю в этом районе. Никакие протесты иностранных держав, имевших экономические и торговые интересы в Северном Китае, не принимались в расчет, так как великие державы не имели дипломатических отношений с Хэбэй-Чахарским политическим советом, а позднее — с марионеточным правительством Северного Китая в Пекине. Нанкинское правительство Чан Кай-ши, не желая обострять отношения с Японией и надеясь на возможность договориться с ее правительством о совместных действиях против коммуни-

стов Китая, мирилось с потерей Северного Китая, хотя внешне и протестовало против агрессии Японии в этом районе.

Империалистические державы «угрожали» Японии санкциями, если она не признает их интересов в Северном Китае. Но это были весьма слабые угрозы, так как японская пропаганда доказывала, что Северный Китай нужен Японии для форсирования войны против Советского Союза и китайских коммунистов.

Вскоре после прихода Гитлера к власти и заметного сближения между японскими милитаристами и германскими лидерами фашизма империалистические державы стали вынашивать идею объединения в ближайшем будущем антисоветских, антикоммунистических сил. Поэтому они всемерно подталкивали и поощряли это сближение, готовы были пойти на дальнейшие уступки японскому агрессору в Северном Китае. Успехи японской армии в Северном Китае, явная поощрительная политика империалистических держав в отношении агрессивных планов Японии в этом районе воодушевили экстремистские элементы, которые развернули борьбу за ускорение фашизации государства, устранение препятствий на этом пути. Вновь на политической арене появляются фашистские организации в армии и на флоте.

Военщина Японии начала выступать с требованием ввести в систему военно-государственный контроль над экономической и политической жизнью в стране. Разрабатывались и пропагандировались теории «корпоративного государства», «национально-социалистического государства», которые представлялись как надклассовые, «подчиняющиеся и почитающие лишь особу императора»⁴⁰. При этом подчеркивалось, что «надклассовое императорское государство может опереться только на армию как наиболее решительный и преданный инструмент его величества»⁴¹. Чтобы не утруждать «его величество» функциями контроля над враждующими между собой капиталистическими группами в стране, офицерский корпус должен будет вмешиваться в производство и распределение всего, что производится и потребляется в стране. В случае необходимости правительство может объявить монополию на ряд дефицитных продуктов... Часть заводов перейдет в собственность правительства, часть же останется в ведении частных лиц, но будет работать под контролем правительства, которое возьмет на себя задачу субсидирования и снабжения их сырьем⁴². Военщина предлагала и конкретные меры фашизации режима на оккупированных территориях и колониях Японии. Она считала, что идее фашизации должна быть подчинена политика на оккупированной территории Китая и Маньчжурии. Она видела перспективу развертывания строительства и эксплуатации военно-промышленного комплекса в Маньчжурии в том, чтобы не только исполь-

звать рабский труд китайцев и других национальностей, но и ввести на предприятиях этого комплекса режим абсолютного господства японцев, воспитания всего населения оккупированных районов в духе покорности японскому диктату, в духе антикоммунизма и национал-социализма. Это воспитание должно быть распространено прежде всего среди молодежи. В мае 1933 г. Управление образования, культуры и религии, подчиненное чрезвычайному и полномочному послу Японии при «правительстве Маньчжоу-го» (он же командующий Квантунской армией в Маньчжурии), предложило проект реформы образования и воспитания молодежи. В проекте подчеркивалось, что «в интересах сотрудничества Маньчжоу-го и Японии считается целесообразным принять систему образования, которая способствовала бы глубокому пониманию идей первенства Японии в создании всеазиатского союза наций и государств для борьбы против коммунизма»⁴³. Речь шла, таким образом, о японизации образования и воспитания молодежи «государства» Маньчжоу-го. К 1936 г. в Маньчжурии было создано 15 педагогических школ, в которых готовилось 2200 учителей для начальных школ. Преподавание в этих школах осуществлялось на японском языке и по японским учебникам. Реформа образования проводилась с участием и под руководством более 500 специалистов-японцев, прибывших по специальной мобилизации⁴⁴. В школьных программах было введено изучение истории «великой Японии», где к землям империи были причислены территории советского Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала. Воспитание школьников велось в духе антикоммунизма и вражды к советскому народу, к китайским трудящимся⁴⁵.

Японизация коснулась и специального образования. По программам, разработанным японскими советниками, с 1935 г. осуществлялось преподавание в Чаньчунском педагогическом институте для женщин, Чаньчунском медицинском институте, Гирином педагогическом институте для мужчин, Мукденском сельскохозяйственном институте, Харбинском политехническом институте, Харбинском медицинском и зубоврачебном институтах. Общее число японских преподавателей в этих учебных заведениях к концу 1937 г. составляло 822 человека, китайских — 137. Среди студентов не было детей рабочих и крестьян. В вузах учились сыновья и дочери крупных чиновников, буржуазии и помещиков, небольшое число детей русских эмигрантов, находившихся на службе марионеточного правительства Маньчжоу-го и японской разведки.

К 1936 г. вся печать Маньчжурии оказалась под контролем Управления надзора и цензуры, подчиненного чрезвычайному и полномочному послу Японии. Большинство газет и журналов выходили на японском языке. Тираж японских изданий к тому времени уже в 9 раз превосходил тираж ки-

тайских изданий. Ведущей газетой стала «Мансю нити-нити», тираж которой достиг 520 тыс. экз. Эта газета в принудительном порядке распространялась даже среди тех, кто не знал японского языка. На экранах немногочисленных кинотеатров, в клубах показывались японские «боевики», восхвалявшие колониальную политику Японии в отношении Китая и «непобедимость» японской армии.

Штаб Квантунской армии в Маньчжурии стал инициатором создания Общества молодых патриотов, которое затем получило официальное название «Сэхэхой» (по-японски «Кёвакай»). Его задачей было «поднятие культурного и морального уровня населения и воспитания у него уважения и верности Японии»⁴⁶.

К 1937 г. общество «Сэхэхой» имело 2917 штабов в провинциях и городах Маньчжурии, которые под руководством центрального штаба в Чаньчуне развернули фашистскую пропаганду, популяризацию идей японизма и превосходства Японии в Азии. В центральном штабе «Сэхэхой» работали 73 офицера, специально выделенные штабом Квантунской армии.

18 сентября 1936 г. командующий Квантунской армией генерал Уэда, сменивший генерала Хондзэ, издал специальную директиву «О деятельности общества „Сэхэхой“», в которой, между прочим, говорилось: «„Сэхэхой“ — единственная патриотическая организация в Маньчжоу-го, проводящая идеологическую, культурную, политическую и хозяйственную работу, охраняющая духовные начала народа и пекущаяся о народном благополучии. Полное торжество управления по принципам „вандао“ будет обеспечено тогда, когда ревностные члены этого общества на высоких постах в правительственных органах и среди населения будут руководить всей политической и экономической жизнью страны и укреплять идеологические начала и тем завершат мобилизацию всего населения под единым стягом государственной идеи Маньчжоу-го»⁴⁷. Последствием этой директивы японского командующего было то, что все чиновники и служащие государственного аппарата Маньчжурии как в центре, так и на местах, все военнослужащие, особенно офицерский состав марионеточной армии Маньчжоу-го, вступили в общество «Сэхэхой». Это общество стало опорой Квантунской армии в борьбе против национально-освободительного движения, в идеологической подготовке населения к антисоветской войне.

Таким образом, всей системой мер колониальной эксплуатации Маньчжурии и Северного Китая японские руководящие круги старались подготовить плацдарм, армию, а также население на оккупированной территории к войне против СССР. Огромная подготовительная работа к расширению агрессии на материке проводилась и в самой Японии.

2. ВОЕННО-ИНФЛЯЦИОННАЯ КОНЪЮНКТУРА И УСКОРЕНИЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ ЯПОНИИ (1937—1939 гг.)

Монополии Японии, как «старые», так и «новые», видели в фашизме известную гарантию от все учащавшихся выступлений против войны и обострившейся борьбы пролетариата за свои права. Крупные монополии Японии — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда» и др. — не выступали против государственного контроля, поскольку он в конечном счете был направлен на защиту их интересов, гарантировал им дальнейшее усиление экономического и политического влияния в государстве. Но вместе с тем эти крупные монополии тревожились в связи с ростом влияния «молодых» концернов на политику государства, им были не по вкусу усиливающиеся контакты между этими концернами и военщиной. «Старые» концерны сознавали, что укрепление этих контактов связано с политикой милитаризации экономики, политической и административной системы в государстве.

Пользуясь своим влиянием на государственный аппарат и императорский двор, «старые» концерны пересматривали свою политику в отношении оккупированных территорий Китая. Они соглашались участвовать в смешанных — государственно-частных — компаниях на условиях государственной гарантии капиталовложений, охраны собственности и безопасности для деятельности компаний со стороны вооруженных сил империи на оккупированной территории. Им удалось добиться отпуска из бюджета значительных поощрительных субсидий на выпуск продукции, обеспечивающей ведение войны в Китае и подготовку войны против Советского Союза. Тем не менее представители «старых» концернов стояли за «разумную» политику в Китае, за сглаживание противоречий с империалистическими соперниками, особенно с США, с которыми они поддерживали давние и взаимовыгодные экономические и торговые связи.

Они считали, что подготовка войны против Советского Союза встретит внимание со стороны великих держав и поддержку фашистских государств Запада.

«Молодые» концерны — «Кухара», «Аюкава», «Накадзима», «Ногути» и др., — деятельность которых всецело определялась подготовкой к войне и военным бизнесом, выступали против сглаживания противоречий и дипломатического лавирования. Они считали, что Япония должна военной силой, могуществом своих армий и флота прокладывать путь к созданию «великой азиатской сферы процветания» под эгидой империи.

Следовательно, обе группы концернов стояли за войну и агрессию, но расходились в оценке роли дипломатических

методов приобретения союзников в войне за установление господства Японии в Азии.

Обе группы концернов использовали военно-инфляционную конъюнктуру для увеличения своих капиталовложений в отрасли промышленности, которые обеспечивали рост продукции, необходимой для подготовки агрессии в широких масштабах.

Сравнительные данные о капиталовложениях в военные и невоенные отрасли промышленности приводятся в следующей таблице*:

	1935 г.		1936 г.		1937 г.	
	Сумма, млн. иен	%	Сумма, млн. иен	%	Сумма, млн. иен	%
Общий объем капиталовложений	1427	100,0	2000	100,0	3627	100,0
В том числе в военных отраслях	763	53,4	982	49,1	2239	61,7
Из них:						
в химическую промышленность . . .	222	15,5	163	8,1	665	18,3
металлургию	80	5,6	107	5,3	395	10,8
машиностроение и приборостроение . . .	55	3,8	108	5,4	491	13,5
Прочие отрасли	357	28,5	378	30,3	718	19,1
В невоенные отрасли промышленности	664	46,6	1018	50,9	1388	38,3

* «Сэндзи нихон дзюкогё дайкан», 1938, Токио, стр. 228 — 232, 411 — 427 (на япон. яз.); Сэйити Осима, Сэндзи нихон-но дзюкогё, стр. 46 (на япон. яз.).

Таким образом, в 1935—1937 гг. наряду с абсолютным увеличением объема капиталовложений в военные отрасли промышленности растет и их удельный вес в общей сумме капиталовложений в промышленность. После заключения 25 ноября 1936 г. «антикоминтерновского пакта», означавшего дальнейшее сближение агрессивных сил Германии, Италии и Японии, процесс развития военных отраслей промышленности, диверсификации предприятий для военного производства происходил чрезвычайно быстрыми темпами. Приход к власти в июне 1937 г. первого кабинета Фумимаро Коноэ — сторонника союза с фашистскими агрессорами Запада — обеспечил дальнейшее расширение агрессии в Китае и форсирование подготовки войны против Советского Союза. Militarизм в Японии получил ускоренное развитие.

В июле 1937 г. японские вооруженные силы продолжали расширять агрессию в Северном Китае. В течение полугода

они провели Пекин-Тяньцзинскую, Нанькоу-Чжанцзякоускую и Тайюаньскую наступательные операции. Однако с самого начала войны выяснилось, что намеченный «блицкриг» в Китае не получился, наступающим японским колоннам оказывали сопротивление войска 29-й гоминьдановской армии. В тылу японского наступления возросло сопротивление агрессору частей китайской Красной армии и партизан, укрепившихся в Особом пограничном районе Шэньси—Ганьсу—Нинся. Антияпонски настроенные соединения под командованием генерала Чжан Сюэ-ляна и часть армии губернатора провинции Шаньси Янь Си-шаня против воли последнего также поддерживали антияпонские выступления в тылу фронта. Сочувствие и поддержка борющегося китайского народа со стороны Советского Союза, резкое осуждение японской агрессии трудящимися капиталистических стран — все это показывало, что война в Китае — серьезное испытание для японской армии, для всего японского государства.

К концу 1937 г. правительство и монополии Японии вынуждены были серьезно заняться проблемой обеспечения затяжной войны в Китае. Наряду с военными операциями в Китае правительство Ф. Коноэ стало предпринимать меры, направленные на осуществление сговора с Чан Кай-ши, рассчитывая на то, что он и его клика, превыше всего ставящие борьбу против коммунистов, пойдут на дальнейшие уступки и присоединятся к «антикоминтерновскому пакту».

Японское правительство приложило много усилий к тому, чтобы в условиях затягивающейся войны в Китае продолжать подготовку к войне против СССР, а также держать про запас вариант стратегии, обеспечивающий армию и флот на случай столкновения с империалистическими соперниками, в частности с США. Военно-инфляционная конъюнктура в стране осложнялась с каждым днем. Государственный долг правительства стал расти невиданными доселе темпами. В 1937/38 финансовом году он составлял 13 390 млн. иен, а к 1940/41 г. — уже 30 360 млн. иен. Расходная часть бюджета на военные нужды выросла за это же время более чем в 5 раз: в 1936/37 г. она составила 1050 млн. иен, в 1939/40 г. — 5419 млн. иен⁴⁸. Была введена принудительная система мобилизации финансов для обеспечения военных расходов.

Чрезвычайно быстро росли налоги с населения. Если в 1935 г. на одного жителя страны приходилось прямых налогов 11 иен 23 сены, то в 1938 г. эта сумма составила уже 22 иены 64 сены, т. е. выросла за четыре года более чем в 2 раза, а в 1939 г. сумма прямых налогов достигла 31 иены 64 сены⁴⁹.

Одной из важнейших забот правительства и монополий страны после начала японо-китайской войны было стремление обеспечить военную промышленность необходимыми за-

пасами за счет грабежа оккупированной территории Китая, за счет импорта сырья и промышленного оборудования из США, английских, французских и голландских колоний в Азии. Самой слабой стороной японской военной экономики являлась все возрастающая зависимость ее от импорта стратегического сырья.

К началу войны в Китае (к июлю 1937 г.) производство и степень покрытия им потребности по важнейшим видам стратегического сырья были следующими *:

Стратегическое сырье	Объем производства в стране, тыс. т	Объем потребности, тыс. т	% покрытия потребности	Откуда импортировалось
Железная руда	620,4	4643,2	13,3	Китай, ЮВА Маньчжурия, Индия
Чугун	2007,5	3102,4	64,7	
Сталь и прокат	4538,5	3995,6	113,0	США, Англия и другие страны Европы
Сырая нефть (в млн. галлонов)	92,0	350,9	26,0	США, Голландская Ост-Индия (Индонезия)
Уголь	41803,0	44900,0	93,0	Маньчжурия, Китай, Французский Индокитай
Медь	78,6	26,4	62,1	США, Канада США, Канада, Индия, Австралия
Олово	8,2	103,7	7,9	
Цинк	39,3	101,0	38,7	США, Канада, Австралия
Алюминий	7,0	16,0	43,6	США, страны Европы
Марганец	71,6	236,7	30,0	Китай

* «Сэндзи нихон дзюкогё гайкан...», 58; «Ниманси но кэйдзай керёку» Токио, 1938, стр. 169 (на япон. яз.).

По мере укрепления союза с фашистскими агрессорами в Европе — Германией и Италией — и разработки союзнического плана завоевания «мирового господства» (для Японии — завоевание всей Азии и бассейна Тихого океана) все более острой становилась проблема военного производства, а следовательно, и проблема запасов стратегического сырья. Японские милитаристы рассчитывали, однако, на скорую победу и возможность накопления сырья и готовой продукции за счет оккупированных стран.

После начала войны в Китае правительство Японии, по-

няв, что она затягивается, стало осуществлять программу контроля и регулирования экономики. При этом контроль и регулирование были рассчитаны на осуществление широких стратегических задач, или, как их определяла тогда буржуазная пропаганда, задач подготовки «большой войны».

Осенью 1937 г. на 72-й сессии парламента был принят закон о контроле над инвестициями, который вступил в силу с сентября того же года. Закон определял направление капиталовложений компаний, объявленный капитал которых достиг 500 тыс. иен, а в феврале 1938 г. под действие этого закона подпали и компании, капитал которых достиг 200 тыс. иен⁵⁰. Главный смысл закона об инвестициях состоял в том, чтобы всемерно поощрять те компании, которые делают вложения в военные или непосредственно обслуживающие военное производство отрасли. Пункт 5-й этого закона возлагал функции контроля над инвестициями на Японский банк («Ниппон гинко»), который, таким образом, получил права государственного органа контроля над инвестициями в японскую экономику⁵¹.

Один из пунктов этого закона (12) предусматривал «особые привилегии для компаний, которые расширяют свою деятельность за рубежами империи или же строят свою экономическую активность на сотрудничестве с государственными компаниями за пределами империи»⁵². Этот пункт был непосредственно предназначен для «молодых» военно-промышленных концернов и компаний, развертывавших свою деятельность на оккупированной территории Китая. Специальной «инструкцией» о применении этого закона предусматривались значительные поощрительные государственные субсидии, гарантии от неустойчивости прибылей в связи с возможными осложнениями в «политическом климате» на оккупированной территории. Все это ставило военно-промышленные концерны в более выгодные условия, они стали пользоваться большими преимуществами в получении импортного сырья и использовании рабочей силы, которую перебрасывали из отраслей «мирного» производства в военные отрасли.

Мероприятия правительства способствовали увеличению производства тяжелой и химической промышленности, вытеснявших по преимуществу военную продукцию.

Достаточно сказать, что за 1938—1939 гг. военное производство увеличивалось в 3—4 раза быстрее, чем производство в остальных отраслях обрабатывающей промышленности. Если индекс всей обрабатывающей промышленности в 1939 г. вырос на 164 пункта в сравнении с 1935 г., то индекс военных отраслей промышленности в том же году составил 486 пунктов в сравнении с 1935 г.⁵³. Это было достигнуто помимо всего прочего за счет усиления грабежа и импорта сырья из Северного и Центрального Китая. Так, в 1939 г.

из Северного Китая было ввезено 2,5 млн. т высококачественного угля вместо 500 тыс. т в 1935 г.⁵⁴

В 1938 г. деятельность «старых» концернов в области военного производства возросла, увеличились и капиталовложения, имевшие целью эксплуатацию сырьевых и людских ресурсов Северного и Центрального Китая. Если в маньчжурских компаниях военно-промышленного комплекса целиком господствовали «молодые» концерны «Аюкава-Кухара» и др., то в северокитайской и центральнокитайской компаниях преобладали «старые» концерны — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и др. Как свидетельствует японская печать, «началась игра вперегонки», которая так или иначе «устраивала военные круги»⁵⁵.

Не менее важной мерой в плане милитаризации экономики был принятый на той же, 72-й сессии парламента закон о контроле в области внешней торговли, установивший лицензионную систему в отношении большого списка импортных и экспортных товаров. Под действие этого закона подпала торговля хлопком, шерстью, древесиной и т. п. Этим законом сводился до минимума импорт сырья и полуфабрикатов для отраслей промышленности, не работающих на войну, и, наоборот, максимально поощрялся импорт стратегического сырья. Этот закон сильно ударил по интересам мелких и средних предпринимателей, но зато помог крупным концернам монополизировать внешнюю торговлю. В 1938 г. хлопка было ввезено на 436 млн. иен против 831 млн. иен в 1937 г., шерсти — на 94 млн. иен против 395 млн. иен в 1937 г. Тем не менее крупные монополии текстильной промышленности не страдали от сокращения импорта, так как абсолютное большинство сырья попадало в их руки. В то время как прибыли этих монополий продолжали расти, тысячи мелких и средних текстильных компаний, не получая сырья, разорались⁵⁶.

На той же сессии был принят специальный закон, ограничивающий потребление сырья, а также железа, стали, цветных металлов для выпуска «мирной» продукции.

В 1938 г. на мартовской, 73-й сессии японского парламента был принят закон «о всеобщей мобилизации нации», пункт первый которого гласил: «Всеобщая мобилизация нации означает использование людских и материальных ресурсов страны и контроль над ними во время войны в целях наиболее эффективного использования всех сил нации для достижения задач национальной обороны»⁵⁷. Этот закон давал правительству право мобилизации материальных и людских ресурсов вплоть до конфискации необходимых государству для войны фабрик и заводов, товаров и т. п. Речь шла о тотальной мобилизации ресурсов для обеспечения войны.

На основе закона «о мобилизации нации» были затем изданы указы о сокращении льгот по призыву в армию, об

установлении 12-часового рабочего дня, о регулировании заработной платы и поощрительной системе для лиц, работающих на военных предприятиях.

28 декабря 1938 г. с целью маскировки капиталистического регулирования был принят закон об ограничении выплат дивидендов компаниями в размере не выше 10% (на это было необходимо получить разрешение правительства, а последнему было дано право разрешить такие выплаты до 20%). В итоге буржуазное правительство «тайком, реакционно-бюрократически» обеспечивало прибыли выше тех, которые существовали до войны. Все мероприятия правительства стимулировали дальнейший рост военной продукции.

С 1937 по 1939 г., т. е. за три года, выпуск стрелкового оружия вырос в 27 раз, танков и бронемашин — в 3,5 раза, кораблей флота (по суммарному тоннажу) — в 10,5, самолетов — в 6,7 раза⁵⁸.

1937—1939 годы были переломными годами в развитии японской военной промышленности. Японские военные обозреватели признают, что столкновения японской армии с Красной Армией Советского Союза на Хасане в 1938 г., на Халхин-Голе в 1939 г. убедили правительственные круги Японии в том, что техническое оснащение японской сухопутной армии, а также качество поддерживающей ее авиации значительно отстают от тех же показателей Красной Армии Советского Союза. В последующие годы (1940—1944) японское правительство и монополии в соответствии с планом «решающего» поединка с Красной Армией прилагали много усилий к тому, чтобы ликвидировать «узкие места» в техническом оснащении своих вооруженных сил.

3. ЯПОНСКИЙ ФАШИЗМ В 30-х ГОДАХ XX в.

а) Военно-фашистское движение и его влияние на процесс милитаризации страны

Экономический кризис 1929—1932 гг. до крайности обострил политическую ситуацию в стране; усилилась классовая борьба пролетариата против эксплуататоров, арендаторы и полуарендаторы в японской деревне все активнее выступали против помещиков и связанных с ними крупных монополий и банкиров, грабивших крестьян. Все ярче вырисовывалась антинародная роль партийных кабинетов буржуазии и помещиков; министры и парламентарии Японии, хотя и грызлись между собой из-за захвата наиболее выгодных позиций в государственном аппарате, были едины в деле эксплуатации и подавления трудящихся Японии.

В этой сложной внутривнутриполитической обстановке «молодое

офицерство» в армии и на флоте Японии, представляя в основном мелкобуржуазные слои города и деревни, выступило против засилья крупных монополий, против партийно-бюрократических кабинетов, за решительную внешнюю политику, т. е. за программу захватнических войн в Азии. Прикрываясь демагогическими лозунгами «построения справедливого общества», «равенства всех японцев перед священной особой императора», экстремистские военные круги создавали себе авторитет поборников справедливости и защитников народных интересов. Чрезвычайно выгодным было выступать с именем императора на устах, права которого якобы ущемляются алчными монополиями и бюрократическим партийно-парламентским аппаратом.

Характерной чертой организационной структуры японского фашизма в начале 30-х годов в отличие от структуры национал-социализма в Германии и Италии была крайняя раздробленность и разношерстность группировок, союзов, обществ и объединений. К началу 1933 г. в Японии насчитывалось до 82 крупных реакционных организаций, из них 46 — приближающихся по типу к политической партии, 17 — религиозно-этических объединений, занятых разработкой идеологических проблем, 6 — специально студенческих. Признание незыблемости системы абсолютной монархии в Японии было надежным обеспечением легальности возникавших реакционных организаций⁵⁹. Общее количество реакционных объединений в Японии определялось числом в несколько сот организаций⁶⁰.

Именно в связи с такой раздробленностью и разнохарактерностью фашистских и полуфашистских организаций не могло быть и речи о единой программе и политической платформе национал-социализма в Японии. Некоторые группы и объединения превращались в террористические организации. Немецкая печать того времени обратила внимание на то, что в Японии «не оказалось Розенбергов и Гитлеров, объединивших в своем лице идеологию и организацию национал-социализма»⁶¹. Этим же объясняется, что «фашизация Японии происходила не в форме перехода государственной власти в руки определенным образом сложившейся политической партии и не через создание диктатуры, опрокидывающей прежний государственный аппарат, а путем планомерного закрепления господствующей роли тех частей и элементов существующего государственного строя, которые и ранее несли в себе зачатки *неприкрытой диктатуры*»⁶². Самыми подходящими «частями и элементами» существовавшего государственного строя для диктатуры монополистической буржуазии Японии была военщина.

Росту популярности военщины и военно-бюрократического режима способствовал кризис политических партий Японии,

потеря ими авторитета в глазах мелкой буржуазии страны. В то же время большинство политических руководителей буржуазно-политических партий были тесно связаны с генералитетом и старшими офицерами генеральных штабов и высшего командования. На этой основе уже в 1931 г. была предпринята попытка создания коалиционного сэйюкаевского-минсэйтовского правительства с привлечением в него видных военных деятелей. Один из политических руководителей «Минсэйто», Адати, выступил с таким предложением в ноябре 1931 г. С ним согласился и Ф. Кухара — один из руководителей партии Сэйюкай. Однако из-за боязни некоторых монополий, что в рамках объединенного партийного правительства конкурентам удастся перетянуть на свою сторону военных, а следовательно, и усилить свои позиции в правительстве, такое коалиционное правительство не было создано. Адати тогда вышел из Минсэйто и образовал свою партию — Кокумин Домэй, которая полностью поддерживала идею создания военно-бюрократического правительства. Как впоследствии обнаружилось, Адати был связан с ведущими военно-фашистскими организациями, представляя их интересы в парламенте.

Руководители военно-фашистских организаций внимательно следили за кризисом партийно-парламентской системы и под нажимом мелкобуржуазных элементов в армии вступили даже на путь террористической деятельности, чтобы ускорить установление диктатуры в стране. Однако, как правило, они тщательно маскировались и официально выступали с критикой террористов.

В октябре 1931 г. была раскрыта крупная заговорщическая организация, в состав которой входили: Национальный союз «молодых офицеров», Общество офицеров запаса, общество «Сэйсанто» и другие фашистские и монархические организации, а также «Сякай минсюто», то есть Социал-демократическая партия. Сообщалось, что в заговоре замешаны генерал Араки, адмирал Койсо, принцы Канин и Насимото. После получения «санкции от императора» должен был быть произведен переворот, заняты министерства, разгромлены помещения партий Сэйюкай и Минсэйто, захвачено помещение Японского банка, закрыты все газеты, кроме «Нихон» и «Цувамоно» (органы женщины) и провозглашена диктатура императора. При расследовании был обнаружен список лиц, которые должны были быть убитыми: князь Сайондзи, граф Макино, премьер-министр Вакацуки, барон Сидэхара и др.

Как выяснилось на следствии, «раскрытие» заговора намечалось использовать в качестве средства давления на парламент и партии, с тем чтобы и та и другая организации сами отказались от парламентской системы. Задача была вы-

полнена: в декабре ушло в отставку минсэйтовское правительство Вакацуки и во вновь сформированный сэйюкаевский кабинет Инукаи вошли генерал Араки — военным министром, Судзуки — министром юстиции, оба организатора заговора. Сразу после прихода нового правительства в военном и военно-морском министерствах произошли изменения в системе управления. На важнейшие посты военного ведомства пришли люди, руководившие военными действиями в Маньчжурии, руководители военно-фашистских организаций в армии и на флоте. Ни один из участников заговора, несмотря на его террористическую программу, не был наказан.

Террористические военно-фашистские организации получили более благоприятные, чем ранее, условия для своей деятельности, и это вскоре дало себя знать. В начале 1932 г. в японской деревне происходили волнения среди крестьян — арендаторов и полуарендаторов, с которых стали насильственно изыскивать задолженность по арендной плате и кредиту, полученному за многие годы в прошлом. Общая сумма задолженности японских крестьян к этому времени, по приблизительным подсчетам, составляла около 6 млрд. иен⁶³. Встревоженные арендаторы и ростовщики обращались в правительство: они писали своим сыновьям и родственникам — офицерам императорской армии, выражали тревогу, просили о защите и помощи. Несмотря на весьма напряженную обстановку, которая сложилась в связи с шанхайской операцией (январь 1932 г.), из армии в деревню «на побывку» приезжали сотни офицеров — членов тайных фашистских организаций, которые, видимо, по заранее полученным инструкциям в своих выступлениях и специально выпущенных листовках утверждали, что главной причиной политического кризиса является алчность монополий и банкиров, что «вся тяжесть войны легла на плечи деревни, собственники и полуарендаторы теряют миллионы в связи с низкими закупочными ценами на сельскохозяйственные товары, которые устанавливаются партийно-бюрократическим правительством, защищающим интересы магнатов промышленности и финансов»⁶⁴. Не искушенный в политике японский крестьянин, который, действительно сталкиваясь ежедневно с необходимостью покупать сахар фирмы «Мицуи», пищевую соль «Мицубиси», керосин «Сумитомо», спички «Мицуи», бумагу «Мицубиси» и т. д., должен был вернуть свой долг через финансово-кредитные учреждения банка тех же фирм, проникался верой в справедливость критики, идущей от офицера императорской армии. Крестьянин прислушивался к призыву офицеров и проникался сознанием необходимости «радикально менять существующее положение». Молодежь деревни, особенно резервисты, недавно вернувшиеся из армии, была подготовлена к тому, чтобы принять предложение офицеров императорской

армии и вступить в террористическую организацию. Так возникли в деревне профашистские террористические организации, руководимые «молодыми офицерами».

9 февраля 1932 г. молодой человек из преф. Ивакуни Масаси Онума выстрелил из пистолета в активного члена партии Минсэйтэ Дзюнносукэ Иноуэ, когда последний выступал с речью перед избирателями в помещении начальной школы в Токио⁶⁵. Онума был схвачен и на первом допросе заявил, что «Иноуэ имеет непосредственное отношение к тем бедствиям, которые переживает деревня»⁶⁶. Полиция поверила террористу и не стала выяснять, кто скрывается за его спиной.

5 марта 1932 г. в управлении концерна «Мицуи» был убит барон Такума Дан. Схваченные два террориста признали, что они связаны с тайным обществом «Тимэйдан» («Союз крови»), созданным еще в 1928 г. и действовавшим под девизом: «каждый член общества должен убить одного партийного бюрократа» для того, чтобы спасти деревню от дальнейшего разорения и вымирания. Выяснилось также, что членами «Тимэйдан» были Масаси Онума и его сообщники по убийству Иноуэ — Горо Хиранума, Такамори Такаутэ. Они встречались с морским офицером Имаса Фудзи, который снабдил террористов пистолетами, а также инструктировал их⁶⁷.

Позднее, на суде, выяснилось, что «Тимэйдан» охватывает большую сеть террористических организаций в японской деревне, которые находятся под руководством офицерских фашистских организаций в армии и на флоте. Решительные действия террористов из «Тимэйдан», а также крайняя тревога в правящих кругах, вызванная убийствами, воодушевили руководство офицерских фашистских организаций. 15 мая 1932 г. четыре группы армейских и флотских офицеров по заранее разработанному плану совершили налет на канцелярию премьер-министра, управление полиции и помещение партии Сэйюкай, намереваясь захватить эти служебные помещения и убить наиболее активных партийно-парламентских представителей. Налеты были совершены также на управление Японского банка и банка «Мицуи». Этими налетами руководили морские офицеры Сэйси Кога, Ёсио Накамура и Дзётакэ Хитоси. Только через 4 часа после убийства премьер-министра Инукай и налетов на банки и полицейское управление были вызваны войска и полиция, которые заставили террористов сдаться. Находившиеся наготове отряды из общества «Тимэйдан» скрылись, но перед этим они распространили по улицам Токио специально заготовленное обращение к гарнизону Токио, в котором, в частности, говорилось: «Мы против политических партий, которые заботятся только о власти и собственных интересах, мы против капиталистов, которые находятся в блоке с политическими пар-

тиями для того, чтобы угнетать своих соотечественников, мы против мягкотелой дипломатии, против опасных мыслей, за крестьян и рабочих, которые терпят крайнюю нужду»⁶⁸.

Во время процесса над террористами в Токио в судебное присутствие шел поток петиций от крестьянских союзов и общин, в которых подсудимые изображались как истинные патриоты и верноподданные императора, выражалось сочувствие их действиям и ходатайство об оправдании⁶⁹.

Японская печать в то время всячески скрывала связь высокопоставленных генералов и офицеров с террористическими организациями «молодого офицерства», хотя, как впоследствии выяснилось, подсудимые указывали на эту связь. В печати в это время особенно широко пропагандировалось идейное родство террористов с вождем восстания 1877 г. Такамори Сайго, который поднял самурайство «для решительного протеста против лишения феодальной военщины ряда привилегий и против замедления похода на материк — войны за Корею»⁷⁰.

События 1932 г., террористические акты военно-фашистских тайных организаций встревожили монополистические и дворцовые круги японской буржуазии, тем более что на суде над террористами из общества «молодых офицеров» некоторые подсудимые осмеливались заявлять о «связях» отдельных военных руководителей с кругами крупных монополий и банкиров⁷¹.

В руководящих военных кругах разгорелись споры о том, как использовать развернувшееся движение «молодых офицеров» для укрепления позиции армии в стране, и высказывались опасения, что движение в целом может выйти из-под контроля и влияния высших чинов армии и флота и, таким образом, нанести непоправимый урон авторитету высшего командования и армии в целом.

На почве споров в военном министерстве и генеральном штабе армии определились две группы — «Тосэйха» («группа государственного контроля») и «Кодоха» («группа императорского пути»). В первую группу входили: Тэцудзан Нагата, Хидэки Тодзио, Акита Муто и др. В отделе печати военного министерства в октябре 1934 г. был опубликован памфлет, специально посвященный проблеме войны, который призывал к «мобилизации нации на войну», осуждал политику «свободного предпринимательства», предлагал строгий контроль государства над производством в интересах «оборон страны»⁷².

Группа «Кодо» во главе с Араки — Мадзаки, прикрываясь лозунгом «верности императору», по существу, также стояла на позиции ускоренной милитаризации страны, считая, что «главной силой, способной обеспечить движение Японии по пути процветания, являются армия и флот, выполняющие не-

посредственно высочайшие приказы его величества»⁷³. Но вокруг Араки — Мадзаки группировались наиболее авантюристические элементы «молодых офицеров», которые мечтали о военно-фашистской диктатуре в стране.

В 1935 г. усилились распри между двумя группами в руководящих военных кругах. Дело дошло до того, что в июле 1935 г. разразился скандал в военной печати, на страницах которой группа «Кодо» объявила Нагата и весь его аппарат агентами монополий, а группа «Тосэй» объявила Мадзаки провокатором⁷⁴.

12 августа 1935 г. член группы «Кодо» подполковник Мицуро Айдзава пробрался в резиденцию Нагата в военном министерстве и зарубил его саблей⁷⁵. В январе 1936 г. состоялся суд военной коллегии в 1-й дивизии над подполковником Айдзава. На суде группа «Кодо» выступала с разоблачительными доказательствами против членов группы «Тосэй». Эти изобличения печатались в специальных выпусках и распространялись среди «молодых офицеров» и курсантов военных школ — приверженцев программы группы «Кодо». Обстановка накалялась. Особенно волновались «молодые офицеры» 1-й дивизии, которой предстояло отправиться в Маньчжурию и войти в состав Квантунской армии. Собравшись на тайную сходку, «молодые офицеры» 1-й дивизии приняли решение совершить военный переворот еще до отправки дивизии в Маньчжурию. Как выяснилось впоследствии, это решение было продиктовано руководством группы «Кодо», а связь с «молодыми офицерами» установили представители тайных фашистских организаций столицы Японии.

Переворот было решено осуществить во время избирательной кампании в палату советников. В результате агитации, развернутой активистами «Кодоха» против партии Сэйюкай, финансировавшей «Тосэйха», ее кандидаты не получили ожидаемого количества голосов. Победу одержали кандидаты социал-демократической партии (Сякайтайсюто), руководство которой сочувствовало установлению военно-фашистской диктатуры: вместо трех они получили на выборах в феврале 1936 г. 21 место в палате советников⁷⁶. Успех социал-демократической партии на выборах, значительные уступки, сделанные группе «Кодо» при новых назначениях в министерства и генеральные штабы армии и флота, — все эти события происходили в обстановке активизации агрессивных действий Японии в Северном Китае (захват значительной части территории Хэбэя, Чахара, Суйюаня — Жэхэ, Шаньси и Шэньси). Удачное завершение инспирированного «автономистского» движения и создание Хэбэй-Чахарского политического совета, официальный отказ этого совета признавать руководство нанкинского правительства — все это позволило военщине выступить с открытыми требованиями милитариза-

ции страны и дальнейшего развертывания агрессии на материке.

26 февраля 1935 г. часть солдат и младших офицеров (всего около 1400) 1-го и 3-го полков 1-й дивизии, 3-й полк гвардейской дивизии под руководством группы «молодых офицеров» из организации «Кодоха» совершили вооруженные налеты на резиденции премьер-министра, министра финансов, министра внутренних дел, министра двора, генерал-инспектора военного обучения. Мятежники убили хранителя императорской печати Минору Сайто, министра финансов Корэкиё Такахаси, генерал-инспектора военного обучения Дзётаро Ватанабэ, тяжело ранили министра двора Иоситаро Судзуки. Только премьер-министр Хираюки Окада сумел спастись, так как заранее был уведомлен о готовящихся налетах⁷⁷. Мятежники захватили полицейское управление и редакцию газеты «Асахи», пытались проникнуть в помещение военного министерства и генерального штаба. Создалось весьма критическое положение. Ни газеты, ни радио не сообщали о развертывающихся событиях. Население не знало, что происходит.

Забаррикадировавшиеся мятежные офицеры посылали ультиматумы и требования на имя военного министра Гиити Квадзима «немедленно распустить парламент, назначить генерала Мадзаки премьер-министром, создать новый парламент». Вскоре появились новые требования — «назначить генерала Мадзаки главнокомандующим Квантунской армией», «уничтожить Советский Союз»⁷⁸. Это уже была попытка «пристроиться» к общей идее антисоветской войны, которая планировалась в генеральном штабе японской армии.

В этих требованиях мятежников ничего неожиданного не было: как «Кодоха», так и «Тосэйха», да и монополистические круги Японии, стоящие за той или иной группировкой, пришли к выводу, что для укрепления своих экономических и политических позиций в стране, для расширения сферы грабежа и наживы за рубежом следует пойти на дальнейшее расширение милитаризации, опереться на силы армии и флота, использовать их успехи для захвата всего Китая. Именно эти круги шли на сближение и союз с фашистскими агрессорами в Европе — Германией и Италией, — в основе которого лежала стратегия «большой» войны против Советского Союза. Выдвигаемая программу и план антисоветской войны, монополистические круги Японии искали почву для смягчения внутренних противоречий.

Боясь последствий экстремистских террористических действий «молодого офицерства», монополистические круги Японии стали предпринимать меры к тому, чтобы отвести от себя удар. Объектами покушений были такие деятели, как адмиралы Сайто, Судзуки, Окада, тесно связанные многие

годы с военно-морскими кругами. В порт Токио вошла 1-я эскадра военно-морского флота, в столицу были доставлены наземные части из Сибаура.

Японская печать того времени представила дело следующим образом: император якобы был «крайне возмущен совершенным убийством близких ему людей»⁷⁹ и сразу же, как только узнал об этом, распорядился подавить мятеж, но «военные власти медлили с исполнением его распоряжения»⁸⁰. В действительности военное министерство и генеральный штаб армии в эти дни, по крайней мере до 29 февраля 1936 г., пытались убедить императора в том, что мятежное «молодое офицерство» выступило только в связи с тревогой за жизнь и положение императора и его семьи, коим стали угрожать «агенты монополистических кругов»⁸¹. 28 февраля императору было предоставлено верноподданническое письмо-обращение «молодых офицеров», в котором они клялись в готовности умереть за него и его семью, ибо только под его управлением они видели «возможность будущего процветания империи»⁸².

Только утром 29 февраля были перекрыты все дороги, ведущие в Токио, а населению Нагатамати было предложено эвакуироваться, ибо район оказался в зоне, где скрывались мятежники. По радио передавалось обращение военного министра к мятежникам: «Сегодня еще не поздно вернуться обратно в свои части. Если будете продолжать оказывать сопротивление, мы в вас как в мятежников будем стрелять. Ваши отцы и матери, братья и сестры будут объявлены государственными преступниками и пострадают из-за вас»⁸³.

После этого предупреждения унтер-офицеры и солдаты с разрешения своих мятежных офицеров стали постепенно возвращаться в свои казармы, сами же офицеры-мятежники приходили в резиденцию военного министра и сдавались. Их разоружали, сажали в отдельные комнаты и оставляли ждать своей участи. Так закончилось выступление «молодых офицеров» и вовлеченных ими в мятеж солдат и младших офицеров. Перед судом военного трибунала предстали капитан Киёсада Кода и 17 его соратников по мятежу, а также гражданские террористы Тэру Хокуити и Тикара Нисида — всего 19 человек. Все они были приговорены к смерти⁸⁴. 15 осужденных были 12 июля 1936 г. казнены на площади Ёёги в Токио. Два офицера, также приговоренных к смертной казни — Муранака и Исобэ, — которые были связаны с делом Тэру Хокуити и Тикара Нисида и должны были давать показания по этому делу, не были казнены в июле. Вся четверка — Хокуити, Нисида, Муранака и Исобэ были казнены через год — 19 августа 1937 г.

Осуждением и казнью организаторов мятежа 26 февраля

1936 г. правительство Японии продемонстрировало решимость карать всех, кто покушается на императорскую власть в стране. Но как справедливо отмечала тогда мировая прогрессивная печать, мятеж готовился военными кругами Японии.

Пропаганда военщины Японии после казни главарей мятежа была направлена на то, чтобы убедить население, что мятежники были преданными сынами императора, которые пали вследствие козней агентуры монополий, угрожавших власти императора и его дому. Мятежники хотели предупредить императора о том, что его воле распространения «императорского пути („кодо“) на народы великой Азии мешают не только коммунистические элементы в стране, но и те, кто насытился и разбогател за счет народа»⁸⁵.

В результате мятежа 26 февраля 1936 г. правительство Окада ушло в отставку, на его место пришло правительство Коки Хирота. «Наследство», оставленное правительству Хирота, было чрезвычайно тяжелым: внутри страны политическая активность военно-фашистских тайных организаций, «правых» террористических групп продолжалась. Полицейские управления городов и префектур доносили о массовом распространении нелегальной профашистской и фашистской литературы и в то же время об «активизации деятельности коммунистических элементов»⁸⁶. Государственный долг и инфляция росли, реальные доходы крестьян — арендаторов и полуарендаторов, а также реальная заработная плата рабочих и служащих (при одновременном росте цен на предметы широкого потребления) снижались. Бедственное положение трудящихся, непопулярность партийно-бюрократических правительств способствовали тому, что фашистская «антимонаполистическая» пропаганда имела успех. Это содействовало также росту популярности армии и флота, с «решительной» политикой которых связывалась перспектива выхода из тяжелого положения.

Правительство Хирота столкнулось с серьезными внешнеполитическими осложнениями. После того как японская армия оккупировала большую часть провинций Северного Китая, на всей территории Китая развернулось мощное антияпонское движение. В связи с японской агрессией в Китае обострялись японо-американские, японо-английские и японо-французские отношения. Советский Союз, поддерживая национально-освободительное движение китайского народа, резко осуждал японскую агрессию. Заключение военно-политического союза Японии с Германией и Италией затягивалось. Все это создавало крайне напряженное положение в стране. Трудности и противоречия во внешней и внутренней политике были использованы военными кругами. На 70-й сессии японского парламента в январе 1937 г. депутат от партии

Сэйюкай Кунимацу Хамада выступил с критикой военных кругов, добивающихся диктатуры и распространяющих идеологию тоталитаризма⁸⁷. С резкой отповедью Хамада выступил военный министр генерал Тэраути. Он заявил, что «господин Хамада допустил оскорбительный выпад против армии. В действительности нет более действенной силы в стране, чем армия, которая одна только может защитить, не щадя жизни, императорский строй и будущее нашей страны»⁸⁸. Эта отповедь военного министра партийному парламентария была расценена как открытое требование военных кругов отказаться в дальнейшем от буржуазно-демократических элементов в государственном управлении.

24 января кабинет Хирота подал в отставку. Однако монополистические круги Японии не были готовы к передаче всей полноты власти военным кругам, они искали компромиссную фигуру и остановились на кандидатуре генерала Угаки, который был «популярен среди военных кругов, а также относился терпимо к партийно-парламентским кругам, находясь с ними в тесном контакте»⁸⁹. В связи с выдвижением кандидатуры Угаки на пост премьера в военном министерстве было создано специальное совещание руководящих кругов армии, с тем чтобы «выяснить мнение армии»⁹⁰. Участники совещания пришли к заключению, что формирование правительства военных во главе с Угаки может вызвать сопротивление в стране, но вхождение его в состав правительства в качестве одного из министров в создавшейся ситуации «вполне целесообразно»⁹¹. После пятидневных дебатов и обсуждений 29 января 1937 г. было сформировано правительство «компромисса» между военными и партийно-парламентскими кругами. Тем не менее у многих представителей военных кругов в это время создавалось впечатление «крайней связанности и зависимости» политики Угаки от крупных монополистических кругов. Начальник второго отдела генерального штаба японской армии полковник Кандзи Исихара, опираясь на крайне фашистские элементы среди офицеров пехотного военного училища в Токио, выступил на страницах военной печати с «разоблачением» Угаки, который «установил тесные связи с теми, кто срывает стратегию империи, призванной прежде всего создать политико-экономический блок Япония — Китай — Маньчжурия — Монголия для совместных действий против коммунистических сил на Дальнем Востоке»⁹². Полковник Кандзи Исихара был одним из составителей стратегического плана войны против Советского Союза и сторонником безотлагательного решения «северной проблемы». Он пользовался исключительной поддержкой генерала Сэндзюро Хаяси, бывшего генерал-губернатора Кореи, участвовавшего в оккупации Маньчжурии и обеспечившего переброску частей, дислоцировавшихся в Корее, для усиле-

ния группировки Квантунской армии. Хотя генерал Хаяси был в резерве и не занимал высоких постов в командовании армией, тем не менее его как участника операции в Маньчжурii почитали в военно-фашистских кругах. Полковник Кандзи Исихара считал фигуру Хаяси бескомпромиссной и подходящей для занятия высшего поста в правительстве.

Угаки, пытавшийся сформировать кабинет, встретился с огромными трудностями. Поэтому по инициативе дворцовых кругов на пост премьер-министра была предложена кандидатура Фумимаро Коноэ. Ее поддерживали член Тайного совета Киитиро Хиранума и генерал Сэндзиро Хаяси, ставший одной из руководящих фигур в концерне «Мантэцу». Поддерживали эту кандидатуру и руководящие круги армии, поскольку Фумимаро Коноэ был известен как человек, который является сторонником активного сближения с фашистскими агрессорами в Европе, выступает за политику решительных действий в Китае. Коноэ был вдохновителем антикоммунистических, антисоветских действий правительства Японии и оказывал в этом отношении серьезное влияние на дворцовые круги, с которыми был близок.

1 июня 1937 г. было сформировано правительство Фумимаро Коноэ. Немногим более чем через месяц началось наступление японской армии в Центральном и Южном Китае. Правительство Коноэ встало на путь ускоренного сближения с Германией и Италией. Не довольствуясь «антикоминтерновским пактом», оно заключило ряд сепаратных военно-политических соглашений, и в частности соглашение об обмене военной информацией и политическими разработками, направленными на усиление борьбы против коммунизма.

Правительство Коноэ в связи с расширением агрессии в Китае и форсированием подготовки плацдарма в Маньчжурii для войны против Советского Союза приняло ряд решений и законов, смысл которых состоял в том, чтобы мобилизовать все силы и средства страны на войну. Политика правительства Коноэ не только отвечала интересам японской военщины, она вполне устраивала монополии, которые стали активно вывозить капиталы в оккупированные территории Китая.

Военные круги тщательно разрабатывали планы антисоветской войны. Квантунская армия в Маньчжурii, экспедиционные армии в Северном и Центральном Китае получили относительную свободу действий, предпринимали меры военного и политического характера, не испрашивая на то согласия правительства.

В связи с подготовкой к антисоветской войне штаб Квантунской армии разработал и осуществил в течение 1938—1939 гг. ряд серьезных военных провокаций на границах

между Маньчжурией и Советским Союзом, между Маньчжурией и Монгольской Народной Республикой. Наиболее серьезными из них были провокации в августе 1938 г. в районе оз. Хасан и летом 1939 г. на р. Халхин-Гол.

В мае — июне 1938 г. милитаристские круги Японии развернули широкую пропагандистскую кампанию вокруг так называемых «спорных территорий» на границе между Маньчжурией и Советским Приморьем. В середине июля 1938 г. посол Японии в Москве Сигэмицу предъявил Советскому правительству категорическое требование о передаче Японии «спорных территорий» в Приморье под предлогом необходимости выполнения обязательств Японии в отношении Маньчжоу-го⁹³. В то же время военный министр Итагаки добивался санкции императора на организацию наступательной операции в районе оз. Хасан с целью поддержать шаги японской дипломатии в Москве. При этом доказывалось, что этот район наиболее «слабо подготовлен Советами к обороне». 22 июля 1938 г. план нападения на советскую территорию в районе оз. Хасан обсуждался на совещании пяти министров японского правительства и был одобрен⁹⁴. Пока шли переговоры в Москве, у границ советского Приморья были сосредоточены две пехотные дивизии (19-я и 20-я), пехотная бригада, три пулеметных батальона, кавалерийская бригада, отдельные танковые части и 70 самолетов⁹⁵. 29 июля 1938 г. японские войска вторглись на советскую территорию в районе оз. Хасан и захватили выгодные в тактическом отношении сопки Заозерную и Безымянную и приготовились к дальнейшему наступлению с целью захвата Посьетского района и создания непосредственной угрозы военно-морской базе и порту Владивосток.

Советское командование в ответ на наглую провокацию японской военщины привело в боевую готовность Приморскую армию и Тихоокеанский флот. 6 августа советские войска при поддержке артиллерии и авиации перешли в наступление и к 9 августа разгромили группировку противника, полностью очистив советскую территорию. Поражение Японии у оз. Хасан привело к резкому ухудшению внутриполитического положения в Японии, показало силу Красной Армии и моральную стойкость советских воинов.

Новый сокрушительный удар японские захватчики получили летом 1939 г. на р. Халхин-Гол. Это был провал еще более широкого стратегического плана Японии на Дальнем Востоке. Этим планом предусматривалось вторжение в Монгольскую Народную Республику, выход крупной группировки Квантунской армии (6-й) на Транссибирскую железную дорогу и захват обширной территории от Иркутска до Владивостока. Японское правительство и военщина этой крупной насту-

пательной операцией стремились показать своим будущим военно-политическим союзникам готовность и способность нанести поражение самой мощной по тому времени армии Советского Союза. В то же время Япония, демонстрируя готовность развязать «большую войну» против Советского Союза, хотела получить как можно больше уступок от правительства США и Англии на Дальнем Востоке.

Ожесточенные бои в районе р. Халхин-Гол продолжались с 28 мая по 31 августа 1939 г. 1-я армейская группа Красной Армии к моменту решающих боев и переходов в контрнаступление 24 августа 1939 г. по сравнению с 6-й японской армией (75 тыс. солдат и офицеров, свыше 500 орудий, 182 танка, 300—350 самолетов) имела превосходство по пехоте в 1,5 раза, в артиллерии — почти в 2, по танкам — в 4 раза. И в воздухе господствовала советская авиация⁹⁶. Разгром японской группировки, вторгшейся на территорию Монгольской Народной Республики, был полным и дал японским государственным и политическим деятелям возможность убедиться в неприкосновенности не только границ СССР, но и дружественной Монгольской Народной Республики, с которой Советский Союз с 1936 г. был связан протоколом о взаимной помощи. В обеих операциях (на оз. Хасан и р. Халхин-Гол) японские соединения и части вторжения потерпели жестокое поражение. Японское командование после этого стало более серьезно относиться к проблемам стратегии, оперативного искусства и тактики, материального обеспечения и технического вооружения своей армии для войны против Советского Союза.

б) «Антимонополизм» — демагогический прием японских милитаристов

В 30-х годах, особенно в период подготовки заключения «антикоминтерновского пакта» и выработки стратегии войны «во имя установления нового порядка», японская военщина становится во главе фашистского движения в стране. Во внутренней политике явно дает себя знать стремление к максимальной концентрации власти — к диктатуре — для подавления революционного движения, подчинения всей жизни страны интересам империалистической войны⁹⁷. В этой обстановке военно-диктаторское правительство становится наиболее подходящим. Самостоятельность военщины выступает как неизбежный результат обострения внутривнутриполитических и внешних противоречий японского империализма⁹⁸.

В связи с ускоренной подготовкой военной агрессии, а также в связи с тем, что захватнические военные экспедиции

в Китае имели определенный успех, государственно-капиталистические тенденции во внутренней политике Японии все усиливались. Ломать сопротивление со стороны части монополий некоторым государственным мероприятиям по экономическому контролю и регулированию в интересах войны можно было лишь опираясь на силу. Военщина не посягала на ломку «национальных особенностей императорского руководства страной», а, наоборот, стремилась замаскировать сущность фашистского движения, выпячивая его японскую специфику, почитала японизм в качестве идеологической основы внутренней политики и внешних захватов. Монополистические круги в целом поддерживали мероприятия военщины, финансировали фашистское движение, поддерживали и финансировали военный разбой в Китае и подготовку войны против Советского Союза. Военно-фашистское руководство из демагогических соображений остро критиковало «алчность» монополий, выдвигало идею демополизации производства в интересах мелкой буржуазии города и деревни. На деле же оно стремилось создать наиболее благоприятные условия для расширения агрессии и ограбления оккупированных территорий в интересах обогащения тех же монополий.

Лидеры военно-фашистского движения на словах критиковали капиталистическую систему, противопоставляя ей идею «государственного социализма», под чем понимался государственно-монополистический капитализм.

В своей книге «Задача Японии в эпоху Сёва» генерал Араки писал: «Капиталисты заботятся только о своих интересах, не обращая внимания на общественную жизнь; политики часто забывают общее положение страны, увлекаясь интересами своей партии»⁹⁹. Что же предлагал генерал Араки? Он доказывал: «Государство стоит над классовыми и партийными интересами, защищая интересы нации в целом, и именно государству должно быть предоставлено решающее слово по всем вопросам, затрагивающим жизнь общества»¹⁰⁰. В военной печати Японии того времени открыто высказывалась мысль о том, что «японский капитализм капитулирует перед государством таким же образом, как феодальные лорды сдались государству в период Мэйдзи»¹⁰¹. Что касается государственного устройства в будущем, то, по мнению бывшего военного атташе Японии в СССР полковника Касахара, «Японии не подходит ни капитализм, ни коммунизм, а государственный социализм»¹⁰².

В качестве ближайшей задачи в области строительства государства японская военщина выдвигала «экономический блок Японии, Кореи, Маньчжурии и Монголии». Рациональная эксплуатация богатств этого блока возможна лишь в том случае, если эти богатства будут планомерно эксплуатироваться государством, а не находиться в распоряжении хищ-

нических групп финансового капитала. Это не исключает, утверждали теоретики «государственного социализма», частных капиталовложений, но последние должны производиться совместно с государством. Именно к этому при определенных обстоятельствах, особенно в ходе войны, и стремились магнаты японского финансового капитала. Они были заинтересованы в гарантиях со стороны государства, добиваясь того, чтобы любые изменения политической ситуации на оккупированных территориях не приводили к потере их капиталовложений. Они стремились получить как можно больше субсидий и поощрительных сумм из государственного бюджета.

Как себе представляли теоретики «государственного социализма» контроль над производством и потреблением, видно из утверждения Такэо Мори, который писал: «Правительство, контролируя все отрасли производства, конечно, не может всю экономику страны сосредоточить в своих руках. Хозяевами предприятий остаются люди, работавшие на них и до войны. Государство, снабжая эти предприятия сырьем и получая от них продукцию, тем самым осуществляет нужный контроль»¹⁰³. Теоретики «государственного социализма» предлагали лишь перераспределение доходов между разными капиталистическими группами, учитывая при этом необходимые накопления для финансирования войны. Когда решался вопрос о том, ввозить или не ввозить маньчжурский уголь и корейский рис в Японию, японские угольные компании требовали ограничить ввоз фушуньского угля, а помещики и рисоторговцы Японии были против ввоза корейского риса, ибо это могло сбить цены и нанести убыток монополиям. Речь шла, таким образом, о перераспределении прибыли между концерном ЮМЖД и японскими угольными компаниями «Сумитомо» и «Мицубиси», между рисоторговой компанией «Ясуда» в Корее и помещиками Японии, продающими рис на национальном рынке по высокой цене.

Правительство Японии ограничило импорт фушуньского угля и корейского риса, обеспечив высокие прибыли монополиям «Сумитомо» и «Мицубиси», а также помещикам на национальном рынке.

Таким образом, антимонополистические выступления военщины были всего лишь демагогией, которая тем не менее оказывала на мелкую буржуазию, на офицерскую и солдатскую массу исключительно серьезное влияние.

В 1936 г. группа фашиствующих офицеров по поручению военного министерства подготовила пособие по политикоморальному воспитанию солдат императорской армии¹⁰⁴. В японской армии была распространена первая теоретическая часть этого пособия. В ней рассматривались основные идеологические послышки военщины. Первая часть начинается с главы «Наш государственный строй и вопросы идеологии».

«Идеология строится,— пишут авторы пособия,— на экономическом базисе... в конкретном выражении для нашей страны это вопрос о несправедливости и нерациональности современного экономического строя и о необходимости его коренной реформы...»¹⁰⁵. Казалось бы, авторы, ополчаясь на социальную несправедливость, на экономическое неравенство в японском обществе, сделают из этого далеко идущие выводы. Однако они далее пишут, что «имеются лица, которые при решении этого вопроса готовы принести в жертву особый характер нашего государства... таковы все социалисты и коммунисты»¹⁰⁶. Авторы предупреждают, что при решении вопроса о коренной реформе экономического строя в Японии необходимо помнить «величественный, прекрасный государственный строй нашей монархии, существующий на благо всего народа на протяжении тысячелетий; он неизблем и неизменен, подобно луне и солнцу...»¹⁰⁷. Далее: «...то, что противоречит этому государственному строю, мы называем „левым авантюризмом“, а кто покушается на этот строй — бунтовщики»¹⁰⁸. Но как же с экономической несправедливостью? На этот вопрос авторы отвечают так: «Идеалом коммунизма является не что иное, как создание такого общества, где весь народ будет пользоваться одинаковым счастьем и где не будет насилия и произвола денежной силы и власти. Однако, как это ни странно, таким обществом, где можно осуществить все эти идеалы, является не коммунистическое общество, а наш императорский государственный строй...»

Авторы доказывают, что именно на основе существования такого «идеального государственного строя» могут быть произведены коренные изменения политического и экономического свойства. «В Европе и Америке,— пишут они,— изменение политической структуры влечет за собой изменение государственного строя, в Японии этого не последует... Если капиталисты допускают произвол, то государственный строй может исправлять... Прекращать дурные действия политиков и произвол капиталистов... отнюдь не является нелояльностью по отношению к императору, наоборот, это акт верности нашему государственному строю»¹⁰⁹. Следовательно, японские фашисты вовсе не добивались ломки существующего государственного строя, а стремились использовать имя и авторитет императора для империалистического разбоя, для борьбы против коммунизма и национально-освободительного движения. Используя имя императора, они рассчитывали ввести военно-фашистский диктаторский режим, в котором решающее место займут руководящие круги армии и флота.

Такая программа японского военного фашизма вполне устраивала монополистическую буржуазию, и она поддерживала и поощряла действия военщины, все откровеннее опи-

ралась на армию и флот не только в решении внешнеполитических, но и внутривнутриполитических проблем.

В тридцатых годах, как указывалось выше, в составе японской армии, в частности в офицерском корпусе среднего звена, преобладали выходцы из кругов мелкой буржуазии города и деревни. Это была молодежь со средним и высшим образованием, люди, воспитанные в духе беспрекословной преданности идеям японизма, превосходства японской нации, самопожертвования ради укрепления «императорского пути» («кодо»). Японские милитаристские круги учитывали, что и офицеры и рядовые, выходцы из мелкобуржуазной среды, могут попасть под влияние социалистических идей и теорий, и в связи с этим не исключали опасности проникновения социалистических идей в армию. Поэтому особые усилия были направлены на то, чтобы попытаться дискредитировать идеи социализма и коммунизма в армейской среде.

Вторая глава «Пособия по политико-моральному воспитанию солдата» называлась «Определение социализма и коммунизма». Авторы этой главы указывали: «В Японии очень много людей, которые не понимают социализма и коммунизма, в то время как было бы легкомысленным, не имея даже понятия о социализме, просто игнорировать его»¹¹⁰. «И социализм и коммунизм,— писали они,— считают частную собственность злом и стремятся к тому, чтобы, отняв частную собственность у отдельных лиц, превратить ее в общественную собственность». Можно себе представить, как действовало такое «разъяснение» социализма и коммунизма на сына мелкого помещика, кулака, мелкого предпринимателя и лавочника. В чем же «ошибочность и пагубность» социализма? «Если людям запретить частное владение имуществом, то они будут избегать работы, считая труд глупостью. Можно себе представить, каковы будут результаты этого: хозяйственная жизнь страны приостановится, заводы и фабрики закроются, крестьянские поля придут в запустение, людям нечем будет поддерживать свое существование, нечем себя прокормить»¹¹¹.

Поскольку в армии интересовались практикой социализма в Советском Союзе, слышали имя В. И. Ленина, японские фашисты, клевета на социалистическое строительство, нагло заявляли, что «Ленин понял непригодность коммунизма и, отбросив его, вернулся к капитализму. Новая экономическая политика в России являлась признаком возвращения к капитализму...» И далее: «Ленин в России вернулся к капитализму, Макдональд в Англии открыто признает капитализм и уважает капитал... Только в Японии находятся люди, выступающие против капитализма. Но они это делают вследствие невежества и трусости»¹¹².

Однако поскольку среди мелкобуржуазных представите-

лей в армии росло недовольство засильем крупных монополий и помещиков, фашистская пропаганда рекомендовала «исправлять недостатки капитализма, подавлять произвол капиталистов»¹¹³. Особые усилия пропагандистов фашизма в Японии были направлены на то, чтобы, во-первых, воспитать ненависть к первому в мире социалистическому государству рабочих и крестьян, во-вторых, дискредитировать все, что связано с социалистическим строительством в СССР, выдавая это строительство за возврат к капитализму.

Не менее важным разделом «Пособия» является доказательство исключительности Японии и японской нации, их превосходства над государствами и народами всей планеты.

Авторы «Пособия» жалуется на то, что в Японии «появились такие люди, которые забыли трехтысячелетний великий дух страны, забыли историю тяжелой борьбы наших предков, слепо глотают европейские и американские идеи, отравляются социализмом и коммунизмом, получают деньги из рабоче-крестьянской России и продают свое отечество — Японию»¹¹⁴. Авторы спешат сообщить, что «японский государственный строй с самого начала мировой истории не имел и не имеет себе равного, он является отражением совершенно особой японской традиции. Наверху находится императорский дом, у подножия его — весь народ. Тесные неразрывные отношения между императорским домом и народом — вот та единственная основа государства, которой может гордиться Япония...»¹¹⁵.

Все дальнейшие «доказательства» исключительности Японии и японцев направлены к тому, чтобы убедить каждого японца в том, что он призван, не щадя живота, оборонять такое государство и распространять дух японизма на земле, т. е. осуществлять агрессию.

Однако глобальные планы агрессии в целях распространения японизма предъявляют значительные требования к экономике. Чтобы обеспечить их реализацию, необходимы металл, машины, нефть, медь, хлопок и т. д. Всего этого нет у Японии, но имеется в странах и районах, «незаконно» захваченных другими империалистическими государствами, которые используют это сырье и материалы против Японии.

Главная обязанность японцев — всегда находиться в состоянии готовности выполнить задачи, стоящие перед страной, а для этого необходимо воспитать в себе духовную стойкость, наращивать свои физические силы, увеличивать богатства страны и иметь мощные армию и флот¹¹⁶.

Глава десятая «Пособия» посвящена «цели военного воспитания». Здесь открыто утверждается: «Война является руководящим и определяющим началом военного воспитания»¹¹⁷. Цель этого воспитания состоит в том, чтобы «обучить и воспитать военнотружущих армии, способных выполнить свой

долг во время войны»¹¹⁸. И далее развивается мысль о том, что «армия — школа нации», место, где не только воспитывается, но и проявляется дух национальной особенности японской нации. Главными врагами Японии в этом «Пособии» объявляются коммунизм и его «практическая лаборатория» — Советский Союз. Не исключаются вооруженные схватки с капиталистическими соперниками, в частности с США и Англией, но «это будут схватки с теми, кто не видит особой задачи и миссии Японии в борьбе за великую Азию»¹¹⁹. Это будут схватки с целью создания базы «большой войны» с коммунизмом.

Подводя итог, можно утверждать, что идеологической основой фашистской пропаганды в армии в 30-х годах был антикоммунизм. Японские фашисты восхваляли императорскую систему государственной власти, считая ее единственной в мире и достойной лишь японцев. Японские фашистские пропагандисты занимались «антимонополистической» пропагандой, понося и критикуя «несправедливых» капиталистов и помещиков, вместе с тем не допускали мысли о возможности национализации или экспроприации их собственности.

Фашистская пропаганда в Японии подготовила принятие закона о преследовании «опасных мыслей», направленного в первую очередь против Коммунистической партии Японии. Особенно усердно пропагандировали японские фашисты национализм и «желтый» расизм, противопоставляя его пролетарскому интернационализму.

Шестая глава «Пособия» посвящена теме «Осуществим ли рабочий интернационализм?», в которой содержится попытка «разоблачить» лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!». В ней сказано: «Даже при социализме не исчезнет пренебрежительное отношение к цветным расам со стороны белых... Белые рабочие вкупе со своими капиталистами отвергают цветные расы, эксплуатируют их... Цветные рабочие не допускаются в Канаду, Австралию, США, Кубу и Панаму, туда не допускаются японские рабочие по причине желтизны их кожи... В данный момент для нас, т. е. цветных людей, проблемой первостепенной важности является не рабочий интернационализм, а завоевание права на существование цветных людей и устранение неравноправного обращения и гнета со стороны белых...»¹²⁰.

Далее японские фашисты доказывают, что белые не отдадут своего превосходства мирным путем, необходимо объединить силы всех цветных народов «под флагом японской империи» для того, чтобы силой, т. е. путем войны, завоевать «равноправие и свободу». Отсюда и пропаганда лозунга «Азия для азиатов», создание «азиатских блоков для завоевания свободы и независимости от белых империалистов».

И вновь главным противником войны цветных народов против колонизаторов объявляется коммунизм с его программой пролетарского интернационализма, которая якобы «разрушает» цветных рабочих перед лицом «белого» империализма.

Японские фашисты не ограничивались пропагандой в армии. Они поддерживали тесную связь с гражданскими монархическими, ультранационалистическими правыми организациями в городах и деревнях, распространяя через них яд антикоммунизма.

События 15 мая 1932 г., а также 26 февраля 1936 г. показали, что между фашистскими организациями армии и флота и фашистскими организациями города и деревни, состоявшими из мелкой буржуазии, разночинной интеллигенции и мелких служащих, а также студенчества, была установлена тесная связь. Военно-фашистские организации снабжали «гражданские» фашистские организации агитационной литературой, памфлетами и листовками, оружием и боеприпасами для террористических актов.

В фашистском движении 30-х годов в Японии участвовало множество различных организаций и обществ, братств и групп, но особенно важную роль играли: трехмиллионный союз резервистов и солдат ополчения (Дзайгогундзин кай), Общество черного дракона (Кокурокай), Общество государственных основ (Кокухонся) во главе с бароном Хиранума, вновь образованное Общество возвышенной этики (Мэйринкай) во главе с 90-летним графом Танака, бывшим министром двора. Общество «Мэйринкай» было тесно связано с союзом резервистов и оказывало непосредственное влияние на крестьянских парней, состоявших в союзе. Пропаганду фашизма вели также Общество основания государства (Кэнкокукай), общество «Дзимму» (Дзиммукай), Национальная лига новой Японии (Синнихон кокумин домэй) и др. Поскольку эти организации играли важную политическую роль в жизни общества и государства, не только офицеры армии и флота, но и крупные чиновники и управляющие компаниями и банками старались приблизиться к руководству ими и оказывать на них необходимое влияние. Это можно видеть на примере руководства такого влиятельного в фашистском движении общества, как Кокухонся. Глава его, барон Хиранума, являлся вице-председателем Тайного совета — доверительного органа императора Японии, активными членами руководства были Сэйдзин Икэда — управляющий банком «Мицуи»; Манносукэ Ямаока — член верхней палаты, долгое время руководивший токийской полицией; Кадо Хара — бывший министр юстиции в последнем сэйюкаевском правительстве; генерал-лейтенант Садао Араки — бывший военный министр; генерал-майор Койсо — бывший заместитель военного

министра; Коматаро Хондо — бывший посол в Германии; Фумимаро Коноэ — бывший премьер трех правительств Японии; адмирал Кандзи Като — бывший начальник морского генерального штаба; Тоётаро Юки — президент ипотечного банка Японии; Кисабуро Судзуки — один из председателей партии Сэйюкай; генерал-майор Хата — будущий командующий экспедиционными войсками Японии в Китае и др.¹²¹.

Этот список достаточно ярко характеризует общие принципы руководства фашистским движением в Японии. К концу 1936 г. «Кокухонся» имело в своих рядах более 50 тыс. членов, почти все отставные генералы и офицеры в Токио состояли в этой организации. За кулисами «Кокухонся» действовали и финансировали фашистскую пропаганду такие политические деятели, как Мори — бывший генеральный секретарь партии Сэйюкай; вице-адмирал Суэцугу; доктор Окава — бывший член правления ЮМЖД; виконт Аоки и многие другие.

Как указывалось выше, фашистские общества и организации оказывали большую помощь деятельности союза резервистов, милитаризованной организации молодежи «Сэйнэндан», такой же организации подростков «Сёнэндан». Миллионы иен отпускались этим организациям для ведения устной и печатной фашистской пропаганды. Расходы только одного «Кокухонся» на печатную пропаганду (издание 11 газет, 2 журналов и миллионов листовок) в 1937 г. составили 5427 тыс. иен¹²². Крупные монополии и банки Японии были членами Фонда Ямато, в задачи которого входила пропаганда «императорского пути», «доблести и героизма» японских захватчиков на территории Китая. Начиная с 1938 г. и до начала войны на Тихом океане в 1941 г. в «фонд» ежегодно поступало 5—6,5 млн. иен¹²³. В 1938 г. был создан в Токио Японо-германский клуб дружбы. На его организацию и издание фашистской литературы японские монополии и банкиры внесли более 1 млн. иен¹²⁴.

Таким образом, военно-фашистское движение в Японии накануне второй мировой войны в условиях развернувшейся затяжной войны в Китае и интенсивной подготовки войны против СССР приобрело широкий размах. В Японии созрела почва для военного союза с фашистскими агрессорами в Европе — Германией и Италией. Экономика и политика японского государства в канун второй мировой войны были в значительной степени подчинены планам развязывания войны против Советского Союза. С этих позиций и рассматривались задачи уточнения планов стратегии, подготовки армии и флота, их перевооружения и обучения.

в) Военно-теоретическая мысль на службе агрессии и войны

После «блистательно» проведенной операции по захвату всей территории Маньчжурии, когда войска Квантунской армии, по существу, не встретили организованного сопротивления китайских армий Чжан Сюэ-ляна, японская военщина на все лады начала пропагандировать высокий уровень военного искусства своей армии. Во всех городах Японии демонстрировались хроникальные фильмы, которые фиксировали массовую сдачу в плен китайских солдат, разбитую китайскую полевую артиллерию, разрушенные китайские крепостные стены и т. д. В действительности, как известно, в связи с отсутствием организованного сопротивления агрессору, за исключением района Хайлара, где остатки отступивших китайских войск несколько дней оказывали сопротивление, артиллерия не занимала позиций и не стреляла, городские стены или ворота в крупных населенных пунктах во многих случаях оставались китайскими охранными подразделениями еще задолго до прихода противника. Тем не менее для поднятия боевого духа и национального чувства гордости за императорскую армию широко пропагандировалась «завоеванная победа в Маньчжурии».

Проведенные операции по захвату территории Северного Китая и Внутренней Монголии в 1932—1933 гг. дали японской армии некоторый опыт борьбы за города, особенно те, которые имели заранее подготовленную систему обороны с использованием каменных стен-оград городской черты. Здесь китайские войска оказывали сопротивление и задерживали продвижение японских частей и подразделений. В боях за города Жэхэ, Губэйкоу, Чжанбэй и другие стало ясно, что полевая артиллерия 75-мм калибра не пробивает каменные стены-ограды, а легкобомбардировочная авиация (ЛБ-93) не умеет вести прицельного бомбометания даже в условиях отсутствия у китайской стороны зенитной артиллерии. Японская военная печать тогда писала, что «оборона городов по всем правилам искусства имеет силу и может значительно замедлить наступление. Она может принести выигрыш во времени для подброски подкреплений, а также способна ослабить наступающие группировки»¹²⁵. Таким образом, опыт войны в Китае заставил задуматься над вопросом обороны укрепленных населенных пунктов. Японская военщина заговорила также о необходимости повышения тактико-технических данных артиллерии и улучшения подготовки летчиков для авиации. Если до 1933 г. на инженерно-саперные части возлагались задачи подготовки и осуществления разрушений в проволочных заграждениях полевой обороны противника, разминирования проходов в минных полях, то, учитывая опыт

борьбы за укрепленные города, на эти части стали теперь возлагать задачу организации подкопов, взрывов большой мощности с целью разрушения крепостных стен, проделывания проходов в стенах и т. п.

К 1936 г. японское правительство, израсходовав дополнительно 17,8 млн. иен, обеспечило реконструирование полевой артиллерии: 75-мм орудие дивизионной артиллерии было облегчено на 11,2 кг, унифицирован снаряд, дальность стрельбы увеличилась на 430 м. Была также унифицирована и реконструирована 105-мм гаубица, ее снаряд стал пробивать стены толщиной 1,5—2 м¹²⁶. В Сэндае, Ниигата, Канадзава и Кавасаки были открыты школы для усовершенствования подготовки летчиков в бомбометании по цели, на что было выделено 8,5 млн. иен¹²⁷. В целом за 1933—1935 гг. заказы в военных отраслях промышленности на унифицированную артиллерию и боеприпасы к ним были сделаны на сумму 64 млн. иен¹²⁸. Монополисты военного производства, крупные концерны «Мицуи», «Мицубиси» и «Сумитомо» в самой Японии, «Кухара» в Маньчжурии, «Ясуда» в Корее все больше наживались на военных заказах и, конечно, поощряли и подталкивали милитаристские круги на расширение агрессии.

Значительное влияние на японскую военную мысль и военную практику оказали события итало-абиссинской войны и антифашистской войны в Испании. Военный атташе Японии в Эфиопии доносил о «чудо-технике» итальянской армии, о ее танках, бронемашинах и самолетах. Но дело здесь было не в «чудо-технике», а в родственных целях японской и итальянской армий, которые вели войну за порабощение других народов. В то время как Италии при молчаливом поощрении великих держав удалось в течение короткого времени поработить Эфиопию, Япония уже более 3,5 лет вела войну в Северном Китае. Японская военщина на этом основании посылая проклятия в адрес своей дипломатии, которая мешала ей «силой оружия решить северокитайскую проблему»¹²⁹. В антифашистской войне в Испании внимание японских милитаристов привлекла решительная интернациональная поддержка советского народа, народов других стран. Они понимали, что расширение агрессии в Китае может вызвать такую же поддержку китайского народа со стороны антифашистов во всем мире, тем более что советский народ и его правительство заняли прочную и принципиальную позицию под лозунгом «Руки прочь от Китая». Вместе с тем японских милитаристов ободряло и воодушевляло то, что на помощь испанским фашистам пришли их германские и итальянские собратья и обстановка в Испании резко менялась в пользу фашизма и реакции. Милитаристы Японии на этом основании открыто требовали от правительства ускорения переговоров в

Берлине и Риме о заключении «антикоминтерновского пакта», который и был подписан в конце ноября 1936 г.

В то же время систематически поступавшая из Берлина информация показывала довольно серьезное отставание японской армии в области технического оснащения, в частности в авиационной технике, технике подвижных войск (танковых и механизированных), было также заметно отставание военного искусства японской армии в сравнении с армиями Германии и Италии.

В 1936 и 1937 гг. проходили испытания трех типов пехотных дивизий. В самой Японии, в дивизионных районах комплектования, проходила опытное испытание дивизия со штатом 9 тыс. солдат и офицеров. Она была оснащена модернизированными образцами артиллерии (75, 75-оцу, 105-мм гаубица, 155-мм гаубица и вновь сконструированная 120-мм гаубица). В составе дивизии находился танковый батальон, на вооружении которого состояли модернизированные танки «Рено-1928», «Виккерс-1927», «Виккерс-1931» (батальон был трехротного состава, каждая рота имела на вооружении, видимо для испытания, один из названных типов танков). В марте 1937 г. была сформирована четвертая танковая рота, снабженная опытными тяжелыми танками французского производства «С2»¹³⁰. Дивизии Квантунской армии в Маньчжурии (их было в 1936 г. четыре) имели штат 21 410 солдат и офицеров. Это был второй тип дивизии, проходившей испытание. Каждая дивизия состояла из двух пехотных бригад. При этом штат офицерского состава был рассчитан на развертывание каждой бригады в дивизию. Для этого имелись и штатные средства усиления — дивизионная артиллерия не трех-, а четырехдивизионного состава (один дивизион 105-мм гаубиц), в каждой бригаде был танковый батальон, не трех-, а четырехротного состава. Кроме того, в Маньчжурии были сформированы два отдельных танковых полка, которые имели штат офицерского состава и запас материальной части для развертывания в мотомеханизированные дивизии¹³¹. В каждой дивизии был также обозный полк.

Третий тип дивизии испытывался в Северном Китае. Ее численный состав — 14—17 тыс. солдат и офицеров. Это была облегченная дивизия, которая по условиям войны и специфического характера военных операций (преследование в беспорядке отступающего противника, борьба с партизанскими группами и отрядами) применяла отрядную форму действий. В составе отрядов преследования и карательной акции участвовал батальон, усиленный взводом легких танков или бронемашин и кавалерийским полуэскадроном. Чаще всего дивизия двигалась в колоннах, имея высланный передовой отряд и боковое охранение. В случае встречи с противником передовой отряд вел бои и позволял колоннам (батальонам)

развертываться в боевой порядок. Передовой отряд, состоявший из роты или даже батальона пехоты на автомашинах, усиленный взводом танков или бронемашин, самостоятельно решал боевую задачу, исключая необходимость развертывания колонн главных сил в боевые порядки. Если же передовой отряд встречался с разветвленной системой обороны и превосходящими силами противника, об этом немедленно доносилось в штаб дивизии и колонны ее сразу же развертывались в боевой порядок согласно решению командира дивизии.

Главное же внимание уделялось спорам по проблемам стратегии в «большой» антисоветской и антиамериканской войнах. Шли дискуссии о том, каким должно быть вооружение и техническое оснащение армии и флота в предвидении встреч с передовыми армиями современного мира, чему отдать предпочтение — моральному фактору и физической способности армии вести современную войну или же профессиональной, высокотехнической армии.

В 1936 г. в связи с развертыванием агрессии японского империализма против Китая и провокационными вылазками Квантунской армии на границе с СССР и МНР в зарубежной, особенно американской и германской, печати много писалось о состоянии и перспективах развития армии, флота и авиации Японии. В США рассматривали Японию в качестве противника в Китае и на Тихом океане, в Германии — в качестве будущего союзника по разбою с целью установления фашистского «нового порядка». Много внимания уделяли изучению и анализу состояния японских вооруженных сил и советские специалисты.

В 1933 г. известный японский военный публицист Симадзак Хирата, близкий стоявший к генеральному штабу и считавшийся специалистом по «русской армии и ее планам», написал книгу «Если мы будем воевать» («Варэра ва моси тата каваба»), в которой с циничной откровенностью излагал стратегические планы и тактические приемы войны против США и СССР¹³². Автор книги прямо писал о цели своей работы: «помочь моим соотечественникам покончить с иллюзиями по поводу слабости и небоеспособности, отставания наших будущих противников и в связи с этим возможности легкой победы в поединке с ними»¹³³. Речь шла о том, чтобы покончить даже с робкими попытками некоторой части японских стратегов и политиков возразить против усиления и перевооружения японской армии, флота и авиации. «К чему нельзя относиться легкомысленно,— писал автор,— это к России будущего. Сила России пять лет назад и сегодня совершенно другая. Через пять лет она возрастет еще более... Русские могут теперь изготавливать в своей же стране и автомобили, и самолеты, и пушки, и винтовки, и ОВ, и другие предметы во-

оружения...»¹³⁴. До этого Хирата публиковал статьи на страницах газеты «Нихон», в которых критиковал советские пятилетки, недооценивал мощь Красной Армии. В книге же он определенно пишет о растущей экономической и военной мощи Советского Союза. «В Японии немало таких,— писал он,— которые считают недопустимым, чтобы армия и флот поехали 8 млрд. иен. В большинстве своем это люди с антинациональным чувством, подверженные иностранному влиянию»¹³⁵. Рассматривая далее возможности Японии в войне против США, автор заявляет: «Единственное, чему мы можем радоваться и чем мы можем удовлетвориться,— недооценка русскими военно-морского флота и его значение в борьбе за просторы Азии и Тихого океана. Это дает нам право сосредоточить весь или почти весь наш флот против США»¹³⁶. Вот как Хирата охарактеризовал состояние советского военно-морского флота: «Советским флотом можно пренебречь... Флот их не в состоянии предпринять поход на Дальний Восток. Не знаю, как будет через десяток лет, но русский флот еще долго не сможет появиться в Тихом океане. Это дает нам простор для решения наших целей в этом районе...»¹³⁷.

Следовательно, стратегический план антисоветской войны должен был строиться преимущественно на наземных сражениях, и в связи с этим японские военные теоретики ратовали за создание современной армии, за оснащение ее подвижными бронированными средствами борьбы. Имелось в виду создать армии условия для подвижности и маневренности, прикрыть ее с воздуха значительными группами авиации. Что касается флота, он мог в случае необходимости прикрыть открытые фланги или осуществлять переброски наземных соединений и частей. Хирата, например, в своей книге «привязал» общий стратегический замысел в антисоветской войне к конкретной местности. «Если наша армия,— писал он,— в русско-японскую войну имела оперативными рубежами Ляоян, Мукден, Чаньчунь и Харбин, то в войне с Красной Армией таковыми будут Даурия, Чита, Иркутск и последним, пожалуй, явится Красноярск»¹³⁸. Хирата красочно и назидательно рисует сражения, которые развернутся на просторах Монголии между японской и советской армиями. «Если допустить, что наши Хулун-Буирские части в первом же бою нанесут поражение 18-му корпусу Красной Армии, командование ее непременно приведет в порядок свои резервы в Чите и Иркутске, с тем чтобы вернуть Даурию. Должны развернуться крупные встречные сражения. На обоих флангах Красная Армия разовьет обходные операции кавалерийских и мотомехсоединений, с фронта она будет стремиться завершить окружение. Развернутся крупные воздушные бои как составная часть наземных операций...»¹³⁹.

Следует подчеркнуть, что идея создания группировки

японских войск в Даурии, а затем перехода ее в наступление на территории МНР с целью выхода к Чите и Иркутску вынашивалась в японском штабе Квантунской армии при составлении плана операции на р. Халхин-Гол в 1939 г.

Японские военные теоретики считали невыгодным и даже невозможным допустить затяжную войну против СССР и США. Главными принципами стратегии должны были быть «стремительность, внезапность, военное и политическое подавление противника до пределов, создающих объективную необходимость для него пойти на капитуляцию»¹⁴⁰. В японской стратегии тридцатых годов «стремительность, внезапность и скоротечность сражений» считались «действиями высокого класса» («Кодо ундо»), последующие действия характеризовались как «освоение результатов действий высокого класса»¹⁴¹.

В связи с принятием на вооружение стратегии «молниеносной победы», вытекавшей из того, что длительная война не под силу японской экономике и грозит опасную внутреннюю политическую кризиса, милитаристы развернули кампанию: «приведение в соответствие мобильности и ударной мощи армии, флота и авиации с требованиями скоротечных, молниеносных и сокрушительных ударов по врагу»¹⁴².

К стратегии «молниеносной победы» кроме экономики должны были быть подготовлены как войска, так и население страны.

Что касается войск, то прежде всего в 1936—1939 гг. были усилены антисоветская и антиамериканская пропаганда и воспитание ненависти ко всему советскому. Высмеивались и критиковались «демократия и шовинизм белых, их неполноценность в сравнении с японской нацией». В то же время в отличие от прошлых лет японские милитаристы стали уделять большое внимание умению воевать по-современному, используя достижения военного искусства. Высказывалась мысль о том, что без современных средств войны, особенно технических, завоевать господство в Азии будет трудно, а может быть и невозможно.

В качестве образца военно-морского искусства были взяты военно-морской флот и авиация вероятного противника — США, в качестве же образца наземного военного искусства — Красная Армия Советского Союза, которая оценивалась как серьезный противник.

В военных учениях и маневрах, проведенных на территории собственно Японии (особенно на Хоккайдо) и в Маньчжурии, эталоном служил боевой и учебный опыт дальневосточной Красной Армии. С марта 1937 г. генеральным штабом японской армии стал издаваться ежемесячный сборник переводов статей советских военных специалистов из «Красной звезды», «Военного вестника», специализированных советских

военных журналов по родам войск. Тщательно переводились и изучались уставы и наставления Красной Армии и т. п.

В результате этого в 1937—1939 гг. были пересмотрены многие устаревшие принципы ведения операции и боя японской армией. Были категорически отвергнуты линейные построения боевых порядков в наступлении и густое построение в групповой тактике. Особенно обращалось внимание на массированное использование подвижных войск; танки стали использоваться не для сопровождения пехоты, а как «эшелоны для глубокого проникновения в оборону противника, для поражения батарей противника и подавления его тыла»¹⁴³.

Чрезвычайно важно было то обстоятельство, что, если в старых уставах «оборона признавалась скорее злом, которого нужно всемерно избегать, в новых принципах операции и боя обороне стало отводиться весьма важное место, но в качестве обороны для наступления»¹⁴⁴. Придавалось большое значение боевому обеспечению как наступающих, так и обороняющихся войск, искусству перегруппировок, особенно в ночное время, совершенно форсированных маршей и т. п. Во время маневров на Хоккайдо в 1938 г. совершались длительные форсированные переходы (3—4 дня по 50—60 км в светлое время), при этом обращалось внимание на маскировку и дисциплину маршей. Тренировка войск в ночное время, на различных театрах военных действий, при любой погоде и климатических условиях — все это были показатели серьезной подготовки японской армии к сражениям с сильной армией.

Не столько из военно-политических соображений и по условиям секретного соглашения с фашистскими союзниками — Германией и Италией, сколько в связи с планами подготовки Квантунской армии и проверки ее боевой способности были предприняты провокации в районе оз. Хасан в августе 1938 г. и более крупная — летом 1939 г. на р. Халхин-Гол (МНР)¹⁴⁵.

Поражения японской армии на оз. Хасан и р. Халхин-Гол объяснялись в пропаганде «агрессивностью коммунистической России и неподготовленностью Маньчжоу-го к отражению нападения со стороны советских и монгольских войск»¹⁴⁶. Некоторые военные обозреватели пытались взвалить вину за большие потери и в целом военную неудачу на Хасане и Халхин-Голе на «вышедших из подчинения генерального штаба в Токио генералов и офицеров Квантунской армии». Японская пропаганда использовала факты провалившихся военных провокаций для нагнетания обстановки военного психоза, для доказательства отставания японской армии в области вооружения и военной техники, для предъявления новых требований к правительству об ассигнованиях на военное производство, приведения в боевое состояние экономики и мобилизации всего населения для «обороны» страны. Весьма существенным результатом Хасана и Халхин-Гола для японских милитари-

стов был пересмотр в течение 1938—1940 гг. *всех* уставов и наставлений по ведению операции и боя¹⁴⁷. Армия получила переработанный полевой устав, устав пехоты, наставления родов войск, наставления по боевому обеспечению войск, инструкции по взаимодействию и т. п. В переделанных уставах, наставлениях, инструкциях учитывался также и опыт затянувшейся войны в Китае. В 1939 г. вышла в свет трехтомная работа «Примеры действий мелких подразделений» («Сёсэнрей»), специально посвященная опыту боевых действий подразделений всех родов войск на примере китайской войны¹⁴⁸. Примеры боевых действий мелких подразделений японской армии показаны на фоне «неразберихи и отсутствия регулярного фронта»; война ведется якобы против «бандитов», скрывающихся в горах, лесах, поймах рек и озер, в населенных пунктах с прочными каменными оградами-стенами. Вместе с тем авторы подобрали интересные и поучительные примеры организации форсирования водных преград, организации связи и управления в ходе боя, применения гранатометов, минометов, малокалиберных орудий, поддержки отдельными самолетами или звеньями боевых действий и т. д.

Следовательно, японское командование в 30-х годах обратило серьезное внимание на *усовершенствование* организации войск, оснащение своих соединений и частей современными видами оружия и боевой техники, подготовку их к ведению боевых действий против опытных и сильных противников — Советского Союза и США.

Подготовка войск была подчинена главной стратегической идее — нанесению массированных, внезапных ударов по противнику, в результате которых у него не будет иного выхода, кроме капитуляции на условиях, предлагаемых победителем — Японией. Стратегические задачи японской империи должны были быть решены в Азии силами и средствами самой Японии под лозунгом «создания азиатской сферы взаимного процветания». Коалиционная стратегия, то есть совместные действия с союзниками по «оси» в Европе, планировалась в зависимости от успеха или неуспеха плана завоевания Японией господства в Азии.

Все это относилось к подготовке армии, флота и авиации к предстоящей «большой войне». Что касается населения, то его подготовка велась в двух направлениях — психологическом и военном. Психологическая подготовка осуществлялась на основе непрерывного нагнетания военного психоза, раздувания надуманной угрозы Японии со стороны могущественных держав, и прежде всего «коммунистической России, которая является главным препятствием и на пути решения китайского инцидента в пользу Японии»¹⁴⁹. Психологическая обработка имела своей целью добиться готовности всего населения переносить лишения и жертвы во имя императора.

Одновременно начиная с 1933 г. на базе дивизионных округов, полковых участков была развернута подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне. Военщина стремилась «сэкономить» для армии средства, переложив многие расходы по организации ПВО на само население. По данным немецкой и американской печати, ежегодно в фонд ПВО страны поступали «добровольные пожертвования» населения, достигавшие в среднем 15—20 млн. иен¹⁵⁰. Только в 1933 г. за короткое время было собрано 7 млн. иен и приобретено 63 истребителя, 27 зенитных орудий, 27 спаренных зенитных пулеметов и другое снаряжение и технические средства защиты от воздушного и химического нападения¹⁵¹. Наблюдатели в Токио, Осака, Кобэ, Нагоя и других крупных городах Японии в 1938—1939 гг. часто сообщали об учениях городских отрядов ПВО, составленных из молодежи, подростков и школьников. Во время учений протяжно выли сирены, дымовые шашки извергали столбы едкого дыма: имитировалось воздушное и химическое нападение. Пожарные команды, санитарные отряды носились по кварталам города, «ликвидируя последствия» воздушного и химического вторжения «неприятеля».

Во время этой военной суеты, искусственной тревоги, часто перераставших в настоящий психоз, рупоры радиоточек на улицах городов информировали о ходе отражения воздушного противника — «красных» и «черных» (Советского Союза и США), призывали всех без исключения японцев, не щадя живота, защищать империю. В условиях военного психоза трудящиеся страны принуждались отдавать часть своего заработка на проведение различных учений и занятий, связанных с проверкой подготовки населенных пунктов и их жителей к ПВО. С августа 1933 г. были официально введены однопроцентные отчисления с заработка служащих и чиновников государственных учреждений¹⁵². С 1936 г. в соответствии с приказом военного и военно-морского министерств в учениях ПВО страны стали участвовать сухопутная и морская авиация, корабли военно-морского флота, зенитные части и подразделения общевойсковых соединений в районе их дислокации. Согласно инструкции, одобренной Высшим военным советом при императоре Японии в феврале 1938 г., «органы гражданской ПВО предназначены не только для самозащиты от нападения противника, но и используются непосредственно в интересах военного командования, им под силу уничтожение авиации противника и разрушение его баз и аэродромов»¹⁵³. Весьма характерно, что в развитие этой инструкции для Квантунской армии в Маньчжурии была издана «рекомендация о пограничных зонах ПВО», в которой совершенно отчетливо ставилась задача «поражения аэродромов и средств ПВО противника на его территории»¹⁵⁴.

К 1939 г. в Японии была полностью завершена кольцевая система ПВО. Она имела трехзонное построение: зону разведки, наблюдения, которые выполнялись авиацией, специально выделенными кораблями флота, метеорологической службой и частями связи и оповещения ПВО; зону боевых средств отражения воздушного противника, включавшую авиацию, зенитную артиллерию, зенитные пулеметы, прожекторы, звукоулавливатели и аэростаты заграждения; зону пассивных средств ПВО, обеспечивавших светомаскировку, оповещение и связь, противопожарную службу, противохимическую защиту, медицинскую помощь, систему убежищ и укрытий для населения, регулирование движения и пропаганду новых приемов и средств самозащиты. Управление всеми зонами ПВО в пределах города осуществлял «штаб противовоздушной обороны города»¹⁵⁵. Глубина всей системы обороны в приморских районах определялась в 160—170 км.

К этому же времени японская гражданская ПВО, учитывающая специфику островного положения страны, взаимодействие со средствами войсковой и военно-морской ПВО, получила за счет национального производства совершенные боевые средства — зенитные орудия 75- и 105-мм калибров стационарного и подвижного типов. Зенитчики ПВО были обучены ведению стрельбы с использованием механических приборов управления. Для стрельбы по воздушным целям применялись также орудия полевой артиллерии с соответствующими приспособлениями. Зенитные прожекторы имели диаметр 105 см, посты были оборудованы большими и малыми звукоулавливателями (четырёхрупорными). Национальное военное производство поставляло крупнокалиберные зенитные пулеметы (13-мм) с усовершенствованными прицелами.

В течение 1937—1939 гг. на усовершенствование системы ПВО страны и вооружение ее новыми средствами борьбы против воздушного нападения было израсходовано 63 млн. иен, из них 67,3% — за счет «добровольных» взносов населения. Заказы на зенитное вооружение и другое оборудование постов ПВО были размещены на 17 заводах (из них 4 являлись государственными арсеналами и 13 — частными предприятиями), принадлежавших концернам «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо». Заводы «Кавасаки Кокуки» выпускали истребители для ПВО, в 1937—1939 гг. заказ на такие самолеты оценивался в 21,4 млн. иен¹⁵⁶.

* * *

От всей созданной системы милитаризма и военных мероприятий с целью завоевания господства в Азии выигрывали японские монополии и военщина. Реакционные круги Японии добились того, что из года в год, начиная с 1932 г., то есть

года образования Маньчжоу-го, масштабы милитаризации страны, перевод экономики на обеспечение нужд войны в Китае и на подготовку войны против Советского Союза все расширялись. За 8 лет (1932—1939) японской военщине удалось целой системой мер, вплоть до организации террористических актов против видных государственных деятелей, сломить оппозицию и добиться открытого признания политики войны и агрессии единственно целесообразной политикой Японии, способной обеспечить создание великой империи на Азиатском континенте.

Монополии Японии опирались в своей политике на те или иные группировки военного и военно-морского ведомств. Монополии, связывавшие свое обогащение с расширением производства кораблей военного флота, военно-морского вооружения и строительства береговой обороны, поддерживали и финансировали стратегические планы войны на море и океане, которые разрабатывались в генеральном штабе военно-морского флота. Эти монополии всячески поддерживали и пропагандировали идею войны против США, которые являлись серьезным препятствием на пути победоносного завершения войны в Китае и захвата районов Юго-Восточной и Южной Азии, богатых стратегическим сырьем. Провал наступления на Шанхай в январе 1932 г., которое планировалось и вначале осуществлялось как десантная операция с участием кораблей японской тихоокеанской эскадры и морской пехоты, на время дискредитировал в глазах этих кругов военно-морскую стратегию. Однако монополии, захватившие в свои руки судостроение, в частности военное судостроение, не отказались от своих планов войны на море. Они выступили с критикой в адрес правительства, которое якобы недооценивает морской флот и предает забвению «победу императорского флота над русским флотом в 1904—1905 гг.»¹⁵⁷. В свою очередь военно-морские круги развернули кампанию, смысл которой состоял в том, что необходим коренной поворот в сторону военно-морского строительства, чтобы спасти престиж и боевую славу японского императорского военно-морского флота. В результате в 1937 г. была принята новая программа увеличения тоннажа и модернизации типов военных кораблей с учетом достижений современного военного кораблестроения и морской стратегии. Несмотря на сопротивление армейских кругов и стоявших за ними монополий, в бюджете государства с 1937 по 1939 г. ассигнования на строительство и совершенствование военно-морского флота были увеличены вдвое¹⁵⁸. За эти годы прием в военно-морские училища Японии вырос численно в 1,5 раза¹⁵⁹.

Однако, пока шла война в Китае, пока Квантунская армия в Маньчжурии интенсивно готовилась к антисоветской войне, монополии, промышленные предприятия которых выполняли

заказы военного министерства, имели все основания быть довольными и продолжали оказывать серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства. Если промышленники в сфере судостроения и строительства военно-морских объектов получали заказы и работали с учетом будущей японо-американской войны, то промышленники, работавшие по заказам военного министерства, выколачивали огромные прибыли за продукцию, которая немедленно шла в употребление в ходе войны в Китае и строительства военно-промышленного комплекса в Маньчжурии. К 1939 г. в Маньчжурии, у границ с Советским Союзом, были построены два бетонированных пояса укреплений, связанных в единую мощную систему прикрытия развертывания большой армии вторжения. На апрель 1939 г. Квантунская армия имела в своем составе: 3, 4 и 5-ю армии, 4-ю и 7-ю отдельные пехотные дивизии, 23-ю пехотную дивизию, 8-й пограничный охранный отряд, 1, 2, 3, 4 и 5-й отдельные пограничные отряды, 1-ю танковую дивизию, 2-ю авиационную дивизию, артиллерийскую группу резерва командующего Квантунской армией и другие части усиления. Всего более 300 тыс. солдат и офицеров¹⁶⁰.

Только на железнодорожное и автодорожное строительство в Маньчжурии за 1936—1939 гг. было израсходовано 127 млн. иен.

Война в Китае тем временем продолжалась, и каждый день войны требовал 4—4,6 млн. иен. Все эти расходы, ложась тяжелым бременем на плечи японских трудящихся, оборачивались громадными прибылями для монополий Японии. Обстановка шовинистического угара способствовала выдвижению планов подчинения Японии Китая и всей Азии с целью создания «великой империи Ямато», благоприятствовала дальнейшему сближению фашистских агрессоров и заключению между ними военного и политического союза.

Такой была Япония к сентябрю 1939 г., когда гитлеровская Германия зажгла пожар второй мировой войны в Европе.

Глава V

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (сентябрь 1939 — сентябрь 1945 г.)

1. МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЯПОНИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ВСТУПЛЕНИЮ ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

а) Курс «дзайбацу» на участие в переделе мира

В сентябре 1939 г. нападением Германии на Польшу началась вторая мировая война. Она явилась результатом усиления неравномерности развития крупнейших империалистических держав и крайнего обострения противоречий между ними.

В конце 30-х годов в условиях дальнейшего обострения общего кризиса капитализма быстро рос и набирал силу германский, японский и итальянский монополистический капитал, вступивший в ожесточенную борьбу с главными империалистическими странами за передел колоний. В ходе этой борьбы Германия, Япония и Италия с помощью монополий других империалистических государств, которые стремились направить агрессию против Советского Союза, укрепляли свой военный потенциал, активно готовились к развязыванию мировой войны. Вторая мировая война, таким образом, на первом этапе носила империалистический, разбойничий характер и обусловила рост милитаризма во всех капиталистических странах. «Империализм,— писал В. И. Ленин,— есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира,— он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких»¹.

Японские правящие круги решили использовать начавшуюся войну в Европе и политический союз с фашистскими агрессорами — Германией и Италией — для расширения империи методом военного насилия. Они рассчитывали, что быстрый захват новых территорий поможет им справиться с растущими экономическими трудностями, позволит подавить

политическую и экономическую борьбу трудящихся масс, усилившуюся в связи с ростом безработицы и снижением жизненного уровня.

В конце 1939 г. количество безработных в Японии достигло 2 млн. человек, кроме того, свыше 3 млн. работали неполную рабочую неделю и были фактически полубезработными. После введения в 1939 г. Закона о фиксации заработной платы ввиду роста цен на продукты и повышения налогов реальная заработная плата рабочих стала быстро снижаться. Сумма налогов в 1940—1941 гг. увеличилась по сравнению с 1936—1937 гг. в 2,5 раза и достигла 5 млрд. иен².

Глубокое недовольство народа антинациональной политикой правительства и монополий выражалось в росте забастовочного движения и арендных конфликтов. Даже по официальным, в значительной мере преуменьшенным, данным, число забастовок и других трудовых конфликтов увеличилось с 262 в 1938 г. до 358 в 1939 г., а количество принимавших в них участие рабочих — с 18 341 до 72 835³. Число крестьян, принимавших участие в аграрных конфликтах, возросло с 37 224 до 55 459 человек⁴.

Чтобы в какой-то степени отвлечь трудящихся от классовой и антивоенной борьбы, правящие круги Японии усиливали военно-националистическую и антисоветскую пропаганду. Руководители и активные участники рабоче-крестьянского движения, особенно коммунисты, подвергались жестоким репрессиям.

С началом второй мировой войны обострились противоречия между японскими монополиями, с одной стороны, и американскими, английскими, французскими и голландскими капиталистами, — с другой.

Главным противником Японии в борьбе за колонии и рынки сбыта в Азии и в бассейне Тихого океана были Соединенные Штаты, соперничество с которыми неоспоримо вытекало «из отношений их капитализмов»⁵.

В. И. Ленин указывал, что «экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем»⁶. Война в Европе создавала благоприятные условия для расширения японской агрессии.

Через восемь месяцев после начала войны в Европе и первых значительных успехов гитлеровского вермахта — оккупации Дании и Норвегии — влиятельные члены офицерской организации «Мэйринкай», финансируемой банкиром Исихара, генералы Хасимото и Ямада заявили военно-морскому министру Иосида от имени своей организации следующее:

«Война в Европе расширяется. Опасность вторжения в

Голландию и Бельгию стала неминуемой... Поэтому японское правительство, учитывая возможность подобной ситуации, должно принять твердое решение о посылке в Голландскую Индию сильного морского отряда и временно оккупировать эти острова...»⁷.

После поражения и капитуляции Франции наиболее агрессивные буржуазно-помещичьи круги Японии потребовали быстрого решения вопроса об оккупации Индокитая, колонии французского империализма. Но правительство Ионаи проявляло колебания, боясь резкого обострения японо-американских и японо-английских отношений. Эти колебания и привели к его отставке. На смену Ионаи пришло правительство «решительных действий», возглавляемое ярким антикоммунистом и сторонником фашистского режима князем Фумимаро Коноэ. Приход этого правительства ускорил решение об участии Японии во второй мировой войне.

б) Военно-политический союз с Германией и Италией

Буржуазно-помещичьи круги и военщина Японии после начала второй мировой войны проявляли исключительную заинтересованность в том, чтобы выгодно использовать создавшуюся в Европе обстановку в своих целях. Опыт и результаты первой мировой войны, когда Япония «выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта»⁸, подсказывали правящим кругам необходимость проявлять осторожность при выборе военных союзников. Именно поэтому до капитуляции Франции летом 1940 г. японское правительство не торопилось с заключением военного союза ни с одной из коалиций держав, несмотря на то что переговоры о заключении такого союза с Германией велись весьма активно.

В ходе этих переговоров выяснилось, что правящие круги Японии придерживаются курса на установление своего господства в Азии и намерены вести борьбу с Англией, Францией и США за колонии, рынки сбыта, сферы влияния. Японские представители на переговорах выражали готовность взять на себя обязательства сковывать силы США и помешать им участвовать в европейской войне. За это Германия и Италия должны были признать особые интересы Японии и содействовать успеху в ее борьбе за господство в Азии. Получить такое признание со стороны Германии и Италии на том этапе не представляло большой трудности.

Германия и Италия не имели на Дальнем Востоке, и в частности в Китае, крупных капиталовложений, значительных экономических интересов, поэтому империалистические про-

тиворечия Японии с Германией и Италией были не столь существенными, как с Англией, Францией и Соединенными Штатами.

В 1937 г. из общей суммы иностранных инвестиций в Китае, достигавших 4,5 млрд. долл., на долю Германии приходилось 300 млн. долл. (6,6%), Италии—46,4 млн. долл. (1,1%), в то время как инвестиции Англии составляли 1486,5 млн. долл. (32,97%), США—250 млн. (5,5%)⁹ и Японии—1838,5 млн. долл. (41,8%)¹⁰.

Падение Франции и поражение Голландии, а также заявление Гитлера о скором форсировании пролива Ла-Манш и вступлении на территорию Англии побудили японское правительство и монополии ускорить заключение военного союза с державами «оси». Министр иностранных дел Мацуока, выступая на заседании Тайного совета 6 сентября 1940 г., заявил, что «в результате военного союза с Германией и Италией японская экономика выйдет из зависимости от США, ибо в распоряжение Японии перейдут ресурсы стран южных морей»¹¹.

Как указывалось выше, политический союз между Японией, Германией и Италией сложился раньше, чем военный. Заключенный в ноябре 1936 г. «антикоминтерновский пакт», направленный в первую очередь против СССР, коммунистического и рабочего движения¹², а также фашизация и милитаризация внутривнутриполитической жизни Японии отражали тенденцию этих стран к политическому союзу.

Потребовалось более четырех лет подготовки, чтобы этот политический союз был дополнен военным. Из мемуаров князя Коноэ видно, что правящие круги Японии выработали и осуществляли определенный план «превращения трехстороннего „антикоминтерновского пакта“, который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР»¹³. Этот план учитывал также возможность Японии «скрестить шпаги» со своими империалистическими соперниками, используя союз с Германией и Италией. Япония, таким образом, намеревалась использовать этот союз для борьбы со всеми своими потенциальными противниками, признавая в качестве главного из них Советский Союз.

Японские правящие круги, особенно после военных побед держав «оси» в Европе, не скрывали, что союз с Германией и Италией гарантирует им осуществление военно-стратегических планов в Азии. Такое признание вытекало из неоднократных заверений официальных лиц в Берлине. В начале сентября 1939 г. Риббентроп, например, заверил японского посла генерала Осима¹⁴, что в случае заключения союза с Германией Япония получит «возможность свободно расширять свою власть в Восточной Азии в южном направлении и проникнуть еще дальше»¹⁵.

Вместе с тем среди японских правящих кругов не было единства по вопросу о военном союзе с Германией и Италией, который, по их мнению, неизбежно должен привести к обострению японо-американских и японо-английских отношений. Это означало бы сокращение или полное прекращение поставок оружия и военных материалов из США.

Империалистические страны, особенно США, играли значительную роль в обеспечении японской военной промышленности стратегическим сырьем. До августа 1941 г. Соединенные Штаты Америки поставляли Японии около 65% всего ее импорта металлолома, свыше 30% нефтепродуктов и машин, более 80% ферросплавов¹⁶. Стратегические товары составляли в 1939 г. 70% американского экспорта в Японию. Из США, Великобритании и Индонезии в Японию импортировалось в среднем 40 млн. баррелей нефти ежегодно¹⁷. В 1935—1940 гг. США вывезли в Японию 8,5 млн. т железного и стального лома¹⁸.

Член палаты представителей конгресса США А. Андерсен заявил, что после сентября 1939 г. Соединенные Штаты продавали Японии от 80 до 90% завозимых ею военных материалов¹⁹. За два с половиной года — с середины 1937 до конца 1939 г. — Япония уплатила монополиям США за стратегическое сырье более чем 500 млн. долл. японского золота²⁰.

Общая сумма иностранных займов, предоставленных Японии на 1941 г., оценивалась примерно в 1625 млн. иен. Американские долгосрочные кредиты Японии на 1940 г. равнялись примерно 700 млн. иен²¹.

В течение 1939 г. американские авиационные специалисты оборудовали японские авиазаводы «Кавасаки» новыми станками. Инженеры фирм «Локхид» и «Дуглас» давали консультации по вопросам массового производства самолетов²².

Представители «молодых» концернов («Мангё», «Накадзима» и др.), тесно связанные с командованием Квантунской армии и группами фашиствующего офицерства, выступали за заключение военного союза с державами «оси» на немецких условиях, предусматривавших немедленное вступление Японии в войну на стороне Германии и Италии. Представители же наиболее влиятельной части японских правящих кругов, «старых» монополий, крупные чиновники, близкие к императорскому двору, и значительная часть командования армии и флота стояли за осторожную политику и свободу действий Японии в Азии и бассейне Тихого океана. Они настаивали на том, чтобы союз с фашистскими агрессорами в Европе — Германией и Италией — не отвлекал Японию от задач по созданию великой империи в Азии. Правительство Японии, по мнению этих кругов, должно вести активную дипломатическую деятельность, затягивать переговоры с США, пока не выяснится, что победа Германии в Европе не вызывает сомнений.

Сформированное правительство князя Коноэ²³ олицетворяло собой союз монополий, императорского двора и военщины, оно выражало их общие интересы в подготовке к участию во второй мировой войне, укреплении военно-политического союза с Германией и Италией при условии наиболее выгодного использования этого союза в интересах Японии.

Капитуляция перед германским вермахтом ряда европейских государств дала основание кабинету Коноэ ускорить разработку условий договора с Германией и Италией. Военные круги форсировали подготовку к захвату Северного Индокитая²⁴. 30 августа 1940 г. с французским представителем в Токио было достигнуто соглашение о постройке японских аэродромов в Индокитае и содержании японских войск в провинции Тонкин²⁵.

Операция против Французского Индокитая стала рассматриваться правящими кругами Японии в качестве важного условия укрепления военно-политического союза с Германией и Италией, получения поддержки со стороны европейских союзников в осуществлении планов агрессии в Юго-Восточной Азии. Нацистское руководство, считая возможным содействовать японской агрессии на юге, предприняло нажим на правительство Виши. В начале сентября 1940 г. в Токио прибыл представитель Гитлера Макс Штимер, который поддержал требования японского правительства о пропуске японских войск в Индокитай²⁶. 22 сентября вишийский адмирал Деку принял требования японцев.

В ночь на 22 сентября 1940 г. японские войска перешли индокитайскую границу. На следующий день они овладели позициями французских войск и разоружили гарнизоны в Лонг-Доне. 24 сентября японцы захватили Лангсон — конечный пункт железной дороги, ведущей в Китай²⁷.

Быстрая и безнаказанная оккупация японскими войсками Северного Индокитая, предпринятая при поддержке Германии, воодушевила реакционные круги Японии. Правительство Коноэ форсировало согласование проекта договора с различными группировками правящих кругов и к 25 сентября выработало его окончательный текст.

В тексте японо-германо-итальянского договора, подписанного 27 сентября в Токио, наиболее важными были первые четыре статьи.

Ст. 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания «нового порядка» в Европе.

Ст. 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания «нового порядка» в Восточной Азии.

Ст. 3. Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами, в случае если одна из

трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в данное время не участвует в европейской войне и японо-китайской войне.

Ст. 4. Для осуществления пакта немедленно будут созданы общие технические комиссии, члены которых будут назначены правительствами Германии, Италии и Японии²⁸.

Антисоветская направленность пакта была завуалирована оговоркой, изложенной в ст. 5, которая гласила, что «приведенные выше статьи соглашения ни в коей мере не затрагивают существующих в настоящее время политических отношений между каждым и любым участником пакта и Советским Союзом»²⁹. О том, что эта оговорка была неискренней, свидетельствует выступление министра иностранных дел Японии Мацуока на заседании исследовательского комитета Тайного совета³⁰ 26 сентября 1940 г., который заявил, что «Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны», а «Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны»³¹.

К договору был приложен секретный протокол, предусматривающий создание военных, военно-морских и экономических комиссий в Токио, Берлине и Риме с целью сотрудничества между тремя странами³².

После заключения пакта трех держав Коноэ представил кабинету «Программу внешней политики Японии», которая была утверждена на секретном заседании правительства 3 октября 1940 г.

Программа предусматривала: укрепление союза с Германией и Италией; ускорение капитуляции Китая и создание под контролем Японии «сферы процветания великой Восточной Азии», в которую должны были войти Китай, Бирма, Индокитай, Таиланд, Филиппины, Малайя³³.

Получив поддержку правящих кругов, правительство в соответствии с «Программой внешней политики» осуществляло меры по укреплению коалиции трех держав. 29 декабря 1940 г. между державами «оси» было заключено соглашение о создании «общих, военных и экономических комиссий» в столицах Японии, Германии и Италии. В «общие комиссии» вошли министр иностранных дел данной страны и послы двух других договаривающихся держав³⁴.

Летом 1940 г. японское правительство согласилось начать с Советским Союзом переговоры о заключении пакта о нейтралитете. Заключение такого пакта Япония рассматривала как существенный фактор обеспечения своих северных границ и вместе с тем как ширму, под прикрытием которой она могла продолжать подготовку к войне с СССР. Министр иностранных дел Японии Мацуока, подписывая 13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете, уже знал о готовящемся нападении Германии на СССР³⁵. Еще до приезда в Москву, ведя в

Берлине переговоры о совместной политике Японии и Германии в отношении Советского Союза, Мацуока заявил: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт»³⁶.

Вместе с тем заключение с Японией пакта о нейтралитете было успехом советской дипломатии, так как он все же оказывал известное сдерживающее влияние на правящие круги Японии.

Японское вторжение во Французский Индокитай, а также усилия, предпринятые с целью прекращения войны в Китае, на время отвлекли внимание Японии от решения «северной проблемы». Однако после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз эта проблема вновь стала объектом борьбы между двумя группировками в Японии. Одна из них выступала за немедленный удар «на север», против СССР, другая же ратовала за стратегию продвижения в бассейне Тихого океана на юг, за войну против США и Англии.

В группировку, настаивавшую на немедленном нападении на СССР, входили владельцы японских концернов, нажившихся на грабеже Северо-Восточного Китая (Мангё и др.), и некоторые тесно связанные с ними представители «дзайбацу» (например, Мицуи), командование Квантунской армии и их ставленники в правительстве (Мацуока, Сиратори и др.).

Их противниками выступали представители крупнейших концернов (в частности, Мицубиси, Сумитомо), некоторых новых монополий и влиятельные члены правительства (премьер Коноэ, хранитель императорской печати Кидо, министр внутренних дел Хиранума, военный министр Тодзио и др.).

Члены обеих группировок считали основным противником Советский Союз и желали войны с ним. Разногласия между ними касались лишь сроков нападения на советский Дальний Восток. На второй день после нападения Германии на СССР императорская ставка приняла «Основную программу государственной политики империи в связи с изменением в международной обстановке», предусматривавшую наряду с другими задачами решение «северной проблемы» вооруженным путем³⁷.

Эта программа легла в основу постановления имперской конференции от 2 июля 1941 г., определившего внешнеполитический курс Японии по отношению к СССР после нападения на него Германии. Программа строилась на том основании, что, «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, решит северную проблему и обеспечит стабильность положения на севере»³⁸.

Однако уже в августе 1941 г. анализ боевых действий на советско-германском фронте не дал японскому командованию

основание для вывода, что война развивается в соответствии с планом, предусмотренным гитлеровским командованием. Замедление темпов наступления немецко-фашистских войск побудило правительство Японии через посла в Берлине Осима узнать о его причинах у Риббентропа. «Риббентроп предложил ему обратиться к Кейтелю, который объяснил, что продвижение германской армии задерживается ввиду большой протяженности коммуникаций, в результате которой тыловые части отстают, и что вследствие этого наступление задержалось примерно на три недели по сравнению с предусмотренными планом сроками»³⁹. Это объяснение Кейтеля насторожило командование японских вооруженных сил. 4 сентября 1941 г. посол Германии в Японии генерал Отт доносил Риббентропу: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что Германия сможет достичь решающего успеха в войне против России до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о номонганских событиях⁴⁰, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии». Далее Отт сообщал, что «императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза»⁴¹.

Срыв планов «молниеносной войны» Германии против СССР укрепил мнение военных кругов Японии в необходимости отсрочить нападение на советский Дальний Восток. 6 сентября 1941 г. имперская конференция приняла решение «неуклонно осуществлять политику продвижения на юг»⁴², чтобы после захвата обширных и богатых ресурсами территорий южных морей вернуться к еще более решительным действиям против СССР.

С принятием на имперской конференции стратегического плана «южного направления» основные усилия японской дипломатии были направлены на нейтрализацию и дезориентацию США. Японское правительство до поры маскировало подготовку внезапного удара по военным базам США и Англии. Для ведения переговоров с правительством Соединенных Штатов были использованы японские деятели, известные своими проамериканскими настроениями. Гитлер рассказывал своим приспешникам: «Осима объяснил мне, что для обмана американцев японцы направили Номура и Курусу⁴³, так как было известно, что они всегда стояли за достижение взаимопонимания с Соединенными Штатами»⁴⁴.

Переговоры с правительством США обнаружили серьезные противоречия между правящими кругами двух стран. Президент Рузвельт и государственный секретарь Хэлл заняли резко отрицательную позицию в отношении возможного продвижения японских войск на юг, усматривая в этом угрозу интересам американских монополий и стремясь направить

агрессию в противоположном направлении — против СССР. Об этом свидетельствовал американский ответ на японские предложения, состоявший из девяти пунктов. Фактически это был ультиматум, воспрещавший японскую экспансию на юг⁴⁵. Правительство США явно рассчитывало, что Япония воспользуется обстановкой и выступит против СССР.

Правящие круги Японии быстро поняли, что «осуществить политику продвижения на юг» без столкновения с Соединенными Штатами невозможно. Это обострило борьбу между группировками в правительстве Японии.

15 октября командование армии, выражая волю наиболее влиятельных монополистических кругов, потребовало, чтобы правительство прекратило переговоры с США и приступило к «решительным действиям».

Премьер Коноэ считал в то время войну с Соединенными Штатами несвоевременной, однако он не мог не видеть, что могущественные силы — «дзайбацу» и военщина — настроены иначе. 16 октября Коноэ подал в отставку, заявив императору в письме, что войну против США не следует начинать, пока «китайский инцидент еще не разрешен»⁴⁶.

18 октября к власти пришло правительство Тодзио, принявшее энергичные меры для ускорения подготовки к войне против США, Англии и Нидерландов и полностью подчинившее внешнюю политику Японии нуждам войны.

5 ноября 1941 г. на заседании Тайного совета было решено форсировать подготовку к войне под прикрытием переговоров. Генеральные штабы приступили к уточнению плана операций против США и Англии в Тихом океане. 26 ноября оперативное соединение адмирала Нагумо взяло курс на Гавайские острова для осуществления операции, получившей шифр «Z»⁴⁷. О формировании операций японского флота в Тихом океане было информировано гитлеровское правительство, которое 29 ноября заверило японское правительство, что Германия «в случае начала войны Японии против США, конечно, немедленно вступит в войну»⁴⁸. 1 декабря Комитет по координации действий ставки и правительства в присутствии императора принял окончательное решение о войне против США, Англии и Нидерландов⁴⁹, а 8 декабря по токийскому времени (7 декабря по гавайскому) авиация и флот Японии нанесли внезапный сосредоточенный удар по главным силам американского Тихоокеанского флота в базе Пирл-Харбор.

в) Стратегические планы Японии

В 1940—1941 гг. стратегические планы войны Японии за господство в Азии были уточнены. Они исходили из существования «пакта трех держав» и были основаны на

оперативно-стратегическом взаимодействии с Германией и Италией.

При этом учитывались возможные изменения на фронтах второй мировой войны. Однако главным принципом стратегии было исключение необходимости вести войну одновременно на два фронта⁵⁰.

Если до заключения «тройственного пакта» *первоочередной* задачей японской стратегии было разрешение «китайской проблемы», а также захват бывших французских и голландских колоний, а нападение на СССР обуславливалось наличием благоприятных условий, то после заключения «тройственного пакта» и успешного развития событий в Европе в пользу союзников Японии в качестве неотложной стратегической задачи ставилось кроме захвата французских и голландских колоний отторжение от Британской империи ее азиатских владений — Бирмы и Малайи, а в зависимости от обстановки и отношений с США — овладение о-вом Гуам⁵¹.

Оккупация указанных территорий в Юго-Восточной Азии и бассейне Тихого океана согласовывалась по времени с высадкой германских десантов на территории Англии в 1940 г. или если она не состоится, то к моменту решительного наступления Германии в другом месте⁵².

Нападение Германии на СССР в июне 1941 г. заставило правительство Японии частично пересмотреть первоначальный план войны. Японские милитаристы вынашивали замысел: в случае поражения СССР в войне с Германией захватить советский Дальний Восток и Восточную Сибирь⁵³, после чего при непосредственной военной помощи Германии и Италии совершить вторжение во владения США и Англии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Если же Советский Союз устоит в войне против Германии, вначале захватить французские, английские и голландские колонии в Азии, а затем, воспользовавшись захваченными ресурсами, совершить нападение на СССР. По этому варианту война с Соединенными Штатами должна была быть начата после поражения Советского Союза⁵⁴.

Летом 1941 г. генеральный штаб армии Японии разработал план войны против СССР под кодовым названием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»). В соответствии с этим планом Квантунская армия была усилена за счет скрытой мобилизации и подготовлена к внезапному нападению на советский Дальний Восток⁵⁵.

Однако осуществлению этого плана помешал провал гитлеровского плана «молниеносной войны» против СССР. В секретном «дневнике войны» генерального штаба армии 22 июля 1941 г. была сделана следующая запись: «Возможности завершения немцами операций и войны против СССР в ранее запланированные сроки уменьшились»⁵⁶. В августе

1941 г. 5-й отдел генерального штаба армии Японии доложил императорской ставке: «Смоленская оборона задерживает немецкую армию более чем на месяц, война примет затяжной характер»⁵⁷. Дальнейшее развитие событий на советско-германском фронте усилило сомнения японского генерального штаба в реальности планов Гитлера сокрушить Советский Союз в короткие сроки.

В декабре 1941 г. стал осуществляться план вывода из строя основных сил американского Тихоокеанского флота⁵⁸, захвата Юго-Восточной Азии и стран Южных морей.

Японское командование считало, что ему удастся осуществить молниеносный разгром основных сил флота Соединенных Штатов, воспрепятствовать переходу к активным действиям вооруженных сил США в течение времени, необходимого для сокрушения войсками Германии Советского Союза и захвата Японией советского Дальнего Востока и Сибири. Главнокомандующий объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото заявил тогда премьер-министру Коноэ: «В первые шесть-двенадцать месяцев войны против США и Англии я буду действовать стремительно и продемонстрирую цепь побед. Но я должен предупредить: если война продлится два или три года, у меня нет никакой уверенности в конечной победе»⁵⁹. Верховное командование Японии сделало ставку на победу гитлеровской Германии над СССР и молниеносную войну в Азии. На просторах Тихого океана развернулся поединок империалистических соперников: Японии, с одной стороны, США и Англии — с другой.

г) Милитаризация экономики Японии в 1939—1941 гг.

В 1939—1941 гг. усилилась милитаризация японской экономики. Были приняты меры решительной централизации управления, установления жесткого государственно-монополистического контроля над экономикой в целом, и особенно над отраслями обрабатывающей промышленности, выпускающими оружие, боеприпасы, военное снаряжение. Государство выделяло дополнительные ассигнования, предоставляло льготы, дефицитное сырье, обеспечивало квалифицированной рабочей силой эти отрасли.

Пользуясь обстановкой военной конъюнктуры, «дзайбацу» решили создать такую экономическую структуру, которая могла бы им гарантировать и в дальнейшем рост экономического и политического могущества. Эта структура была призвана гарантировать усиление эксплуатации трудящихся масс своей страны и народов захваченных территорий в Азии.

Ярыми сторонниками новой экономической структуры вы-

ступили представители новых монополий (Мангё и др.), которые уже приобрели опыт эксплуатации заморских территорий и богатели на колониальном грабеже.

Осенью 1940 г. «плановое бюро» при кабинете министров, возглавляемое Наоки Хосино, опубликовало проект «новой» экономической структуры Японии, получивший название «плана Хосино».

«План Хосино» предусматривал укрепление картелей под государственным контролем, назначение правительством руководителей реорганизуемых картелей и создание «высшего экономического совета»⁶⁰. Но этот проект подвергся критике со стороны определенных кругов «дзайбацу». Они опасались усиления вмешательства военного и военно-морского министерств в дела военно-промышленных концернов. С целью дискредитации «плана Хосино» эти круги объявили, что проект носит будто бы «коммунистический характер» и влечет за собой «отделение собственности от управления»⁶¹.

Хосино вскоре был смещен с должности председателя «планового бюро», и на эту должность был назначен генерал Тэйити Судзуки.

24 ноября 1940 г. руководящий орган «дзайбацу» — Японская экономическая федерация опубликовала свой вариант «новой экономической структуры», предложенный советом директоров федерации под председательством барона Сэйносукэ Го⁶².

7 декабря представители девяти крупнейших организаций японских монополий обратились к правительству Коноэ с предложением создать по их схеме «новую экономическую структуру». В тот же день на чрезвычайном заседании кабинета министров схема «новой экономической структуры» и план деятельности ее органов, предложенный «дзайбацу», были одобрены. 29 августа 1941 г. после тщательной разработки и обсуждения структуры экономических органов по новой схеме был издан императорский указ № 831 «Об ассоциациях в основных отраслях промышленности» («Дзюё сангё дантайрэй»).

Согласно закону «Об ассоциациях» в ряде отраслей промышленности, а также в области торговли и финансов создавались «ассоциации контроля» («тосэйкай»). Представляя собой смешанные органы правительства и монополий, они контролировали размещение военных заказов, выпуск промышленной продукции, распределение сырья и рабочей силы, а также и отпуск финансовых средств для капиталовложений в военные отрасли промышленности.

Председателями «контрольных ассоциаций» назначались директора крупнейших компаний отраслей промышленности и торговых фирм. Наделенные полномочиями представителей государства, они могли действовать бесконтрольно, набивать

свои карманы за счет казны и заодно душить конкурентов, поглощать средние и мелкие предприятия и компании.

Только за 1940 г. крупными компаниями было поглощено 212 средних и мелких предприятий общим капиталом 2 300 млн. иен⁶³. Но этого им было мало.

Правящие круги Японии стремились с помощью «новой структуры» установить свой контроль над экономикой «сферы процветания великой Восточной Азии». В постановлении правительства от 7 декабря 1940 г. было записано, что контроль органов «новой экономической структуры» распространяется и на «сферу процветания великой Восточной Азии», охватывающую Японию, Маньчжурию и Китай⁶⁴, советский Дальний Восток и Сибирь. В этом документе впервые открыто заявлялось, что создание «сферы взаимного процветания» предусматривает захват Сибири и советского Дальнего Востока⁶⁵. Кроме «контрольных ассоциаций», которые охватывали основные отрасли промышленности и торговли в масштабе всей страны, в качестве районных и местных организаций были созданы «контрольные союзы» («тосэй кумиай»). Эти союзы объединяли крупные предприятия однородных отраслей, а также несколько десятков тысяч мелких и средних промышленных и торговых фирм⁶⁶.

Процессы концентрации производства и централизации управления промышленностью и торговлей еще не означают милитаризацию экономики. В Японии же эти процессы в 1939—1941 гг. носили явно милитаристский характер.

Во-первых, мероприятия по концентрации промышленности и централизации управления, организации государственно-монополистического контроля над экономикой проводились в период, когда Япония уже вела войну в Китае и на основе решения правящих кругов страны принимала участие в переделе мира вооруженной силой под лозунгом «Все для войны». Во-вторых, создание «новой экономической структуры», означавшее рост государственно-монополистического капитала, шло параллельно с повышением влияния военщины на экономику страны, особенно с осени 1941 г., в связи с созданием кабинета генерала Тодзио. В-третьих, «новая экономическая структура» вводилась с расчетом на колонизацию оккупированных территорий и тех стран, которые японские правящие круги планировали захватить. В-четвертых, она предусматривала преимущественное развитие военных отраслей производства и использование «мирных» отраслей промышленности для нужд войны.

Общее представление о процессе милитаризации экономики Японии дают военные расходы Японии в 1939—1941 гг. Если в 1938—1939 гг. они составляли (в текущих ценах) 6,8 млрд. иен (все расходы бюджета—8 млрд. иен), то в 1940—1941 гг.—9 млрд. иен (расходы бюджета—11 млрд.

иен), а в 1941—1942 гг.— уже 17 млрд. иен (все расходы бюджета составили 19,2 млрд. иен)⁶⁷.

Увеличение военных расходов обусловило быстрый рост военной продукции, достигшей в 1941 г. стоимости более 5 млрд. иен (в 1937—1938 гг. было выпущено военной продукции на 1,9 млрд. иен)⁶⁸.

Развивавшиеся металлургия и машиностроение все в большей степени использовались для военного производства.

Выплавка чугуна с 1939 по 1941 г. увеличилась с 3,2 млн. до 4,3 млн. т⁶⁹, стали — с 6,7 млн. до 6,8 млн. т⁷⁰, алюминия — с 23 млн. до 56,1 млн. т⁷¹. На военные нужды использовалась все большая часть выплавлявшегося в стране металла. К концу 1941 г. вооруженные силы потребляли 49% выплавленной стали по сравнению с 27% в конце 1939 г.⁷².

Быстро развивались самолетостроение, автомобилестроение и судостроение. В 1938 г. было выпущено всех типов самолетов 2782, в 1941 г.— 6174, производство автомобилей в 1939—1941 гг. увеличилось с 41 308 до 47 901⁷³, военных судов — с 63 510 до 200 860 т⁷⁴.

В то же время отрасли машиностроения, выпускавшие продукцию для гражданского потребления, сократили производство. Текстильное машиностроение, например, в 1939 г. произвело в текущих ценах прядильных машин на 9,4 млн. иен и ткацких машин на 3,2 млн. иен, а в 1941 г.— соответственно на 6,2 млн. и на 2 млн. иен⁷⁵.

Для нужд войны все в большей степени использовалась экономика Кореи и оккупированной территории Китая, особенно Маньчжурии. В 1941 г. Корея, Маньчжурия и оккупированная часть Северного Китая дали около 80% всей железной руды, потреблявшейся японской металлургической промышленностью, свыше 6 млн. т коксующегося угля, а также большую часть необходимых Японии свинца, цинка, хрома, молибдена и вольфрама⁷⁶.

Милитаризация экономики означала рост прибылей и дивидендов для капиталистов. С 1937 по 1941 г. прибыли и дивиденды всех японских предпринимательских компаний увеличились соответственно с 2,1 млрд. до 4,8 млрд. иен и с 1,2 млрд. до 1,8 млрд. иен⁷⁷.

Больше всего наживались на военных заказах «дзайбацу», имевшие своих ставленников в правительстве Японии и тесно связанные с военщиной⁷⁸. Например, сумма дивидендов и бонусов, выплаченных головной компании «Мицуи» — «Мицуи-хонся», увеличилась с 25 млн. иен в 1937 г. до 54 млн. в 1942 г.⁷⁹.

Милитаризация экономики, приносящая японским монополиям гигантские прибыли, проводилась за счет усиления эксплуатации трудящихся масс.

С июля 1939 г. в соответствии со специальным законом

в Японии началась мобилизация рабочих на военное производство, где они находились на казарменном положении.

В марте 1941 г. был принят закон «О рабочей книжке», согласно которому рабочие закреплялись за предприятиями и не имели право уйти без рабочих книжек, хранившихся в конторах предпринимателей. Капиталисты с целью усиления эксплуатации трудящихся увеличивали продолжительность рабочего дня. Если в конце 1939 г. средняя продолжительность рабочего дня, по официальным данным, составляла 10 часов 13 минут⁸⁰, то в 1941 г. она достигла 12 часов⁸¹.

В 1940—1941 гг. правительство Японии ввело карточную систему на сахар, уголь, спички, бензин, муку и другие продовольственные и промышленные товары, а с апреля 1941 г. — на рис.

Индекс реальной заработной платы в 1941 г. составлял 84% уровня 1937 г.⁸².

Милитаризация экономики страны привела к снижению жизненного уровня крестьян, особенно с 1940 г., когда власти стали принуждать их продавать государству по твердым ценам рис, ячмень и другие продукты.

В связи с затянувшейся войной в Китае, а также форсированием подготовки операций на Тихом океане оккупированные территории Маньчжурии, Северного и Центрального Китая, Индокитая и колонии Японии — Корея и Тайвань — подвергались нещадному ограблению. Согласно приказу из Токио огромная армия захватчиков на этих территориях должна была перейти на самоснабжение за счет местных ресурсов. Мало того, командующие экспедиционными армиями обязаны были отправлять на острова собственно Японии значительное количество сырья и продовольствия, особенно риса. Например, не менее 1/4 потребного риса ввозилось из Кореи и с Тайваня⁸³. Таким образом, экономика Японии в 1939—1941 гг. была поставлена на службу войны и агрессии. Политику милитаризации экономики осуществляли монополии и государство, опираясь на армию и полицию. Народ страны был терроризирован и одурманен шовинистической, ультра националистической пропагандой.

д) Установление военно-фашистской диктатуры

Внутриполитическая жизнь Японии в 1939—1941 гг. характеризовалась крайним разгулом реакции, террористическим подавлением всякой попытки народа выступить против войны и агрессии. В стране утвердился режим фашизма японского типа, идейной основой которого была расово-религиозная теория о превосходстве японцев и о божественном происхождении их императора — потомка богини солнца — Аматэрасу⁸⁴.

Имя императора было превращено в знамя фашистской системы не только в связи с существованием расово-религиозной теории о его божественности.

Во-первых, императорская семья владела акциями 29 японских банков и компаний. Капитал императора в золотых и серебряных слитках и ценных бумагах определялся в 1,6 млрд. иен⁸⁵.

Императорский двор был тесно связан с «дзайбацу», которые рассматривали императора в качестве гаранта сохранения и приумножения своих богатств.

Во-вторых, император являлся богатейшим в Японии помещиком, владевшим земельными угодьями площадью 1,5 млн. га, и поэтому был кровно заинтересован в сохранении помещичьего землевладения, в дальнейшем закабалении крестьян.

В 1940—1941 гг. происходил процесс «самороспуска» политических партий и профсоюзов, формирования взамен их органов «Ассоциации помощи трону» и «обществ служения отечеству через производство».

Разработка устава движения помощи трону была поручена одному из руководителей «группы контроля» — генералу Муто. 27 октября 1940 г. правительство Коноэ утвердило устав, согласно которому руководящим органом «движения» являлась «Ассоциация помощи трону» (далее — АПТ) («Тайсэй ёкусанкай»). Во главе «Ассоциации» был поставлен премьер-министр, руководящие посты в аппарате занимали военные; они же назначались на руководящие посты в штабах «движения».

При центральном штабе АПТ функционировал Центральный совет сотрудничества (Тюо кёрекукай). Советы создавались также при префектуральных, уездных, городских и поселковых отделах АПТ.

Из 212 членов Центрального совета сотрудничества более 50 человек являлись представителями «дзайбацу». Представителем концерна «Мицуи» был Р. Исида, «Мицубиси» — К. Гокко, «Сумитомо» — Т. Фурита и т. д.⁸⁶. Более 30 членов совета являлись генералами, адмиралами и главарями милитаристско-фашистских организаций⁸⁷. Председателем Центрального совета сотрудничества был назначен реакционный адмирал Нобумаса Суэцугу, который в 1937 г., будучи министром внутренних дел, руководил расправой над демократическими организациями Японии.

Следовательно, на базе организации АПТ создавался союз реакционных кругов «дзайбацу», высшего чиновничества и военщины, олицетворявший монархо-фашистский режим периода войны. Этот режим организовал систему круговой слежки и тайных доносов, используя специально созданные в деревнях и городах «соседские общины» («римпохан» или

«тонаригуми»). Такая система была известна в Японии и ранее, особенно после начала интервенции в Китае в 1937 г. Однако после создания АПТ она была усовершенствована. Количество семей в общинах было сокращено с 10—20 до 10—12⁸⁸.

Отделы АПТ руководили «соседскими общинами» через «ассоциации улиц» («тёнайкай») или «ассоциации поселков» («бураккай»), объединявшие каждая по 30—40 соседских общин.

В конце декабря 1940 г. в стране насчитывалось 206 тыс. уличных и поселковых «ассоциаций» и 1 333 732 «соседские общины»⁸⁹. Вначале «соседские общины» ведали распределением продовольственных карточек, талонов на топливо и удобрения, подпиской на военные займы, сбором металлолома⁹⁰. В дальнейшем на них стали возлагаться все новые и новые обязанности, связанные с милитаризацией страны.

23 ноября 1940 г. кабинетом Коноэ был принят закон «Об учреждении Ассоциации служения отечеству через производство» («Дай ниппон сангё хококукай»). Во главе этой «Ассоциации» был поставлен министр благосостояния Канэмити, а в состав руководства ею включены директора крупных концернов⁹¹.

В 1941 г. закончилось формирование префектуральных филиалов ассоциации, возглавляемых губернаторами префектур или префектами полиции⁹².

Перед ассоциацией была поставлена задача вовлечь в нее всех рабочих и служащих, чтобы таким образом облегчить политический контроль за ними. «Членскую массу каждой ячейки Ассоциации служения отечеству через производство, — свидетельствует „Ориентал экономист“, — составляли все занятые на данном предприятии, шахте или в мастерской, начиная с директора-распорядителя и до самого младшего рабочего, причем директор-распорядитель во всех случаях являлся председателем ассоциации»⁹³.

К концу 1940 г. было создано более 46 тыс. обществ ассоциации с числом рабочих более 4,5 млн. человек⁹⁴, в 1941 г. количество загнанных в ассоциации рабочих превысило 5 млн.⁹⁵.

Руководители «Ассоциации» пропагандировали среди рабочих идеи «единства труда и капитала», общенациональной борьбы за создание «нового порядка в великой Восточной Азии» и мобилизации их на служение войне через производство.

К концу 1941 г. писатели, художники и журналисты были вынуждены вступить в общества служения отечеству, где они получали инструкции, что им надлежало писать, рисовать или исполнять в интересах достижения «национальных идеалов»⁹⁶.

В январе 1941 г. был принят закон «Об ограничении газетных публикаций», а в мае 1941 г. учреждена Японская газетная лига. Закон и созданная организация журналистов имели задачу «постоянно приводить в соответствие с правительственным режимом мобилизацию сил единой и сплоченной прессы». На посты советников и членов правления лиги, осуществлявшей контроль над всей прессой Японии, были поставлены представители управления информации и министерства внутренних дел⁹⁷.

Правительство Японии ввело строгую цензуру над печатью и радио. Были приняты законы, карающие всех, кто заподозрен в разглашении военной и государственной тайны. Болезнь шпиономании распространилась на все слои общества.

7 марта 1941 г. на сессии парламента был принят закон «Об обеспечении национальной обороны» («Кокубо хоанпо»), в соответствии с которым лица, «наносящие вред общественному спокойствию и порядку», карались каторжными работами⁹⁸.

8 марта парламент пересмотрел и принял в новой редакции закон «Об охране общественного спокойствия» («Дзианнидзихо»), предусматривавший более жестокие, чем прежде, наказания за антивоенные выступления.

Пропагандистская кампания, поднятая вокруг вводимых полицейских законов, была направлена на то, чтобы представить их как проявление заботы императора и его окружения о благе японской нации. Пропагандисты стремились внушить трудящимся мысль, что «новая система» ликвидирует социальную несправедливость, улучшит их жизнь. Доктрины синтоизма, утверждавшие божественность императора, стали играть в пропаганде значительно большую роль, чем прежде⁹⁹.

Активную поддержку пропаганде правящих кругов оказали правые лидеры социал-демократии. В своих выступлениях они расхваливали «новую систему» и призывали рабочих поддерживать ее. Один из членов руководства японской социал-демократии, И. Абэ, выступая в декабре 1940 г. перед рабочими, заявил, что «новая структура» несет трудящимся «ликвидацию безработицы и проституции»¹⁰⁰. Руководство Ассоциации помощи трону, используя печать, радио и активистов «соседских общин», развернуло кампанию за режим экономии. Рекомендовалось не носить дорогих вещей, колец, серег, воздерживаться от каких-либо вечеринок в праздничные дни и т. д. Появились «научные» книги и статьи о пользе голодания¹⁰¹. Всей системой административных и пропагандистских мер правящим кругам Японии удалось вызвать у значительной части населения, особенно у молодежи, «патриотические», воинственные настроения. Мобилизация, объявленная указом императора от 12 сентября 1941 г., проходила в обстановке военного психоза. Новобранцам устраивали тор-

жественные проводы в армию, в городах и селах организовывали митинги и демонстрации в поддержку мер правительства по подготовке к войне.

Пропаганда Японии на страны Восточной Азии и Южных морей имела задачу дезориентировать население, убедить азиатские народы в том, что Япония несет им освобождение от «белых» колонизаторов, создать в странах Юго-Восточной Азии относительно благоприятную обстановку для действий японских войск.

е) Вооруженные силы

В 1939—1941 гг. численность вооруженных сил Японии была увеличена. Армия, флот и авиация оснащены современным оружием и боевой техникой, совершенствовалась их боевая и идеологическая подготовка. На военную службу были призваны новые контингенты мужчин в возрасте от 20 до 40 лет¹⁰².

В конце 1939 г. армия и флот Японии имели в своем составе около 1400 тыс. человек (из них флот — около 170 тыс.). После скрытой мобилизации 300 тыс. резервистов¹⁰³, проведенной в 1941 г., численность японских вооруженных сил на 1 октября 1941 г. увеличилась до 1694 тыс. человек¹⁰⁴ (из них флот — до 200 тыс.). Осенью 1941 г. согласно указу императора от 12 сентября 1941 г. было призвано в вооруженные силы 717 тыс. человек, из которых 100 тыс. — во флот.

Количество пехотных дивизий с конца 1939 по декабрь 1941 г. увеличилось с 41 до 51. Кроме того, было сформировано несколько бригад, танковых и артиллерийских полков¹⁰⁵.

Вооруженные силы Японии располагали в 1941 г. пятью авиационными армиями сухопутных войск, насчитывавшими около 2 тыс. самолетов, и авиацией флота численностью свыше 3 тыс. самолетов, более 500 из которых базировались на авианосцах¹⁰⁶. Милитаризация страны в 1939—1941 гг. позволила японскому командованию за счет постройки, модернизации и ремонта ввести в строй 5 линкоров, 5 авианосцев, 29 крейсеров, 27 эскадренных миноносцев и ряд других судов. В декабре 1941 г. японский военно-морской флот насчитывал 10 линкоров, 10 авианосцев, 38 крейсеров, 112 эскадренных миноносцев, 65 подводных лодок¹⁰⁷.

Главкомандующим всеми вооруженными силами считался император, осуществлявший руководство через императорскую ставку, в которой были представлены чины армии и флота¹⁰⁸.

Сухопутные войска возглавляли военный министр и начальник генерального штаба армии, флот — морской министр и начальник морского генерального штаба¹⁰⁹.

При главнокомандующем имелись три совещательных органа: Совет маршалов и адмиралов, Высший военный совет и Совет национальных ресурсов. Совет маршалов и адмиралов состоял из 9—14 членов, собирался эпизодически; Высший военный совет включал в себя всех членов Совета маршалов и адмиралов, кроме того, военного и морского министров и начальников генеральных штабов и двух членов по специальному назначению императора; в Совет национальных ресурсов входили: премьер-министр (председатель), министры иностранных дел, финансов, военный, морской, начальники генеральных штабов¹¹⁰.

Сухопутные войска состояли из групп армий (2—3 общевойсковые армии), из отдельных армий (2—4 дивизии, отдельные и смешанные бригады), а также частей усиления.

Квантунская армия, имевшая 13 пехотных дивизий и 24 отдельные бригады с частями усиления и насчитывавшая более 1 млн. человек и 560 самолетов, была сосредоточена в Маньчжурии в готовности к нападению на советский Дальний Восток.

В Китае 21 японская дивизия, 20 отдельных бригад и 150 самолетов имели задачу разгромить 8-ю народно-освободительную армию и развить наступление на южные китайские провинции¹¹¹.

В Японии оставалось 4 дивизии, 11 отдельных бригад и около 700 боевых самолетов. В портах метрополии находилось 6 линейных кораблей, 2 крейсера, 36 эскадренных эсминцев и 12 подводных лодок¹¹².

Для овладения Малайей, Филиппинами, Голландской Индией и Бирмой были выделены четыре армии численностью 222—232 тыс. человек и 610 самолетов¹¹³, а также военно-морские силы: 4 линейных корабля, 10 авианосцев с 575 самолетами, 35 крейсеров, 74 эскадренных миноносца и 51 подводная лодка¹¹⁴.

Таким образом, в конце 1941 г. высшее японское командование располагало мощными сухопутными и военно-морскими силами, оснащенными в основном современным оружием и боевой техникой. В 1939—1941 гг. командование вооруженных сил Японии в обучении личного состава армии и флота большое внимание уделяло ведению боевых действий в сложных условиях Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, стран Южных морей и акватории Тихого океана с учетом опыта войны в Китае, боев у оз. Хасан и р. Халхин-Гол, а также боевых действий начавшейся в Европе и Атлантике второй мировой войны.

С 1939 г. командование сухопутных войск приступило к обучению частей и соединений согласно полевому уставу, принятому в конце 1938 г. взамен уставов «Полевая служба войск» (1924 г.) и «Принципы боя» (1929 г.).

Особое значение командование японской армии придавало наступлению. «Главная задача наступления,— определял полевой устав 1938 г.,— окружить и уничтожить противника на поле боя»¹¹⁵.

В отработке вопросов организации обороны много внимания уделялось противотанковой обороне¹¹⁶.

Части сухопутных войск обучались ведению боевых действий в сложных условиях: ночью, в горах, в лесу, в населенных пунктах, на равнинно-пустынной местности, в зимних условиях, в гаоляновых полях¹¹⁷.

Около трети времени обучения частей армии отводилось на отработку боевых действий в ночных условиях. К обучению привлекались все роды войск. Серьезное внимание обращалось на обучение взаимодействию пехоты, танков и артиллерии¹¹⁸.

Боевая подготовка военно-морского флота проводилась с учетом морской войны Германии против Англии и Франции в Атлантическом океане в 1939—1941 гг.

В 1939—1941 гг. отработывались боевые действия японского флота против советского Тихоокеанского флота в Японском море, против флота США — в районе Филиппинских островов и о-ва Гуам. Проводились также маневры с целью отработки вопросов обеспечения морских коммуникаций между Японскими островами и китайским побережьем¹¹⁹.

В 1941 г. были организованы секретные учебно-экспериментальные учения 1-го воздушного флота, состоявшего из шести авианосцев.

Изучались способы вывода из строя американского Тихоокеанского флота, базировавшегося в Пирл-Харборе¹²⁰.

К декабрю 1941 г. сухопутные войска и военно-морской флот Японии были подготовлены (в оперативно-тактическом отношении) к ведению боевых действий на севере против СССР, в Юго-Восточной Азии, странах Южных морей и акватории Тихого океана — против США, Англии и Голландии.

Правящие круги Японии уделяли большое внимание идеологической обработке вооруженных сил.

Идеологическая обработка военнослужащих представляла собой совокупность мероприятий правящих кругов, командования, реакционных организаций, специального пропагандистского аппарата, направленных на воспитание личного состава в духе синтоизма, шовинизма и милитаризма, ненависти к коммунизму¹²¹ с целью защиты эксплуататорского строя в стране, подавления рабочего и демократического движения, захвата чужих территорий.

Традиционную основу воспитания составляли императорские рескрипты, особенно «Рескрипт об образовании», изданный императором Мэйдзи 30 октября 1890 г. В соответствии с этим и другими рескриптами солдатам прежде всего приви-

вались чувства безграничной верности и преданности императору и беспрекословного подчинения старшим. Смерть за императора преподносилась как проявление высшего патриотизма¹²².

Среди солдат и матросов японских вооруженных сил насаждалась военно-кастовая, военно-профессиональная «этика», выраженная в самурайских традициях «бусидо».

Паназиатизм являлся одной из главных форм шовинистической пропаганды. В армии и на флоте пропагандировалась «великая миссия» Японии на Востоке по освобождению цветных народов от гнета белых, по установлению там «вечного мира»¹²³ и т. д.

Вся пропаганда, проводимая в армии, как правило, окрашивалась в религиозные тона. Догмат о божественном происхождении Японии и ее императора, догматы, культивировавшие почитание предков, догматы об «обожествлении» героев и некоторые другие являлись обязательными.

Ответственность за «моральное воспитание» военнослужащих возлагалась на командиров всех степеней¹²⁴. В одном из руководящих указаний об организации «духовного воспитания» в армии говорилось: «Духовное воспитание является мозгом обучения, и об этом командир не должен забывать даже во сне»¹²⁵.

В частях, на кораблях, в соединениях и объединениях вооруженных сил при командирах в качестве совещательных органов были организованы комиссии по моральной подготовке. В состав этих комиссий входили соответственно: начальники штабов, по одному офицеру из нижестоящих подразделений, частей и соединений, офицеры штабов и жандармские офицеры.

В частях, соединениях и объединениях появились постоянные служители религиозных культов и агитотделы для проведения милитаристской пропаганды среди населения.

Основной формой идеологической обработки являлись уроки по «моральному воспитанию» («сэйсин кёйку»). Они строились в соответствии с программой, включавшей такие разделы, как монархическая сущность японского государства, его внешняя и внутренняя политика, внутренний строй армии и «обязанности солдата», история Японии в той ее части, которая связана главным образом с военными победами японской армии.

Кроме уроков по «моральному воспитанию» практиковались ежедневные получасовые наставления командира подразделения. В частях и на кораблях проводились также лекции, доклады, выставки, демонстрировались фильмы. Для идеологической обработки военнослужащих активно использовались «учебные комнаты» подразделений, солдатские клубы и храмы.

В методике пропаганды в императорской армии и на флоте требовался индивидуальный подход к солдату, тщательный отбор аргументов. С этой целью командиры обязаны были изучать индивидуальные качества солдат, выяснять их взгляды, настроения, влияния со стороны и т. д.¹²⁶. Командиры устанавливали письменные связи с семьей солдата, по настоянию офицеров родители нередко присылали своим сыновьям письма с реакционно-«патриотическими» наставлениями, советами, наказами, а иногда и угрозами лишения наследства, прав и т. д.

Система идеологической обработки в японских вооруженных силах обеспечила моральную подготовку личного состава армии и флота к ведению войны, сделала его послушным орудием в руках правящих кругов и командования Японии.

2. ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И ДАЛЬНЕЙШАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЯПОНИИ

а) Военно-стратегическое положение и процесс милитаризации страны (1941—1943 гг.)

7 декабря 1941 г. утром японская авиация и военно-морской флот совершили внезапное нападение на ключевую военно-морскую базу США на Тихом Океане Пирл-Харбор. Одновременно были нанесены бомбовые удары по американским военным объектам на Филиппинах и английским базам в Малайе. Вторая мировая война, таким образом, охватила новый обширный район. Развернулась борьба между Японией, с одной стороны, США и Англией — с другой, за колониальные позиции в Азии¹²⁷.

Война на Тихом океане началась в условиях, когда шло ожесточенное сражение в Европе. Советский Союз фактически один на один боролся против вооруженных полчищ германского фашизма. Правительство Японии — союзник фашистской Германии — имело план: быстро разгромить американский флот на Тихом океане, в короткие сроки победоносно закончить здесь войну, чтобы затем всю свою мощь обратить против Советского Союза. Нападение Японии на США и Великобританию не означало, что межимпериалистические противоречия оказались более сильными, чем классовые. Правящие круги Японии, следуя примеру Германии, решили вначале осуществить молниеносный захват Юго-Восточной Азии и стран Южных морей, богатых сырьем, укрепить свои стратегические позиции и военный потенциал, а затем напасть на

СССР. «Скажите (правительству Германии.— *Прим. авт.*),— говорилось в инструкции японского министерства иностранных дел послу Японии в Берлине генералу Осима,— что, *двигаясь сейчас на юг, мы вовсе не имеем в виду ослабления нашего давления на Советский Союз* и что, если Россия завяжет более близкие отношения с Англией и США и будет нам сопротивляться, применяя враждебные действия, мы готовы повернуться против нее всей своей мощью. Однако *в настоящий момент нам выгоднее двигаться на юг, и на некоторое время мы предпочли бы воздержаться от прямого движения на север*»¹²⁸ (курсив наш).

Американское и английское правительства и командование их вооруженными силами рассчитывали, что Япония нападет прежде всего на СССР. Так, начальник штаба ВМС США адмирал Г. Старк в директиве на имя командующего американским Тихоокеанским флотом адмирала Х. Киммеля, направленной 16 октября 1941 г., указывал: «В любом случае наиболее возможна война между Японией и Россией»¹²⁹.

Английское правительство также считало, что Япония в ближайшее время совершит нападение на Советский Союз. 17 октября 1941 г. английский посол в Вашингтоне Галифакс вручил государственному секретарю США Хэллу послание, в котором, в частности, английское правительство спрашивало, что «предпримут Соединенные Штаты в случае нападения Японии на Россию»¹³⁰.

Как американское, так и английское правительства считали маловероятным вступление Японии в войну на Тихом океане, полагая, что этому препятствует затянувшаяся война в Китае, где действуют крупные силы японской армии.

После внезапного удара и вывода из строя значительной части флота США на базе Пирл-Харбор японские вооруженные силы в течение декабря 1941 — мая 1942 г. успешно наступали и захватили обширные территории стран Южных морей, важных в военно-стратегическом и экономическом отношении, площадью 4242 тыс. кв. км с населением 204 млн. человек¹³¹.

Одержанные японскими вооруженными силами победы на Тихом океане над столь крупной империалистической державой, как США, содействовали росту националистических настроений в Японии, укрепляли веру в «непобедимость императорских армий и флота». Этот подъем шовинизма способствовал дальнейшей мобилизации сил и средств народа «во имя победы».

В 1942 г. правящие круги Японии уделяли большое внимание укреплению оккупационного режима и выработке принципов грабительской колониальной политики на захваченных у США, Англии и Нидерландов территориях в Азии. Японские военные власти отменяли здесь прежнюю систему управ-

ления и создавали новую, руководствуясь «Планом управления территориями, входящими в сферу сопроцветания великой Восточной Азии», разработанным военным министерством и министерством колоний в декабре 1941 г.¹³².

Главный смысл колониальной политики состоял в том, чтобы создать видимость национальной самостоятельности и азиатской солидарности местной буржуазии и помещиков с японскими военными властями.

Например, 7 марта 1942 г., после захвата Индонезии, японские военные власти издали приказ о ликвидации голландских органов управления и создании вместо них департаментов (внутренних дел, финансов, юстиции, общественных работ, экономики, пропаганды и др.), руководство которыми фактически стали осуществлять японские военные. Все прежние общественно-политические организации Индонезии были запрещены¹³³. Из оккупированных Японией стран стали немедленно вывозиться в значительных количествах железная руда, нефть, бокситы, уголь и другие виды сырья, необходимого для японской промышленности.

Особое внимание японское правительство уделяло созданию в Маньчжурии военно-промышленной базы и плацдарма для войны против СССР. Зимой 1942 г. были уточнены планы колонизации советских территорий. Разработанная японским институтом тотальной войны программа колонизации предусматривала введение военной администрации, принудительное использование советских людей на шахтах и рудниках для добычи сырья, необходимого японской военной промышленности, переселение в Сибирь японских колонистов¹³⁴. Весной 1942 г. по указанию премьер-министра Японии генерала Тодзио и генерала Умэдзу в район южных морей выехала группа офицеров во главе с генерал-майором Сумихиса Икэда¹³⁵ для изучения и обобщения опыта колонизации оккупированных японскими войсками территорий и возможности использования этого опыта на территории советского Дальнего Востока и Сибири. Однако героическая борьба Советской Армии и всего советского народа против немецко-фашистских захватчиков сорвала осуществление планов нападения японской военщины на СССР и колонизации его территории.

Под влиянием побед Советской Армии над немецко-фашистскими войсками зимой 1942/43 г. военно-стратегическое положение Японии стало ухудшаться. Как справедливо отмечают японские прогрессивные авторы «Истории войны на Тихом океане», победы Советских Вооруженных Сил в Европе «явились тяжелым ударом не только для Германии, но и для Японии и Италии»¹³⁶. Поражение гитлеровского вермахта в январе—марте 1943 г. под Сталинградом, на Кавказе, в Донбассе, прорыв блокады Ленинграда вызвали тревогу у японского правительства¹³⁷. В марте 1943 г. была направлена

в Берлин миссия во главе с генералом Кёфуку Окамото для выяснения обстановки и возможностей Германии продолжать войну¹³⁸.

После разгрома немецко-фашистских войск в битве под Курском (5 июля — 23 августа 1943 г.) Советская Армия перешла в наступление на фронте протяженностью 1500 км, ведя ожесточенные бои против основных сил фашистской Германии¹³⁹. Это содействовало наступлению союзных войск в Италии. Под ударами американско-английских войск и отрядов итальянского движения Сопротивления в сентябре 1943 г. Италия капитулировала, а в октябре объявила войну Германии.

В связи с тяжелыми поражениями фашистских агрессоров в Европе неблагоприятно для Японии складывалась военно-стратегическая обстановка и на Тихом океане. Осенью 1943 г. американские войска захватили острова Соломоновы, Гильберта, начали боевые действия по овладению архипелагом Новая Британия.

Победы Советской Армии над немецко-фашистскими войсками в 1943 г. явились важным стимулом роста национально-освободительного движения в Восточной Азии и странах Южных морей. На Филиппинах, например, антияпонская Народная армия Хукбалахап к концу 1943 г. освободила ряд районов о-ва Лусон; в Малайе активизировала боевые действия малайская народная антияпонская армия, образовавшаяся из партизанских соединений и отрядов. Вели боевые действия против японских захватчиков 8-я и Новая 4-я народно-освободительные армии Китая. В течение 1943 г. освободительные армии и партизанские отряды нанесли захватчикам значительный урон¹⁴⁰. Вооруженная борьба народов оккупированных территорий против японских захватчиков усиливалась и принимала все более организованный характер.

Японское правительство напрягало силы для дальнейшей милитаризации экономики: была проведена дополнительная мобилизация рабочей силы для военных отраслей промышленности, усилен грабеж природных ресурсов оккупированных территорий.

Однако добиться значительного роста продукции металлургической промышленности правящим кругам Японии не удалось. Более того, в 1942—1943 гг. выплавка чугуна в Японии стала падать, что не могло не повлиять на производство вооружения.

Основной причиной падения выплавки чугуна в 1943 г., стали и производства алюминия в 1944 г. являлась нехватка сырья. Уменьшился его ввоз из стран Юго-Восточной Азии и Южных морей из-за больших потерь японского торгового флота¹⁴¹ и нараставшего сопротивления народов колоний, уничтожения патриотами наличных запасов стратегического сырья¹⁴².

Снабжение металлоломом японской военной промышлен-

ности происходило главным образом за счет сокращения его потребления другими отраслями экономики, а также за счет принятия чрезвычайных мер по его сбору в Японии и на оккупированных территориях.

Если в 1941 г. в военное производство направлялось 56% всей потребляемой в стране стали, то в 1942 г.— 61%, а в 1943 г.— уже 70%¹⁴³. После принятия закона о мобилизации внутренних ресурсов металла в городах Японии были сняты бронзовые и чугунные памятники, фонарные столбы, почтовые ящики, изымались металлические части веретен, на переплавку были пущены устаревшие станки и машины¹⁴⁴.

Экономика Японии не смогла обеспечить быстро растущие потребности вооруженных сил в оружии и боевой технике. В то же время военная промышленность главного противника — США — расширялась и увеличивала выпуск военной техники. В 1943 г. в Японии было произведено 16 693 самолета, а в США — 85 898¹⁴⁵, производство танков и других боевых машин в Японии — 2 780 единиц, а в США только танков — 29 497¹⁴⁶. На японских верфях в 1943 г. были построены военные суда общим водоизмещением 256 тыс. т¹⁴⁷ и торговые суда — 1067,1 тыс. т¹⁴⁸. В США в этот период были построены торговые суда общим водоизмещением 19,3 млн. т¹⁴⁹.

Успешное наступление советских войск после победы в Курской битве, выход Италии из фашистской коалиции являлись для Японии грозными признаками приближающейся катастрофы. Тем не менее правящие круги Японии прилагали все усилия для продолжения войны, они все еще надеялись на перелом в войне в Европе в пользу Германии и сохраняли союз с ней.

Японское правительство уверяло свой народ в том, что азиатские народы сплачиваются под руководством Японии для борьбы против «белых» колонизаторов. Велась усиленная пропаганда блока восточноазиатских государств под лозунгом «Вместе жить, вместе процветать либо вместе погибнуть». Об этом говорил и премьер-министр Тодзио в речи на 82-й чрезвычайной сессии парламента 16 июня 1943 г.¹⁵⁰. Командованию экспедиционных японских армий в Китае и Юго-Восточной Азии предлагалось с целью обмана народов, поднимавшихся на антияпонскую освободительную борьбу, создать видимость предоставления оккупированным странам «независимости типа „Маньчжоу-го“».

1 августа 1943 г. была провозглашена «независимость» Бирмы. Глава правительства Ба Мо под нажимом японцев объявил о вступлении Бирмы в войну на стороне Японии. Между Бирмой и Японией был подписан договор, предусматривавший сотрудничество в деле создания «сферы процветания великой Восточной Азии» и ведения боевых действий против союзных войск¹⁵¹.

26 октября 1943 г. была созвана 83-я чрезвычайная сессия японского парламента, названная «кэссэн гикай» (т. е. парламент решительного сражения). В спешном порядке было утверждено несколько законопроектов, внесенных правительством с целью «тотальной мобилизации» всех сил и ресурсов страны на ведение войны в условиях «чрезвычайно тяжелой обстановки». Законы, принятые парламентом, предусматривали дальнейшее расширение военного производства, в особенности самолетостроения и судостроения.

Решение правящих кругов Японии о продолжении войны и тотальной мобилизации означало для японского народа и населения оккупированных стран новые жертвы на фронтах и в тылу, усиление гнета, голод и лишения во имя сохранения богатств и привилегий эксплуататорских классов.

б) Дальнейшая милитаризация экономики

Дальнейшая милитаризация экономики Японии в 1942—1943 гг. осуществлялась по преимуществу за счет трудящихся масс, мелкой и средней буржуазии. «Дзайбацу», захватив влиятельные посты в «контрольных ассоциациях», использовали законы военного времени с целью укрепления своих позиций в промышленности и торговле страны для поглощения средних и мелких фирм. В отчете миссии государственного департамента США о деятельности японских монополий признавалось: «„Контрольные ассоциации“ и контрольные компании, служившие в значительной степени исполнительными органами ассоциаций, широко употреблялись в качестве орудий осуществления поглощения крупными компаниями меньших. От них зависела жизнь и смерть компаний. В результате действий ассоциаций в 1942—1943 гг. в промышленности имело место по меньшей мере 980 поглощений»¹⁵². «В 1941—1943 гг. — поглощено 1954 фирмы с совокупным капиталом 19 373 млн. иен»¹⁵³.

С 1 июля 1943 г. была проведена административная реформа, в результате которой вся Япония была разделена на девять административных округов. В округах были созданы административные советы в составе губернаторов вошедших в округ префектур, начальников местных управлений инспекции министерства вооружения (с ноября 1943 г.) и начальников местных органов других министерств. Административные советы непосредственно подчинялись правительству Японии.

Новые административные округа по своему назначению соответствовали «экономическим районам». В границах административных округов размещались новые военные заводы и фабрики, была введена относительная экономическая автономность каждого округа. Округ за счет внутренних ресурсов

обеспечивался рабочей силой, электроэнергией, сырьем, продовольствием. Административная реформа имела задачу повысить эффективность экономики Японии и уменьшить ее уязвимость от налетов авиации противника¹⁵⁴.

Осенью 1943 г. правительство провело очередную реорганизацию министерств с целью централизации управления экономикой для осуществления ее тотальной милитаризации.

1 ноября 1943 г. были ликвидированы «плановые бюро» и министерства: торговли и промышленности, земледелия и лесов, путей сообщения и связи, железных дорог. На базе этих министерств были созданы три министерства: вооружения, транспорта и связи, земледелия и торговли.

Наиболее важным актом явилось создание по настоянию «дзайбацу» министерства вооружения, которому были предоставлены чрезвычайные права управления военным производством¹⁵⁵.

Во главе министерства вооружения стал генерал Тодзио, однако фактически работой министерства руководил его заместитель Н. Киси, бывший министр торговли и промышленности, поддерживавший тесные связи с военщиной и «дзайбацу».

Главными функциями министерства вооружения были: размещение заказов среди военных компаний, установление монопольных цен на сырье и выпускаемую продукцию, введение круглосуточной работы на военных заводах, предоставление лицензий и других привилегий. Все это должно было содействовать росту военного производства и увеличению выпуска боевой техники и оружия.

В 1942—1943 гг. было достигнуто некоторое увеличение выпуска военных кораблей, самолетов и другой боевой техники, главным образом за счет оставшихся еще стратегических запасов металла и чрезвычайных мер по сбору металлолома. В этот период возрос тоннаж построенных и введенных в строй военных кораблей (по сравнению с 1940—1941 гг.). Основное внимание было обращено на строительство авианосцев и подводных лодок (выпуск подводных лодок с 1941 по 1943 г. увеличился более чем в 3,5 раза). Выпуск самолетов в 1943 г. по сравнению с 1941 г. возрос более чем в 3 раза¹⁵⁶.

Принятыми чрезвычайными мерами было оформлено объединение оккупированных государств в «сферу процветания великой Восточной Азии». В ее состав помимо Японии, Кореи, Маньчжоу-го входили Индокитай, Малайя, Филиппины и ряд островов Южных морей. В дальнейшем в «сферу» предполагалось включить восточную часть СССР до линии западнее оз. Байкал, МНР, Синьцзян, Тибет, провинцию Цинхай, Алеутские острова и Аляску¹⁵⁷.

В ноябре 1942 г. было создано министерство по делам

великой Восточной Азии, во главе которого был поставлен К. Аоки, имевший опыт колонизации Маньчжурии¹⁵⁸. После создания этого министерства монополии Японии получили гарантии от правительства и значительные субсидии на разработку и грабеж материальных ресурсов в колониях. Судоверфи Сингапура оказались во владении «Мицубиси дзюкогё». Судоверфи и склады Гонконга были разделены между концернами «Мицуи» и «Мицубиси». «Мицубиси» стал контролировать разработки фосфора в Лаокае (Индокитай), «Мицуи» завладел медными рудниками Севанто на Филиппинах и т. д.

Созданный в марте 1942 г. полуправительственный банк развития стран Южных морей открыл в этом районе 32 филиала¹⁵⁹.

Эксплуатация населения оккупированных стран производилась японскими колонизаторами не только путем обычного найма рабочей силы, но и с помощью созданных руками марионеточных властей трудовых лагерей, где мобилизованным рабочим был создан жесткий режим.

Собственность западных компаний — противников Японии реквизировалась и расхищалась японской армией или передавалась фирмам «дзайбацу»¹⁶⁰.

Эти «новые» методы колонизации, однако, не могли серьезно задержать кризис военной экономики Японии. К тому же финансирование военной промышленности все затруднялось в связи с растущей инфляцией.

Финансирование возросших военных расходов осуществлялось за счет повышения налогов на население Японии, введения принудительных военных займов, ограбления захваченных территорий, а также путем сокращения гражданских расходов в бюджетах. В 1942/43 бюджетному году налоги составляли 33% государственных доходов в бюджете (7,3 млрд. иен против 6,4 млрд. в 1941/42 г.), займы обеспечивали в 1942/43 г. 58% государственных доходов (1936/37 г. — 26%)¹⁶¹.

Еще в марте 1941 г. был принят закон об «ассоциациях национальных сбережений», установивший систему принудительных сбережений и принудительных размещений облигаций займов через «патриотические организации» и сберегательные гильдии. Кампанию за сбережение правительство проводило через «соседские общины» с установлением норм сбережений в зависимости от заработной платы¹⁶². При помощи принудительных займов, распространяемых на оккупированных территориях, Япония покрывала более 22% всех военных расходов¹⁶³.

Неуклонно повышалась доля военных расходов в бюджетах Японии. В 1941/42 г. расходная часть государственного бюджета составляла 19,2 млрд. иен, из них военные расходы — 17 млрд. (88,5%), в 1942/43 г. расходная часть бюджета

достигла 24,7 млрд. иен, а военные расходы—22,8 млрд. (92%)¹⁶⁴. 81-я парламентская сессия утвердила на 1943/44 г. «бюджет решительного наступления». Чрезвычайные военные расходы в 1943 г. составили 29,8 млрд. иен¹⁶⁵.

Львиная доля военных расходов оседала в сейфах монополистов. Прибыли всех компаний Японии в 1941—1943 гг. возросли с 4,8 млрд. до 6,3 млрд. иен, т. е. на 31%¹⁶⁶. Основная сумма прибылей приходилась на крупнейшие компании.

В отчетах крупных компаний максимальный размер прибылей равнялся 15—20%, в действительности владельцам контрольных пакетов акций военных компаний удавалось ежегодно увеличивать объявленный и оплаченный капитал компаний в полтора-два раза¹⁶⁷. Например, объявленный капитал компании тяжелой промышленности «Мицубиси» в начале войны составлял 240 млн. иен, а в 1942 г.—уже 480 млн. иен¹⁶⁸.

В 1942 г. японские рабочие из общей массы стоимости, произведенной ими в течение года, получили в качестве заработной платы всего 30,3%, а 69,7% досталось японским капиталистам в качестве прибавочной стоимости. Это означает, что норма прибавочной стоимости составляла примерно 230%¹⁶⁹. С марта 1942 г., после вступления в действие нового закона о трудовой мобилизации мужчин и женщин с 12 до 70 лет, резко увеличилось количество мобилизованных рабочих в военную промышленность. Трудовая повинность в капиталистическом государстве, о которой В. И. Ленин говорил, что она «создает для рабочих *военную каторгу* или *военное рабство*»¹⁷⁰, была введена по настоянию «дзайбацу». В 1943 г. количество рабочих, мобилизованных в военную промышленность Японии, превысило 1 млн. Мобилизованные рабочие получали мизерную плату: 1,6 иены (40 ам. центов) мужчины и 1 иену (25 центов) женщины (в день)¹⁷¹.

Продолжительность рабочего дня в 1941—1942 гг. в Японии, по официальным данным, составляла 12—13 часов¹⁷². Однако зачастую предприниматели произвольно удлиняли рабочий день до 15 часов¹⁷³. В 1943 г. 12-часовой рабочий день был отменен и продолжительность рабочего дня была оставлена на усмотрение владельцев предприятий. Законодательство об охране труда женщин и подростков было также отменено. Мальчики любого возраста работали столько же часов, сколько взрослые мужчины¹⁷⁴.

В 1942—1943 гг. все более ухудшалось продовольственное положение трудящихся масс Японии. К февралю 1942 г. система нормированного распределения риса была распространена на всю страну. Уже в 1942 г. была введена частичная замена риса в пайке пшеницей, ячменем, а в 1943 г.—картофелем. Рыбы, которая всегда занимала важное место в питании японцев, выдавалось мизерное количество¹⁷⁵.

Несмотря на все усилия японского правительства, объем

выпускаемой промышленной продукции ведущих отраслей с осени 1943 г. стал сокращаться.

Газета «Майнити» писала, что военная мощь Японии «скорее сокращается, нежели увеличивается»¹⁷⁶.

Индексы объема продукции добывающей, металлургической и машиностроительной промышленности за 1937—1944 гг. были следующими*:

Отрасль промышленности	Г о д				
	1937	1941	1942	1943	1944
Добывающая	142	171	174	186	167
Металлургическая	203	270	274	292	217
Машиностроительная . . .	242	639	703	690	659
Общий индекс	198	360	383	389	347

Примечание. 1930 — 1934 гг. = 100.

* К. Попов, Экономика Японии в годы второй мировой войны, М., 1949, стр. 494.

Хотя рост военного производства продолжался еще до сентября 1944 г., но он происходил за счет сокращения выпуска продукции другими отраслями. Некоторое сокращение выпуска продукции наблюдалось и в судостроительной, танковой и автомобильной промышленности.

В 1944 г. японское судостроение частично перешло на выпуск судов с деревянными корпусами¹⁷⁷. Производство автомобилей в 1943 г. составило 30—35 тыс. шт., а в 1944 г. снизилось до 21 тыс. шт.¹⁷⁸.

Снижение роста производства в ряде отраслей военной промышленности произошло по многим причинам, в том числе из-за недостатка сырья.

Трудящиеся Японии в труднейших условиях военно-фашистского режима продолжали борьбу с капиталистами. По официальным, в значительной степени преуменьшенным, данным, в Японии в 1942 г. произошло 166 стачек, а в 1943 г. — уже 279¹⁷⁹. Росло число прогулов и актов саботажа. Число прогулов за период с октября 1943 по сентябрь 1944 г. составило 20% всего фонда рабочего времени. В японской деревне из года в год росло число аграрных конфликтов¹⁸⁰. Спротивление крестьян политике ограбления деревни выражалось в уклонении от поставок. Трудящиеся на оккупированных территориях Китая, Юго-Восточной Азии и стран Южных морей все чаще поднимались на освободительную борьбу.

в) Мероприятия по милитаризации внутриполитической жизни страны

Характерными чертами милитаризации внутриполитической жизни Японии в этот период являлись: использование «дзайбацу» и группой генерала Тодзио побед японских вооруженных сил для укрепления своих политических позиций с целью дальнейшей милитаризации страны, обострение борьбы между различными группировками японской буржуазии за власть, за военные заказы и «право» грабить захваченные территории, усиление милитаристской пропаганды и преследования противников войны.

В конце января 1942 г., когда японские вооруженные силы захватили Гонконг, Филиппины, западную и центральную части Новой Гвинеи, Малаккский полуостров и вышли на подступы к Сингапуру, кабинет Тодзио решил, что настал благоприятный момент для создания нового парламента, более послушного воле правительства. Подготовка к новым парламентским выборам, назначенным на 30 апреля, проходила под руководством Ассоциации помощи трону, выдвинувшей подавляющее большинство кандидатов в депутаты и обеспечившей их избрание. Поскольку руководство избирательной кампанией принадлежало Ассоциации помощи трону, где хозяйничали «дзайбацу» и военщина, то новый состав парламента стал еще более милитаристским и реакционным.

Из 466 депутатов нижней палаты 381 человек (около 82%) был избран по рекомендации АПТ¹⁸¹. Но этого оказалось недостаточно для сосредоточения власти в руках узкого круга монополий и военщины, поэтому 20 мая 1942 г. была создана еще одна организация — Политическая ассоциация помощи трону (ПАПТ), во главе которой был поставлен генерал Нобуюки Абэ. В числе учредителей ПАПТ главную роль играли представители «дзайбацу» и военщины¹⁸². Руководящим органом ПАПТ был комитет из 29 человек. В него входили по 12 представителей от каждой палаты парламента и 5 членов, не являвшихся парламентариями¹⁸³.

ПАПТ, в состав которой вошло 900 представителей различных групп буржуазно-помещичьего блока, была призвана сплотить враждовавшие парламентские фракции вокруг кабинета Тодзио.

18 января 1943 г. императором был подписан эдикт «Об особых правах и полномочиях правительства в военное время», дававший в руки кабинета министров и его премьер-министра диктаторские полномочия¹⁸⁴.

Ведущим военным монополиям были в то же время фактически предоставлены права осуществлять контроль над деятельностью кабинета министров. В марте 1943 г. были назначены полномочные представители «дзайбацу» в прави-

тельстве (семь советников кабинета в рангах министров). Наделя военщину чрезвычайной властью, «дзайбацу» в любом случае оставались хозяевами положения.

В японской и американской исторической литературе широко распространено мнение об узурпации власти военными и ущемлении ими монополий. Но это всего лишь попытка оправдать «дзайбацу», являвшихся главными виновниками войны. На самом деле японские монополии даже в годы фашистского режима оставались хозяевами Японии, о чем свидетельствуют многочисленные факты. На совещаниях заправил японских монополий звучал их властный голос. Так, весной 1943 г. на одном из совещаний владельцев главных японских концернов президент «Мицубиси дзюкогё», фактический руководитель концерна «Мицубиси» Гоко Киёси заявил: «Если они (члены правительства.— *Прим. автора*) не смогут выполнить того, что от них требуют, и притом как следует, то чиновники всех ведомств, начиная от премьер-министра, должны уйти в отставку. Научить их выполнению своих функций — наша задача»¹⁸⁵.

Создание ПАПТ и предоставление правительству чрезвычайных полномочий в значительной степени помогли кабинету Тодзио быстро провести через парламент законопроекты, направленные на дальнейшую милитаризацию экономики и политической жизни в стране и выгодные «дзайбацу».

81-я парламентская сессия, заседавшая с 26 декабря 1942 г. по 26 марта 1943 г., одобрила законопроекты о введении дополнительных налогов, о повышении цен на некоторые товары, утвердила на 1943/44 г. огромный «бюджет решительного наступления»¹⁸⁶.

82-я сессия парламента, проходившая 16—19 июня 1943 г., сумела в течение четырех дней утвердить в окончательном виде бюджет на 1943/44 г., одобрить законопроекты о сокращении всех перевозок, не связанных с войной, о пересмотре уголовного кодекса военного времени и др. Все законопроекты были направлены на усиление милитаризации страны и еще большее укрепление позиции группы генерала Тодзио¹⁸⁷.

83-я чрезвычайная сессия японского парламента, проходившая с 26 по 29 октября 1943 г., утвердила 14 законопроектов о «тотальной мобилизации» людских и материальных ресурсов на ведение войны и в заключение приняла пропагандистскую резолюцию «О всеобщем подъеме на борьбу милитардного населения Восточной Азии». Тем не менее законопроекты и пропагандистская резолюция, принятые на 83-й чрезвычайной сессии парламента, не могли ослабить чувства надвигающейся катастрофы. Руководящие круги страны стали понимать, что перелом в войне на Западе в пользу СССР и стран антифашистской коалиции поставил не только Германию, но и Японию в критическое положение. Престиж

военщины стал падать, критика в ее адрес — усиливаться, несмотря на свирепый полицейский режим в стране. Внутри ПАПТ обострилась борьба между отдельными группами монополий, представленными в ней¹⁸⁸.

Разногласия между монополиями и различными политическими группировками правящего лагеря касались не существа милитаризации страны, ее агрессивного курса, а лишь доли участия в управлении государством, в той или иной акции, в военных заказах.

С целью усиления политического влияния на трудящиеся массы под руководством Ассоциации помощи трону на предприятиях Японии создавались организации зубатовского типа — Общества промышленного служения отечеству (Дай ниппон сангё хококукай), численность членов которых к июню 1943 г. достигла 5,8 млн. человек¹⁸⁹.

Местные Ассоциации помощи трону развернули националистическую пропаганду, целью которой было внушение чувства ответственности *всего народа* за судьбу страны. «Соседские общины» наряду с распределением продовольствия и предметов быта стали проводить агитацию за подписку на военные займы, за бережливость и вклады в сберегательные кассы, организовывали сбор металлолома, выход на работу по трудовой повинности, посещение храмов, митингов, проводы солдат на фронт, отвечали за участие членов «общин» в учениях по ПВО, овладение военным делом и т. п.

Наряду с этим усилились репрессии против антивоенных демократических сил, производились многочисленные аресты по всей стране. Репрессии в первую очередь обрушивались на японских коммунистов и им сочувствующих: их тысячами бросали в тюрьмы. В 1942 г., например, статья Хосокава Кароку «Ход мировой войны и Япония» была признана «коммунистической» и автор сразу же арестован. Вслед за этим было арестовано и подвергнуто пыткам более 30 журналистов, сотрудничавших в журналах «Кайдзо» и «Тюо корон»¹⁹⁰.

Все средства идейного влияния на массы были взяты под строгий контроль государственных органов и милитаристско-фашистских организаций на основе существовавших и вновь принятых правительственных законов.

После принятия в декабре 1941 г. на 78-й парламентской сессии закона «О чрезвычайном контроле за словом, печатью, собраниями, организациями» правящие круги Японии обратили особое внимание на деятельность интеллигенции. 24 декабря 1941 г. начал функционировать патриотический союз литераторов. В феврале 1942 г. была введена система регистрации режиссеров и артистов, организована японская кинопрокатная компания, принявшая активное участие в пропаганде военных успехов японской армии и флота. На экранах появилось много документальных фильмов, прославляв-

ших победы японских вооруженных сил на юге. Об этом свидетельствуют названия выпущенных на экран кинофильмов: «Победная песня Востока», «Хроника побед императорского флота», «Дневник боев на Малаккском полуострове» и др. Одновременно по рекомендации министерства просвещения демонстрировались художественные фильмы, призванные воспитывать у населения «патриотизм», такие, как «Отец», «Командующий, штаб и солдаты», «Последний день Англии» и др.¹⁹¹.

Среди населения распространялись тиражи новых книг, восхвалявших «непобедимость» японского воинства. Управление информации, например, рекомендовало широко распространить среди читателей повесть Ивата Томио «Морской флот», написанную на материале из жизни личного состава ударного соединения, совершившего нападение на Пирл-Харбор. Поощрялись к постановке пьесы на «патриотические» темы таких писателей, как Кан Кйкути, Масао Кумэ, Харуо Сато, создававших свои произведения на материалах, предоставленных им военным и морским министерствами¹⁹².

Основные усилия органов идеологической обработки населения Японии были направлены на пропаганду успехов ее вооруженных сил в войне против США и Англии и доказательство на этой основе «превосходства» японской расы, императорского строя. Война изображалась в качестве необходимого акта самозащиты Японии, делались попытки доказать выгодность войны для всего населения страны, в том числе и для рабочего класса. Например, профессор экономики Сакимура в книге «Новый порядок и японская экономика» писал, что «дешевизна рабочей силы в Японии была обусловлена нехваткой сырья. С захватом территорий, богатых сырьем, что является справедливым актом со стороны Японии, можно будет удовлетворять полнее потребности рабочих»¹⁹³. Для милитаристского воспитания рабочих — членов Ассоциации промышленного служения отечеству использовались часто организуемые собрания на предприятиях. Рабочих заставляли выслушивать пропагандистские речи членов «патриотических» обществ и правительственных чиновников. Наградой за посещение собраний являлась порция пива или саке.

В 1943 г., когда стратегическая обстановка стала неблагоприятной для Японии, широко пропагандировался лозунг «Бороться и победить во второй год войны». Население призывалось отдать все силы «священной» борьбе, идти на новые лишения и самопожертвования во имя императора и будущей победы.

В идеологической обработке населения Японии правящие круги особое внимание уделяли молодежи. Милитаристская пропаганда велась в клубах молодежи, в школах и 45 университетах и колледжах¹⁹⁴.

Под руководством министерства просвещения пропаганду обязана была вести многотысячная армия учителей, а также профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, насчитывавший в своих рядах свыше 6 тыс. человек¹⁹⁵. Милитаристская пропаганда готовила японских юношей в качестве «смертников» (летчиков «камикадзе» и водителей торпед «кайтэн»).

На захваченных территориях наряду с пропагандой успехов вооруженных сил японское командование и администрация стремились убедить население в освободительном, гуманном характере войны и внушить идеи паназиатизма. Народы оккупированных территорий призывались участвовать в создании «сферы взаимного процветания великой Восточной Азии», будто бы несущей им благополучие, счастье и свободу. В Корее и Маньчжурии японская пропаганда подчеркивала, что основой «сферы» является не одна Япония, но и Корея и Маньчжурия.

Специалисты по идеологической обработке населения оккупированных территорий из управления информации при кабинете министров¹⁹⁶ и их коллеги из Общества служения отечеству через литературу прилагали большие усилия для привлечения к активной пропаганде среди местного населения писателей стран «сферы процветания». 3 ноября 1942 г. они созвали в Токио «съезд писателей великой Восточной Азии», который три дня обсуждал вопросы о «формировании духа великой Восточной Азии», о «способах распространения идеологии и культуры через литературу», о «способах мобилизации сил на завершение войны в великой Восточной Азии через литературу» и др.¹⁹⁷

Правящим кругам и органам пропаганды Японии вначале удалось посеять иллюзии у некоторой части населения оккупированных районов относительно действительных целей японской политики и добиться определенной поддержки деятельности оккупационных властей.

Однако военно-каторжный режим, установленный командованием японских войск на завоеванных территориях, разграбление природных богатств оккупированных стран разоблачали фальшь японской пропаганды. Победы Советской Армии на советско-германском фронте развеяли миф о непобедимости фашистского блока. Военно-стратегическое положение Японии становилось все более трудным. Учитывая рост освободительного движения, направленного против японских колонизаторов, командование японских войск стало делать главный упор на пропаганду «независимости», «освобождения азиатских народов от западных колонизаторов», а в качестве гарантии этого освобождения предлагалось создание и укрепление восточноазиатского блока стран, входящих в «сферу процветания». Органами пропаганды Японии широко ис-

пользовались для этой цели поездки в районы южных морей японских государственных деятелей: весной 1943 г. — министра по делам Восточной Азии Кадзуо Аоки¹⁹⁸, летом 1943 г. — премьера Тодзио, участие их в торжественной церемонии введения самоуправления в Малайе и провозглашения «независимости» Бирмы¹⁹⁹ и Филиппин²⁰⁰. Однако все эти меры в условиях все ухудшавшегося стратегического положения Японии не смогли надолго успокоить азиатские народы.

К концу 1943 г. явно обозначилось падение веры японских народных масс и населения оккупированных стран в возможность победы японского агрессора.

г) Внешняя политика Японии в условиях войны

Во внешнеполитической деятельности японского правительства в 1941—1943 гг. наиболее отчетливо проявились три основных направления, объединенных общей целью — укрепления стратегического положения Японии для нападения на СССР и обеспечения успешного развития агрессии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

Первое направление — укрепление союза с Германией и Италией.

После начала боевых действий на Тихом океане, 11 декабря 1941 г., в Берлине был подписан пакт трех держав, в соответствии с которым правительства Японии, Германии и Италии обязались «совместно вести войну против США и Англии до полной победы всеми имеющимися средствами»²⁰¹.

В дополнение к «пакту трех» 18 января 1942 г. Япония, Германия и Италия подписали военное соглашение, предусматривавшее разграничение зон военных действий²⁰², оперативно-стратегическое взаимодействие в проведении операций вооруженными силами²⁰³, взаимный обмен информацией и сотрудничество в области ведения экономической и психологической войны²⁰⁴. На основе подписанного соглашения высшее военно-политическое руководство Японии, Германии и Италии разрабатывало общие принципы коалиционной стратегии и согласованные оперативно-стратегические мероприятия²⁰⁵. Летом 1942 г. был составлен план стратегического наступления по встречным направлениям японских и немецких войск. Японские войска должны были наступать в направлении Бирма — Индия, немецко-фашистские войска — Кавказ — Иран — Индия²⁰⁶. Встреча японских и немецких войск должна была произойти «где-то на территории Индии»²⁰⁷.

С целью укрепления своего военно-экономического потенциала правительство Японии 20 января 1943 г. подписало с Германией и Италией соглашение об экономическом сотруд-

ничестве и торговле, в котором стороны обязались оказывать друг другу помощь «всеми имеющимися экономическими мерами» с целью установления «нового порядка» в Европе и Восточной Азии. В соглашении предусматривались обмен товарами, промышленным оборудованием, финансовая взаимопомощь²⁰⁸. Соглашение об экономическом сотрудничестве было дополнено секретным протоколом, в котором Япония и Германия провозглашали установление своего господства над всем миром²⁰⁹.

Ухудшение военно-стратегического положения фашистского блока государств в 1943 г. побуждало правительство Японии неоднократно обращаться к рассмотрению вопроса об условиях дальнейшего укрепления союза трех держав. Так, после разгрома немецких войск под Сталинградом 26 февраля 1943 г. на совещании военного, военно-морского министров и министра иностранных дел Японии было принято решение усилить сотрудничество с Германией и Италией в завершении войны против Соединенных Штатов и Англии²¹⁰.

В связи с поражением Италии и выходом ее из войны правительство Японии и Германии опубликовали совместное заявление, в котором подчеркивалась нерушимость союза двух стран; 15 ноября 1943 г. в Токио состоялась конференция представителей Японии и Германии, на которой были приняты решения относительно координации стратегических планов.

На основе существовавших соглашений в Токио, Берлине и Риме работали военные и экономические комиссии, между Японией и Германией происходил обмен разведывательными сведениями о Советском Союзе²¹¹.

Второе направление во внешней политике Японии — создание военно-политического блока формально независимых стран Восточной Азии и района южных морей (фактически послушных Японии марионеток) с целью мобилизации их ресурсов на войну.

Создавая марионеточные правительства и заключая с ними «договоры» и «соглашения», японское правительство рассчитывало дезорганизовать и ослабить народное сопротивление оккупантам, создать для себя некоторую внутреннюю социальную опору в оккупированных странах, главным образом за счет феодально-помещичьей и буржуазно-компрадорской верхушки.

Предоставление «независимости» и «местного самоуправления» захваченным странам сопровождалось условиями о создании «добровольческих армий», «полицейских корпусов», которые поступали в распоряжение японского командования. Так, организовав на Яве 5 сентября 1943 г. орган самоуправления — Центральный совещательный совет, японские власти сразу же потребовали от него создания новых военных фор-

мирований и увеличения производства вооружения²¹². После провозглашения «независимости» Бирмы в августе 1943 г. под руководством японского командования была проведена реорганизация Армии обороны Бирмы с целью повышения ее боеспособности.

Правительство Тодзио, осуществляя план создания блока государств Восточной Азии, созвало 5 ноября 1943 г. конференцию, на которой присутствовали представители Японии, Маньчжоу-го, оккупированной части Китая, Филиппин, Бирмы, «Свободной Индии» и Таиланда. Конференция приняла так называемую «Восточноазиатскую хартию» («Дайтоа кёдо сэнгэн»), в которой провозглашалась «необходимость завершения войны» и «построения нового порядка в великой Восточной Азии»²¹³.

Третье направление внешнеполитической деятельности Японии, особенно отчетливо проявившееся в 1943 г., — курс на заключение сепаратного мира с Китаем и западными странами с целью достижения выгодного мира и сосредоточения всех сил для войны против Советского Союза. Принимая решение о заключении с чанкайшистским правительством сепаратного мира на выгодных для себя условиях, правящие круги Японии предполагали в случае успеха существенным образом пополнить за счет миллионной армии, находившейся в Китае, группировки войск на севере — против СССР и на юге — против США и Англии. Усиление южной группировки должно было «убедить» США и Англию в том, что у Японии сохранены силы и мир с ней более выгоден, чем война. Эту выгоду Япония рассчитывала подкрепить демонстрацией своей способности и готовности начать антисоветскую войну.

Одновременно с этим японские правящие круги почти на всем протяжении войны принимали меры к тому, чтобы попытаться внести раскол в антифашистскую коалицию держав. Японская дипломатия распространяла слухи о том, что между Токио и Москвой якобы существует постоянный контакт и даже возможны политические переговоры, направленные против интересов США и Англии.

С целью усиления прояпонских элементов в правящей партии гоминьдан кабинет Тодзио 14 марта 1943 г. подписал соглашение с нанкинским правительством Ван Цзинь-вэя о передаче ему японских концессий, находившихся на оккупированной территории, и об отказе Японии от экстерриториальных прав в Китае²¹⁴. 30 июля Япония передала марионетчному правительству Ван Цзинь-вэя международный селтлмент в Шанхае²¹⁵.

Одновременно велись переговоры с представителями правительства Чан Кай-ши. В мае 1943 г. по поручению японского правительства в Чунцин прибыл для переговоров У Кай-синь²¹⁶. После этого летом — осенью 1943 г. японское

правительство неоднократно предпринимало попытки добиться сепаратного мира с Китаем.

В течение 1942—1943 гг. правящие круги Японии пытались заключить сепаратный мир с США и Англией. Первые дипломатические шаги в этом направлении были предприняты в июне 1942 г., когда хранитель императорской печати Кидо обсуждал с бывшим послом в Лондоне Сигэру Иосида вопрос о поездке Коноэ в Европу для ведения переговоров с целью заключения *сепаратного мира*²¹⁷. Однако попытки Японии добиться сепаратного мира потерпели неудачу, главным образом в связи с изменением обстановки на советско-германском фронте в пользу СССР, капитуляцией Италии, а также начавшимся наступлением войск США на Тихом океане в ноябре 1943 г.

Таким образом, в 1943 г. во внешней политике Японии, подчиненной интересам войны, обозначились кризисные явления. Японское правительство не сумело заключить сепаратный мирный договор с Китаем, который мог бы существенно улучшить стратегическое положение Японии. Кажущийся успех японской дипломатии в создании блока восточноазиатских стран на основе предоставления им псевдонезависимости способен был ввести в заблуждение лишь тех, кто не хотел замечать активизации национально-освободительного движения в Восточной Азии и странах Южных морей. Для Японии игра в „независимость“ восточноазиатских народов обратилась в конце концов в бумеранг, угрожающий тому, кто его послал.

Что касается мероприятий японского правительства по укреплению фашистского блока, то в 1943 г. они уже не могли серьезно улучшить военно-стратегического положения Японии. Фашистский вермахт под ударами Советской Армии отступал, неся тяжелые потери. Победы советских войск под Орлом и Курском летом 1943 г. позволили США и Англии осуществить десантные операции на юге Италии. Активизировалось итальянское движение Соппротивления. В результате Италия вышла из фашистского блока. В этих условиях внешнеполитические акты японского правительства по укреплению союзнических отношений с Германией оказались малоэффективными.

д) Состояние японских вооруженных сил в 1942—1943 гг.

В результате милитаризации страны и мобилизации ее ресурсов на войну правящим кругам Японии удалось увеличить численность вооруженных сил, оснастить их оружием и боевой техникой, а также организовать их обучение и идеологическую обработку.

К концу 1942 г. численность вооруженных сил Японии составила 2,4 млн. человек²¹⁸, а к концу 1943 г. достигла 3,8 млн.²¹⁹, из которых 3,1 млн. человек было в армии и 700 тыс. на флоте. Призывные контингенты в этот период постоянно увеличивались за счет повышения предельного призывного возраста и понижения медицинских требований. В 1942 г. было призвано 418 тыс. человек, в 1943 г.— 979 тыс.²²⁰.

Мобилизация дала возможность японскому командованию сформировать в 1942—1943 гг. 10 новых дивизий и бригад и увеличить численность личного состава военно-морского флота более чем в 2 раза по сравнению с 1941 г.²²¹.

В 1942—1943 гг. промышленность страны выпустила необходимое количество оружия и боевой техники для оснащения ими вновь создаваемых частей и соединений.

Сухопутные войска в этот период получили 1941 танк, 593 бронемшины, 2351 артиллерийский тягач, 28 тыс. автомашин и много другой боевой техники и оружия²²².

Командование сухопутных войск уделяло особое внимание укреплению Квантунской армии, имевшей в своем составе в январе 1942 г. 17 пехотных дивизий и несколько отдельных бригад²²³. По численности и техническому оснащению дивизии Квантунской армии превосходили те дивизии, которые входили в экспедиционные армии в Китае и на Тихом океане (25—30 тыс. вместо 13—16 тыс. солдат и офицеров)²²⁴. Несмотря на ухудшение военно-стратегического положения Японии в 1943 г., японское командование продолжало готовить Квантунскую армию и маньчжуро-корейский военный плацдарм к нападению на Советский Союз.

Высшее военно-политическое руководство Японии учитывало, что война на Тихом океане требует быстрого наращивания мощности *военно-морского флота*. Исходя из опыта первых морских сражений, японское командование с 1942 г. отказалось от строительства линкоров (последний линкор «Мусаси» был построен в 1942 г.), резко сократило строительство крейсеров, а основное внимание уделило вводу в строй авианосцев, эсминцев, подводных лодок и мелких специальных судов. В 1942 г. были введены в строй 1 линкор, 6 авианосцев, 2 крейсера, 9 эсминцев, 22 подводные лодки, а в 1943 г.— 3 авианосца, 2 крейсера, 15 эсминцев, 40 подводных лодок, а также большое количество мелких специальных судов: катеров «смертников» («синё»), карликовых подводных лодок («каирю» и «корю») и «человеко-торпед» («кайтэн»).

В целом японские вооруженные силы в 1942—1943 гг. были вполне боеспособны и являлись надежной опорой военно-фашистского режима Японии²²⁵. Об относительно высоком боевом духе японских военнослужащих свидетельствует стойкость солдат, унтер-офицеров и офицеров в боях с американ-

скими и английскими войсками, проявленная в период ухудшения военно-стратегического положения Японии. Например, японский гарнизон о-ва Бугенвиль, ведя тяжелые бои с превосходящими силами американского морского десанта, высадившегося 1 ноября 1943 г., удерживал часть острова до конца войны²²⁶. Личный состав частей на островах Макин-Меанг и Тарава численностью около 6 тыс. человек вел ожесточенные бои с двадцатидвухтысячным американским морским десантом, не имея поддержки ни с моря, ни с воздуха, и почти поголовно пал в бою²²⁷.

Правящие круги Японии в 1943 г., используя формальное предоставление «независимости» некоторым оккупированным странам, приняли дополнительные меры по мобилизации их людских ресурсов для ведения войны. Усилилась вербовка корейцев и китайцев с о-ва Тайвань в японские вооруженные силы. На оккупированных территориях создавались армии из местного населения под командованием японских генералов и их ставленников. В Индонезии был создан Добровольческий корпус обороны и Полицейский корпус, а затем Добровольческая армия защитников родины — «Пета»²²⁸. В Малайе в 1943 г. по указанию японских военных властей начала создаваться Добровольческая армия и военизированные трудовые отряды²²⁹. Из индийцев, проживавших в Малайе, стала формироваться Индийская национальная армия (Азад Хинду Фаудж)²³⁰. В Бирме под руководством японских властей была сформирована Армия обороны Бирмы. После достижения соглашения в 1943 г. генерала Тодзио с премьером Пибунсонграмом о совместных военных действиях против США и Англии в Таиланде была создана Армия независимости. На Филиппинах японцы организовали Лигу бывших солдат, а затем Армию республики Филиппины, в Северном и Западном Китае — марионеточную армию Ван Цзин-вэя, в Маньчжурии в этот период была усилена армия «государства Маньчжоу-го», находившаяся фактически в распоряжении командующего Квантунской армией. Военизированная организация «Сэхэ-хой», созданная японцами в Маньчжурии, формировала боевые группы «Сэмподан».

Марионеточные армии, сформированные под руководством японского командования, были слабо вооружены, имели сравнительно низкий уровень боевой выучки. В политическом отношении марионеточные армии, с точки зрения японского командования, были «неблагонадежны» и поэтому мало применялись ими в боевых действиях против войск США и Англии²³¹. Однако небольшая часть марионеточных войск все же участвовала в боях на стороне японской армии. Так, армия Ван Цзин-вэя использовалась для блокады партизанских районов в Северном Китае и наступления против 8-й и новой 4-й народно-освободительных армий. Армия Маньчжоу-го

участвовала в карательных экспедициях против маньчжурских и корейских партизан. Часть Индийской национальной армии принимала участие в наступлении японских войск в индийской провинции Ассам в марте — апреле 1944 г.²³².

Таким образом, в 1942—1943 гг. японские правящие круги на основе милитаризации страны и мобилизации ресурсов оккупированных территорий сумели в значительной степени увеличить мощь своих вооруженных сил, способных вести длительную войну против Соединенных Штатов и Англии.

3. ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ В 1944—1945 гг. ПОРАЖЕНИЕ МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ

а) Дальнейшее ухудшение военно-стратегического положения Японии и мероприятия японского правительства на завершающем этапе войны

Зимой и весной 1944 г. советские войска нанесли ряд мощных ударов по немецко-фашистской армии под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине, в Крыму и вышли на государственную границу СССР на протяжении более 400 км.

Успехи Советской Армии создали благоприятные условия для развертывания активных боевых действий американско-английских войск на Тихом океане. В феврале 1944 г. союзные войска заняли Маршалловы, а затем Марианские острова, вытеснили японские войска с территории Индии и Западной Бирмы.

Стратегические планы японского военного руководства на 1944 г., предусматривавшие удержание американских войск на «оборонительной линии Суэцугу» с целью выигрыша времени для нанесения решительного поражения Китаю и укрепления «основной линии обороны»²³³, оказались выполненными лишь частично.

Японская армия, начав наступление против войск Чан Кай-ши весной 1944 г., захватила почти всю провинцию Хэнань и продолжала продвигаться к югу от р. Янцзы, а летом овладела г. Чанша. Однако разгромить армию Китая и принудить ее капитулировать Японии не удалось.

Общее ухудшение стратегического положения Японии (несмотря на частичные военные успехи в Китае) и рост недовольства в стране принудили правительство Тодзио уйти в отставку. На смену ему пришло правительство Койсо, которое разработало и осуществило ряд мероприятий, призванных повысить способность страны продолжать войну. В начале ав-

густа 1944 г. правительство создало Высший совет по руководству войной (Сайко сэно сидо кайги)²³⁴. В состав Высшего совета входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, начальники генеральных штабов армии и флота, а также заместители начальников генеральных штабов (последние имели право совещательного голоса в совете). На Высший совет была возложена задача «формулировать основную политику для руководства войной и улучшать взаимодействие военной стратегии и политики в период войны»²³⁵, т. е. в его руках сосредоточивалась вся полнота власти.

На 85-й чрезвычайной сессии японского парламента, проходившей 7—12 сентября 1944 г., правительство Койсо приняло решение о «всеобщей мобилизации народа» в связи с приближением фронта к границам островов Японии, усиливающимися бомбардировками городов и промышленных районов страны²³⁶. 30 сентября 1944 г. на имперском совещании была утверждена «Основная программа руководства войной», предусматривавшая оборону собственно Японских островов на основе принципов тотальной войны и всеобщей мобилизации нации²³⁷. На имперском совещании была названа «последняя линия обороны», которая проходила через Курильские острова, далее по условной линии до Маршалловых островов, пересекала западную часть Новой Гвинеи, включала Яву, Суматру, Андаманские острова и замыкалась на территории Бирмы²³⁸. Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический тыл Тихоокеанского фронта. В японских военно-политических кругах считали, что стойкая оборона войск на этой линии могла бы открыть для Японии возможность избежать капитуляции и закончить войну компромиссным миром на основе удержания части захваченных территорий, собственности и интересов монополий.

Однако японским войскам не удалось удержаться на «последней линии обороны» сколько-нибудь продолжительное время. Стремительное наступление Советской Армии на фронтах в Европе внесло коррективы в военные планы союзников, заставило их спешить²³⁹. На второй Квебекской конференции, состоявшейся 10—16 сентября 1944 г., Рузвельт и Черчилль решили ускорить боевые операции в Европе и на Тихом океане²⁴⁰.

Осенью 1944 г. американские военно-морские силы нанесли поражение японскому флоту у о. Лейте и высадились на Филиппинах. Английские, индийские и китайские войска развернули наступление в Бирме. Стратегические бомбардировщики США, базировавшиеся на Марианских островах, усилили налеты на промышленные центры Японии. Все больший размах приобретала освободительная борьба народов оккупированных Японией стран²⁴¹.

По мере дальнейшего ухудшения стратегического положения Японии ее правящие круги все настойчивее искали пути сговора со своими империалистическими противниками. В январе 1945 г. Высший совет по руководству войной принял «Программу чрезвычайных мер для завершения войны с целью осуществления мероприятий военного, экономического и политического характера»²⁴².

Наряду с тайной дипломатией, искавшей путь к переговорам с США и Англией, высшее военное командование по поручению правительства детально разрабатывало план обороны метрополии. 20 марта 1945 г. Высшим советом по руководству войной был утвержден план оборонительных операций на территории Японии и Кореи на 1945 г., предусматривавший три периода боевых действий по семи зонам: № 1 — в зоне Хоккайдо, Южного Сахалина и Курильских островов; № 2 — в зоне Тохоку; № 3 — в зоне Канто; № 4 — в зоне Токай; № 5 — в зоне Кинки, Тюгоку и Сикоку; № 6 — в зоне Кюсю; № 7 — в зоне Кореи²⁴³. Для обеспечения боевых действий вооруженных сил в зонах обороны 86-я сессия парламента, заседавшая с 26 декабря 1944 по 26 марта 1945 г., утвердила ряд чрезвычайных мер, направленных на увеличение выпуска металла, производства вооружения. Решением парламента эвакуации подлежали некоторые промышленные предприятия из наиболее опасных в безопасные районы страны. В связи с общей мобилизацией населения для обороны были приняты меры организации отрядов и групп специально для аварийных и противопожарных работ.

Однако эти мероприятия правительства оказались запоздалыми, фронт неумолимо приближался к границам островов. Перевод военных предприятий в безопасные места осуществлялся медленно, многие заводы были разрушены или повреждены в результате бомбардировок американской авиацией, военная промышленность ощущала острый недостаток сырья, ввоз которого с каждым днем все более сокращался. На оккупированных Японией территориях ширилось движение за изгнание японских захватчиков: к маю 1945 г. силами народных армий и партизан были освобождены от захватчиков обширные районы во Вьетнаме, Бирме, Малайе²⁴⁴.

Военные действия американско-английских войск на Тихом океане, в районе южных морей и Юго-Восточной Азии, в первой половине 1945 г. велись в благоприятной для них обстановке, когда Советская Армия вступила в Австрию, освободила значительную часть Чехословакии и в результате стремительного наступления подошла к Берлину. К маю 1945 г. вооруженные силы США овладели наиболее крупными островами Филиппин, высадились на о-ве Окинава, а англо-индийские войска при поддержке бирманских партизанских сил овладели почти всей территорией Бирмы.

Новый кабинет во главе с Судзуки, пришедший к власти в апреле 1945 г., по существу, продолжал курс своих предшественников. Выступая на сессии парламента 7 апреля 1945 г., премьер-министр Японии Судзуки говорил о необходимости «любими средствами выиграть войну»²⁴⁵. На следующий день императорская ставка утвердила дополнительный план подготовки операций по обороне Японских островов²⁴⁶, согласно которому на территории метрополии формировались 1-я и 2-я объединенные полевые армии в составе 57 пехотных и 2 бронетанковых дивизий и объединенная авиационная армия. Кроме того, началось спешное формирование «народного добровольческого корпуса»²⁴⁷.

Все эти меры свидетельствовали о том, что правительство и военщина Японии, не жалея крови и жизни миллионов своих соотечественников, строили планы затягивания войны под лозунгом «Война до победного конца»²⁴⁸. В день капитуляции Германии, 9 мая 1945 г., премьер-министр Судзуки заявил, что Япония вместе с союзниками по восточноазиатскому блоку будет продолжать войну²⁴⁹. Курс японских правящих кругов на продолжение войны в безнадежных для Японии условиях был продиктован стремлением буржуазно-помещичьего блока, монархии и военщины добиться приемлемых для них условий мира за счет принесения в жертву миллионов жизней японских трудящихся.

Вскоре после капитуляции Германии на заседании Совета добровольческого корпуса премьер-министр Японии подчеркнул, что корпус должен сыграть двойную роль: трудовую и боевую. Правительство издало приказ о формировании на промышленных предприятиях рабочих команд, а в сельской местности — «крестьянских трудовых отрядов».

8 июня 1945 г. на имперском совещании была принята предложенная военным министерством и генеральным штабом армии «Основная программа руководства войной» («Сэнсо сидо-но кихон дайко»). Программа предусматривала насильственную мобилизацию рабочей силы для предприятий «по выпуску вооружения в новых условиях». Предлагалась также система мобилизации и «использования сил и средств для обороны метрополии», в том числе и организация «народных добровольческих отрядов»²⁵⁰. Войска и мобилизованное гражданское население в зонах обороны готовились к решительным действиям против возможных десантов противника на острова Японии. Предполагалось сбросить их в море, а в случае неудачи организованно отступить в горные районы и оттуда вести бои с использованием «тактики дождевого червя» (т. е. упорных оборонительных боев с использованием подземных убежищ)²⁵¹. В критический момент император и правительство должны были эвакуироваться в Маньчжурию (г. Чаньчунь) для руководства оттуда ведением войны.

9 июня 1945 г. на 87-й чрезвычайной сессии японского парламента был принят закон «О чрезвычайных мерах военного времени» и «О добровольной военной службе населения». Правительство получило право без санкции парламента осуществлять любые меры, необходимые для ведения войны²⁵². По решению парламента в армию могли призываться мужчины от 15 до 60 лет и женщины от 17 до 40 лет²⁵³.

На основе закона «О чрезвычайных мерах военного времени», правительство и штабы зон обороны приступили к созданию массовой «народной армии», численность которой предполагалось довести к концу 1945 г. до 28 млн. человек²⁵⁴. С учетом уже отмобилизованной к августу 1945 г. армии численностью 7,2 млн. человек²⁵⁵ японские милитаристы осуществляли беспрецедентную в истории войн мобилизацию населения для непосредственного участия в боевых действиях.

Американское командование имело в виду после овладения о-вом Окинава осуществить первую десантную операцию на Японские острова (кодовое название — «Олимпик») в декабре 1945 г. и вторую — кодовое название «Коронет» — в марте 1946 г.²⁵⁶.

Высшее военное руководство США, учитывая реальное соотношение сил на Тихом океане, рассчитывало вести военные действия против Японии еще в течение одного-полутора лет.

Японское правительство, отклонив в июле 1945 г. Потсдамскую декларацию с требованием безоговорочной капитуляции Японии²⁵⁷, подтвердило тем самым решимость принести в жертву своим корыстным интересам сотни тысяч человеческих жизней.

б) «Тотальная мобилизация» и ее кризис

В 1944—1945 гг. правящие круги Японии по примеру своего западного союзника — фашистской Германии — прибегли к тотальной мобилизации, рассчитывая таким образом изменить обстановку на фронте в свою пользу.

С целью мобилизации всех сил и средств страны для продолжения войны правительство приняло в эти годы ряд чрезвычайных законов, в том числе и такие, как о всеобщей трудовой повинности, подчинении министерству вооружений сотен предприятий, об укрупнении «контрольных ассоциаций» и расширении функций «общин», о создании административных зон и наделении их автономными экономическими функциями, о создании рабочих команд на предприятиях и «трудовых отрядов» крестьян в деревне и т. п. и т. д.

25 апреля 1944 г. решением правительства министерству вооружения по списку были подчинены 424 промышленных

компании, занятые выплавкой стали, производством стальных изделий, выплавкой и обработкой цветных металлов. Министерству было подчинено большинство крупных электростанций, газовых и химических заводов, ряд угольных шахт и т. д.²⁵⁸. Этим компаниям предоставлялось преимущество в области финансирования, снабжения сырьем и рабочей силой. На предприятиях, подчиненных министерству вооружения, вводилась военная дисциплина, многие заводы и фабрики были переведены на круглосуточную работу.

С самого основания министерство вооружения стало, по существу, органом крупных монополий, дававшим им преимущество при распределении заказов, отпуске сырья и мобилизации рабочей силы.

Главой министерства стал Гиндзиро Фудзивара, президент бумагоделательной компании «Одзи сэйси» концерна «Мицуи», поэтому наиболее крупные субсидии из военного бюджета предоставлялись концерну «Мицуи», который быстро расширял свои предприятия по выпуску вооружения, стал вытеснять своих конкурентов — концерны «Мицубиси» и «Сумитомо» — из некоторых отраслей военного производства. Усилилась экспансия концерна «Мицуи» в Корею и на Тайване. По предложению Фудзивара кабинет министров Японии 24 октября 1944 г. принял решение о передаче в ведение министерства вооружения 97 компаний в Корею и на Тайване, а это означало усиление влияния концерна «Мицуи». В результате протестов представителей концернов «Мицубиси» и «Сумитомо» и разоблачения ими махинаций Фудзивара последний вынужден был 6 декабря 1944 г. выйти в отставку. Министром вооружения стал Сигэру Иосида, кадровый чиновник, который, по мнению монополистов, мог обеспечить сотрудничество со всеми монополистическими группировками, так как занимал до этого видное место в Консультативной ассоциации предприятий военного производства²⁵⁹.

Министерство вооружения осуществило ряд мероприятий, приведших к концентрации управления в авиационной промышленности. Этому способствовала щедрая финансовая помощь авиационным компаниям, льготы в области снабжения дефицитным сырьем и перевод на авиазаводы квалифицированной рабочей силы: в 1944 г. было выпущено 26 507 самолетов (в 1943 г. — 20 028)²⁶⁰. В 1945 г. в результате нехватки сырья, последствий бомбардировок ряда промышленных предприятий производство самолетов резко понизилось. До сентября 1945 г. всего было произведено 5823 самолета²⁶¹.

Несмотря на активную деятельность министерства вооружения, «контрольные ассоциации» продолжали играть большую роль. В конце февраля 1944 г. в Японии насчитывалось 22 «контрольные ассоциации», включавшие 314 компаний различных отраслей производства и сферы потребления. Эти

ассоциации и компании действовали в тесном контакте с министерствами армии и флота.

Для «контрольных ассоциаций» к концу войны было характерно стремление спрятаться за спиной государства, не рисковать своими капиталами, как можно дороже застраховать свою собственность.

В июле 1945 г., буквально за два месяца до капитуляции, правительство предоставило «контрольным ассоциациям» не только право на прибыли, но и определение размеров убытков фирм, что означало полное и бесконтрольное распоряжение страховыми субсидиями правительства.

Значительную выгоду получили крупные концерны Японии по закону «О компаниях военного производства», изданному в конце 1944 г. На основе этого закона была создана система так называемых «выделенных компаний», сконцентрировавших в своих руках почти все военное производство страны. Все другие компании могли работать только по заказам «выделенных компаний».

Дальнейшая милитаризация экономики требовала увеличения военных расходов. В 1944/45 бюджетному году чрезвычайные военные расходы составили 38 млрд. иен, или 75% государственных расходов, а в 1945/46 г. — 85 млрд. иен, или 85% всех государственных расходов²⁶². Огромный рост бюджета страны был отчасти связан с инфляцией²⁶³. Большую долю доходов от военных заказов получали японские монополии. В 1944 г. сумма прибылей, полученных «дзайбацу», достигла 7,1 млрд. иен — почти в 1,5 раза больше, чем в 1941 г.²⁶⁴.

Быстро растущие ассигнования на войну производились за счет усиления эксплуатации трудящихся масс, понижения их реальной заработной платы. Двенадцатичасовой рабочий день в эти годы фактически стал минимальным, так как большинство военных предприятий работало круглосуточно. На военных предприятиях, работавших в одну смену, рабочий день был доведен до 15 часов²⁶⁵.

Независимо от характера труда и выработки рабочим платили крайне низкую зарплату, которой едва хватало на то, чтобы скудно питаться два раза в день²⁶⁶. С начала 1944 г. лица от 11 до 60 лет стали получать, и то с перебоями, по 330 г риса в день, а мужчины, занятые на тяжелой работе, — 390 г²⁶⁷.

Труд на военных предприятиях Японии, по существу, был принудительным, оплата мизерной. Но и этим не довольствовались монополии. 3 февраля 1944 г. Токийская ассоциация торговли и промышленности представила премьер-министру ряд рекомендаций по труду, в том числе о немедленном создании «промышленной армии», охватывающей всех промышленных рабочих. Предлагалось ввести для членов «промыш-

ленной армии» армейскую систему поощрения и наказания, определить функции «офицеров» — руководящего состава «промышленной армии», создать при кабинете министров что-то вроде «экономического генерального штаба», который возьмет на себя руководство «промышленной армией»²⁶⁸. Эти рекомендации были учтены правительством при решении вопроса о создании «гражданского добровольческого корпуса». Этот «корпус» был наделен функциями трудовой армии, а также территориальной вспомогательной армии на случай ведения боевых действий в самой Японии. Выступая 13 мая 1945 г. на заседании совета «корпуса», премьер-министр подчеркнул, что «члены корпуса должны выполнять свою работу с таким же рвением, с каким части особого назначения («камикадзе») выполняют свои задания на фронте». Когда же корпус «станет боевой единицей», заявил премьер-министр, «его назначением будут функции боевой части»²⁶⁹. В соответствии с указанием правительства владельцы промышленных предприятий с рвением принялись формировать из рабочих отделений, взводы, роты и батальоны, внедряя на заводах и фабриках строжайшую военную дисциплину, рассматривая ее в первую очередь как средство повышения производительности труда рабочих.

В сельской местности под руководством министерства земледелия и торговли стал создаваться «крестьянский трудовой корпус» — с теми же функциями, что и «гражданский добровольческий корпус».

В результате осуществления указанных выше мер по тотальной мобилизации экономики страны японским правящим кругам за короткий срок удалось подхлестнуть рост производства продукции машиностроения, полностью предначавшейся для военных целей. Если общий индекс промышленной продукции составил в 1944 г. 208,8 (1934—1936 гг. = 100), то индекс производства машиностроительной промышленности достиг 463,3²⁷⁰. Но это были последние и отчаянные усилия.

Хотя 1944 год был рекордным по выпуску военных самолетов и судов, уже в конце года явно обозначилось падение военного производства. В 1945 г. (январь — август) в Японии было выплавлено 1,1 млн. т стали (в 1944 г. 5,9 млн. т)²⁷¹, добыча угля составила (за январь — июль включительно) 22,3 млн. т (в 1944 г. 49,4 млн. т)²⁷². В течение семи с половиной месяцев 1945 г. авиационная промышленность Японии выпустила на 20 684 самолета меньше, чем за весь 1944 год²⁷³; в январе — августе 1945 года на японских судостроительных верфях было построено 101 военное судно водоизмещением 98 240 т, а в 1944 году — 248 военных судов общим водоизмещением 408 118 т²⁷⁴.

Военная экономика Японии вступила в полосу кризиса. Положение в национальном хозяйстве страны к концу войны

оказалось безнадежным. Тем не менее до последнего часа японское правительство всячески стремилось оберегать монополи.

Внутренняя политика японских правящих кругов в 1944—1945 гг. была направлена на создание благоприятных политических условий для проведения тотальной мобилизации. Правящая верхушка Японии стремилась в этот период усовершенствовать политическую структуру государства, активизировать деятельность правительственных органов, подавить рост недовольства народа войной, поддержать снижавшийся морально-боевой дух населения.

В 1944 г. даже у националистически настроенных кругов города и деревни была надломлена вера в возможность победы в войне. Участвовавшие бомбардировки городов и разрушения в результате этих бомбардировок и пожаров угнетающе действовали на психику японского обывателя. Все меньше и меньше оставалось верящих в победу Японии. В докладе департамента токийской полиции от 22 апреля 1944 г. указывалось, что «в Токио есть немало людей, которые считают, что исход войны предрешен». Имеются и такие лица, которые «охвачены пораженческими настроениями и хотят скорейшего окончания войны»²⁷⁵.

По данным американской Комиссии по изучению стратегических бомбардировок, число критически настроенных лиц в Японии в июне 1944 г. возросло по сравнению с декабрем 1943 г. в 2 раза (в процентах ко всему населению в 1943 г. — 7—8, в 1944 г. — 17)²⁷⁶.

Правительственные органы Японии поэтому стремились поднять у народа моральный дух. Премьер-министр Койсо²⁷⁷, выступая в сентябре 1944 г. на 85-й чрезвычайной сессии парламента, призывал «улучшить моральное состояние народа» для ликвидации «критического положения»²⁷⁸. В январе 1945 г. был создан Комитет по укреплению внутреннего положения страны, приступивший к работе по созданию новой «общенациональной» партии. 30 января 1945 г. на учредительном съезде было создано Политическое общество великой Японии (Дай ниппон сэйдзикай), которое и мыслилось как общенациональная партия. Главой этого Общества стал бывший военный министр и командующий Квантунской армией генерал Дзиро Минами²⁷⁹. На съезде Общества была провозглашена его цель — «обеспечение сотрудничества всех слоев населения в преодолении национального кризиса». С целью организации поддержки Политическим обществом великой Японии военных и политических мероприятий правительства был учрежден «штаб по руководству движением за освобождение родины».

Однако Общество, созданное по инициативе военно-фашистских организаций (Ассоциации помощи трону и Полити-

ческой ассоциации помощи трону), не пользовалось доверием народа и, конечно, не могло изменить политической атмосферы в стране. В феврале — марте 1945 г. в парламенте усилилась критика правительства Койсо, которое оказалось не в состоянии справиться с растущими трудностями в стране и было вынуждено выйти в отставку. На смену ему пришло правительство барона Судзуки²⁸⁰.

Кабинет Судзуки, как и предыдущие, концентрировал свои усилия на изыскании новых средств для продолжения войны. Выступая в парламенте 7 апреля 1945 г., премьер-министр призвал японский народ напрячь все силы для того, чтобы любой ценой выиграть войну²⁸¹.

В соответствии с решением 87-й чрезвычайной сессии японского парламента в июне 1946 г. правительство Судзуки стало лихорадочно готовить страну к предстоящему сражению на территории Японии. Приводились в боевую готовность штабы и местные войска военно-административных округов²⁸², спешно формировался «добровольческий гражданский корпус». Члены «корпуса» под руководством военных инструкторов проходили всеобщее военное обучение, вдали от городов создавались укрытые под землей склады оружия, боеприпасов, продовольствия.

Идеологическая обработка населения Японии в 1944—1945 гг. была полностью подчинена интересам милитаризации страны. Ухудшение военно-стратегического положения Японии в 1944 г., породившее антивоенные настроения у значительной части японского населения, снижало эффективность мероприятий правящих кругов по дальнейшей милитаризации государства. Премьер-министр Койсо, выступая в японском парламенте в сентябре 1944 г., признавал, что «народ недостаточно осознает особенности современной обстановки и поэтому руководители ограничены в своих возможностях»²⁸³.

Стремясь укрепить тыл страны для продолжения войны, правительство усилило репрессии по отношению к лицам, не согласным с его официальной политической линией. Сотрудники журналов «Кайдзо» и «Тюо корон», опубликовавшие ряд критических статей, были репрессированы, а журналам министерство внутренних дел приказало «самоликвидироваться»²⁸⁴.

«Киотоская философская школа», обосновывавшая теорию тотальной войны, была подвергнута критике за «созерцательность», а ее представители изгнаны с кафедр за «подрыв боевого духа народа». На первое место выдвинулась школа японизма, сделавшая упор на проповедь ультранационалистических теорий о превосходстве японской нации и абсолютизации значения морального духа для победы в войне²⁸⁵.

По указанию правительства Японская газетная лига уси-

лила контроль над прессой, а в феврале 1945 г. эти функции полностью взяло на себя Управление информации кабинета министров²⁸⁶.

Проводя курс на милитаризацию культурной жизни страны, правительственные органы закрывали зрелищные учреждения, которые по каким-либо причинам было трудно использовать для милитаристского воспитания населения. В марте 1944 г. власти закрыли всемирно известные японские театры «Кабуки», «Тэйгэки» и «Нитигэки», а артистов театров заставили участвовать в военном производстве²⁸⁷.

Для подъема морального духа населения правительство сознательно шло на передачу лживых военных сводок, в которых значительно преувеличивались потери противника и преуменьшались потери японских войск. На протяжении войны на Тихом океане в официальных сообщениях ставки потери американского флота, например, были преувеличены в 5,3 раза, авиации — приблизительно в 7 раз; потери, понесенные японским флотом, были преуменьшены в 5 раз, авиацией — в 7 раз²⁸⁸.

Правящие круги Японии, готовясь к обороне метрополии, мобилизовали печать, радио, кино на пропаганду идеи защиты «страны богов» от «высокомерного врага». Буржуазные пропагандисты призывали японцев «погибнуть всех до единого», но не дать осквернить «священную землю императора».

Идеологическая обработка оказывала известное воздействие на население Японии.

Многочисленные факты и официальные документы свидетельствуют, однако, что значительная часть населения, особенно рабочий класс, все меньше верила официальной пропаганде и начинала оказывать милитаристской деятельности правящей клики пассивное или активное сопротивление. По данным американской Комиссии по изучению стратегических бомбардировок, количество «скептически настроенных» лиц в Японии возросло с июня по декабрь 1944 г. с 17 до 32%, а в июне 1945 г. составило 55% ко всему населению страны²⁸⁹.

Уже летом 1944 г. буржуазная печать Японии писала о саботаже рабочих, выражавшемся в порче станков и машин на заводах и фабриках. В 1944 г., по официальным данным, было совершено 216 крупных актов саботажа, в которых участвовало 6627 рабочих²⁹⁰. Позднее, в июне 1945 г., в докладе генерального секретаря кабинета министров Сакомидзу, представленном премьер-министру Судзуки, с большой тревогой указывалось, что в стране наблюдается «недовольство существующим режимом» и появились «зловещие признаки упадка морального духа населения»²⁹¹.

Японская пропаганда среди корейского и тайваньского населения в 1944—1945 гг. была направлена на обеспечение

консолидации сил «японской империи» (т. е. Японии, Кореи и Тайваня). Широко пропагандировалось беспрецедентное решение 86-й парламентской сессии о включении представителей Кореи и Тайваня в японский парламент после выборов, которые намечалось провести в сентябре 1946 г.²⁹²

Население захваченных территорий Юго-Восточной Азии и района южных морей призывалось японскими властями «жить вместе с Японией, процветать и погибать вместе с ней». Среди народов стран, получивших формальную независимость, пропагандировались лозунги о защите вместе с японской армией независимости азиатских народов от нашествия «западных» колонизаторов.

Однако японская пропаганда оказывала на население оккупированных территорий все меньше влияния. Оставшиеся на бумаге щедрые японские обещания возбуждали антияпонские настроения быстрее, чем этого могла достигнуть любая контрпропаганда.

В 1944—1945 гг. по мере ухудшения военно-стратегического положения Японии в правящих кругах активизировали свою деятельность группы, предвидевшие поражение своей страны и выступавшие за заключение «почетного мира» с Соединенными Штатами и Англией. После отставки кабинета Тодзио эти группы стали находить известное понимание в правительстве.

Стратегические замыслы японского высшего военно-политического руководства были построены на союзе держав «оси». Выход Италии из войны²⁹³ нанес мощный удар по «оси».

Правящие круги Японии понимали, что поражение Германии может поставить страну в крайне тяжелое положение. Оставалось надеяться на обострение советско-американских отношений, возможность столкновения между Советским Союзом и США.

В апреле 1944 г. в Токио состоялось несколько заседаний смешанной японо-германской комиссии. После ухода в отставку правительства Тодзио новое правительство продолжало курс на укрепление союза с Германией. Премьер-министр генерал Коисо 23 июля 1944 г. заявил, что «Япония будет продолжать укреплять свои связи с Германией для достижения общих военных целей»²⁹⁴. В дальнейшем, несмотря на ухудшение военно-стратегического положения Германии, японское правительство продолжало подчеркивать верность японо-германскому военному союзу. В январе 1945 г. министр иностранных дел Японии Сигэмицу в своей речи на 86-й сессии парламента подчеркнул, что японское правительство намерено вести войну вместе со своими союзниками до конца и любой ценой²⁹⁵. Лишь 15 и 18 мая 1945 г., через несколько дней после капитуляции Германии, японское

правительство сделало официальное заявления о прекращении действия «тройственного пакта» от 27 сентября 1940 г. и других соглашений с Германией и Италией²⁹⁶.

В 1944—1945 гг. японское правительство продолжало попытки использования «восточноазиатского блока» для поддержки своих военных усилий. В конце мая 1944 г. на состоявшемся в Токио совещании представителей Японии, Германии и Италии приняли участие делегации марионеточных государств — членов Лиги народов великой Восточной Азии. Были обсуждены меры по мобилизации ресурсов стран Лиги для продолжения войны. В апреле 1945 г. японское правительство созвало совещание правительств стран восточноазиатского блока с целью привлечения их к непосредственному участию в боевых действиях против союзных войск. Однако мероприятия по укреплению восточноазиатского блока в обстановке быстрого роста антияпонских настроений, развернувшегося освободительного движения и наступления войск союзных держав не оказали японским милитаристам реальной помощи.

В 1944 г. продолжались попытки японских правящих кругов навязать Китаю сепаратный мирный договор на выгодных Японии условиях с целью высвобождения двухмиллионной японской армии для ведения боевых действий против американских и английских войск. Осенью 1944 г., когда стало ясно, что японское наступление на юге Китая не привело к капитуляции, влиятельные группировки в правящих кругах Японии решили вступить в тайные переговоры с правительством Чан Кай-ши. В октябре 1944 г. брат князя Коноэ, барон Миягава, прибыл в Шанхай для неофициальных переговоров²⁹⁷. Однако в обстановке общего ухудшения военно-стратегического положения Японии закулисная деятельность японских правящих кругов, имевшая целью заключение сепаратного мира с Китаем, закончилась неудачей.

Попытка правительства Коисо добиться заключения мира с Китаем в марте 1945 г. путем переговоров в Токио с представителем Чан Кай-ши Мяо Пэй-ченом также оказалась безрезультатной — в значительной мере из-за отрицательной позиции Высшего совета по руководству войной к условиям, выдвинутым китайским правительством²⁹⁸.

Коисо и Судзуки, заявляя о решимости своего правительства продолжать войну «до победного конца», вели закулисную деятельность, направленную на подготовку к заключению компромиссного мирного договора с Соединенными Штатами и Англией. Так, в сентябре 1944 г. вице-премьер-министр адмирал Ионаи дал задание контр-адмиралу Сокити Такаги секретно изучить возможности и условия заключения мира²⁹⁹. В это же время группа князя Коноэ предприняла попытку установить связь с английским правительством через посла

Швеции в Токио Багге. В марте 1945 г. в обстановке быстрого ухудшения военно-стратегического положения министр иностранных дел Сигэмицу по поручению правительства обратился с просьбой к Багге оказать содействие в организации переговоров союзных держав с Японией. В апреле 1945 г. Багге по возвращении в Стокгольм передал посланнику США в Швеции Джонсону японские условия мира, предусматривавшие прекращение войны при сохранении за Японией Кореи и Тайваня. После капитуляции Германии в мае 1945 г. Высший совет по руководству войной принял решение о скорейшем окончании войны на приемлемых для Японии условиях³⁰⁰. В связи с этим решением правительством Судзуки были предприняты попытки добиться его реализации через папу римского, правительства Швейцарии, Швеции, Финляндии. 18 июня 1945 г. тот же совет поручил министру иностранных дел предложить мир через нейтральные страны, «особенно через Советский Союз», с условием сохранения монархии³⁰¹.

После этого министерство иностранных дел Японии предприняло ряд попыток добиться посредничества Советского Союза в переговорах Японии с Соединенными Штатами. Японская дипломатия преследовала цели разобщения стран антифашистской коалиции, противопоставления Советского Союза США и Англии³⁰².

Однако все попытки подорвать антифашистскую коалицию изнутри, столкнуть Советский Союз с США и Англией не имели успеха. Японской дипломатии не удалось ни заключить мирный договор с Китаем, ни укрепить «союз» с марионеточными правительствами завоеванных стран, ни склонить США и Англию к «компромиссному миру», а СССР — к посредничеству.

Вооруженные силы Японии в результате тотальной милитаризации страны были увеличены с начала 1944 по август 1945 г. почти вдвое. В конце 1943 г. они составляли 3,8 млн. человек, а к августу 1945 г. — уже около 7,2 млн.³⁰³.

Сухопутные войска в этот период увеличились с 3,1 млн. до 5,55 млн. человек, что позволило японскому командованию к лету 1945 г. иметь до 173 пехотных и 4 танковых дивизий, 88 пехотных и 6 танковых бригад³⁰⁴. На вооружении японской армии в начале 1945 г. находилось более 20 тыс. орудий, 3000 танков, около 5,5 тыс. самолетов.

Военно-морской флот, хотя и понес за время войны серьезные потери (412 кораблей было потоплено, а построено — 383), все же представлял еще значительную силу. Он насчитывал в начале 1945 г. 480 боевых кораблей, в том числе 4 линкора, 6 авианосцев, 11 крейсеров, 6 авиатранспортов и баз подводных лодок, 39 эсминцев, 59 подводных лодок, 100 эскортных кораблей³⁰⁵, а также значительное число микролодок типа «сине» и человеко-торпед «кайтен»³⁰⁶.

К августу 1945 г. на территории Японии были созданы штабы 1-й и 2-й объединенных армий, в состав которых входили шесть территориальных армий (57 пехотных и 2 бронетанковые дивизии). В метрополии готовились к обороне вооруженные силы общей численностью свыше 2,3 млн. человек³⁰⁷, имевшие более 5 тыс. самолетов. К концу 1945 г. японское командование планировало создать 3 тыс. микролодок и человеко-торпед «смертников», а также многомиллионный «добровольческий гражданский корпус»³⁰⁸.

Основная масса вооруженных сил Японии была обучена, идеологически обработана и имела сравнительно высокий морально-боевой дух.

Наиболее надежной частью войск был офицерский, унтер-офицерский состав и основная масса рядовых в возрасте от 20 до 30 лет, подвергавшиеся идеологическому воздействию военного пропагандистского аппарата в течение длительного времени.

Значительная часть рядового состава старших возрастов, призванного в 1944—1945 гг., оторванная недавно от семей и работы, в меньшей степени была подвержена пропагандистскому влиянию и имела сравнительно невысокий морально-боевой дух.

Вместе с тем в целом вооруженные силы Японии были боеспособны, что давало возможность японскому командованию вести длительные боевые действия против войск США и Англии.

Большая часть «народной армии», особенно молодежь в возрасте 16—18 лет, получила допризывную подготовку, была идеологически обработана и при определенных обстоятельствах могла слепо выполнять приказы командования. Тысячи идеологически обработанных юношей добровольно вступали в отряды «смертников».

Однако у значительной массы «добровольцев», главным образом у рабочих и интеллигенции, преобладали антивоенные настроения, некоторые из них тайно или открыто агитировали за прекращение войны.

Правительство, осведомленное об антивоенных настроениях в «народной армии», не решалось вооружить ее боевым оружием, опасаясь, что оно может быть использовано в революционных выступлениях.

Таким образом, японские правящие круги в 1944—1945 гг. путем тотальной мобилизации, ценой огромных усилий и жертв со стороны населения, на основе сравнительно небольшого экономического потенциала сумели увеличить производство главных видов оружия и численность вооруженных сил. Вместе с тем в процессе милитаризации страны все заметнее стал проявляться кризис политики правящих кругов Японии. Эффективность мер, проводимых в области внутрен-

ней и внешней политики, экономики и пропаганды неуклонно понижалась.

Главным фактором, обусловившим кризис захватнической, милитаристской политики японского военно-фашистского режима, явились решающие победы Советской Армии над немецко-фашистскими войсками. Именно они предопределили поражение блока фашистских государств и крах стратегических планов японского высшего военно-политического руководства.

6 августа 1945 г. по приказу правительства США был совершен варварский, бесчеловечный акт — на японский город Хиросима была сброшена атомная бомба, унесшая 200 тыс. жизней мирных жителей³⁰⁹. Однако взрыв американской атомной бомбы никак не отразился на военном потенциале Японии и не заставил ее правительство принять условия Потсдамской декларации³¹⁰.

в) Разгром милитаристской Японии

8 августа 1945 г. Советское правительство заявило японскому послу в Москве, что со следующего дня СССР будет считать себя в состоянии войны с Японией. В заявлении Советского правительства сообщалось, что Советский Союз присоединяется к Потсдамской декларации США, Англии и Китая от 26 июля 1945 г., призывавшей Японию к безоговорочной капитуляции, и, верный своим союзническим обязательствам, вступает в войну с Японией. «Советское правительство, — говорилось в заявлении, — считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избраться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»³¹¹.

В ночь на 9 августа 1945 г. Советские Вооруженные Силы перешли в наступление.

Вступление СССР в войну с Японией и успешное наступление советских войск были главной причиной, ускорившей принятие японским правительством решения о безоговорочной капитуляции.

В день объявления войны премьер-министр Судзуки на заседании Высшего совета по руководству войной заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»³¹².

После вступления СССР в войну с Японией государственным деятелям союзных держав стало ясно, что ее капитуляция — вопрос ближайшего будущего. Сенатор США Т. Коннэли, узнав о вступлении СССР в войну с Японией, 8 августа

1945 г. воскликнул: «Благодарение богу! Война уже почти окончена»³¹³. В такой обстановке правящие круги Соединенных Штатов решились на новое страшное преступление — на японский город Нагасаки была сброшена вторая атомная бомба, уничтожившая 120 тыс. мирных жителей³¹⁴. Варварская атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки была произведена по указанию президента Соединенных Штатов Трумэна после консультации со специально созданным Временным комитетом и правительством Великобритании³¹⁵, хотя она не вызывалась необходимостью³¹⁶. В 1960 г. генерал Макартур признал, что не было никакой военной необходимости в применении атомной бомбы в 1945 г.³¹⁷.

Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, писал председатель компартии США У. Фостер, «продемонстрировала намерение Уолл-стрита установить, опираясь на новое страшное оружие, свое господство в послевоенном мире. Атомная бомба была в большей степени предназначена для Советского Союза, чем для Японии»³¹⁸.

В течение 9—14 августа 1-й и 2-й Дальневосточные и Забайкальские фронты при участии Монгольской народно-революционной армии, при поддержке Тихоокеанского флота и Амурской флотилии прорвали японскую линию обороны, расчленили Квантунскую армию и нанесли ей тяжелые потери, что создало условия для ее разгрома³¹⁹. Успешное наступление Советской Армии в Маньчжурии способствовало усилению в правительстве Японии группировки, выступавшей за принятие Потсдамской декларации. 14 августа 1945 г. состоялось имперское совещание, на котором присутствовали все министры. Большинство высказалось за принятие решения о безоговорочной капитуляции, к которому присоединился император³²⁰.

Несмотря на опубликование императорского эдикта о прекращении войны, японские войска продолжали вести боевые действия против Советской Армии. В связи с этим Генеральный штаб Советской Армии сделал следующее разъяснение:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление.

Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии»³²¹.

Сопrotивление, оказываемое японскими войсками Советской Армии, несмотря на принятие Японией условий союзных держав о безоговорочной капитуляции, отражало борьбу наиболее экстремистских военно-фашистских кругов в Японии за продолжение войны.

В ночь с 14 на 15 августа группа «молодых офицеров», возглавляемая подполковником Хатанака, убив командира императорской дивизии генерала Мори, ворвалась во дворец, пытаясь найти грамзапись речи императора о капитуляции и воспрепятствовать передаче ее по радио. Путчисты осадили официальную резиденцию премьер-министра и частные квартиры Судзуки и Хиранума, захватили Токийскую радиостанцию. Однако войска токийского гарнизона не поддержали путчистов, и они вынуждены были сдаться³²². Вплоть до 24 августа продолжались выступления отдельных групп военщины, пытавшихся сорвать мероприятия правительства по осуществлению приказа об условиях капитуляции. Правительство Судзуки, а с 17 августа кабинет принца Хигасикуни принимали все меры, чтобы не допустить революционных выступлений трудящихся под руководством вышедших из подполья прогрессивных партий, особенно КПЯ.

Вместе с тем японское правительство выступило против экстремистских элементов, поскольку они могли нарушить условия капитуляции и поставить под угрозу существование монархии.

Решающее влияние на внутривполитическую обстановку в Японии оказал быстрый разгром Советскими Вооруженными Силами японских войск в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах. «В течение двадцатитрехдневных непрерывных боев враг потерял свыше 677 тыс. солдат и офицеров, из них около 84 тыс. человек убитыми. Наши части захватили большие трофеи. Лишь войсками Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов было взято 3700 орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, 12 тыс. пулеметов, свыше 2 тыс. автомашин. Войска 2-го Дальневосточного фронта и Краснознаменной Амурской флотилии захватили все корабли Сунгарийской военно-речной флотилии»³²³.

2 сентября 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии.

В период войны с Японией многие военные деятели союзных держав признавали решающую роль СССР в ускорении разгрома и капитуляции милитаристской Японии. Так, командующий американскими военно-воздушными силами США в Китае генерал К. Ченнолт заявил корреспонденту «Нью-

Йорк Таймс»: «Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени»³²⁴.

Однако после второй мировой войны правящие круги западных держав предприняли настойчивые попытки умалить роль Советского Союза в разгроме Японии. Госдепартамент США, например, в проекте мирного договора с Японией утверждал, будто Советский Союз участвовал в войне с Японией «только шесть дней». Правительство Советского Союза в своей ноте правительству США разоблачило это утверждение. «Во-первых,— заявлено в ноте,— Советский Союз вступил в войну с Японией точно в срок, как это было условлено на Ялтинской конференции, без какой бы то ни было прощочки. Во-вторых, Советская Армия вела кровопролитные бои с японскими войсками не шесть дней, а в течение месяца, так как Квантунская армия долго еще продолжала сопротивление вопреки императорской декларации о капитуляции. В-третьих, Советская Армия разбила в Маньчжурии 22 японские дивизии — главные силы японской Квантунской армии — и взяла в плен около 600 тыс. японских солдат и офицеров. В-четвертых, Япония пошла на капитуляцию только после первого решающего удара советских войск по Квантунской армии. В-пятых, еще до вступления СССР в войну с Японией, в течение 1941—1945 гг., СССР держал на границах с Маньчжурией до 40 дивизий и приковывал к себе всю Квантунскую армию, облегчая тем самым операции Китая и США в войне против японских милитаристов»³²⁵.

Судьбы второй мировой войны решались на советско-германском фронте, где были сосредоточены главные силы фашистского блока. За годы войны Советская Армия уничтожила, взяла в плен и разгромила 506,5 немецких дивизий. Кроме того, разгрому подверглись 100 дивизий сателлитов Германии. На советско-германском фронте были уничтожены и основные силы вражеской авиации³²⁶.

Высшее военно-политическое руководство Японии понимало, что боевые действия на советско-германском фронте оказывали решающее влияние на исход войны двух коалиций. Именно поэтому оно, поверив в силу гитлеровской Германии и недооценив мощь СССР, сделало ставку на победу фашистского вермахта.

Уверенность японских правящих кругов в том, что СССР будет вскоре разгромлен, а вслед за ним капитулирует и Англия, побудила их принять планы войны против СССР, США и Англии в период, когда Япония вела войну с Китаем.

Победы Советской Армии под Сталинградом, Курском и другие оказывали непосредственное влияние на весь ход второй мировой войны, в том числе на военные действия на Тихом океане. Японские прогрессивные исследователи, авторы книги «История войны на Тихом океане», правильно отмечали, что победа советских войск в Сталинградской битве явилась «тяжелым ударом не только для Германии, но и для Японии и Италии» и способствовала «возвращению Макартура на Филиппины, откуда он бежал в Австралию, преследуемый японской армией»³²⁷.

Советский Союз, перемоловший в боях основную ударную силу Германии и ее сателлитов и добившийся в 1943 г. коренного перелома на советско-германском фронте, создал тем самым условия для коренного перелома во второй мировой войне и победы антифашистской коалиции.

Советский Союз, отвлекая на себя основные силы Германии и ее союзников в Европе и миллионную Квантунскую армию на Дальнем Востоке, дал возможность Соединенным Штатам и Англии в 1942—1943 гг. оправиться от поражений на Тихоокеанском театре войны и подготовить свои вооруженные силы к наступлению.

В конце 1941 — начале 1942 г. почти половина сухопутных войск Японии и почти третья часть авиации были сконцентрированы в Маньчжурии и Корее. К 1 января 1942 г. Квантунская армия насчитывала 1,1 млн. человек, численность японских войск в Корее достигла 135 тыс.³²⁸. На вооружении японских войск, дислоцировавшихся на маньчжуро-корейском плацдарме в начале 1942 г., находилось: 1000 танков, 5800 орудий, 1700 боевых самолетов, в то время как всего в сухопутных войсках Японии насчитывалось 2260 танков, 12 270 орудий и 5000 боевых самолетов³²⁹.

На границах с Советским Союзом японские милитаристы построили 17 укрепленных районов. Укрепленная полоса протяженностью до 800 км насчитывала свыше 4,5 тыс. долговременных фортификационных сооружений³³⁰. За время войны на Тихом океане в Маньчжурии было построено почти 3 тыс. км железных дорог, свыше 300 военных складов, рассчитанных на хранение 300 тыс. т боеприпасов, 12 тыс. т авиабомб и 250 тыс. т горючего³³¹. В 1941—1945 гг. на территории маньчжурского плацдарма японские войска создали 129 авиационных баз и посадочных площадок, в том числе 42 аэродрома³³². Казарменный фонд, рассчитанный в 1941 г. на 39 дивизий, в 1945 г. мог принять до 70 дивизий общей численностью 1,5 млн. человек³³³.

Без преувеличения можно утверждать, что наличие у Японии планов нападения на СССР и сосредоточение около 50% сухопутных сил на советских границах не дали возможности японскому командованию выделить необходимые сухо-

путные войска для продолжения наступления на юге и захвата Новой Зеландии, Австралии, Индии и других территорий.

Строительство в Маньчжурии и Корее мощных укреплений в значительной мере уменьшало возможности японских войск в создании оборонительных сооружений на островах Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. Это облегчало развертывание наступательных операций американских и английских войск, а также боевых действий вооруженных отрядов сил освобождения на территории оккупированных Японией стран.

Советский Союз оказал большую помощь китайскому народу и его вооруженным силам, особенно 8-й новой и 4-й народно-освободительным армиям, поставками оружия, боевой техники, обмундирования, продовольствия, подготовкой военных специалистов и т. д. Это создало условия для развертывания активных боевых действий китайских войск против японских агрессоров. В 1941—1945 гг. японское командование вынуждено было постоянно держать для ведения войны в Китае до 29 дивизий, 24 отдельных бригад и до 660 боевых самолетов³³⁴.

Победы Советской Армии над немецко-фашистскими войсками под Москвой, Сталинградом, Курском, разгром гитлеровской Германии воодушевили китайский, корейский, вьетнамский и другие народы на борьбу за свое освобождение, способствовали развертыванию всенародного движения за изгнание японских захватчиков.

Японский империализм, ввергнувший страну в войну против США и Англии в период военных успехов Германии на восточном фронте, делал *ставку* в своих стратегических планах на поражение Советского Союза. Победа СССР над гитлеровской Германией означала поэтому крушение стратегических планов Японии, предопределила ее поражение.

Советский Союз, разгромивший основные силы сухопутных войск фашистской *коалиции*, в том числе Квантунскую армию, и уничтоживший главную часть ее авиации, внес, таким образом, решающий вклад в разгром империалистической Японии, освобождение народов Восточной Азии и стран южных морей, включая японский народ, от гнета милитаризма.

Глава VI

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЯПОНСКОГО МИЛИТАРИЗМА (1945—1952 гг.)

1. ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ ПОСЛЕ ТОТАЛЬНОГО ПОРАЖЕНИЯ

Поражение Японии во второй мировой войне было не только военной катастрофой. Оно явилось тяжелым ударом по всему социально-политическому строю страны, по идеологии и политике милитаризма. Удар был нанесен по монополистическому капиталу Японии, служившему главной опорой милитаризма. В результате поражения японские монополии («дзайбацу») лишились рынков сбыта и источников сырья за границей. Экономическая мощь и политическое влияние крупного капитала, помещичьих и военно-бюрократических кругов в стране были серьезно подорваны.

Был также значительно ослаблен авторитет монархии — основы государственного строя Японии. Особенно сильно был подорван авторитет армии и флота, вконец разоблачен миф об их непобедимости. Все это способствовало быстрому подъему политической активности японских трудящихся. Волна народного гнева вырвалась наружу, угрожая самому существованию японского капитализма.

Правящие классы страны теряли надежду на то, что им удастся противостоять возмущению народа. Они искали защиты у военных и монополистических кругов США, чьи войска высаживались на территории Японии. «Сразу же после подписания акта о капитуляции, 2 сентября, — отмечали японские историки Сэйдзиро Усами и др., — на заседании Тайного совета страны было решено: „В любом случае мы должны придерживаться такого курса, который позволил бы нам заручиться доброжелательным отношением США“»¹.

«Доброжелательным отношением» Вашингтона, командования американских войск японские правящие круги стремились заручиться задолго до капитуляции, поддерживая тайные контакты и пытаясь договориться о заключении «компромиссного мира» на взаимоприемлемых условиях². Эти попытки не увенчались успехом. Однако и после капитуляции

японские милитаристы, играя на антисоветских настроениях американской и мировой реакции, надеялись, что им удастся обеспечить себе приемлемые условия в будущем. Как уже отмечалось выше, несмотря на рескрипт императора о безоговорочной капитуляции Японии и приказ войскам о прекращении огня³, ожесточенное сопротивление Квантунской армии продолжалось еще более двух недель⁴. И только полный разгром советскими войсками мощной Квантунской армии, насчитывавшей в своих рядах более 780 тыс. солдат и офицеров⁵, и связанный с этим могучий подъем национально-освободительного движения народов Азии отрезвляюще подействовали на военщину Японии. Она была вынуждена сложить оружие. Однако сам факт кровопролитных сражений в то время, когда на других фронтах все военные операции были прекращены, указывал на то, что правительство Японии намеревалось проводить антисоветский курс и после капитуляции, надеясь снискать расположение американской реакции при решении послевоенных проблем.

Американское командование также тревожил политический накал в Японии, который грозил стать помехой для выполнения планов Вашингтона в этой стране. Оно не могло не учитывать того, что в процессе войны в Японии вырос промышленный пролетариат. Немедленно после капитуляции Японии развернулось профсоюзное движение, деятельность демократических организаций, усилилось политическое влияние вышедшей из подполья коммунистической партии. Оно не могло не знать также, что программу коренных социальных и политических преобразований Японии, изложенную в Потсдамской декларации, поддерживали широкие массы японского народа, испытавшего огромные лишения во время войны и продолжавшего испытывать их после ее окончания⁶. Из 1 500 000 убитых и пропавших без вести 600 000 составляли жертвы среди мирного населения; 8 800 000 человек (12% населения) остались без крова⁷. После демобилизации в деревню вернулось около 2 000 000 солдат, многие из которых принесли с собой чувство разочарования в прошлой агрессивной политике Японии и ненависть к войне. Эти люди возглавили демократическое движение в деревне, еще недавно служившей прочной опорой японской реакции и милитаризма.

Тревогу американской и японской реакции вызывало развитие событий и за пределами Японии: на территории бывших колоний в Азии развернулась упорная борьба за национальное освобождение от иностранного господства, угрожая уничтожением всей колониальной системы. Во главе освободительной борьбы в Китае, Корее и Вьетнаме встали коммунистические партии. 23 августа 1945 г. была образована Демократическая Республика Вьетнам. В Индонезии — колонии англо-голландского империализма с населением более

70 млн. человек — 15 августа была провозглашена независимая республика. В это же время был ликвидирован фашистский режим в Таиланде; набирало темпы освободительное движение в Бирме, Индии и других странах Востока⁸. Несомненно, эти события оказали большое влияние на положение в Японии, способствуя быстрому развитию антимилиитаристских, демократических тенденций в стране.

В этой сложной обстановке японские правящие круги, так же как и политики в Вашингтоне, принимали энергичные меры для предупреждения краха милитаристского императорского режима в Японии. Монополистические круги стремились укрепить свои позиции, заручившись поддержкой победившей Америки. Достижению этих целей способствовал ряд объективных обстоятельств.

Во-первых, оккупация Японии (в отличие от оккупации гитлеровской Германии и фашистской Италии) началась не в ходе военных действий на территории страны, а лишь через две недели после принятия ею условий капитуляции. Время до начала высадки американских войск было в максимальной степени использовано руководящими реакционными и милитаристскими кругами для того, чтобы подготовиться к оккупации, сделав все возможное для «сбережения резервов» милитаризма, учитывая перспективу активизации его деятельности в будущем. Были уничтожены секретные архивы, а много военного и дефицитного имущества спрятано в отдаленных от крупных городов горных районах страны.

Более того, «это позволило японской реакции создать представление у известной части народа, что Япония не разбита», что она сложила оружие «по воле императора»⁹, а не потому, что ее заставили капитулировать. Усилия японской пропагандистской машины были направлены на то, чтобы спасти авторитет и престиж императора, который в трудный момент «позаботился» о мире, и вместе с тем объединить вокруг реакционной монархии все антинародные, милитаристские силы.

Накануне высадки американских войск в Японии между крупнейшими компаниями были распределены дефицитные материалы стоимостью более 100 млрд. иен (в ценах 1940 г.). Правительство принца Хигасикуни, существовавшее с 17 августа по 6 октября 1945 г., должно было обеспечить мирную оккупацию Японии. Хигасикуни был принцем крови и пользовался полным доверием военщины. Его правительство первым делом распорядилось выплатить крупные суммы военно-промышленным компаниям за военные заказы — выполненные и не выполненные ими. Это привело к тому, что сумма эмиссии Японского государственного банка возросла с 30 млрд. иен на 15 августа до 40 млрд. иен к концу месяца¹⁰, а в распоряжение «дзайбацу» поступили средства, предназначенные для укрепления их пошатнувшейся экономической силы и по-

литической власти в послевоенное время. Получив колоссальные доходы в процессе подготовки войны и ее развертывания, они, таким образом, нажились даже на поражении Японии¹¹.

Во-вторых, японский государственный аппарат военного времени был сохранен и продолжал функционировать под контролем американских властей как во время принятия капитуляции, так и после нее¹².

Сменявшие друг друга кабинеты — принца Хигасикуни, барона Сидехара, Иосида и др. по своему составу оставались крайне реакционными. Члены этих правительств в той или иной степени также были ответственны за прошлую политику войны и агрессии. Они делали все от них зависящее, чтобы сохранить в стране социально-политическую и экономическую базу милитаризма, всячески препятствуя даже тем куцым демократическим реформам, которые американским властям пришлось осуществить в первые годы оккупации. Вынужденные признать полное военное поражение Японии, ее безоговорочную капитуляцию, эти люди мечтали о возрождении милитаризма, связывая с ним будущее военного и политического могущества японского империализма в Азии. «Потерпев поражение, японские милитаристы стали готовиться к длительной борьбе, — писал в 1946 г. американский историк Виллард Прейс. — Они готовили Японию к будущим войнам, которые должны были последовать, даже если на это потребуется сто лет, пока будет достигнута окончательная победа»¹³. В этом направлении особенно усердствовала японская военщина. В день оккупации на улицах Токио и других городов появились огромные плакаты, утверждавшие, что капитуляция — это всего лишь неприятный эпизод в истории страны, за которым последует подготовка к будущим победам. «Никогда еще великая Япония не терпела поражения, — было написано на одном из таких плакатов. — Нынешние трудности — только ступенька к будущему. Сплотившись вокруг императорского трона, продолжим борьбу...»¹⁴.

Не случайно в императорском рескрипте о капитуляции от 15 августа отсутствовало слово «поражение», а в качестве главной причины, заставившей Японию сложить оружие, выдвигалась забота императора о прекращении войны, которая «могла бы привести к полному уничтожению человечества». Пропагандисты идей реванша Японии утверждали, что рескрипт императора о капитуляции дал возможность сохранить национальный государственный строй страны, а народу выжить в самые трудные для нации дни¹⁵. Некоторые пропагандисты реваншизма шли еще дальше, они заявляли: «Мы проиграли, но это только временно. Ошибка Японии состояла в недостатке материальной силы, научных знаний и вооружения. Эту ошибку мы исправим»¹⁶.

В-третьих, сохранению основ реакционного капиталистиче-

ского режима в Японии способствовала оккупационная политика штаба войск США. Деятельность американских оккупационных войск во главе с генералом Макартуром во многом противоречила согласованным целям союзных держав. «Уже в первые дни оккупации,— писал по этому поводу историк Ф. Хант,— Макартур не питал иллюзий насчет результатов союзнической оккупации и вел дело по-своему»¹⁷.

Вскоре после своего прибытия в Токио в качестве главнокомандующего союзных держав Макартур заявил, что военной оккупации Японии не будет, а делами страны будет заниматься императорское правительство Японии под дружественным контролем американских оккупационных властей¹⁸. Это заявление Макартура свидетельствовало о готовности официальных кругов Вашингтона пойти на сближение с реакционными силами Японии, об их желании «найти общий язык» с правящими кругами этой страны¹⁹. Оно совпало с содержанием инструкций, полученных Макартуром 29 августа по радио из Вашингтона, которыми предписывалось действовать в Японии так, чтобы при любых обстоятельствах в стране было создано и функционировало правительство, «поддерживающее цели Америки». «В случае возникновения разногласий между главными союзными державами,— указывалось в этом документе,— надлежит следовать американской политике»²⁰.

Эти инструкции сами по себе должны были вызвать противоречия и разногласия между США и союзниками в войне против японского милитаризма. Они шли вразрез с требованиями Потсдамской декларации и других важнейших международных документов по Японии. Они давали право главнокомандующему союзных держав игнорировать любые решения или мероприятия, если таковые не отвечали «целям Америки».

Цели эти не оставляли сомнения: они заключались в том, чтобы, используя факт односторонней оккупации территории Японии американской армией, превратить эту страну в орудие антисоветской, антикоммунистической политики, в плацдарм для расширения американской империалистической агрессии²¹.

Игнорирование требований Потсдамской декларации, обострение в связи с этим противоречий между союзными державами по вопросу о характере и направлении дальнейшего развития Японии соответствовали устремлениям самой махровой японской реакции. «Не надо травмировать чувств японцев,— писал в своем посмертном завещании, обращаясь к американцам, лидер японских милитаристов Х. Годзио.— Я прошу вас не допускать превращения Японии в коммунистическую страну. Американские лидеры сделали большую ошибку, разрушая антикоммунистические силы Японии. Раз-

оружать Японию,— подчеркивал он,— это все равно, что лишить ее помощи, когда воры готовы забраться к ней в дом. По вине США и Англии коммунизм делает успехи в Азии»²².

Как видно, военный преступник Тодзио прежде всего и главным образом боялся «превращения Японии в коммунистическую страну». Этому же боялись реакционные круги США и других западных стран, взявшие под защиту антикоммунистические элементы Японии. Особенно большое беспокойство у них вызывала политика Советского Союза, его последовательная борьба за демократический путь развития Японии. Американский ученый В. Рейтцель писал в связи с этим: «Американские политики согласились на том, что борьба между США и Советским Союзом уменьшила важность усилий, направленных на то, чтобы изменить японское общество, и что более важно было восстановить Японию как главную базу американских вооруженных сил и уменьшить напряжение американских ресурсов. Это больше соответствовало цели американской политики в Азии, чем демократизация Японии. Более того, развитие событий в Азии и соперничество в Европе заставляли думать, что перевооружение Японии, ее стратегическая роль приобретают для США особо важное значение»²³.

Взяв под защиту наиболее реакционные силы Японии, допустив их к руководству страной, Макартур тем не менее не решался их официально реабилитировать. С учетом общей политической обстановки в азиатских странах, развивавшейся не в пользу колонизаторов, Макартур по указанию из Вашингтона по крайней мере первое время должен был избегать обострения отношений с СССР и с другими союзниками. Резкий открытый поворот в политике был невозможен сразу же после поражения Японии: этому воспротивилось бы мировое и американское общественное мнение, требовавшее строгого наказания японских милитаристов, тотального разоружения Японии, уничтожения ее военно-промышленного потенциала.

Поэтому на словах Вашингтон продолжал заверять общественность в своей готовности сотрудничать «в деле полного разоружения и демилитаризации Японии... устранения власти и влияния милитаристов из сфер политической, экономической и общественной жизни, решительной ликвидации институтов, порождающих дух милитаризма и агрессии»²⁴.

К тому же в правящих кругах США еще сильны были позиции «сторонников политической линии Рузвельта», настаивавших не только на военном, но и экономическом разоружении Японии и видевших в этом благоприятную возможность устранения в ее лице опасного для США соперника в Азии.

Однако голоса тех, кто выступал за полную демилитаризацию Японии, скоро были заглушены в США сторонниками

«холодной войны», вынашивавшими идею организации похода против коммунизма, против национально-освободительного движения в странах Азии. А поскольку Советский Союз последовательно отстаивал путь мирного, демократического развития Японии, постольку организаторы «холодной войны» направляли свои усилия на дискредитацию политики СССР в Азии.

Сторонники «мягкого подхода» к Японии (к числу их принадлежали Джон Ф. Даллес, генерал Макартур и многие другие военные и государственные деятели Америки) утверждали, что эта страна больше не представляет угрозы для США, что главным врагом является не капитулировавшая Япония, а Советский Союз, выступающий в качестве «оплота международного коммунизма»²⁵. В этих условиях, по их мнению, экономическое разоружение Японии, ее демилитаризация не отвечали целям американской политики.

Находившийся при штабе американских оккупационных войск известный журналист Марк Гейн записал в своем дневнике, что уже в первые месяцы оккупации влиятельные американские военные выступали против коренных преобразований в поверженной Японии. Они утверждали, что консервативная Япония «является нашим наилучшим союзником в будущей борьбе против России». В феврале 1946 г. один из руководителей американской военной администрации заявил автору дневника: «Не будем заблуждаться. Нам нужна сильная Япония, ибо настанет день, когда нам придется столкнуться с Россией, и для этого потребуется союзник. Таким союзником будет Япония». «Ликвидация военной машины Японии,— пишет Гейн,— была иллюзорной»²⁶.

Эта линия руководящих кругов США на поддержание реакционных, антисоциалистических сил в мире для борьбы против СССР превращалась в главную «ось» американской внешней политики. В книге «Эра Трумэна» И. Стоун пишет о том, что фактически сразу же после окончания войны США приступили к осуществлению курса, имевшего целью воспрепятствовать росту социализма, и этой задаче была подчинена вся внешняя политика не только в Японии, но и в Европе.

Общая политическая ситуация в Азии, настоятельное требование народов искоренить остатки фашизма и милитаризма не позволяли реакционным силам США открыто поддерживать японских милитаристов. До поры до времени замысел этих сил маскировался заверениями о стремлении к миру, демократии и прогрессу. В Японии в связи с такой обстановкой пришлось пойти на некоторые демократические реформы. Но как только укрепилась сила японской реакции, введение подобных реформ прекратилось, а те, которые были введены, стали пересматриваться в пользу монополистических реваншистских кругов. Поэтому утверждение американских и дру-

гих буржуазных историографов и политиков о том, что американская оккупация Японии достигла целей союзных держав в этой стране, а США примерно до 1949 г. лояльно выполняли решения союзных держав и только «катастрофа в Китае» заставила их в корне изменить свою политику и встать на путь превращения Японии в «плацдарм борьбы с коммунистической опасностью в Азии», не соответствует реальным фактам²⁷.

В действительности с самого первого дня односторонней оккупации Японии американскими войсками Вашингтон проявлял постоянную заботу о сохранении реакционных основ политического режима в стране, а также экономической базы для последующего восстановления военного потенциала.

Победа революции в Китае еще в большей степени подняла роль и значение Японии в глазах американских военных стратегов и политиков. Но это вовсе не означает, что до 1949 г. американские политики и военные власти якобы выполняли требования Потсдамской декларации и своей оккупационной политикой способствовали превращению Японии в миролюбивое, демократическое государство.

На фронтах войны с Японией шли упорные, кровопролитные бои, а в Вашингтоне уже раздавались призывы не стремиться к полному уничтожению военной мощи Японии, сохранив ее в качестве потенциального союзника США для укрепления американского господства в Азии.

«Опасность нового завоевания Азии Японией должна быть устранена,— писал в 1942 г. видный американский историк Спайкман.— Но это вовсе не означает полного уничтожения военной мощи Японии. Ибо это могло бы привести в будущем к переходу западной части Тихого океана под руководство России или Китая. Для США большую трудность в послевоенные годы будет представлять не Япония, а Китай, чья потенциальная сила больше, чем сила Японии. Если равновесие сил на Дальнем Востоке должно быть сохранено в будущем, США должны будут принять политику поддержки и защиты Японии»²⁸.

Бурные события, развернувшиеся в Китае после окончания второй мировой войны, давали США все меньше надежд на эффективное использование его огромной потенциальной силы в интересах своей империалистической политики. «С точки зрения управляемости,— писал другой американский ученый — Л. С. Каплан,— Китай уже давно был не стратегическим плацдармом, а скорее стратегическим болотом... Это огромный, разъединенный, плохо организованный континент, населенный обнищавшим, крайне индивидуалистичным народом». И хотя, подчеркивает автор, «правительство США постоянно указывало на „важность интересов США в Китае“, после 1946 г. и в последующие годы это выражение употреби-

лялось в таком контексте, что оно утрачивало свое первоначальное значение»²⁹.

В ноябре 1945 г., выступая на пресс-конференции в Токио, бывший посол США в Китае Кларенс Гаусс и ответственный сотрудник госдепартамента Д. Винцент говорили о том, что, несмотря на разрушения военных лет, Япония в промышленном отношении стоит далеко впереди Китая, и он не сможет заменить Японию «даже через много лет»³⁰.

В Вашингтоне не было спора о том, Китай или Япония должны стать американским стратегическим плацдармом в Азии. Китай как крупный рынок и сфера приложения капитала для монополий США был чрезвычайно важен. Но не менее важна была Япония как военный и политический плацдарм, для укрепления которого США принимали самые энергичные меры.

Об этом свидетельствовала деятельность в Китае летом 1947 г. известной миссии генерала Ведемейера, который должен был «увязать политику в Китае» с курсом на ремилитаризацию Японии. «Миссия Ведемейера ставила задачу вынудить у клики Чан Кай-ши согласие: а) на сокращение, а затем и отказ от репараций с Японии; б) на подготовку и заключение мирного договора с Японией на условиях, выдвинутых США; в) на восстановление крупнейших японских монополий („дзайбацу“) и японской армии; г) на поставку Китаем сырья для японской промышленности и открытие Китаем рынков для японских промышленных товаров с целью разрешить проблему конкуренции с Японией на мировом рынке за счет Китая»³¹. Уже в сентябре 1947 г. Чан Кай-ши совершенно прекратил кампанию против ремилитаризации Японии. Тогда же в Китай по поручению Макартура прибыла миссия Эксмана для изучения вопроса о китайских ресурсах, которые можно было использовать для восстановления военной промышленности Японии³². Что касается самого Макартура, занимавшегося практическим осуществлением оккупационной политики, то уже в самом начале оккупации он был твердо убежден, что «Япония заняла место Китая в качестве главной опоры нашей политики в Азии». Макартур считал, что победа над Японией «дала США возможность укрепить свое стратегическое положение и превратить Японию в новый плацдарм, а Филиппины — в тыловую базу»³³.

Разумеется, чтобы превратить Японию в такой плацдарм, имелось в виду не просто сохранить ее военный потенциал, кадры ее военных специалистов. Соединенным Штатам нужна была вооруженная, но послушная Япония, которая была бы заинтересована в осуществлении совместной империалистической политики в Азии, поступившись ради этого существенным образом своим национальным суверенитетом.

Приступая к решению этой задачи, правящие круги Аме-

рики сознавали, что в лице японской реакции и милитаристов они имеют дело с опытными, коварными партнерами, сохранившими значительные силы и рассматривавшими свое поражение как «ошибку», как «эпизод столетней войны». В США не могли не знать, что, возродившись при благоприятном стечении обстоятельств, японский воинствующий милитаризм мог начать «все сначала»³⁴.

Война закончилась поражением Японии, но острые противоречия, приведшие к вооруженному столкновению двух империалистических хищников, не были разрешены. «Упорнейшая борьба между Японией и Америкой... из-за Тихого океана и обладания его побережьями», продолжавшаяся, по выражению В. И. Ленина, «уже многие десятилетия»³⁵, могла возникнуть с новой силой после того, как японский милитаризм оправится от тотального поражения и наберется сил для «нового броска».

Учитывая такую возможность, американский империализм стремился в максимальной степени использовать благоприятную для него обстановку, сложившуюся после войны, чтобы занять господствующие военные, политические и экономические позиции в Азии и в самой Японии. Соединенные Штаты оккупировали или взяли под свой контроль многие из территорий, которые прежде входили в состав Японии или находились в зависимости от нее (Окинава, Тайвань, о-ва Микронезии и др.), построив там военные базы и дислоцировав свои войска. Американский капитал ринулся на рынки и в экономику азиатских стран; он поставил под контроль источники сырья японской промышленности и рынки сбыта ее товаров. США постарались «привязать» экономику, внешнюю торговлю Японии к собственной экономике, с тем чтобы иметь возможность оказывать «направляющее влияние» на их развитие.

Военный союз между США и Японией — «это очень важно,— писал Э. Рейшауэр.— Но еще важнее тот факт, что Япония тесно связана с нами экономически и $\frac{9}{10}$ ее торговли падает на западные страны, особенно на США»³⁶. Поэтому оккупационная политика США в Японии, хотя и была «мягкой и снисходительной» в отношении ее правящих кругов, монополий и военщины, тем не менее учитывала наличие неразрешенных (и неразрешимых) противоречий между двумя странами и предусматривала твердые меры, способные обезвредить потенциального противника, которого американский империализм стремился превратить в своего младшего партнера по разбою в Азии.

Устанавливая «деловые контакты» с теми японскими кругами, которые были ответственны за войну, США в то же время стремились обеспечить себе военный, политический и экономический контроль в стране и на будущее. Решению этих задач и была, по существу, посвящена вся деятельность окку-

пационных властей, которые само разоружение Японии, демобилизацию ее армии, роспуск монополий, наказание военных преступников и даже проведение некоторых демократических преобразований в стране подчиняли достижению указанных целей.

Американские власти в то же время не могли не считаться с настойчивым требованием мирового и американского общественного мнения о полной демилитаризации и демократизации Японии, тем более что в самой Японии быстро росло демократическое движение. Они не могли полностью игнорировать важнейшие международные договоры и соглашения (решения Каирской и Крымской конференций, условия Потсдамской декларации, решения Московского совещания и другие документы, определявшие цели и методы оккупационной политики союзных держав), под которыми стояли подписи также и правительства США. Значение всех этих факторов в политике оккупационных властей в Японии усиливалось бескомпромиссной, принципиальной позицией Советского Союза, требовавшего последовательного проведения в жизнь согласованных решений союзных держав, предусматривавших превращение Японии в миролюбивое, демократическое государство. Союзнические органы — Дальневосточная комиссия (в Вашингтоне) и Союзный совет (в Токио) — стали ареной острой политической борьбы между Советским Союзом и США. Причем американская дипломатия стремилась использовать эти органы для упрочения своего престижа и авторитета в Японии, для прикрытия истинных целей своей политики. Американские авторы Рейтцель, Каплан и Кобленц в упоминавшейся выше монографии «Американская внешняя политика (1945—1955 гг.)» характеризуют эту политику в Японии в период до 1948—1949 гг. как двойственную, двусмысленную («ambiguous» — *англ.*)³⁷.

Эта «двойственность» и «двусмысленность» действий Вашингтона и американских оккупационных властей в полной мере сказались при решении таких важных проблем, как разоружение и демобилизация армии Японии, демилитаризация экономики, выплата репараций странам, пострадавшим от японской агрессии, наказание японских военных преступников, роспуск и запрещение деятельности милитаристских организаций и др.

2. ОТКАЗ США ОТ ЛИКВИДАЦИИ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЯПОНИИ

Решение вопроса о демилитаризации японской экономики имело наиболее важное значение для достижения конечных целей союзной оккупации. Милитаризм в Японии опирался

главным образом на экономическую мощь японского крупного капитала, которая служила базой для его экспансионистских устремлений³⁸.

Как уже говорилось в предыдущих главах, «дзайбацу», заинтересованные в упрочении своих торговых, экономических позиций в Восточной и Юго-Восточной Азии, где они расширяли сферу своей деятельности, явились главной движущей силой подготовки и ведения войны.

Политика союзных держав в полной мере учитывала важность ликвидации экономической базы японского милитаризма. В Потсдамской декларации указывалось, что Японии будет разрешено иметь лишь «такую промышленность, которая позволит поддержать ее хозяйство и взыскать репарации натурой, но не отрасли промышленности, которые позволят ей снова вооружаться для ведения войны»³⁹. В заявлении Белого дома «О политике в отношении Японии», опубликованном 24 сентября 1945 г. и подготовленном на основе Потсдамской декларации, подчеркивалось, что существующая экономическая база японской военной мощи должна быть уничтожена и исключена возможность ее возрождения. В нем предусматривалось устранение в самой Японии отдельных отраслей промышленности или цехов, основная ценность которых для Японии заключается в подготовке к войне, запрещение специализированных научных исследований, ограничение по размерам и характеру тяжелой промышленности до ее будущих мирных потребностей, сокращение японского торгового флота, введение системы инспекции и контроля над отдельными элементами японской экономической деятельности, с тем чтобы предотвратить скрытую военную подготовку⁴⁰. Документом предусматривался «роспуск крупных промышленных предприятий и банковских объединений, которые осуществляли контроль над большей частью торговли и промышленности Японии», запрещался «доступ и выбор постов, имеющих значение в экономической области, лицам, которые отказываются руководить будущими экономическими усилиями Японии исключительно в мирных целях»⁴¹.

Указанные выше положения были затем развиты в решении Дальневосточной комиссии (ДВК) «Основная политика в отношении Японии после капитуляции» от 19 июня 1947 г.⁴² 13 мая 1946 г. ДВК конкретно определила отрасли, производственные мощности которых подлежали полному или частичному изъятию в счет репараций. Полностью предлагалось изъять оборудование армейских и военно-морских arsenалов, самолетостроительных заводов, предприятий по производству газа, алюминия, магния. Частичному изъятию подлежало оборудование станкостроительных заводов, судостроительной промышленности, отраслей металлургической промышленности, промышленности серной кислоты, синтетического горю-

чего, углекислой соды, хлора и каустической соды, шарикоролковых и шарикоподшипниковых предприятий, тепловых электростанций, частных военных предприятий.

Для того чтобы по возможности сохранить основу военно-экономической мощи «дзайбацу», японское правительство приняло соответствующие меры еще накануне оккупации. Однако важное значение имело и то обстоятельство, что на завершающем периоде войны, когда участились массовые воздушные налеты на японские города и промышленные центры, удары американской стратегической авиации приходились на нефтехранилища, нефтеперегонные, авиационные заводы и... жилые кварталы. Зато многие объекты военной промышленности не подвергались массированным ударам авиации. В книге «История второй мировой войны» Х. Коммагер пишет о том, что, согласно данным главнокомандующего американской стратегической авиацией генерала Спаатса, американская авиация, действовавшая с территории Марианских островов, Индии и Китая, совершила за время войны 32 612 налетов, сбросив 169 421 т бомб. Бомбардировки сократили в Японии производство самолетов на 60%, были разрушены главные нефтеперерабатывающие заводы⁴³.

На предприятия японской нефтеобрабатывающей промышленности было сброшено более 7% всех бомб, в результате чего ее мощности были уничтожены на 85%⁴⁴.

Японские ВВС и ВМС лишились горючего и смазочных материалов, что значительно сократило возможность использования их в боевых операциях, особенно на заключительном этапе войны, когда связи Японии с зарубежными источниками получения нефти были уже прерваны.

Однако налеты американской авиации лишь в незначительной степени затронули многие другие важные отрасли японской экономики, имеющие первостепенное значение в ее военно-промышленном потенциале.

Начиная с 1 января 1945 г., к моменту капитуляции, японская авиамоторная промышленность выпустила 6509 авиационных моторов, 5823 самолета наземной и морской авиации. Было также произведено 209 337 винтовок, 4751 пулемет, 2180 радиостанций среднего габарита и 2676 радиостанций малого габарита, 101 военный корабль общим водоизмещением 98 240 *бр.-рег. т.* В Японии и Маньчжурии к этому времени выплавлялось около 2 млн. т стали, добывалось более 30 млн. т угля в год⁴⁵.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что и к концу войны на территории Японии предприятия военной промышленности, металлургические заводы и шахты продолжали функционировать. Американские бомбы обрушивались главным образом на предприятия нефтеперерабатывающей, легкой и пищевой промышленности и еще больше на жилые

кварталы японских сел и городов, что имело целью оказание психологического, деморализующего воздействия на мирное население страны ⁴⁶.

Согласно данным Совета экономической стабилизации, обследовавшего состояние японской послевоенной экономики, сумма ущерба от американских бомбардировок распределялась следующим образом: от разрушения жилых зданий, зданий заводов, торговых предприятий и от гибели имущества — 70%, от гибели судов — 13% ⁴⁷; от разрушения машинного оборудования — 9% ⁴⁸ всей суммы ущерба. Как видно, доля разрушения машинного оборудования (всего 9%) была незначительной. Общий ущерб, нанесенный японской экономике, составил 29 млрд. долл. (в ценах 1954 г.). Однако ущерб, нанесенный промышленности страны (в том числе ее основным отраслям), составил 34,3% всех имевшихся производственных мощностей ⁴⁹.

Таким образом, материально-техническая база японского милитаризма, хотя и была сильно дезорганизована и ослаблена, сохранила значительные мощности и после капитуляции страны. Это было прямым следствием политики американского империализма, который рассчитывал в будущем использовать под своим контролем захваченные промышленные объекты в интересах укрепления собственных позиций в Азии.

Американским оккупационным властям потребовалось более трех лет подготовки, прежде чем США объявили «политику стабилизации» японской экономики (декабрь 1948 г.) ⁵⁰. Этому предшествовал период искусственного торможения, дезорганизации экономики, особенно ее мирных отраслей. Американский империализм был заинтересован не в восстановлении экономической мощи Японии вообще, а лишь на условиях подчинения ее целям своей политики, на условиях полного согласия японских правящих кругов служить этим целям.

Американские бизнесмены использовали трудности обеспечения населения товарами первой необходимости, их вполне устраивал саботаж японских монополий, отказавшихся от участия в восстановлении официально разрешенных оккупационными властями мирных отраслей промышленности.

В результате многие отрасли промышленности Японии, главным образом мирные, в период оккупации оказались парализованными. Американские власти в Японии взяли под свой строгий контроль снабжение работающих предприятий сырьем и топливом. Для голодающих японцев (а их были миллионы) из США стало поступать продовольствие, что сопровождалось пропагандой американского гуманизма. В то же время неопределенность американской репарационной политики, то и дело менявшиеся списки предприятий, подлежащих изъятию, бойкот и саботаж прежних владельцев

предприятий привели к утечке капиталов из основных отраслей промышленности во второстепенные. Предприниматели препятствовали восстановлению мирных отраслей экономики, надеясь «рукой голода» подавить растущее демократическое движение. Расцвели черный рынок, коррупция среди чиновников, усилилась инфляция, что привело к дальнейшей дезорганизации производства.

Все это ставило Японию в тяжелое положение. Рост недовольства в японском народе, резкая критика в адрес монополий со стороны японской общественности вызвали тревогу в правящих кругах США, стремившихся к подчинению, но не к ликвидации японского крупного капитала, в котором они видели своего будущего союзника и главную социальную опору в стране. Были осуществлены меры в обход согласованных решений, принятых союзными державами и направленных на разукрупнение и демилитаризацию японской экономики.

В августе 1946 г. была создана Федерация экономических организаций (Кэйданрэн) — орган монополистического капитала Японии. В эту организацию со временем вошло более ста крупных ассоциаций и компаний, в том числе компаний металлургической, электромашиностроительной, химической промышленности, а также более 750 других компаний. Будучи ведущим экономическим объединением, отражающим главные тенденции в японском деловом мире, Кэйданрэн могла излагать правительству свое мнение по вопросам, имеющим принципиальное значение. Поэтому роль этой организации в формировании политики правительства, в том числе в вопросах вооружения, была и остается исключительно большой. Позднее были созданы и другие влиятельные экономические организации: Никкэйрэн — Федерация ассоциаций предпринимателей — главный штаб промышленников в борьбе с демократическими профсоюзами; Ниссио — торгово-промышленные палаты, Кэйдзай Доюкай — Общество экономических единомышленников и др.

Так было положено начало официальному признанию роли крупного монополистического капитала Японии в восстановлении с помощью американских монополий и банков капиталистического хозяйства страны. По мере укрепления позиций монополистической буржуазии в экономике и подчинения государственного аппарата отношению американских оккупационных властей к японским «дзайбацу» становилось все более снисходительным, а политика сохранения и восстановления военно-промышленного потенциала Японии — целенаправленной и откровенной⁵¹. «Я не защищаю дзайбацу. Они были вдохновителями агрессии. Сегодня они держат в своих руках японское правительство,— заявил в октябре 1946 г. начальник промышленного отдела штаба Макартура Локк.— Но что делать? Истребите дзайбацу, и на ближайшие 10 лет в стране

воцарится хаос или возникнет социалистическая экономика... Разорите дзайбацу, и мы не будем иметь объектов для наших капиталовложений в Японии»⁵².

В интересах сохранения монополий решался оккупационными властями и «репарационный вопрос»⁵³. Начиная с 1945 г. им занимались три авторитетные правительственные миссии США, и каждая из них вносила свою лепту в сокращение репарационных обязательств Японии*:

Категория отраслей промышленности	Млн. иен, цены 1939 г.		
	Миссия Поули (1945 г.)	Миссия Страйка (1947 г.)	Миссия Джонсона (1948 г.)
Из всех видов промышленности . . .	990	172	102
Из военной промышленности	1476	1476	560

* J. В. Cohen, *Japan's Economy in War and Reconstruction*, 1949, стр. 425.

В 1948 г. США окончательно отказались от обязательств произвести репарационные поставки из Японии⁵⁴. Таким образом, экономическая база японского милитаризма была сохранена. Одновременно происходил быстрый процесс концентрации промышленного производства, слияние японских монополий (часть из которых временно была разукрупнена)⁵⁵, восстановление и наращивание экономической мощи японских «дзайбацу». В 1953 г. японским парламентом был принят закон, санкционировавший возрождение монополистических объединений. В последующие годы, и особенно в начале 60-х годов, японское правительство в законодательном порядке осуществило систему мер, направленных на всемерное стимулирование концентрации промышленности: крупнейшим монополиям предоставлялись особые льготы и привилегии при распределении военных и других заказов, а также займов и разного рода субсидий.

Таким образом, после застоя в японской экономике, «консервации» ее промышленных мощностей в первые годы американской оккупации происходит быстрый процесс возрождения силы и влияния крупного монополистического капитала, его организаций. Восстанавливаются прежде всего те отрасли, которые в последующие годы станут главной базой развития быстро растущей военной промышленности страны.

3. ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЯПОНИИ. ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ

Важнейшим для судеб японского народа являлся вопрос о демократизации государственного и политического строя Японии. Решениями союзных держав предусматривалась демократизация государственного аппарата страны, что должно было привести не только к перестройке деятельности правительства и его учреждений, но и к ликвидации многочисленных фашистских, ультранационалистических обществ и других институтов японского милитаризма, к коренной реорганизации системы образования и воспитания молодежи, а также пропагандистского аппарата. Речь шла об уничтожении милитаристской идеологии и политики Японии, о судьбе самих носителей этой идеологии, о наказании многих сотен тысяч военных преступников. «Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех,— говорится в связи с этим в Потсдамской декларации,— которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира»⁵⁶. В «Основной политике в отношении Японии после капитуляции» главнокомандующему предписывалось: «Запретить оставление на важных постах в экономической сфере деятельности лиц, которым ввиду их прошлых связей и по другим причинам нельзя доверять руководство японскими экономическими усилиями, направленными исключительно на достижение мирных демократических целей»⁵⁷.

Подписав «Акт о безоговорочной капитуляции», правящие круги Японии свои главные усилия направили на то, чтобы сразу же найти взаимопонимание с американской армией и оккупационными властями. Японская военщина и правящие круги постарались обеспечить им «хороший прием» в Японии. Оккупация, по выражению Макартура, была осуществлена «без единого выстрела и без единой жертвы со стороны союзных войск»⁵⁸, хотя японская армия и готовилась к длительной обороне⁵⁹. Правящие круги Японии с полной готовностью предложили свои услуги в выполнении мероприятий американской оккупационной политики. «Стратегия японцев будет состоять в том,— писал в то время американский ученый Виллард Прайс,— чтобы вести себя пока самым лучшим образом, чтобы добиться быстрого окончания оккупации, развить индустрию, восстановить экономическую мощь страны в целях перевооружения... Ни одна страна не умеет скрывать с таким искусством свою военную готовность и способность мобилизовать экономику для ведения войны (от собственного и от других народов), как это умеют делать в Японии»⁶⁰.

Буржуазная пресса Японии как по команде стала печатать статьи, в которых утверждалось, что война с США была ошибкой, она была якобы непопулярна в японском народе в отличие от войны с Россией в 1904—1905 гг., когда японцы были «полны ненависти к врагу». «Я не думаю, что война с Америкой была популярна в японском народе,— заявил в интервью с американским корреспондентом главный обозреватель газеты „Ниппон Таймс“ Каваи.— Она была явным контрастом к тому, что происходило накануне войны с Россией. В то время было очевидно, что народ проникся ненавистью к русским и считает их своими врагами. Поэтому та война была популярна. Совсем противоположная картина наблюдалась на этот раз...»⁶¹.

Расчеты японских милитаристов на снисходительное отношение к себе со стороны штаба американских войск полностью оправдались.

2 сентября 1945 г. штаб издал приказ о введении в Японии военной администрации. Это не на шутку встревожило японское правительство, усмотревшее в этом угрозу государственному устоям, которые оно стремилось сохранить во что бы то ни стало. Министр иностранных дел М. Сигэмицу немедленно отправляется в штаб Макартура с просьбой не делать этого. Его просьба была удовлетворена⁶². Фактически введение военной администрации не входило в планы Макартура. Но, издав такой приказ, а затем согласившись его отменить по просьбе японских правящих кругов, генерал хотел продемонстрировать свое «доброе отношение» к ним, готовность идти на компромисс, в том числе и по весьма принципиальным вопросам, разумеется, при условии, что аналогичная готовность будет проявлена и со стороны японцев.

Не было недостатка в демонстрациях «взаимного понимания» между реакционными и милитаристскими кругами двух стран. Например, командующий американской оккупационной зоной в Корее генерал Ходж оставил было там без всякого изменения японскую колониальную администрацию, возложив на нее также и карательные функции против местного населения (разумеется, с разрешения Вашингтона). Когда возмущенные корейцы потребовали разоружения и изгнания из страны японских поработителей, японская полиция расстреляла демонстрацию корейцев на глазах их американских «освободителей»⁶³. Факт этот вызвал резкие протесты демократической общественности многих стран мира, в том числе и Америки. На сей раз генерал Ходж вынужден был отказаться от услуг японской военщины в Корее.

Подобная же линия «на взаимопонимание» с японским милитаризмом проводилась и в Китае, где по договоренности с американским командованием японская армия не только категорически отказалась сдавать оружие частям Народно-ос-

вободительной армии Китая; но в сентябре и октябре 1945 г. даже приняла участие в боевых операциях на стороне гоминьдановцев. Бывший президент Трумэн признал, что если бы японцы сразу же сложили оружие (как того требовали условия капитуляции), то гоминьдановцы лишились бы власти на всей территории страны. «Эти операции, в которых японцы использовались для того, чтобы остановить коммунистов,— писал Трумэн в своих мемуарах,— явились результатом совместного решения, принятого государственным департаментом и министерством обороны США, и я его одобрил»⁶⁴.

Таким образом, уже в процессе разоружения армии своего бывшего врага американские милитаристы в Китае и в Корее прибегали к его помощи в борьбе против освободительного движения в этих странах, и японская военщина с полной готовностью шла им навстречу, надеясь заручиться поддержкой оккупантов.

Совершенно очевидно, что политика сговора и сближения с японскими реакционными и милитаристскими кругами проводилась США сознательно и в полном противоречии с решениями союзных держав. «Первые же шаги американских оккупационных властей в побежденной Японии показали, что США намерены игнорировать Потсдамскую декларацию, основная цель американской оккупационной политики в отношении Японии определялась как стремление сохранить прежние реакционные учреждения, лишь приспособив их к потребностям американских оккупантов, оставить государственную власть в руках правящих классов — монополистической буржуазии и полуфеодалных помещиков, раздавить прогрессивные силы страны»⁶⁵. Касаясь этого вопроса, газета «Дейли Уоркер» писала 14 сентября 1945 г., т. е. вскоре после подписания «Акта о безоговорочной капитуляции», что Макартур и его друзья в Вашингтоне уже принимают меры, чтобы сохранить Японию сильной, милитаристской в обмен на ее дружбу с Америкой. «Макартур и его штаб,— подчеркивала газета,— устанавливают тесные связи с японскими фашистами и крупными капиталистами».

Правда, США наряду с другими союзными державами приняли участие в работе Международного трибунала над главными японскими преступниками.

Но деятельность трибунала, в котором выступали и американские юристы, вызывала в штабе Макартура решительное неодобрение как факт, противоречащий проводимой им политической линии. «Ничто не доставляло мне столько хлопот, как Международный трибунал над японскими военными преступниками, который начал свою работу 19 января 1946 г. в Токио,— писал по этому поводу генерал Макартур.— Я всегда был против этих судов над государственными и военными деятелями, которые вели войну. Что касается японцев, то я

предлагал ограничиться обвинением лишь тех, кто организовал нападение на Пирл-Харбор. К сожалению, этот вопрос был вне моей компетенции. Однако меня удивило спокойствие, с которым этот суд был встречен в Японии». «Потсдамская декларация,— писал он далее,— требовала наказания всех лиц, которые принимали участие в развертывании войны, всех милитаристов и ультранационалистов. Я сильно сомневался в правильности этого решения, так как оно вело к отстранению от активной деятельности способных людей, необходимых для строительства новой Японии. Но я был вынужден дать ход выполнению этого указания, так как это было весьма популярно среди японского населения и отказ от наказания военных преступников мог привести к осложнениям и создать трудности для оккупации»⁶⁶.

После тщательного судебного разбирательства, продолжавшегося два года и десять месяцев, трибунал вынес свой приговор. К смертной казни через повешение были приговорены подсудимые: К. Хирота, С. Итагаки, Х. Кимура, И. Мацуи, Х. Тодзио, К. Доихара; остальные — к пожизненному заключению и к различным срокам тюрьмы.

Виновность этих людей была доказана многочисленными документами, сотнями свидетельских показаний. Перечень совершенных ими тяжких преступлений очень велик. Главным японским военным преступникам были предъявлены обвинения в общей сложности по 55 пунктам. «Двадцать восемь подсудимых,— говорится в приговоре Международного трибунала.— обвиняются в совершении преступлений против мира, преступлений против законов и обычаев войны и преступлений против человечности в период с первого января 1928 г.⁶⁷ до второго сентября 1945 г.»⁶⁸.

В процессе суда были вскрыты и доказаны многочисленные и разнообразные преступления японского милитаризма. Однако особое внимание Военный трибунал уделил расследованию зверств, изощренных пыток и массовых убийств, совершавшихся японской армией на оккупированных территориях азиатских стран. «Массовые убийства военнопленных, гражданских интернированных лиц, больных, раненых, медицинского персонала госпиталей и гражданского населения было обычным явлением на всем протяжении тихоокеанской войны», — указывается далее в приговоре...⁶⁹; «Избиения и пытки всех видов... убийства без суда захваченных в плен летчиков; даже людоедство — все это только часть зверств, доказательства которых были представлены трибуналу. Эти убийства совершались по специальным приказам высших инстанций, генерального штаба армии, военного командования...»⁷⁰. Подсудимые стояли у руководства страной и армией. Они формулировали политику геноцида и грабежей, проводившуюся во имя утверждения господства милитаристской Японии.

Некоторые из них не только отдавали преступные приказы, но и принимали непосредственное участие в их исполнении.

Однако сторонники вынесения «мягкого приговора» главным военным преступникам в штабе Макартура и в Вашингтоне не смирились и после того, как справедливый приговор им был вынесен трибуналом. «На протяжении всего процесса у главных японских военных преступников было немало защитников, занимающих видные посты в США,— писала в те дни газета „Известия“,— не исключено, что эти защитники сделают последнюю попытку, чтобы облегчить участь осужденных»⁷¹.

И действительно, такая попытка была предпринята. Макартур отложил исполнение приговора. Он направил апелляции осужденных Хирота, Доихара, Кидо, Сато и Того для пересмотра их... в американском Верховном суде. Это вызвало недоумение даже в США: всем было очевидно, что национальный американский суд не правомочен пересматривать решение Международного трибунала. После некоторых проволочек Верховный суд США отказался от пересмотра приговора⁷². 22 декабря 1948 г. приговор был приведен в исполнение.

Попытки поставить под сомнение решение Международного трибунала и оправдать действия правящих кругов Японии накануне и во время второй мировой войны очень популярны среди японских милитаристов. «Среди судей не было единства мнений»,— пишет японский историк М. Кадзима. Американские адвокаты направили в адрес Макартура письмо, в котором указывали, что «суд несправедлив», что «он не основывается на конкретных доказательствах» и что «приговоры, вынесенные подсудимым, не будут способствовать целям союзников в Японии». Кадзима призывает пересмотреть все приговоры, вынесенные военным преступникам, как «несправедливые». Он вообще считает «несправедливыми» обвинения в адрес Японии в связи со второй мировой войной⁷³.

Эти призывы Кадзима, который в послевоенные годы занимал высокий пост в японском министерстве иностранных дел, представляют собой откровенную попытку переоценки известных исторических фактов преступной деятельности японских милитаристов в целях их «реабилитации» и «оправдания» агрессивного политического курса, проводимого сейчас правящими кругами Японии.

«Наибольшее впечатление,— пишет Кадзима,— на общественность Японии произвел показанный недавно кинофильм компании „Синтохо“ „Великая война в Восточной Азии и Международный трибунал“, в котором защищались следующие положения:

1. Япония была спровоцирована совершить нападение на

Пирл-Харбор, получив 26 ноября 1941 г. меморандум американского государственного секретаря Хелла.

2. Нападение на Пирл-Харбор не было неожиданным: просто в японском посольстве в Вашингтоне не успели вовремя сделать перевод ультиматума Японии в адрес США.

3. Отношение адвокатов к своим обязанностям на Токийском процессе было халатным. Это относится прежде всего к защите Хидэки Тодзио.

4. Мечты Японии о создании в Азии сферы процветания постепенно воплощаются в жизнь теперь, когда азиатские народы обретают свою независимость».

«Фильм,— отмечает автор,— вызвал крайнее недовольство американских должностных лиц, которые расценили его как попытку „оправдать“ действия Японии».

Разумеется, подобные наглые попытки, получившие теперь в Японии широкое распространение, в дни работы Токийского международного трибунала не могли быть предприняты японскими реакционерами и милитаристами, хотя они и пользовались поддержкой Макарута и его штаба. Последние также не осмеливались противопоставлять себя общественности, требовавшей строгого и справедливого наказания военных преступников. Перед лицом неопровержимых фактов, свидетельствовавших об агрессивной деятельности подсудимых, под давлением японского и мирового общественного мнения штаб Макарута вынужден был принять строгие меры в отношении главных военных преступников, представших перед судом трибунала. Однако подавляющее большинство других военных преступников при содействии американцев избежало наказания, и только часть из них была «вычищена» из государственного аппарата⁷⁴. Решение этого вопроса сознательно затягивалось по вине штаба оккупационных войск США. И наконец, в мае 1951 г. штаб поручил японскому правительству самому заниматься реабилитацией военных преступников, а уже к началу 1952 г. из 210 228 лиц, все еще подлежащих наказанию за совершенные преступления, 201 574 человека были полностью реабилитированы⁷⁵.

В 1952 г. в связи с вступлением в силу Сан-Францисского мирного договора была объявлена общая амнистия. Военные преступники были не только восстановлены в правах, но многие из них допущены на руководящие должности в государственных учреждениях или в частных компаниях. Десятки тысяч офицеров бывшей императорской армии нашли приют в «войсках самообороны», которые к тому времени были созданы по указанию штаба Макарута.

Имея в своих руках значительные богатства и восстановив прежние связи, многие бывшие военные преступники вновь заняли прочные позиции в государственном аппарате страны, став надежной опорой реакции⁷⁶.

Сохранение бюрократического государственного аппарата соответствовало политике США в Японии: в лице реакционных и милитаристских сил при активном содействии штаба Макартура создавалась политическая опора для реализации в будущем планов перевооружения страны. Главным условием освобождения от ответственности японских военных преступников было их письменное обязательство быть лояльными в отношении США. Дав такое обязательство, преступник получал не только свободу, но и значительную материальную помощь от японского правительства, а позднее и хорошее пенсионное обеспечение⁷⁷. «Общий язык» с японской реакцией и милитаристами был найден так быстро, а их готовность «быть лояльными» в отношении американских целей и интересов в Японии и в Азии была столь очевидна, что Макартур уже в конце 1946 г. предложил прекратить оккупацию и предоставить все дела правящим кругам самой Японии, вступившей в союзнические отношения с США. С этим предложением не могли согласиться в то время даже ближайшие союзники США, и от него тогда пришлось отказаться⁷⁸.

Аналогичное положение сложилось и с разного рода милитаристскими и ультранационалистскими организациями (легальными и нелегальными), которые, как известно, всегда играли важную роль в политической жизни Японии. Под давлением японской общественности Макартур издал директиву, запрещающую деятельность реакционных, профашистских организаций. На основании этой директивы были распущены начиная с января 1946 г. 233 такие организации (210 287 человек, из них 22 235 человек — военные⁷⁹). Но, издав директиву, Макартур и его штаб скоро закрыли глаза на прошлую деятельность этих организаций, члены которых лишь на время ушли в подполье, чтобы затем вновь появиться на авансцене. Уже летом 1946 г. некоторые из запрещенных организаций устраивали свои собрания, возникло 18 новых ультраправых организаций, которые, однако, были запрещены штабом Макартура, так как выдвигали антиамериканские лозунги. В дальнейшем появилось много ультраправых, милитаристских обществ, среди которых большинство имело ярко выраженную антисоветскую, антикоммунистическую направленность⁸⁰. Деятельность таких обществ не только не пресекалась, а всячески поощрялась американскими властями. Некоторые из них устанавливали прямые контакты с американской разведкой⁸¹.

В последующие годы оккупационные власти и японские правящие круги все чаще прибегали к помощи «ультра» для борьбы с прогрессивными организациями, для нападений на демонстрации, для провокаций и даже убийства неугодных им прогрессивных общественных и политических деятелей.

Как известно, идеология фашизма и милитаризма в Япо-

нии имела весьма широкое распространение в довоенные и особенно в военные годы⁸². Она служила целям подготовки, развязывания и ведения второй мировой войны. Послевоенный неофашизм в Японии приобрел новые специфические черты. Теперь он установил еще более тесные связи с монополистическим капиталом. Произошли существенные изменения и в самой платформе неофашистских, милитаристских организаций. Унаследовав от своих предшественников проповедь шовинизма, экспансионизма, восхваления всего японского («нихонсюги»), многие неофашистские организации провозглашают резко антисоветские, антикоммунистические лозунги, проповедают принцип «симбэй-хансо» («Дружба с США — вражда к СССР») ⁸³. Способствуя возрождению японского национализма и милитаризма, американские оккупационные власти строго следили за тем, чтобы эта идеология имела исключительно антисоветскую, антикоммунистическую направленность. Принимались меры к сближению с японскими националистами. Уже в ноябре 1946 г. по просьбе японского правительства штаб разрешил переиздание и распространение в стране книги «Кокутай-но хонги», в которой изложены главные шовинистические принципы «национального единства» Японии. Несколько лет спустя эта книга была введена в качестве обязательного пособия по воспитанию солдат и офицеров «войск самообороны». В своих директивах и заявлениях, особенно в последний период оккупации, штаб Макартура подчеркивал важность борьбы против «коммунистического проникновения» в Японию⁸⁴, против «подрывных» элементов внутри страны, направляя в нужное ему русло деятельность японской и американской прессы. В основе этих директив в конечном счете лежал все тот же принцип «симбэй-хансо», который штаб Макартура и правящие круги Японии стремились сделать одним из основополагающих в идеологической пропаганде⁸⁵.

Таким образом, проблема «демократизации» Японии решалась оккупационными властями в полном соответствии с общим политическим курсом США, направленным на сохранение кадров японских «ультра» и военщины.

4. СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЯПОНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

К моменту капитуляции в вооруженных силах Японии было 6983 тыс. человек (154 дивизии, 136 бригад и 20 соединений и частей военно-морского флота). На территории самой Японии из названного количества соединений и частей находилось 57 дивизий, 14 бригад и 45 других отдельных соединений — общей численностью 2576 тыс. человек⁸⁶.

Демобилизация проводилась японским командованием под наблюдением американских военнослужащих и была в основном закончена уже к концу октября 1945 г. Это был необычный порядок демобилизации капитулировавшей армии, осуществлявшийся под руководством ее командования. При этом списки демобилизованных составлялись по соединениям и частям и сразу же передавались в штаб Макартура. Демобилизация японской армии, таким образом, осуществлялась с учетом возможности ее использования в последующие годы⁸⁷.

Интерес в этом плане представляет такой факт. Сразу же после начала оккупации штаб отобрал 300 штабных японских офицеров для работы в своих разведывательной и исторической секциях. Группе из 12 офицеров во главе с генералом Т. Хаттори было поручено разобрать и систематизировать архив японского военного министерства. Им было приказано также составить списки японских генералов, офицеров и военных чиновников, приложив к ним характеристики по архивным данным. В группу Хаттори вошли: бывший полковник Сусуму Нисимура (прежде руководил секцией связи военного министерства, а в конце войны был секретарем генерала Х. Тодзио), бывший полковник Кумао Имото (являлся членом стратегической секции генштаба, позднее — секретарем Тодзио), бывший подполковник Сёго Мидзуно (являлся членом стратегической секции генштаба), а также другие офицеры, хорошо знавшие не только структуру бывшей японской армии, но также и методы воспитания и боевой подготовки солдат.

Как указывает американский историк И. Моррис, группа Хаттори разработала и представила в штаб Макартура предложение об организации так называемой «автономной армии» Японии в составе 15 дивизий (для мирного времени) и 50 дивизий (для военного времени). «План Хаттори», предусматривавший возрождение японской армии под руководством японских офицеров, указывает Моррис, был опубликован в журнале «Гоэй то кэдзай» (май 1951 г.)⁸⁸. Создание ядра будущей армии Японии, как известно, началось под руководством не японских, а американских военных специалистов, однако предложение группы Хаттори пригодилось через несколько лет, когда правящие круги страны стали последовательно проводить в жизнь курс на вооружение, на возрождение и укрепление японской армии⁸⁹.

Списки и характеристики бывших японских генералов и офицеров, подготовленные группой Хаттори, были использованы при формировании «войск самообороны». И хотя офицерский корпус, состоявший более чем из 300 тыс. в основном реваншистски настроенных офицеров, был распущен, американские и японские власти по-своему решили вопрос об их трудоустройстве. Для этого, в частности, были использованы

сельскохозяйственные кооперативы, создававшиеся для «увеличения производства продовольствия». Некоторые из этих кооперативов целиком состояли из демобилизованных офицеров и строились по принципу военной организации⁹⁰. Значительная часть демобилизованных офицеров была определена на службу в японскую полицию. Уже в 1946 г. в полицейских формированиях находилось 93 тыс. человек, а в 1948 г. после очередной реорганизации численность их была доведена до 150 тыс. Только центральное управление состояло из 30 тыс. преимущественно бывших офицеров императорской армии. Кроме того, в департаменте охраны на море, созданном в том же году, служило 10 тыс. офицеров и матросов, а в составе железнодорожной полиции еще 20 тыс. человек.

Так решался вопрос о сохранении кадров распущенного офицерского корпуса в качестве резервной реакционной силы и костяка будущей армии. Это удовлетворяло и японскую буржуазию, и правящие круги страны, и японскую военщину. Располагая столь внушительными полицейскими силами, в составе которых находились десятки тысяч офицеров и солдат бывшей императорской армии, они не только использовали их для подавления прогрессивных сил, но и активно готовились к перевооружению страны, к созданию регулярной армии.

Началом перевооружения Японии принято считать 1950 год, когда был сформирован так называемый «резервный полицейский корпус» в составе 75 000 человек, явившийся ядром будущей японской армии, и когда были предприняты практические шаги с целью восстановления военно-морских и военно-воздушных сил. «Я предлагаю правительству Японии,— писал 8 июля 1950 г. генерал Макартур в письме к и. о. премьер-министра Иосида,— сформировать оборонительные силы в количестве 75 000 человек и войска охраны на море — 8000 человек. Штаб верховного главнокомандующего в Японии окажет необходимое содействие в вооружении этих войск»⁹¹. Так началось возрождение японских вооруженных сил после войны. «В июле 1950 г.,— вспоминает в своих „Мемуарах“ Иосида,— я получил приказ штаба Макарута о создании национального резервного корпуса полиции численностью 75 000 человек и 8000 человек охраны на море. Я с энергией принялся за выполнение этого приказа»⁹². Первое время корпус подчинялся непосредственно командованию американских вооруженных сил в Японии. «Полицейские» носили американскую форму, обучались по американским уставам, имели американское оружие и военную технику. Однако командовали и обучали своих «питомцев» офицеры бывшей императорской армии Японии.

Не случайно создание «полицейского корпуса» совпало с началом агрессивной войны США против корейского народа.

Японские заводы спешно осваивали выпуск военной продукции по американским заказам. Корпус скоро превратился в армию, а на его вооружение стала поступать вполне современная боевая техника как американского, так и японского производства.

Против возрождения японских вооруженных сил, которые уже в начале своего возникновения служили агрессивным целям американской политики, протестовали представители СССР в Союзном совете для Японии и в Дальневосточной комиссии. Этот протест был поддержан всеми прогрессивными силами мира, в том числе и Японией. «Практика последних лет показывает,— подчеркивал в своем заявлении советский представитель на заседании Союзного совета для Японии в феврале 1951 г.,— что Макартур и подчиненные ему оккупационные власти грубо нарушают согласованные решения союзных держав о демилитаризации Японии и, не считаясь также с интересами самого японского народа, на деле осуществляют возрождение японских вооруженных сил, военно-морского и военно-воздушного флотов, восстанавливают и модернизируют бывшие японские военно-морские и военно-воздушные базы, восстанавливают и расширяют работу бывших японских военных arsenалов, предприятий военного назначения, возобновляют и активизируют деятельность всякого рода милитаристских организаций»⁹³.

Однако американские представители в Союзном совете, озабоченные не демилитаризацией Японии, а возрождением ее армии, поощрением сил реакции и милитаризма, игнорировали заявление советского представителя. Более того, до августа 1952 г. была подготовлена и осуществлена реорганизация «полицейского корпуса» в «корпус безопасности», было официально легализовано формирование «войск самообороны».

1 августа 1952 г. было создано японское национальное Управление безопасности. Выступая по этому случаю на торжественной церемонии, Иосида заявил: «Вам, старшим офицерам этого нового управления, доверена миссия стать фундаментом государственной армии»⁹⁴.

Однако американские правящие круги не собирались полностью передавать руководство возрождающимися вооруженными силами японскому правительству, генералам и офицерам бывшей императорской армии. Уже в то время они стремились создать такую систему контроля над японскими вооруженными силами, которая позволяла бы им использовать эти силы в борьбе против социалистических стран, для вооруженного подавления национально-освободительного движения в Азии.

Именно эта идея легла в основу мирного договора и «договора безопасности», подписанных 8 сентября 1951 г. в Сан-

Франциско, а также «административного соглашения» (февраль 1952 г.), определившего порядок размещения американских войск, использования ими японских портов, аэродромов, средств связи, порядок передвижения американских сухопутных, морских и воздушных сил в Японии и т. д. Речь шла о всестороннем военно-административном контроле США на территории страны. «Оправдывая» эту политику, авторы ее использовали новую конституцию Японии, в частности ее 9-ю статью, запрещающую возрождение армии Японии, ее военного потенциала⁹⁵. Они доказывали, что Япония-де «беззащитна» перед лицом «воинствующего коммунизма», поэтому в создавшихся условиях единственный путь для нее — положиться на защиту США. Этим обосновывалась необходимость длительного пребывания на территории Японии американских войск и военных баз. «В целях самообороны,— заявил Макартур, выступая 1 января 1950 г. по радио с обращением к японскому народу,— Япония может заключить оборонительный союз и вступить в ООН. Япония не может не полагаться на американские войска, а единственной страной, которая в настоящее время может гарантировать безопасность Японии, являются Соединенные Штаты»⁹⁶. Выступление Макарура носило форму предложения Японии положиться на американскую армию, которой отводилась роль защитницы Японии. Как отмечает Сэйдзио Усами и другие авторы, «японское правительство приветствовало предложение американской стороны» и истолковало его так: «... если Япония пожелает, то правительство США рассмотрит вопрос о сохранении американских вооруженных сил в Японии и окружающих ее районах»⁹⁷.

Так постепенно и исподволь складывался американо-японский военный союз, явившийся результатом сговора правящих кругов двух империалистических держав. Опираясь на этот союз, японский крупный капитал значительно укрепил свои позиции в годы американской оккупации, приступил к подготовке условий для последующего перевооружения. В то же время США добились согласия японских правящих кругов на сохранение своего длительного военного и политического контроля, на бессрочное размещение в стране своих войск и военных баз.

Это неравноправный союз, в котором империалистическая Америка продиктовала свои условия империалистической Японии, потерпевшей военное поражение. Но, вынужденные принять эти условия, японские правящие круги надеялись извлечь из союза с США максимальные выгоды, учитывая агрессивные устремления американского империализма, которому они обещали всемерную помощь и поддержку. Одним из главных условий было согласие США на возрождение в стране милитаризма, на восстановление ее военного потен-

циала при финансовой и технической помощи победителя. Этот сговор двух империалистических держав, который нашел свое отражение в договорах и соглашениях, подписанных в сентябре 1951 г. в Сан-Франциско, мог внести лишь временное «замирение» в американо-японские отношения, которые всегда отличались острым соперничеством и резкими противоречиями. Он не устранил и не мог устранить этих противоречий, явившихся главной причиной возникновения войны между двумя державами, а лишь усилил агрессивный характер империализма США и империализма Японии, которые В. И. Ленин называл одинаково разбойными⁹⁸.

Условия для возникновения японо-американского союза были заложены в годы американской оккупации, а его оформление произошло в самый разгар интервенции США против корейского народа. Указанные обстоятельства в значительной степени определили его неравноправный и вместе с тем крайне агрессивный характер. В этот период Япония впервые оказывала активную помощь армии и военно-морскому флоту США, предоставив территорию, порты и производственные мощности для обеспечения их тыла в происходящей войне. А некоторая часть офицеров и солдат демобилизованной японской армии использовалась для непосредственного участия в боевых действиях в Корее на стороне США. Опустошительная война, принесящая Корее огромные разрушения, послужила источником обогащения для японских монополий, дав толчок развитию важнейших (в том числе и военных) отраслей промышленности Японии. Общая сумма долларовых поступлений от так называемых «специальных заказов» американской армии с июля 1950 по конец 1956 г. составила 4,1 млрд. долл.⁹⁹. Американские военные заказы и долларовые поступления по ним служили стимулом для развития ведущих отраслей японской промышленности: металлургии, машиностроения, электротехники, а также железнодорожного и морского транспорта, в которых господствующее положение занимают концерны «Мицубиси», «Мицуй», «Сумитомо» и другие крупнейшие японские монополистические объединения. Следовательно, львиная доля американских долларовых поступлений в страну оказалась в их руках.

Так с помощью США японский капитализм приступил к «исправлению ошибки», допущенной, как утверждают японские милитаристы, в годы второй мировой войны, когда промышленность страны оказалась не способной обеспечить растущие потребности войны.

Японский капитализм смог приступить к «исправлению ошибки» только потому, что в период оккупации (1946—1952) власти США обеспечили сохранение и постепенное восстановление экономического потенциала Японии, укрепление позиций и влияния реакционной буржуазии, восстановление япон-

ской армии, ее вооружения, превращение Японии в военный плацдарм, в пособника американского империализма в Азии. Американские правительственные круги отказались от согласованной политики союзных держав в отношении Японии, нарушили известные международные обязательства США по вопросу о послевоенном демократическом и устойчивом мире в стране. Они обманули надежды и чаяния народов Азии и самой Японии, требовавших полного уничтожения японского милитаризма. «В глазах народов Дальнего Востока,— писал в то время Э. Рейшауэр,— ничто не может дискредитировать Америку больше, чем завершение американских реформ восстановлением прежней диктаторской и милитаристской Японии»¹⁰⁰. Но именно в этом направлении действовала более чем шестилетняя американская оккупационная политика в Японии.

Глава VII

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОЗРОЖДЕНИЯ МИЛИТАРИЗМА В ЯПОНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как было отмечено в VI главе, в первые годы после второй мировой войны монополистический капитал Японии не имел возможности открыто выступать с лозунгами реваншизма, тем более принимать меры к возрождению милитаризма. Во-первых, страна была оккупирована союзными, преимущественно американскими, войсками и политические права Японии были сильно урезаны. Во-вторых, в Японии было широко развито антимилитаристское движение. Народ устал от непрерывных войн, понес колоссальные потери за годы войны, испытал на себе разрушительную силу атомного оружия и поэтому активно протестовал против любых попыток возродить в стране милитаризм. В-третьих, не было тогда и материальных предпосылок для возрождения милитаризма. Вооруженные силы были распущены, военное производство запрещено, экономическая жизнь страны в целом была дезорганизована. В 1946 г. промышленное производство едва составляло 17% уровня военного максимума (1943 г.)¹, а по отношению к довоенному уровню — около 31%.

Однако уже вскоре после заключения Сан-Францисского мирного договора и ряда соглашений политического и экономического характера постепенно стало налаживаться сотрудничество американского империализма с японскими монополиями. Изменение политической обстановки монополистический капитал Японии использовал в интересах своего укрепления на базе развертывания промышленного производства.

Для того чтобы понять ход последующего развития Японии, необходимо иметь в виду, что наращивание производственных мощностей обрабатывающей, и прежде всего тяжелой, промышленности происходило не только перед второй мировой войной, но и в ходе войны. И так как военных действий на территории Японии не было, а более или менее значительные налеты американской стратегической авиации стали про-

водиться только в самые последние месяцы перед капитуляцией, то промышленность страны не понесла больших потерь от бомбардировок. По данным на сентябрь 1945 г., производственные мощности сталелитейной промышленности, машиностроения, химической промышленности и по производству цветных металлов в среднем превосходили производственные мощности 1937 г. в 1,5—2,5 раза, а по производству алюминия — в 7,59 раза².

Военное производство, которое охватывало свыше половины обрабатывающей промышленности в годы второй мировой войны, способствовало росту квалифицированных рабочих и технической интеллигенции. Демобилизация вооруженных сил содействовала пополнению рядов рабочего класса.

В новых условиях монополистический капитал Японии, опираясь на значительную индустриальную базу и крупный резерв высококвалифицированной, но низкооплачиваемой рабочей силы, быстро укрепил свои позиции.

Однако промышленное оборудование, использовавшееся в большинстве своем для производства вооружения, боеприпасов и боевого снаряжения, в годы войны работало на износ и к концу войны морально и физически устарело и требовало либо серьезного обновления, либо полной замены.

Поскольку в 50-х годах в США и других капиталистических странах наука и техника ушли далеко вперед по сравнению с довоенным уровнем, монополистический капитал Японии, производя реконструкцию своих предприятий, широко использовал новейшие достижения и стал в массовом масштабе ввозить в страну комплексное новейшее промышленное оборудование и прогрессивную, уже апробированную в других странах технологию. С 1950 по март 1969 г. было приобретено 11 606 лицензий на использование новой техники и новейшей технологии. Из них до 90% приходилось на долю тяжелой промышленности.

Промышленное оборудование и лицензии закупались во всех странах мира, и в первую очередь в США, Западной Германии, Швейцарии, Великобритании.

Высокая степень эксплуатации наемного труда (норма прибавочной стоимости для конца 60-х годов составляла около 300%), экономное расходование средств на содержание государственного аппарата и в том числе относительно невысокие военные расходы (об этом будет сказано ниже), приток иностранного капитала — все это способствовало значительному накоплению капитала в стране. Немалое влияние на темпы развития промышленного производства оказало и то обстоятельство, что подавляющая часть инвестиций шла на развитие обрабатывающей, главным образом тяжелой и химической, промышленности. Добывающая промышленность вообще не развивалась, а строительство жилых зданий, бла-

гоустройство городов и сел было отложено в сторону, и ими никто всерьез не занимался. В результате в стране образовался жестокий жилищный кризис, а загрязнение атмосферы в крупных промышленных районах превысило допустимый уровень.

Правительство Японии активно содействовало развитию тяжелых отраслей обрабатывающей промышленности, поскольку это увеличивало влияние крупных монополий, упрочивало позиции страны на международной арене и создавало условия для роста военно-промышленного потенциала.

Наряду с займами, кредитами и другими видами «помощи», которые США оказывали Японии в начале 50-х годов, важным источником накопления постоянного капитала явились «специальные заказы»³.

Стоимость такого рода заказов в 1952 г. составляла 807 млн. долл., после окончания войны в Корее их объем стал постепенно сокращаться, но затем во второй половине 60-х годов в связи с войной во Вьетнаме он снова начал увеличиваться и в 1968 г. превысил 586 млн. долл.

Кроме непосредственно «специальных заказов» война в Индокитае способствует расширению японского экспорта в страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока и даже в США. По данным прогрессивной японской печати, непосредственные и косвенные валютные поступления Японии в годы войны в Индокитае находятся в пределах 2 млрд. долл., что составляет около 17% всего японского экспорта. Таковы выгоды и вместе с тем «вклад» монополистического капитала Японии в преступную войну, которую ведут американские империалисты против свободолюбивых народов Индокитая. «Факты свидетельствуют,— говорится в заявлении Советского правительства японскому правительству, врученном 27 января 1967 г.,— о том, что со стороны правительства Японии не только не было принято соответствующих мер, но, наоборот, имеет место расширение своего рода соучастия Японии в агрессивных действиях США во Вьетнаме»⁴.

Перечисленные и многие другие факторы в своей совокупности и обеспечивали высокие темпы роста промышленного производства на протяжении 50-х и 60-х годов. В среднем рост промышленного производства с 1950 по 1970 г. в Японии составлял 15% в год, тогда как в США он был равен 4%, а в Великобритании — ниже 3%. В итоге к 1970 г. резко возросла доля Японии в промышленном производстве капиталистических стран. Если в 1937 г. на долю Японии приходилось 4,8% промышленной продукции капиталистических стран, а в 1948 г.— 1%, то в 1970 г.— около 9%. В 1968 г. Япония по совокупному общественному продукту вышла уже на второе место среди капиталистических стран после США. При этом, если в 1948 г. объем промышленного производства

США в 53 раза превосходил объем промышленного производства Японии, то к началу 1970 г. этот разрыв сократился до пяти.

В конце 60-х годов Япония прочно занимала первое место в строительстве судов, ежегодно спуская на воду добрую половину мирового тоннажа; на первом месте оказалась Япония и по количеству выпущенных радиоприемников и телевизоров, фото- и киноаппаратуры и по некоторым другим видам промышленной продукции. Но еще более велик список видов промышленной продукции, по которым Япония заняла второе место среди капиталистических стран. Сюда входит производство электроэнергии, чугуна и стали, автомобилей, серной кислоты, каустической соды, пластмасс и синтетических смол, синтетического каучука, химических волокон, стиральных машин и ряда других видов продукции.

Произошли существенные изменения в структуре обрабатывающей промышленности. На долю тяжелой и химической промышленности в 1970 г. приходилось уже около 70%, что говорит об очень высоком уровне развития тяжелой промышленности и ее сердцевины — машиностроения.

Значительно расширились внешнеэкономические связи Японии, активным стал ее платежный баланс, что привело к накоплению валютных резервов и повышению золотого запаса страны. По данным на 1970 г. золотой запас Японии составлял 539 млн. долл., а запас иностранной валюты 4,4 млрд. долл.⁵.

О динамике и объеме важнейших видов промышленной продукции Японии после второй мировой войны дает представление таблица.

Данные таблицы говорят о том, что рост промышленного производства был особенно бурным в 60-х годах. В 1970 г. производство стали в Японии превысило уровень 1934 г. в 25 раз, а уровень 1947 г. — в 93 раза, производство чугуна соответственно — в 40 и 225 раз. Что же касается производства алюминия, рафинированной меди, автомобилей, торговых судов, радиоаппаратуры и ряда химических видов продукции, то в 1970 г. оно во много раз превосходит уровень довоенного времени и первых лет после второй мировой войны. Все это говорит о том, что военно-экономический потенциал современной Японии ни в какое сравнение не идет с ее военно-экономическим потенциалом периода второй мировой войны.

Необходимо учитывать и то, что после второй мировой войны в обрабатывающей промышленности Японии развился ряд новых отраслей, в том числе производство транзисторных приемников, электронно-счетных машин, различного рода электронной аппаратуры, пластмасс, синтетического каучука, синтетического волокна и многих других видов продукции, которая находит широкое применение в военном деле. В оцен-

Рост производства основных видов промышленной продукции (1934 — 1970 гг.)*

Вид продукции	Единица измерения	Г о д						
		1934	1947	1953	1963	1968	1969	1970
Электроэнергия	млрд. квт·ч	19,8	30,3	47,8	133,7	270,6	285,4**	285,7
Чугун	млн. т	1,7	0,3	4,5	19,9	46,4	58,1	67,5
Сталь	„	3,8	1,0	7,7	31,5	66,9	82,2	93,3
Алюминий первичный	тыс. т	0,6	2,7	68,0	223,2	478,4	565,0	785,0
Медь (рафинированная)	„	67,0	36,8	91,1	295,2	584,4	629,2	705,3
Цинк (вкл. вторичн.)	„	34,2	14,8	79,2	282,3	519,0	596,0	—
Металлообрабатывающие станки	тыс. шт.	7,7	5,5	18,7	120,5	184,6	231,3	256,6
Суда, спущенные на воду	тыс. бр.-рег. т	144,8	64,1	557,0	2367,0	8583,0	9303,0	10476,0
Автомобили (всего)	тыс. шт.	3,0	24,0	42,7	1283,5	4047,2	4632,0	5243,0
Радиоприемники	млн. шт.	0,2	0,8	1,4	17,1	29,8	34,1	32,5
Телевизоры	тыс. шт.	—	—	14,0	4916	9140	12683	12500
Цемент	млн. т	4,5	1,2	8,8	29,9	47,7	51,4	57,3
Серная кислота (100%-ная)	„	2,0	1,5	2,7	5,0	6,6	6,8	

* «Мир капитализма», М., 1965, стр. 347 — 348; «Кэйдзай токэй нэмпо», 1968, стр. 197 — 202; «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1969 и начало 1970 г.», стр. 88; «Кэйдзай симбун», 24.I.71.

** За финансовый год (с 1 апреля по 31 марта).

ке военно-экономического потенциала необходимо иметь в виду, что промышленность Японии выпускает значительное количество сверхчистых химических элементов. В стране налажена добыча и обработка вольфрама, хромитовых руд, титана, молибдена, ртути, сурьмы, кобальта, ванадия, металлического магния, урановой руды и других видов подобного рода руд, редких и рассеянных элементов.

Правда, потребности в этом виде сырья Япония в значительной степени удовлетворяет за счет импорта, но так как его переработка и техническое применение достаточно хорошо освоены, то это существенно повышает возможности Японии в развитии производства современного вооружения.

Однако в экономике Японии имеется и ряд весьма уязвимых мест. При общей высокой плотности населения промышленные районы Японии расположены на сравнительно узкой полосе вдоль побережья Внутреннего моря Японии (Сэтонайкай) и Тихого океана от Фукуока (севернее о-ва Кюсю) до Хитати (восточнее Токио). Но даже в сравнительно ограниченной полосе резко выделяются по концентрации промышленности районы Токио, Нагоя, Осака и Фукуока. Все это говорит о большой уязвимости обрабатывающей промышленности Японии в условиях атомной войны.

Экономика Японии в большой степени зависит от импорта энергетического и промышленного сырья. В 1970 г. Япония импортировала около 200 млн. т нефти, а внутри страны было добыто всего около 750 тыс. т, что составляет менее 0,5% общего потребления нефти в стране. Импорт железной руды составлял 95 млн. т, а внутренняя добыча едва достигала 2 млн. т, коксующегося угля было импортировано 45 млн. т, или 50% мирового экспорта этого вида продукции. Япония за счет импорта удовлетворяет свои потребности в хлопке, шерсти, натуральном каучуке и в значительной степени в рудах цветных и редких металлов. Стратегическое сырье идет в Японию морем в сравнительно ограниченное количество морских портов. Нарушение морских коммуникаций Японии в случае войны больших трудностей не составляет.

2. ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЯПОНИИ

Несмотря на то что после войны Японии было запрещено иметь производство военного назначения, условия односторонней американской оккупации открывали «щели» для создания вооруженных сил и выпуска военной продукции.

Оккупационные войска, заняв важные в стратегическом отношении пункты, развернули интенсивное строительство военно-морских и военно-воздушных баз и в ходе этих работ размещали заказы на строительные конструкции и оборудо-

вание, а также на ремонт и восстановление вооружения и боевой техники. К этим работам привлекалась и рабочая сила на местах строительства. Размеры заказов на вооружение и боевое снаряжение вначале, однако, были небольшими и носили спорадический характер.

Положение изменилось коренным образом в период подготовки и в ходе войны в Корее, когда объем «специальных заказов» и ассортимент предметов военного назначения резко увеличились.

По официальным данным, с 1950 по июнь 1957 г. промышленность Японии поставила вооруженным силам США только артиллерийско-стрелкового оружия и боеприпасов на сумму 554,1 тыс. долл., выполнила работы по ремонту самолетов, боевых кораблей, артиллерийско-стрелкового оружия, автомобилей и других машин на сумму 235,5 тыс. долл.⁶ Цифры эти, несомненно, занижены, но и они говорят о том, что промышленность Японии во время войны в Корее получила значительный стимул для развертывания и увеличения выпуска военной продукции. В ходе выполнения этих заказов она приобрела опыт, необходимый при организации производства *современного* оружия и боевой техники.

Главными подрядчиками в производстве вооружения и боевой техники для американских войск стали компании «Син Мицубиси дзюкогё», «Кавасаки кокуки», «Осака киндзоку», «Кондо сэйко», «Комацу сэйсакусё» и многие другие компании, которые во время второй мировой войны были заняты исключительно в военном производстве.

На выполнение «специальных заказов» в годы войны в Корее с той или иной степенью загрузки работало 235 других крупных японских компаний⁷. Кроме того, на основе субподрядных договоров к выполнению «специальных заказов» был привлечен ряд мелких и средних предприятий, учёт количество которых не представляется возможным.

После окончания войны в Корее размер «специальных заказов» сократился. В 1955 г. они составляли 556,6 млн. долл. (200,4 млрд. иен)⁸. Однако военное производство не прекратилось, а, наоборот, стало развиваться на новой технологической основе. К этому времени в стране были созданы национальные вооруженные силы и перед японской промышленностью ставилась задача обеспечения их вооружением и военной техникой за счет национального производства.

Тем не менее развитие военного производства в 50-х годах и даже в первой половине 60-х годов шло довольно медленно. Вновь созданные вооруженные силы Японии получали в основном вооружение из США либо в виде безвозмездной военной «помощи», либо в кредит⁹. Именно потому, что вооружение это поставлялось из запасов, сделанных в период второй мировой войны, правящие круги Японии хотели наладить на-

ациональное производство более совершенного вооружения для своих «сил самообороны».

То, как менялись источники оснащения вооруженных сил Японии за 1950—1965 гг., видно из следующих данных*:

Годы	Отечественное производство		Импорт оружия		Оплачиваемая помощь США		Безвозмездная „помощь“ США		Всего Сумма, млрд. иен
	Сумма, млрд. иен	%	Сумма, млрд. иен	%	Сумма, млрд. иен	%	Сумма, млрд. иен	%	
1950—1954	91,7	34,2	1,5	0,6	—	—	174,5	65,2	267,7
1955	43,0	30,4	2,6	1,9	—	—	95,8	67,7	141,4
1956	49,8	48,8	3,3	3,2	1,1	1,3	47,7	46,7	101,9
1957	57,1	57,4	2,0	1,9	1,4	1,6	38,9	39,1	99,4
1958	73,3	50,4	2,8	1,8	2,6	1,8	66,6	46,0	145,3
1959	66,2	56,8	3,2	2,9	7,3	6,2	39,7	34,1	116,4
1960	139,4	75,2	4,9	2,7	6,9	3,7	34,2	18,4	185,4
1961	70,2	64,6	6,3	5,8	6,0	5,6	26,1	24,0	108,6
1962	97,5	75,2	7,6	5,8	4,1	3,3	20,4	15,7	129,6
1963	93,0	74,3	7,0	5,7	16,2	12,9	9,0	7,1	125,2
1964	112,0	85,4	7,0	5,3	6,0	4,5	6,1	4,8	131,1
1965	135,9	87,2	8,2	5,2	6,5	4,1	5,1	3,5	155,7
Итого	1029,1	60,2	56,4	3,3	58,1	3,5	564,1	33,0	1707,7

* «Бэй нэнкан 1968», Токио, 1968, стр. 90 (на япон. яз.).

Приведенные данные свидетельствуют, что с 1950 по 1954 г. безвозмездная военная «помощь» США составляла почти $\frac{2}{3}$ общей стоимости вооружения, национальное же производство едва превышало $\frac{1}{3}$ потребности. В 1965 г. положение изменилось: доля безвозмездной военной «помощи» США снизилась до 3,5%, а удельный вес вооружения отечественного производства повысился до 87%. В целом за 15 лет вооруженные силы Японии получили вооружения, боевого снаряжения и боеприпасов на сумму 1707,7 млрд. иен, из них отечественного производства — на сумму 1029,1 млрд. иен, что составляет 60,2%.

Итак, военное производство Японии после второй мировой войны возродилось на основе «специальных заказов» американских вооруженных сил, но впоследствии оно постепенно переключалось на обеспечение национальных вооруженных сил. К концу 60-х годов промышленность Японии освоила производство всех видов обычного вооружения — до подводных лодок и реактивных самолетов включительно. В 1969 г. военная промышленность Японии поставила вооруженным силам 1210 тыс. наименований различных видов вооружения, боеприпасов и военного снаряжения¹⁰.

Однако в целом удельный вес военной продукции в быстро растущем промышленном производстве Японии относительно невелик. По данным официальной статистики, доля военной продукции в общем производстве страны составляет всего 0,5%. Однако абсолютные размеры военного производства и особенно темпы его развития являются довольно высокими.

С 1967 по 1971 г. только на вооружение правительство Японии затратило 832,4 млрд. иен, что в среднем составляет 166,5 млрд. иен в год. Планом же на 1972—1976 гг. на эти цели намечено израсходовать 2236 млрд. иен, или по 447,2 млрд. иен в год¹¹. И если к этому прибавить расходы на научно-исследовательские и экспериментальные цели, то станет ясно, что в Японии уже существует широко разветвленная военная промышленность, способная выпускать все виды обычных средств вооруженной борьбы и удовлетворять ими растущие потребности своих вооруженных сил как в мирное время, так и на случай чрезвычайного положения.

Но это не вполне удовлетворяет правящие круги Японии. По мнению главы правительства Японии Эйсаку Сато, «вооружение без атомного оружия не может считаться достаточным»¹².

В современных условиях производство вооружения и боевой техники стало в высшей степени сложным и дорогостоящим. Оно развивается на основе тяжелой промышленности, и прежде всего на базе машиностроения. В Японии же машиностроение достигло весьма высокого уровня развития. Чтобы представить себе возможности обрабатывающей промышленности Японии в области производства вооружения, достаточно обратить внимание на уровень ее технического оснащения*:

Вид промышленности	Превосходят уровень мирового стандарта, %		Соответствуют мировому стандарту, %		Отстают от уровня мирового стандарта, %	
	г о д					
	1962	1966	1962	1966	1962	1966
Вся обрабатывающая	22,8	43,5	51,2	50,9	26,0	5,6
Легкая	30,4	41,8	45,3	53,1	24,3	5,3
Тяжелая и химическая	21,2	44,8	52,4	49,4	24,4	5,8

* «Кагаку гидзюцу хакусё», Токио, 1969, стр. 40 (на япон. яз.).

Из данных таблицы видно, что в 1966 г. 94,4% всей обрабатывающей промышленности находилось либо на уровне мирового стандарта, либо превосходило его и только 5,6% оборудования обрабатывающей промышленности было ниже

этого уровня. При этом, как свидетельствуют данные, наблюдается довольно высокий рост технической оснащенности предприятий обрабатывающей промышленности. Если в 1962 г. 26% оборудования промышленных предприятий было ниже уровня мирового стандарта, то в 1966 г. этот процент снизился до 5,6.

Но если средний процент оборудования промышленных предприятий новейшими машинами и механизмами является довольно высоким, то крупные предприятия (с числом занятых от 300 человек и выше) играют в этом отношении ведущую роль. По данным на 1966 г., 56,2% оборудования такого рода предприятий превосходило уровень мирового стандарта, 41,6% соответствовало ему и только 2,2% было ниже этого уровня¹³. А ведь именно крупные предприятия, принадлежащие ведущим компаниям страны, играют главную роль в военном производстве Японии. Например, компания «Мицубиси дзюкогё» выпускает боевые самолеты, танки, артиллерийско-стрелковое оружие и строит боевые корабли. На ее долю приходится свыше 30% общего производства оружия в стране. В последние годы резко увеличила производство оружия такая компания, как «Мицубиси дэнки», которая выпускает главным образом средства связи и электронную аппаратуру.

Очень часто крупные компании, занятые производством вооружения, тесно связаны с американскими фирмами, пользуются их лицензиями и технической документацией. Выше названная компания «Мицубиси дзюкогё» располагает производственными лицензиями таких американских фирм, как «Боинг», «Бофор», «Дуглас», «Дженерал моторс», «Хьюз», «Макдонелл», «Литон», «Локхид», «Норт Америка», «Прат энд Уитни», «Сикорский» и «Катерпиллер». Из них, как известно, «Локхид» и «Дуглас» входят в первую пятерку самых крупных производителей вооружения в США.

В августе 1969 г. стало известно, что японская компания «Мицубиси дзюкогё» заключила соглашение о совместном производстве автомобилей с американской компанией «Крейслер»¹⁴.

Если учесть, что до 30% стоимости отгруженной продукции компании «Мицубиси дзюкогё» приходится на автомобили и что эта компания поставляет американским войскам, действующим во Вьетнаме, шеститонные грузовые автомобили и джипы, то станет ясно, что соглашение названных компаний преследует далеко идущие цели.

Растет производство военной продукции и компаний «Мицубиси дэнки», «Мицубиси атомик пауэр индастри», «Мицуи дзоко» и др., которые также работают в контакте с американскими фирмами «Вестингауз», «Мартин Мариэтта» и др.

Связи японских и американских компаний, занятых военным производством, расширяются и становятся более тесны-

ми. В период с 29 октября по 13 ноября 1969 г. делегация от 17 японских компаний по приглашению министерства обороны США посетила Америку. Делегацию возглавлял президент компании «Мицубиси дзюкогё» И. Макита. Японским бизнесменам была предоставлена возможность ознакомиться с оборудованием крупнейших американских военных баз. Они вели переговоры с американскими концернами о развертывании военного производства в Японии. По возвращении из США глава делегации И. Макита заявил, что «Япония должна больше прилагать усилий в области обороны»¹⁵. Макита подчеркнул, что делегации удалось достичь соглашения с военно-промышленными концернами США о техническом сотрудничестве в области военного производства. Касаясь проблемы атомного оружия, Макита сказал: «Не обязательно иметь атомное оружие, но к его использованию надо готовиться»¹⁶. По оценке японской газеты «Йомиури», цель поездки представителей крупных компаний, занятых в военном производстве, состояла в том, чтобы «изучить возможности сотрудничества между американскими и японскими компаниями в деле организации и развертывания производства электронной аппаратуры военного назначения, различного рода управляемых снарядов и других видов военной продукции»¹⁷.

Правительство Японии поощряет ускоренный процесс концентрации промышленного производства. Так, в 1961 г. произошло слияние трех дочерних компаний группы «Мицубиси» («Син Мицубиси дзюкогё», «Мицубиси Нихон дзюкогё» и «Мицубиси дзосэн»), которое привело к образованию крупнейшего в Японии треста тяжелого машиностроения «Мицубиси дзюкогё». Этот трест, как указывалось выше, занял руководящую роль в военном производстве Японии. Вслед за этим произошел ряд слияний в автомобильной, химической, электротехнической и других отраслях обрабатывающей промышленности и в судостроении. А в 1968 г. всеобщее внимание привлекло сообщение о слиянии трех компаний группы «Кавасаки» (вагоностроительной, самолетостроительной и компании тяжелого машиностроения). 30 октября 1969 г. получили разрешение на объединение две самые крупные сталелитейные компании: «Явата сэйтэцу» и «Фудзи сэйтэцу», которые накануне и в годы второй мировой войны составляли крупную для того времени компанию «Ниппон сэйтэцу». Теперь в результате слияния двух металлургических гигантов образуется компания под названием «Син Нихон сэйтэцу» (Новая металлургическая компания Японии), производственные мощности которой в 1970 г. превышали 24 млн. т стали в год. По своим масштабам новая компания уступает только американской корпорации «Юнайтед С. стил». Капитал «Син Нихон сэйтэцу» в 1970 г. составлял 230 млрд. иен при оптовом сбыте продукции порядка 800 млрд. иен.

Правительство Японии, содействуя милитаризации страны, поощряет расширение научных поисков, конструкторские и испытательные работы в области новых видов оружия и военной техники. Конструкторские поиски и производство реактивных сверхзвуковых самолетов в Японии ведутся с 1963 г. Особую заинтересованность в этом проявляет Управление национальной обороны, которое не жалеет средств на оплату заказов для авиационной промышленности.

Динамика роста стоимости производства новой продукции, а также ремонтно-восстановительных работ в авиационной промышленности за 1962—1969 гг. показана в следующей таблице*:

Год	Стоимость, млрд. иен			Из них приходится на долю, млрд. иен			
	Новые самолеты	Ремонт	Всего	Управления национальной обороны	США	Гражданской авиации	Экспорта
1960	18,5	6,3	24,8	21,3	2,0	1,5	0,0
1961	18,0	9,2	27,2	20,8	1,7	4,7	0,0
1962	26,0	10,5	36,5	26,0	2,0	8,3	0,3
1963	49,8	12,0	60,9	49,0	2,5	8,1	1,4
1964	63,3	9,5	72,8	60,7	2,0	8,3	1,8
1965	43,9	11,2	55,0	41,0	1,9	11,6	0,6
1966	38,9	14,1	53,1	34,4	3,3	12,5	2,9
1967	60,2	19,7	78,9	46,7	5,7	16,8	9,8
1968	72,5	19,8	92,3	48,4	4,9	21,8	17,4
1969	77,9	20,7	98,6	53,1	5,7	27,0	12,9
Итого	469,0	133,0	600,1	401,4	31,7	120,6	47,1

* «Japan Economic Year-book», Токуо, 1968, стр. 138—139; «Коку дзёхо», 1971, № 5, стр. 43 (на япон. яз.).

Таким образом, объем авиационной продукции к 1969 г. увеличился почти в 4 раза по сравнению с уровнем 1960 г., поставки американским вооруженным силам возросли соответственно в 2,8 раза, а Управлению национальной обороны — в 2,5 раза. Доля военной продукции в общем производстве авиационной промышленности сократилась с 94% в 1960 г. до 60% в 1969 г. Одновременно с этим резко увеличился экспорт самолетов и поставки гражданской авиации. Но так как между военной и гражданской авиацией существует весьма тесная связь и производством гражданских и военных самолетов занимаются одни и те же компании, то это свидетельствует об огромном увеличении потенциальных возможностей авиационной промышленности Японии в деле обеспечения потребностей Управления национальной обороны. На протяжении всего десятилетия соотношение между

стоимостью новых самолетов и расходами на ремонт оставалось довольно стабильным, и это, видимо, вполне закономерно.

С 1969 г. японская авиационная промышленность стала выпускать по закупленным лицензиям и технической документации американской фирмы «Макдональд-Дуглас» самолет-истребитель-бомбардировщик типа «F-4E». В том же году 34 самолета марки «F-4E» были закуплены в США.

Ведется подготовительная работа по определению основного типа учебных, боевых и транспортных самолетов.

На базе широкого развития электронной промышленности налаживается выпуск совершенной аппаратуры управления в наземных войсках, в ВВС и ВМФ. 50% аппаратуры для оснащения совместной японо-американской полуавтоматической системы противовоздушной обороны¹⁸ поставлены японской промышленностью.

На основе достижений в области электроники и общего машиностроения развивается современное ракетостроение Японии. До недавнего времени боевые ракеты Японии импортировала из США. Это были преимущественно ракеты типа «Найк», «Хок», «Аякс» и «Тартор» и управляемая ракета класса «воздух-воздух» — «Сайдвиндер». Правящие круги Японии стремятся к независимости от поставок из США и выделяют значительные средства на исследовательские работы по созданию различного типа ракет национального производства. С 1968 г. на вооружение наземных войск Японии стали поступать ракеты модели «R-30» класса «земля-земля». Эта ракета транспортируется и запускается со специально оборудованной автомашины. Основные параметры ракеты: длина — 4,5 м, диаметр — 33 см, вес — 570 кг, дальность стрельбы — 30 км. Создана и поступила на вооружение противотанковая управляемая ракета. Длина ее — 1 м, диаметр — 12 см, вес — 15,2 кг, дальность стрельбы — 200 м. Освоено производство ракеты класса «воздух-воздух». Длина ракеты — 1,21 м, вес — 8 кг, дальность — 1500 м, диаметр — 70 мм¹⁹. Боекомплект реактивного истребителя-бомбардировщика «F-104» состоит из 19 таких ракет.

Создана ракета и для военно-морских сил класса «воздух-поверхность», которая явится основным средством вооружения противолодочного самолета P2V. По данным еще на 1968 г., в Японии велись работы по исследованию восьми образцов баллистических ракет ближнего и дальнего действия различных классов²⁰.

Для координации работ по созданию и совершенствованию ракетного оружия при Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) создан совет по разработке управляемых снарядов. По заявлению депутата парламента, члена социалистической партии Нарасаки Хисаси, оперативно-так-

тические ракеты, производимые в Японии, могут уже соперничать с ракетами американского производства по ряду важных показателей²¹.

В 50-х годах в Японии были начаты работы по созданию ракет большой мощности. Они ведутся в плане расширения космических исследований Институтом космических исследований и аэронавтики при Токийском университете, а также Управлением по науке при кабинете министров. Эти исследования имеют несомненно и стратегическое назначение.

Группа ученых, работающих при Токийском государственном университете, еще в 1958 г. провела испытание шести образцов ракет под девизом «Каппа», а в 60-х гг. проходила испытание более мощная ракета — под девизом «Лямбда».

Последующим типом ракеты, которую создали ученые Токийского университета, была ракета, известная под девизом «МЮ». Ракета «МЮ» работает на твердом топливе, ее двигатели имеют силу тяги до 100 т. Ракета может достигать высоты 380 км.

В период с 1966 по 1971 г. на исследование космоса, а по существу на создание стратегических ракет и средств управления ими в полете было израсходовано свыше 53,3 млрд. иен. Из них Управление по науке и технике при кабинете министров ассигновало 24,5 млрд. иен, министерство просвещения — 24,4 млрд., министерство транспорта — 2,2 млрд., министерство связи — 1,2 млрд., министерство внешней торговли и промышленности — 0,72 млрд. и министерство строительства — 0,24 млрд. иен. Следовательно, расходы на исследование космоса покрываются полностью за счет государственного бюджета, но без формального участия Управления национальной обороны.

Успехи Японии в области создания ракет стратегического назначения характеризуются тем, что в начале 1970 г. был запущен первый искусственный спутник Земли, а в начале 1971 г. — второй. Оба искусственных спутника были выведены на орбиту из центра космических исследований в Утиноура (о. Кюсю) при помощи четырехступенчатой ракеты, работающей на твердом топливе.

Ракеты всех классов и систем вводятся на вооружение «сил самообороны». Стратегические ракеты могут быть носителями как атомного, так и обычного заряда. При этом японские специалисты открыто говорят, что обзаводиться стратегическими ракетами для того, чтобы запустить обычные заряды, лишено смысла. Но перед правящими кругами возникает сложная проблема. Они хотят оснастить свои вооруженные силы атомным оружием и вместе с тем не могут не считаться с мнением широких масс трудящихся, отрицательно относящихся к этому виду оружию. Для того чтобы преодолеть отрицательное отношение народа к атомному оружию,

или, как выразился премьер-министр Японии Эйсаку Сато, избавиться от «атомной аллергии», в стране проводится целый комплекс мероприятий не только пропагандистского, но более существенного порядка.

В Японии большое внимание уделяется вопросам строительства атомных электростанций. Первая атомная электростанция была введена в эксплуатацию еще в 1966 г. Мощность ее составляет 166 тыс. *квт*. В 1970 г. были введены еще две атомные электростанции мощностью 340 и 460 тыс. *квт*. С вводом этих электростанций специалисты и бизнесмены говорят, что «Япония вступила в эпоху атомной энергии».

Согласно широко пропагандирующейся программе в 1976 г. мощность атомных электростанций в Японии будет доведена до 8,7 млн. *квт*, что составит свыше 7% общей мощности всех электростанций страны, а в 1986 г. на атомной энергии будут работать электростанции общей мощностью 40 млн. *квт* (почти 25%)²². Наряду с этим сообщается, что к 1980 г. в Японии намечено построить два ядерных судна, к 1990 г. их число будет увеличено до 50—60, а к 2000 г. Япония будет иметь 280 судов с атомными двигателями.

Настораживает то обстоятельство, что обычно после таких прогнозов использования атомной энергии в мирных целях делается замечание о том, что в современных условиях «силы самообороны» Японии не могут гарантировать безопасность страны, если они не будут оснащены ядерным оружием. Ядерное оружие представляется и как эффективное средство защиты, и как средство «гибкого реагирования, средство сдерживания агрессоров от возможного применения ими ядерного оружия²³ против Японии».

Наряду с этим в японские порты с санкции правительства то и дело заходят американские атомные подводные лодки и атомные авианосцы, проводятся совместные с американскими войсками учения с «применением» ядерного оружия и т. д. Широко пропагандируется значение американского «атомного зонта» в деле обеспечения обороны Японии.

Целенаправленные мероприятия и массовая пропаганда в печати, по радио, телевидению, в кино, в выступлениях и докладах «специалистов» дают известные результаты. По данным опроса общественного мнения, проведенного в 1969 г., только 46% опрошенных высказались против оснащения «сил самообороны» ядерным оружием²⁴.

Научно-техническая мысль и экспериментальные работы в области атомной энергии в Японии находятся на высоком уровне. Это позволяет японским реакционным кругам рассчитывать на возможность атомного вооружения армии и флота, когда для этого, по их мнению, созреют условия. Япония является наиболее вероятным кандидатом для пополнения клуба ядерных держав.

Активную помощь японским реакционным кругам в деле подготовки к производству и использованию атомного, а также бактериологического и химического оружия оказывает американское командование.

По данным прогрессивной печати Японии, японские научные учреждения, университеты и отдельные лица в 60-х годах получали заказы непосредственно от начальника научно-го управления сухопутных войск американской армии на Дальнем Востоке полковника Чалса Гукка²⁵. В период с 1959 по 1967 г. университеты, институты, научные лаборатории и отдельные ученые получили от американской армии 96 заказов на общую сумму 387 млн. иен²⁶.

Тематика научных исследований и экспериментов по заказу американского командования включает медико-биологические, химические и физические проблемы, связанные с производством и применением средств уничтожения, в том числе производством и применением бактериологического оружия.

На запрос в нижней палате парламента депутата от социалистической партии Исаму Оянаги, сделанный 8 мая 1967 г., о субсидиях американской армии научным учреждениям Японии, премьер-министр Сато ответил: «Были ли случаи получения субсидий от американской армии или не было — одинаково хорошо»²⁷.

Связь американского командования с научными учреждениями и учеными Японии, а также и характер научных исследований для военных целей фактически одобряются японским правительством.

В последние годы позиции военного бизнеса значительно окрепли. По данным на 1969 г., в военном производстве в общей сложности было занято до 1,5 тыс. компаний. Из них основными производителями оружия были 88 крупных машиностроительных компаний²⁸. В том числе производством артиллерийско-стрелкового оружия были заняты 22 компании, боевых кораблей — 12, самолетов — 13, бронетанковой техники — 9 и электронной аппаратуры — 17 компаний.

Среди крупных монополистических объединений, производящих оружие, на первом месте стоит компания «Мицубиси дзюкогё». Она занимается производством многих видов оружия, но специализируется на выпуске самолетов и боевых кораблей. На ее долю приходится свыше 35% всех построенных в стране военных самолетов. В составе компании имеются предприятия, которые занимаются исключительно производством боевых самолетов. К их числу относится авиационный завод в г. Комани (преф. Айти). Именно на этом заводе налажено производство истребителя-бомбардировщика «F-104». Видимо, этот же завод будет выпускать и новую марку самолета под девизом «F-4E». Эта компания давно

уже сотрудничает с известной американской компанией «Макдональд-Дуглас». По лицензиям и технологической документации, закупленным у этой компании, расширяется производство самолетов типа «F-4Ej». Кроме самолетостроения предприятия этой компании освоили технологию строительства боевых кораблей, производства артиллерийско-стрелкового оружия, танков и др. Большинство заказов Управления национальной обороны поступает на заводы этой компании. В 1969—70 финансовом году, например, компания заключила с Управлением национальной обороны около 200 контрактов на сумму свыше 70,4 млрд. иен²⁹. Вторая по размерам заказов компания — «Кавасаки дзюкогё» — в том же году поставила Управлению национальной обороны вооружения и аппаратуры связи на сумму 21,42 млрд. иен. На третьем месте оказалась компания «Исикавадзима-Харима дзюкогё», которая специализируется на производстве авиационных моторов. Она поставила Управлению национальной обороны продукции на сумму 19,0 млрд. иен³⁰.

В группе основных производителей вооружения наблюдается постоянная перестановка, что говорит, с одной стороны, о конкурентной борьбе между производителями оружия, а с другой — об изменении номенклатуры предметов вооружения. В 1968 г. резко увеличился заказ на производство аппаратуры связи, куда входит и электронная аппаратура, имеющая широкое применение в военном деле. Это позволило компании «Мицубиси дэнки» выйти на второе место по сумме поставок продукции военному ведомству, но в 1969 г. эта компания была оттеснена на четвертое место.

Бесспорно одно: общая сумма военных заказов неизменно увеличивается. В 1966 г. Управление национальной обороны разместило среди частных компаний своей страны 9257 заказов на сумму 109,0 млрд. иен. В 1968 г. только среди первых 27 крупных компаний было размещено заказов на сумму 158,5 млрд. иен³¹, а в 1969 г. среди первых 15 компаний было размещено заказов на сумму 157,39 млрд. иен³².

В 1967 г. Управление национальной обороны заключило 18 426 соглашений на поставку вооружения, боевого снаряжения, продовольствия и оказание различного рода услуг. Из них только 275 соглашений (1,4%) было заключено с открытых торгов, а 9213 контрактов (50%) заключалось с фирмами по двусторонним соглашениям³³. Совершенно очевидно, что такой способ размещения заказов чрезвычайно выгоден для компаний, занятых в военном производстве. Не случайно поэтому мелкие и средние предприниматели группируются вокруг крупных подрядчиков, получая военные заказы на основе субподряда. Мелкие и средние компании специализируются на изготовлении отдельных деталей или запасных частей для боевой техники и вооружения.

Рост ассигнований на развитие производства вооружений увеличил интерес к нему крупных монополий. В свою очередь правительство Японии в целях повышения мобильности развертывания военного производства стремится расширить круг монополий, занятых производством вооружения.

В связи с этим Управление национальной обороны рекомендовало компании «Мицубиси дзюкогё» передать 40% заказов на производство истребителей-бомбардировщиков «F-4Ej» компании «Кавасаки дзюкогё» и 50% заказов на производство учебно-тренировочных самолетов компании «Фудзи дзюкогё»³⁴.

По этим же мотивам Управление национальной обороны и министерство внешней торговли и промышленности решили привлечь к производству танков и компанию «Хитати». До 1970 г. производством танков занимались компании «Мицубиси дзюкогё» и «Камацу сэйсакусё».

В начале 1970 г. Управление национальной обороны произвело перераспределение и в части производства управляемых снарядов, которое находилось в руках финансовой группы «Мицубиси». Производство ракет и управляемых снарядов распределяется теперь следующим образом: ракеты класса «земля — воздух» выпускают группа «Мицубиси» и компания «Тосиба», ракеты класса «воздух — воздух» — группа «Мицубиси» и класса «земля — земля» — компания «Кавасаки»³⁵. Военное производство как наиболее прибыльное привлекает с каждым годом все новые и новые компании и способствует созданию военно-промышленного комплекса в Японии.

Этот комплекс создавался не сразу и прошел несколько этапов. Однако с самого начала он находился в центре внимания государства и монополий. Официально военное производство в стране было разрешено штабом оккупационных войск только 11 апреля 1952 г., когда генерал Макартур передал об этом директиву правительству Японии. На основе этой директивы правительство разработало и опубликовало «Правила получения разрешения на производство оружия». 13 апреля при Федерации экономических организаций (Кэйданрён) был создан Комитет содействия развитию военной промышленности (Хэйки сэйсан кёрёкукай), а 1 августа 1953 г. правительство Японии ввело в действие закон о поощрении военного производства («Буки надо сэйсакухо»). На основе этого закона военное производство сосредоточивалось в руках частных компаний. Распределение заказов возлагалось на Управление национальной обороны.

Таким образом, монополии получили от государства свободу проявления инициативы в области военного производства. Сотрудничество монополий, производящих оружие, и государства, потребляющего его, привело к необходимости со-

здания ряда специальных организаций. Одной из наиболее важных организаций в этом плане является Комитет оборонной промышленности при Кэйданрэн.

Комитет оборонной промышленности в отличие от других комитетов Кэйданрэн располагает относительной самостоятельностью. В его составе имеется ряд подкомитетов, и в том числе: подкомитет по производству вооружений, военных судов и самолетов, боеприпасов, горючего, электротехнической и электронной аппаратуры, машинного оборудования, специальных материалов и подкомитет реализации военной продукции.

Комитет может вносить свои предложения правительству через руководство Кэйданрэн. Но у Комитета оборонной промышленности на этот счет имеется и ряд других возможностей. В мае 1961 г. при Совете национальной обороны был учрежден Консультативный совет по вопросам организации отечественного производства оружия (Бо: эй соби кокусанка кондайкай).

В состав Консультативного совета входят председатель, советники, десять политических деятелей из состава депутатов нижней палаты и четыре из состава депутатов верхней палаты парламента. Членами совета являются также министры финансов, внешней торговли и промышленности, транспорта и их заместители, начальник Управления национальной обороны и два его заместителя, начальник Научно-исследовательского управления при кабинете министров и его постоянный заместитель, а также управляющий делами Совета национальной обороны. Промышленные круги представлены заместителем председателя Кэйданрэна, председателем Комитета оборонной промышленности при Кэйданрэне и всеми председателями его подкомитетов. Всего в составе Консультативного совета 38 человек.

Совет имеет свой секретариат в количестве 27 человек³⁶.

В задачу Консультативного совета входит представление рекомендаций Совету национальной обороны по вопросам качества и размеров производства оружия, строительства военно-стратегических объектов, экспорта оружия, развития вооруженных сил страны и ряд других вопросов.

В деятельности Консультативного совета ярко отражен процесс сращивания монополий с государством, возрастания роли государственно-монополистического капитализма в Японии. Государство все больше превращается в комитет по управлению делами монополистической буржуазии. Однако это вовсе не значит, что государство утратило свою относительную самостоятельность и занимается лишь простым удовлетворением желаний монополистического капитала.

В феврале 1952 г. Комитет оборонной промышленности при Кэйданрэне представил правительству шестилетний план

строительства и развития вооруженных сил и военной промышленности (1953—1958).

В этом плане предусматривалось, что к 1958 г. численность сухопутных войск должна составить 300 тыс. человек, сведенных в 15 пехотных дивизий. Военное же производство предполагалось довести до уровня, способного оснастить 30 дивизий. Военно-морские силы рекомендовалось оснастить боевыми и вспомогательными судами общим водоизмещением 290 тыс. т с численностью личного состава 70 тыс. человек, а военно-воздушные силы увеличить до 130 тыс. человек и снабдить ВВС 3750 боевыми и вспомогательными самолетами. Таким образом, общая численность вооруженных сил должна была составить примерно 500 тыс. человек. Военные расходы предполагалось в среднем довести до 480 млрд. иен в год³⁷, что в то время составляло бы около 45% расходной части государственного бюджета и не менее 10% национального дохода страны.

Правительство Японии не приняло предложения о форсировании милитаризации по ряду соображений: во-первых, в стране было сильно развито антимилитаристское движение, игнорирование которого ничего хорошего не обещало монополистическому капиталу, а во-вторых, ускоренная милитаризация затормозила бы экономическое развитие страны. Вместо неограниченной гонки вооружения правительство Японии, используя американскую военную помощь и благоприятно сложившуюся для страны обстановку, взяло курс на всемерное развитие обрабатывающей промышленности, и прежде всего тяжелой промышленности и ее сердцевины — машиностроения, т. е. тех отраслей, которые в будущем могут составить базу военного производства. Предполагаемую сумму военных расходов в 480 млрд. иен на год монополистический капитал Японии получил не в 1958 г., как ему хотелось, а в 1969 г. Он достиг этого после того, как в стране была создана вторая по мощности промышленная база в капиталистическом мире. Эта база обеспечивает теперь выпуск всех видов современной военной техники и вооружения.

Став ведущей индустриальной державой, Япония активно участвует в важнейших международных экономических организациях, оказывает помощь своим монополистическим объединениям в установлении контактов с национальным капиталом стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Так называемая «экономическая дипломатия» Японии сопровождается ныне ростом ее политической роли в Азии, усилением ее экспансии. Правительственные круги страны все более откровенно высказываются за то, чтобы политическое влияние Японии в Азии подкреплялось и ростом ее военно-экономического потенциала.

3. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЯПОНИИ

После того как японский милитаризм потерпел невиданное в своей истории поражение во второй мировой войне, в соответствии с условиями капитуляции Японии была произведена полная ликвидация прежних императорских вооруженных сил.

Больше того, Потсдамская декларация запрещала использование офицеров вооруженных сил на правительственной службе, организацию в стране военного производства, равно как и создание какого бы то ни было военного потенциала.

Эти требования отвечали интересам и чаяниям японского народа, испытавшего на себе пагубное действие американского атомного оружия. В связи с Потсдамской декларацией официальные круги Японии не раз заверяли о своем стремлении к миру. Эти заверения нашли отражение в основном законе страны. В ст. 9 конституции, введенной в 1947 г., говорится: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается»³⁸.

Эта статья конституции явилась безусловным достижением японской демократии. Но, как и в каждой буржуазной конституции, в ней была оставлена «лазейка» для произвольного истолкования смысла и назначения отдельных статей в зависимости от того, насколько они удовлетворяют принципам буржуазной политики. Повод японской буржуазии толковать конституцию в вопросах войны и мира так, как ей выгодно, дал американский генерал Макартур, который, как известно, имел отношение к составлению ныне действующей в Японии конституции. В новогоднем послании правительству Японии 1 января 1950 г. он писал: «Какие бы доводы ни приводились, положения, зафиксированные в новой конституции, никоим образом нельзя истолковать в смысле абсолютного отрицания неоспоримого права Японии на самооборону против напавшего на нее противника»³⁹. В дальнейшем Макартур и его японские поклонники сумели в своей пропаганде конкретизировать «самооборону против напавшего на нее противника», подставив под общее понятие «противник» конкретное название — «коммунистический агрессор». Вооруженные силы Японии, таким образом, стали создаваться под предлогом защиты от мнимой коммунистической агрессии. Как только амери-

канские империалисты предприняли 25 июня 1950 г. военную интервенцию против Корейской Народно-Демократической Республики, правительство Японии по директиве Макартура приступило к созданию национальных вооруженных сил.

а) Принцип комплектования вооруженных сил Японии

Характер вооруженных сил государства, их организация, состав, форма комплектования и вооружение определяются многими объективными факторами: социально-экономическим и политическим строем, уровнем развития экономики, географическим положением страны, состоянием людских и материальных ресурсов и т. д.

Японское правительство, учитывая антивоенные настроения народа, а также боясь критики оппозиционных политических партий, протестующих против политики милитаризма, вынуждено прибегать к принципу комплектования армии по вольному найму. До сих пор не принят закон о воинской повинности. Следовательно, японская армия — наемная армия, но состоящая исключительно из солдат и офицеров японской национальности.

Наемные армии, как говорит исторический опыт, являются надежным оплотом господства эксплуататорских классов. Но они обладают и рядом существенных недостатков. Массовая наемная армия является слишком дорогостоящей. Правительству приходится выплачивать сравнительно высокое жалование не только офицерам, генералам и адмиралам, но и рядовому составу. Месячный оклад рядового японской армии, по данным на 1970 г., колебался в пределах от 19,2 до 32,4 тыс. иен, младшего командного состава — 52,8—80,2 тыс. иен в зависимости от занимаемой должности и продолжительности службы в армии. Оклады среднего командного состава определены в размерах 88,2—102,9 тыс. иен, старшего — 119,5—140,9 тыс. и высшего — 152,8—295,0 тыс. иен в месяц⁴⁰. Если сопоставлять жалование личного состава вооруженных сил Японии с заработной платой рабочих и служащих страны, то оказывается, что солдаты получают примерно столько же, сколько молодые рабочие, а жалование генералов и старших офицеров соответствует жалованию высокопоставленных чиновников. В итоге значительная часть военных ассигнований уходит на содержание военнослужащих. Кроме того, система вольного найма не обеспечивает широкого охвата военной подготовкой мужского населения, годного к несению военной службы. Чтобы восполнить этот пробел, правительство Японии в 1954 г. ввело Закон о создании ре-

зерва. По данным на 31 марта 1971 г., в составе обученного резерва находилось 39 тыс. человек⁴¹. Обученный резерв обычно приписан к соответствующим воинским частям по месту работы и ежегодно привлекается на пятидневные сборы в частях по месту приписки.

Существует мнение, что в связи с отрицательным отношением широких масс трудящихся к политике милитаризации страны правящие круги Японии испытывают большие затруднения в комплектовании вооруженных сил. Однако факты этого не подтверждают.

По данным Управления национальной обороны, в 1960 г. на 31 850 вакантных мест было подано 187 845 заявлений. Такому конкурсу может позавидовать любой университет Японии. В 1965 г. на 30 325 вакантных мест было подано 90 197 заявлений, а в 1969 г. на 32 613 мест — 60 207 заявлений. Внешне как будто бы сокращается число желающих поступить в армию. Но в 1960 г., когда на одно вакантное место было подано шесть заявлений, план комплектования вооруженных сил был выполнен всего на 79,1%, а в 1969 г., когда конкурс составлял менее двух человек, план комплектования был выполнен более чем на 100% (нужно было принять 32 613 человек, а принято 32 669)⁴².

Чем же объяснить снижение конкурса на замещение вакантных мест в «силах самообороны» Японии к концу 60-х годов более чем в 3 раза? На этот вопрос нельзя дать односложный ответ. В 60-х годах в пору призывных возрастов вступали юноши рождения 1941—1945 гг. В военные же годы рождаемость была в три-четыре раза ниже обычной. Длительный бум промышленного развития, техническая революция, рост новых отраслей промышленности и расширение сети высших учебных заведений резко увеличивали спрос на молодых рабочих. По расчетам профессора Токийского университета К. Осима, в первой половине 60-х годов спрос на молодых рабочих в 3 раза превосходил предложение. Естественно, что это не могло не сказаться на снижении притока заявлений в армию. Но главное, пожалуй, состоит в том, что в 60-х годах в Японии был введен более строгий и довольно стройный порядок комплектования вооруженных сил. Во всех префектуральных управлениях созданы военно-учетные отделы, которые ведут пропагандистскую работу среди призывного контингента населения, занимаются изучением настроения молодежи и, руководствуясь ст. 38 о порядке комплектования «сил самообороны», производят предварительное просеивание кандидатов. В ст. 38 Положения о вооруженных силах сказано: «Военнослужащими не могут быть лица, попадающие под один из нижеследующих параграфов:

а) лица, лишенные права по суду и находящиеся под следствием;

б) лица, получившие два и более взыскания во время предыдущего нахождения на службе;

в) лица, получившие взыскание с увольнением со службы, у которых не прошло двух лет со дня вынесения взыскания;

г) лица, принимавшие участие в создании политических партий или политических групп или участвовавшие в такого рода партиях с целью нарушения конституции или свержения правительства».

Разумеется, что такого рода условия не могли не сказаться на снижении коэффициента отбора кандидатов в вооруженные силы. Но сам факт снижения количества заявлений с просьбой зачислить в армию вызвал некоторое беспокойство правительства. В последние годы оно провело ряд дополнительных мероприятий. Усилена военно-патриотическая пропаганда среди молодежи; принимаются меры по улучшению бытовых условий личного состава армии и флота, повышены оклады всем категориям военнослужащих и увеличены выходные пособия при увольнении из армии лицам, выслужившим положенный срок. Увеличен штат унтер-офицеров, расширены их права и обязанности. За службу в отдаленных районах (на Хоккайдо) введены повышенные оклады, развернута сеть курсов и школ в армии, готовящих специалистов, на которых имеется большой спрос как в вооруженных силах, так и в народном хозяйстве. В армии были созданы даже курсы по подготовке в университеты. Но, пожалуй, наиболее радикальным средством, направленным на улучшение комплектования вооруженных сил и расширение милитаристской пропаганды, явилось создание сети военн-зированных общеобразовательных школ. Эти школы комплектуются юношами, окончившими девять классов общеобразовательной школы, и работают по программе полной средней школы (12 лет) лишь с небольшим дополнением самых общих военных дисциплин. Обучение в этих школах бесплатное. Для содержания такого рода школ от правительства потребовались дополнительные ассигнования, но оно пошло на эти затраты.

Наряду с совершенствованием системы комплектования вооруженных сил по принципу вольного найма не снимается и проблема введения в стране воинской повинности, что позволило бы увеличить состав обученного резерва и сократить расходы на содержание личного состава, а соответственно увеличить ассигнования на вооружение и военное снаряжение.

В 60-х годах рядовой состав сухопутных войск комплектовался за счет физически здоровых юношей, окончивших среднюю общеобразовательную школу, в возрасте от 18 до 25 лет. Военно-воздушные силы и военно-морской флот по-

лучали пополнение через военные школы, в которые принимаются юноши в возрасте 15—17 лет, а офицерский состав — через высшую военную академию. Всего в Японии, по данным на 1970 г., была одна высшая военная академия и 28 военных училищ. Из них в сухопутных войсках — 15 училищ, военно-морских — 5 и военно-воздушных — 7 училищ⁴³ и одно училище инструкторов по физическому воспитанию, готовящее кадры для всех видов вооруженных сил. При каждом виде вооруженных сил имеется по одному военному училищу для подготовки старшего и высшего командного состава, в том числе и штабной службы. Училища готовят специалистов — артиллеристов, связистов, химиков, ракетчиков и инженеров радарных установок.

Высшая военная академия в Японии была учреждена еще в 1952 г., после чего ее организация претерпела ряд существенных изменений. В настоящее время академия имеет два факультета — основной и инженерный. На основном факультете имеется три отделения: сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил, а на инженерном — два отделения: командно-инженерное и инженерно-техническое.

Штатная численность офицерского состава академии — 2120 человек. Постоянный состав академии насчитывает 976 человек, из них профессорско-преподавательского состава (включая начальника академии и его заместителя) — 293 человека, технического персонала — 442 и офицерского командного состава — 241 человек. Из них: офицеров сухопутных войск — 124 человека, военно-морского флота — 60 и военно-воздушных сил — 57 человек⁴⁴. Срок обучения в академии — четыре года. Ежегодный набор — 530 человек.

Слушатели академии находятся на полном обеспечении, бесплатно пользуются библиотеками и лабораториями и получают ежемесячное жалованье. Кроме того, два раза в год, в июне и декабре, им выплачивается единовременное дополнительное вознаграждение.

По окончании академии слушателю присваивается унтер-офицерское звание и он направляется в войска на один год на стажировку в качестве кандидата в офицеры. По истечении срока стажировки при положительной аттестации кандидату присваивается первое офицерское звание.

Нередки случаи, когда оканчивающие академию сразу же увольняются в запас. Обычно при окончании академии число желающих уволиться из армии составляет 8—10% общего выпуска. Они идут на работу в народное хозяйство, пополняя обученный резерв вооруженных сил. Диплом академии приравнивается к диплому университета или института.

Для комплектования вооруженных сил Японии большое значение имеет хорошо поставленное в стране общее образование. В Японии введено обязательное среднее образова-

ние, широко развита сеть высших учебных заведений. С 1947 г. в Японии действует система: начальная школа — 6 лет, средняя школа первой ступени — 3 года, средняя школа второй ступени — 3 года и высшее учебное заведение — институт или университет — 4 года. Для всех нормально развитых детей средняя школа первой ступени (т. е. девять классов) является обязательной. Дети кончают ее в возрасте 15 лет.

Поэтому есть возможность набирать в специальные военные школы и училища юношей в возрасте 15 лет. Все военные учебные заведения строятся на базе средней общеобразовательной школы либо первой, либо второй ступени.

В целом же в японской армии нет лиц с начальным образованием, не говоря уже о малограмотных, тем более неграмотных. Среди офицерского состава армии, флота и авиации значителен удельный вес лиц с высшим специальным или университетским образованием. Показательны в этом отношении данные по армии на 1963 г.*:

Категория командного и личного состава	Число лиц, получивших образование, %				
	высшее		полное среднее	среднее	военная академия
	в том числе университет	другие высшие учебные заведения			
Генерал-лейтенанты и адмиралы	25,5	25,5	—	—	74,5
Генерал-майоры и адмиралы	34,2	36,3	—	—	63,7
Полковники и им соответствующие	30,9	36,2	1,5	0,2	62,1
Подполковники и им соответствующие	22,5	40,0	4,4	0,4	55,2
Майоры и им соответствующие	13,7	43,2	18,6	4,6	33,6
Капитаны и им соответствующие	36,5	43,7	47,1	16,0	3,2
Поручики и им соответствующие	49,2	52,9	25,9	21,2	0
Подпоручики и им соответствующие	29,6	33,7	34,8	31,5	0
Итого по высшему, старшему и среднему составу	33,5	46,8	23,5	15,8	13,9
Унтер-офицерский и рядовой состав	0,6	1,3	41,3	57,4	—
Итого по вооруженным силам в целом	5,4	8,0	38,7	52,3	2,0

* «Кэйдзай», 1967, № 1 (январь), стр. 143 (на япон. яз.).

Приведенные данные показывают, что высший командный состав японских «сил самообороны», как правило, имеет высшее специальное или университетское образование.

Среди старшего командного состава лица с высшим образованием составляют 98,3%. В категории среднего командного состава лица с высшим образованием составляют свыше 50%.

По образовательному цензу личный состав вооруженных сил Японии находится на одном из первых мест среди капиталистических стран мира. К тому же в Японии широко развито техническое образование, что находит свое отражение и в армии. Важным качественным показателем вооруженных сил является высокая прослойка в армии командного состава.

**Штатный состав японских «сил самообороны»
(по данным на начало 1967 г.)***

Категория командного и личного состава	Сухопутных войск	Военно-морских сил	Военно-воздушных сил
Генералы и адмиралы	33	17	14
Старший командный состав	3 060	993	1 088
Средний командный состав	14 152	4 436	4 807
Унтер-офицерский состав	61 673	15 364	15 414
Итого	78 918	20 810	21 323
Ефрейторы	36 253	5 755	8 382
Рядовые	53 842	8 883	9 723
Всего	169 013	35 448	39 428

* «Дзэнзэй», 1967, июль, стр. 95 (на япон. яз.).

Из данных таблицы видно, что на долю командного состава всех степеней приходится почти половина личного состава вооруженных сил (49,5%), а в военно-морских силах доля командного состава была равна 58,7% и в военно-воздушных силах превышала 54%. На этом уровне соотношение рядового и командного состава вооруженных сил Японии находилось и в конце 60-х годов. Но в период создания Резервного полицейского корпуса доля командного состава была во много раз ниже — 11%, в 1955 г. — 34,2 и в 1960 г. — 44,3%⁴⁵.

Высокий удельный вес офицеров в «силах самообороны» дает возможность при необходимости резко увеличить численность вооруженных сил, особенно сухопутных войск. В армии большой процент офицеров и генералов бывшей императорской армии. Бывшие офицеры старой армии в настоящее

время занимают руководящие посты. Они определяют общий порядок в вооруженных силах и направление идеологической подготовки их личного состава. Командный состав, пришедший в армию после 1950 г., в большинстве своем выходцы из старых семей военнослужащих⁴⁶.

Заслуживает внимания социальный состав японской армии. Старая японская армия была по преимуществу крестьянской. В современной же Японии в армии преобладают рабочие и служащие. По данным на 1958 г., в вооруженных силах Японии удельный вес крестьян, рыбаков и лиц, занятых в лесном промысле, был равен 22,7%, но уже в 1963 г. доля этой категории лиц в армии снизилась до 13,7%. Одновременно с этим доля промышленных, транспортных и строительных рабочих увеличилась соответственно с 24,9 до 43,3%⁴⁷.

Тенденция снижения удельного веса крестьян и повышение доли рабочих и служащих в армии отражает социальные изменения, происходящие в послевоенные годы в Японии. В 1950 г. в сельском хозяйстве было занято 17,8 млн. человек, что составляло 49,7% трудоспособного населения страны, а в 1969 г.— 8,0 млн. человек, или 15,7% трудоспособного населения. Поскольку процесс падения доли крестьян в общем составе трудоспособного населения продолжается, то есть основания полагать, что и в армии будут наблюдаться дальнейшее сокращение удельного веса крестьян и относительный рост рабочих и служащих.

Изменение социального состава вооруженных сил Японии имеет двойное значение. В связи с тем что городской контингент более грамотный и лучше технически подготовлен, создаются благоприятные условия для быстрого овладения сложной современной боевой техникой. Однако этот контингент обладает более высоким классовым сознанием, стремлением к организации, сохраняет тесную связь с трудовым населением города, что затрудняет проведение идеологической обработки в духе реваншизма и антикоммунизма.

Но поскольку личный состав вооруженных сил Японии комплектуется на основе тщательного отбора, а в армии чрезвычайно велик удельный вес командного состава, преданного существующему строю, то правящим кругам Японии удалось создать и упрочить в армии принцип господства и подчинения, обеспечить суровую воинскую дисциплину и сделать армию послушным орудием в руках эксплуататорского класса. Это орудие служит средством насильственного осуществления политики господствующих классов. Бывший начальник Управления национальной обороны Арита в комиссии по финансовым делам нижней палаты парламента заявил, что, «в случае, если долгое время в широких масштабах будут продолжаться беспорядки и волнения, силы самообороны будут

приведены в действие для сохранения общественного спокойствия независимо от того, будут мятежники иметь при себе оружие или нет»⁴⁸.

б) Структура и организация вооруженных сил Японии

Жизнь и деятельность японских вооруженных сил регламентируются рядом законов и постановлений. Ответственность за подготовку страны к войне и за состояние вооруженных сил несет кабинет министров и прежде всего премьер-министр страны, который по положению во время войны является и верховным главнокомандующим.

При премьер-министре в июне 1956 г. был учрежден Совет национальной обороны (Кокубо кайги), в который входят: премьер-министр (председатель), один из заместителей премьер-министра, министр иностранных дел, министр финансов, начальник Управления национальной обороны (УНО) и начальник Планового управления при кабинете министров. В случае необходимости в состав совета могут быть введены и другие должностные лица.

Совет национальной обороны является совещательным органом и уполномочен обсуждать, вносить предложения, касающиеся направления в развитии национальной обороны, рассматривать проекты планов развития вооруженных сил и военно-промышленного производства и ряда других проблем, связанных со строительством и использованием вооруженных сил. Руководство повседневной практической деятельностью вооруженных сил Японии осуществляет начальник Управления национальной обороны, у которого имеется два заместителя: по оперативным (дзиму-дзикан) и политическим вопросам (сэйдзи-дзикан).

По существующему положению в Японии все управления непосредственно подчинены канцелярии при премьер-министре. В результате между премьер-министром и начальником управления образовалась еще одна инстанция — канцелярия при премьер-министре. Практически эта инстанция никаких затруднений в руководство вооруженными силами не вносит, поскольку на должность начальника управления национальной обороны назначается министр без портфеля. Но все же Управление национальной обороны стоит рангом ниже по сравнению с министерствами иностранных дел, финансов, внешней торговли и промышленности и др. Вокруг вопроса о преобразовании Управления национальной обороны в министерство национальной обороны ведутся серьезные дебаты. Предложение о поднятии веса и авторитета военного ведомства находит поддержку среди промышленных кругов и различного рода милитаристских организаций.

Управление национальной обороны имеет следующие отделы: кадров, боевой подготовки, обороны, санитарный и материального обеспечения. Кроме того, на правах самостоятельного ведомства при управлении существует военно-строительный отдел, штат которого (около 3,5 тыс. человек) не учитывается при определении штата УНО.

Оперативное руководство вооруженными силами осуществляется через Объединенный комитет начальников штабов, а повседневной жизнью войск управляет начальник УНО — через своих помощников и командующих (начальников штабов) следующими видами вооруженных сил: сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами. Объединенный комитет начальников штабов является рабочим оперативным органом Управления национальной обороны и отвечает за разработку и реализацию планов строительства и мобилизационного развертывания вооруженных сил, за эффективное использование средств вооруженной борьбы, за разработку планов войны и стратегических операций, их всестороннее обеспечение. Для этого он располагает специальным штатом. В функцию Комитета начальников штабов входит также составление долгосрочных и годовых планов боевой подготовки, общего развития и укрепления вооруженных сил страны. Поскольку начальник Комитета начальников штабов и другие три его члена (командующие видами вооруженных сил) являются военнослужащими, то роль и влияние военных кругов на политику государства в области строительства и использования вооруженных сил вполне очевидны.

Организация центрального управления вооруженных сил Японии ближе всего подходит к структуре управления вооруженных сил США. Но в структуре самих вооруженных сил есть существенные отличия.

Структура вооруженных сил Японии и степень укомплектования на ноябрь 1970 г.*

Вид вооруженных сил	Численность по штатному расписанию	Фактическая численность	Процент укомплектованности	Удельный вес видов вооруженных сил
Сухопутные войска . .	179 000	156 175	87,2	69,1
Военно-морские силы . .	38 323	36 426	95,1	14,7
Военно-воздушные силы	41 657	40 102	96,3	16,2
Штат штаба объединенных штабов	78	78	100,0	—
Итого . . .	259 058	232 781	89,9	100,0

Вольнонаемного состава — 22 451 человек, в том числе: в сухопутных войсках — 12716 человек, в ВМС — 4740, в ВВС — 4960 и в УНО — 35 человек.

* «Коку дзёхо», 1971, № 5, стр. 31 (на япон. яз.).

Из приведенных данных видно, что на долю сухопутных войск приходилось свыше двух третей общей численности вооруженных сил Японии, тогда как в Соединенных Штатах Америки сухопутные войска на тот же период времени составляли 38,7%. На долю военно-морских сил Японии приходится 14,7%, а США — 24,3% (для США данные за 1966 г., а для Японии — за 1971 г.) и на долю военно-воздушных сил — соответственно 16,2 и 28,6%. Кроме того, США располагают морской пехотой, на долю которой приходится 8,4% общей численности вооруженных сил⁴⁹.

Несмотря на то что Япония является морской державой, ее вооруженные силы по своей структуре соответствуют вооруженным силам континентальной страны. Структура вооруженных сил Японии раскрывает заинтересованность США в том, чтобы сохранить за собой безусловное господство на море и в воздухе. В строительстве, организации и управлении, равно как и в разработке принципов применения вооруженных сил, правительство и военное руководство Японии учитывают наличие на территории страны военных баз и гарнизонов американских войск, а также и те союзные отношения, которыми связаны эти страны.

Значительный некомплект вооруженных сил Японии объясняется тем, что набор в армию и флот происходит в строго определенное время (четыре раза в год), а увольнение ведется непрерывно: по положению любой военнотрудовой может уволиться в запас в любой день и час. Таким образом, степень укомплектованности отражает не трудности комплектования вооруженных сил, а степень движения личного состава. Это движение является более высоким в сухопутных войсках и сравнительно незначительным в ВМС и ВВС.

**Динамика изменения численности вооруженных сил США
на территории Японии,
тыс. человек***

Год	Сухопутные войска	Военно-морской флот	Военно-воздушные силы	Всего
1952	100,0	25,0	125,0	250,0
1960	6,0	12,0	35,0	53,0
1965	6,0	13,0	21,0	40,0

* «Вьетнам сэрияку сэно то Нихон но конкети, дзиэйтай» («Война во Вьетнаме и военные базы Японии»), Токио, 1966, № 14, июнь, стр. 37 (на япон. яз.).

Таким образом, численность американских войск на территории Японии с 250 тыс. человек в 1952 г. сократилась до 40 тыс. в 1965 г., и на этом уровне она оставалась в 1969 г.⁵⁰.

Количество сухопутных американских войск в Японии с 1952 по 1969 г. сократилось в 16,6 раза, военно-воздушных сил — примерно в 6, а военно-морских сил — в 2 раза.

Если рассматривать соотношение численности японских и американских войск на территории собственно Японии по видам вооруженных сил, то оказывается, что на долю сухопутных американских войск приходится всего 3,4%, военно-морских сил — 25,6, а военно-воздушных — 35%. Итак, на каждого из четырех моряков, постоянно размещающихся в Японии, приходится один американский, а из авиаторов каждый третий — военнослужащий военно-воздушных сил США.

Наряду с этим необходимо иметь в виду, что на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии общая численность американских вооруженных сил превышает 700 тыс. человек, там же действует 7-й флот, главная база которого находится в японском порту Йокосука. В составе флота насчитывается 175 боевых кораблей, и в том числе 5 авианосцев с общим количеством 750 самолетов. Там же дислоцируются две воздушные армии⁵¹.

На территории собственно Японии в распоряжении американских войск находятся 12 военно-морских и 7 авиационных баз. Всего же, по данным на 1969 г., в распоряжении американских войск было 160 объектов, под которыми занято 336 млн. кв. м годных для обработки земель⁵². Эти объекты располагаются по всей территории Японии, но концентрируются они преимущественно вокруг крупных промышленных и административных центров. В городе и районе Канагава — 45 объектов, Токио — 19, в районе Фукуока — Нагасаки — 14 объектов. 23 полигона расположены в районах наиболее крупных гарнизонов. Наряду с этим есть ряд объектов смешанного (японского и американского) пользования. Кроме того, японские острова Окинава и Огасавара превращены в мощные военно-морскую и военно-воздушную базы. На сооружение этих баз американское правительство израсходовало свыше 4 млрд. долл. Главный остров этой гряды — Окинава — превращен в ядерную кладовую с огромным количеством средств доставки ядерного и химического оружия к цели. По данным на начало 1969 г., на территории о-ва Окинава было сосредоточено четыре группы ракет «МЕЙС» по восемь пусковых установок в каждой группе, по три ядерных заряда на каждую установку. На этом же острове находилось 16 установок ракет «Найк-Геркулес», 16 установок ракет типа «Найк» и «Хок», 12 установок ракет «Малый Джон», 75 самолетов типа «F-105j», 50 самолетов типа «F-4Ej», 22 стратегических бомбардировщика типа «B-52»⁵³. На Окинаве, по оценкам японской печати, сосредоточен запас свыше 2 тыс. ядерных ударов различной мощности и соответствующее количество средств доставки их к цели.

Из приведенных данных видно, что военно-политический союз Японии и США наложил глубокий отпечаток на строительство вооруженных сил Японии. Результатом этого союза явилось то, что структура вооруженных сил Японии, морской державы, тождественна структуре вооруженных сил континентальных стран. Суть политики империализма США сводится к стремлению использовать вооруженные силы Японии в качестве придатка американской военной машины, которой принадлежит абсолютное превосходство в авиации и морском флоте. Закрепляя за собой господство на море и в воздухе, империалисты США рассчитывают на широкое использование территории и живой силы Японии в агрессивных войнах. На структуре вооруженных сил Японии отразился ее военно-политический союз с США, но в ней заложены и присущие этому союзу противоречия.

в) Сухопутные войска Японии

Высшим тактическим соединением наземных войск Японии являются пехотная и механизированная дивизии. По данным на 1969 г., в Японии насчитывалось 12 пехотных и одна механизированная дивизия.

Пехотные дивизии имеют штатную численность 7 тыс. и 9 тыс. человек, но в перспективе все дивизии будут переведены на девятитысячный состав, а по вооружению они приблизятся к механизированной дивизии. Важным этапом в решении этой задачи является принятый в августе 1969 г. закон об увеличении «сил самообороны» на 7702 человека. Из них в сухопутные войска предназначается 6 тыс. человек: в военно-морские силы — 1222 и в военно-воздушные — 480 человек. Этим же законом предусматривается увеличение резерва на 3 тыс. человек. Всего же численность вооруженных сил Японии составит 285 665 человек кадрового состава и 33 тыс. резерва.

Одновременно с созданием однотипных пехотных дивизий предполагается увеличить число механизированных дивизий. Современная механизированная (7-я) дивизия организована по типу американской бронекавалерийской. Штатный состав дивизии — 4863 человека. На ее вооружении находится 5911 винтовок, карабинов и пистолетов, 207 орудий, 74 танка и 204 бронетранспортера, тогда как в пехотной дивизии имеется 48 танков и 17 бронетранспортеров⁶⁴.

В области вооружения сухопутных войск обращается внимание на создание таких легких систем оружия, которые отвечали бы физическим данным солдат, были бы удобны для десантирования. Сухопутные войска оснащаются также ракетным оружием для стрельбы простыми и ядерными зарядами, что обеспечивает резкое увеличение их огневой мощи.

По данным на ноябрь 1970 г., на вооружении сухопутных войск было:

Вооружение сухопутных войск*

Вид оружия	Количество, шт.	Примечания
Винтовки и карабины	200 000	Образца 1962 г. В том числе 65 установок типа «Хок».
Пулеметы	6 700	
Ракет 4-го дивизиона (165 установок)	8 000	
Орудия всех систем	3 500	В том числе безоткатных 1300.
Танки и самоходно-артиллерийские установки	2 200	Образца 1960 г.
Автомшины	20 000	
Самолеты	134	
Вертолеты	222	

* «Коку дзёхо», 1971, № 5, стр. 31 (на япон. яз.); «Бэй Нэнкан 1970», стр. 261.

Почти все виды оружия, которыми оснащены сухопутные войска Японии, освоены и выпускаются отечественной промышленностью. Решается задача полной замены американского вооружения отечественным, более совершенным по сравнению с оружием американского производства. Вместо безоткатного 75-мм орудия, полученного из США, промышленность Японии выпускает улучшенную систему 106-мм безоткатного орудия. Будучи смонтировано на специальной автомашине, это орудие обладает большой огневой мощностью и высокой маневренностью. Сравнительные данные по бронетанковому вооружению также говорят в пользу танков японского производства*:

	Танки, полученные от США			Танки японского производства М-61
	М-24	М-41	М-44	
Вес танка, т	18	23	33	35
Длина, м	4,95	7,9	6,13	8,05
Ширина, м	2,90	3,25	2,95	2,95
Высота, м	2,42	2,83	2,75	2,48
Орудие, мм	75	76	76	90
Экипаж, человек	5	4	5	4

* «Бэй Нэнкан 1968», 1968.

Состав и расположение «армий направлений» (фронтов или военных округов) Японии*

Наименование округа	Район расположения	Место расположения штаба	Кол-во дивизий	Номера дивизий	Соединения и части усиления
Северный военный округ (Хокубу хо : мэнтай)	о. Хоккайдо	Муроран	4	2, 5, 7** и 11-я	Танковая группа, специальный отряд, строительный отряд и другие специальные части
Северо-Восточный военный округ (Тохоку хо : мэнтай)	северная часть о-ва Хонсю	Сэндай	2	6-я и 9-я	Специальный отряд, строительный отряд, учебный отряд и другие специальные части
Восточный военный округ (То : бу хо : мэнтай)	центральная часть о-ва Хонсю	Токио	2	1-я и 12-я	Авиационный отряд, специальный отряд, строительный отряд, учебный отряд
Центральный военный округ (Тю : бу хо : мэнтай)	южная часть о-ва Хонсю	Итами	3	3, 10 и 13-я	Строительный отряд и учебный отряд
Западный военный округ (Сэйбу хо : мэнтай)	о. Кюсю и Сикоку	Кумамото	2	4-я и 8-я	Строительный отряд, учебный отряд

* «Бозэй Нэнкан 1970», 1970, стр. 242.

** 7-я механизированная дивизия.

Средний танк М-61 японского производства превосходит танки, поставляемые США. На танке М-61 установлен двенадцатицилиндровый мотор воздушного охлаждения мощностью 570 л. с. Управление национальной обороны заказало компании «Мицубиси дзюкогё» новый тип танка, на вооружении которого должно быть 100-мм орудие. Танк должен иметь возможность вести прицельный огонь на любой скорости, на нем будут установлены новейшие приборы для ведения прицельного огня. Управление национальной обороны планирует также заменить ракеты типа «Найк» и «Акъяк», полученные от США, ракетами отечественного производства.

Промышленность Японии поставляет армии автомашины высокого качества и большой проходимости, инженерно-строительную технику, средства связи, химические боевые машины и другие виды оружия.

На основании приказа начальника Управления национальной обороны от 14 января 1960 г. сухопутные войска сведены в пять «армий направлений» и размещаются в соответствующих административных районах страны.

Из приведенных данных видно, что сухопутные войска Японии размещены крайне неравномерно. На о-ве Хоккайдо, непосредственно примыкающем к территории СССР, сосредоточена одна треть дивизий, и в том числе единственная в стране механизированная дивизия, хотя на долю этого острова приходится немногим больше одной пятой общей территории Японии и всего 5,4% населения страны. Хоккайдо считается отдаленным районом Японии, где военнослужащим выплачиваются повышенные оклады. Дислокация японских наземных войск указывает на то, что в совместной японо-американской стратегии главным потенциальным врагом считается Советский Союз.

г) Военно-морские силы Японии

Днем создания военно-морских сил официально считается 1 августа 1952 г.

В первые годы своего существования флот имел на вооружении эсминцы, полученные от США, а также боевые и вспомогательные суда старого флота.

Новый этап в развитии военно-морских сил наступил с 1957 г., когда на его вооружение поступили два эсминца отечественной постройки. С этого времени флот развивался на основе национального судостроения. По данным на ноябрь 1970 г., на вооружении флота находилось 200 боевых кораблей общим водоизмещением 137,0 тыс. т и 300 вспомогательных судов водоизмещением 33,0 тыс. т — всего 500 боевых и вспомогательных судов общим водоизмещением 167,0 тыс. т⁵⁵.

В боевой состав флота входят эскадренные миноносцы, подводные лодки, противолодочные корабли, торпедные катера и др.

К группе кораблей специального назначения относятся дозорные корабли, танкерные суда для снабжения флота горючим и водой, десантные самоходные баржи и др.

Боевые корабли оснащаются ракетами различного назначения. Боевая часть противолодочной ракеты «Асрок»⁵⁶ может быть использована и как глубинная бомба.

На вооружении флота имеется 270 самолетов и вертолетов, в том числе противолодочные беспилотные вертолеты, способные поражать цели на расстоянии 110 км; скорость их полета — 150 км/час, общий вес в полете — 480 кг (имеет на борту две торпеды).

Атомных боевых кораблей в Японии пока нет, но опыт создания таких кораблей приобретается. В 1970 г. завершилось строительство торгового атомного судна.

Заметно сокращено время на строительство боевых кораблей. По проекту 1963 г. с момента закладки до полного завершения строительства боевого корабля требовалось 30 месяцев, а по проектам 1965 г. время строительства боевого корабля класса «эсминец» сократилось до 17 месяцев, т. е. почти наполовину. В строительстве боевых кораблей заняты крупные судостроительные компании, такие, как «Мицубиси дзюкогё», «Исикавадзима-харима дзюкогё», «Кавасаки дзюкогё», «Хитати дзосэн», «Майдзуру дзюкогё». Тоннаж боевых кораблей, ежегодно спускаемых на воду, составляет более 5% общей продукции этих компаний. Это говорит о том, что Япония, располагая значительными мощностями на судостроительных верфях, способна создать большой океанский военно-морской флот.

Высшим органом управления военно-морскими силами является главный военно-морской штаб во главе с начальником штаба (он же и командующий) флота. Главный штаб флота находится в Йокосука, где расположена и главная американская военно-морская база.

Силы флота организационно сведены в пять военно-морских районов, штабы которых находятся в Йокосука, Курэ, Сасэбо, Майдзуру и Оминато.

В подготовке флота особое внимание уделяется действиям на морских коммуникациях, борьбе с подводными лодками противника и отработке взаимодействия с наземными войсками и авиацией. Часто проводятся учения по высадке десанта на необорудованное побережье и по обеспечению флангов наземных войск на приморском направлении.

Все это говорит о том, что вооруженные силы Японии готовятся не столько к оборонительным, сколько к наступательным, агрессивным действиям.

д) Военно-воздушные силы Японии

Военно-воздушные силы Японии являются самостоятельным видом вооруженных сил. Кроме того, авиация имеется в составе военно-морского флота и сухопутных войск. Авиации принадлежит важная роль в системе ПВО. Авиация Японии имеет на вооружении не только самолеты и вертолеты, но и ракеты. Эти виды вооружения взаимно дополняют друг друга. Особое значение имеет транспортная авиация, которая в современных условиях из вспомогательного превращается в основной вид военного транспорта.

В соответствии с целями и задачами авиации постоянно совершенствуется ее материальная часть, неизменно увеличивается парк ракетного вооружения. По данным на ноябрь 1970 г., на вооружении военно-воздушных сил находились 102 ракетные установки типа «Найк», 962 самолета и 37 вертолетов. Среди самолетов было 479 истребителей-бомбардировщиков. Всего же в трех видах вооруженных сил насчитывалось 1265 самолетов и 323 вертолета. Из них все вертолеты и подавляющая часть самолетов отечественного производства. Правда, боевые самолеты в Японии строятся в основном по американским лицензиям.

В составе военно-воздушных сил Японии нет стратегических бомбардировщиков, но требования к единому истребителю-бомбардировщику неизменно повышаются. В настоящее время истребители-бомбардировщики, находящиеся на вооружении ВВС Японии, способны выполнять и стратегические задачи. До недавнего времени наиболее совершенным самолетом ВВС Японии считался «F-104j» — сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик. Но, как уже было отмечено выше, в начале 1969 г. правительство Японии в качестве основного истребителя-бомбардировщика утвердило самолет «F-4E»⁵⁷.

Исключительно высокую оценку иностранных экспертов получил противолодочный самолет «P-2j». Он создан японскими конструкторами и выпускается японской авиационной промышленностью. В стране ведутся интенсивные поиски в области создания нового учебного и транспортного самолетов.

На вооружение всех видов вооруженных сил во все увеличивающемся масштабе поступают вертолеты. В распоряжении ВВС Японии имеется 18 аэродромов, у сухопутных войск 13 аэродромов и у военно-морских сил 11 аэродромов — всего 42 аэродрома.

Войска противовоздушной обороны Японии пока не выделены в самостоятельный вид вооруженных сил. Тем не менее вопросам противовоздушной обороны уделяется большое внимание. В 1968 г. в эксплуатацию была передана полуавтоматическая система наблюдения, оповещения и связи (сокращенно «Пэйдж»). Эта система охватывает собственно Японию,

Окинаву, Южную Корею и Тайвань. Она создавалась при финансовой и технической помощи США и рассчитана на совместную эксплуатацию японских и американских военно-воздушных сил. 24 радарные станции, расположенные на территории Японии, обслуживаются японскими военнослужащими, но при обязательном контроле за их работой американских офицеров.

Территории Японии, Окинавы, Тайваня и Южной Кореи, а также подступы к этим территориям с океана и моря составляют зону обороны 5-й воздушной армии США, штаб которой находится в Японии, в г. Футю, недалеко от Токио. Главный штаб авиации Японии находится в том же городе, в одном здании со штабом 5-й американской воздушной армии. Противовоздушная оборона Японии вместе с ее войсками ПВО входит в оперативное подчинение 5-й американской воздушной армии, а через нее — в подчинение американскому командованию воздушных сил на Тихом океане.

Командование японских военно-воздушных сил делится на северное, центральное и западное. Командованию и их штабам подчинены соответствующие соединения и части ВВС. Здесь же размещены военно-воздушные базы США. Например, северному командованию подчинены базы и авиация на Хоккайдо и северной части о-ва Хонсю. Штаб командования находится в г. Титосэ, там же дислоцируется и 7-я американская авиационная дивизия. На территории западного командования ВВС Японии расположена первоклассная американская военно-воздушная база (район деревни Сэки, преф. Миядзакэ).

Все учения ПВО в Японии проводятся совместно с американскими войсками, расположенными в Японии, на Окинаве, Тайване и в Южной Корее.

Оперативное подчинение японских военно-воздушных сил командованию 5-й американской воздушной армии было оформлено 2 сентября 1959 г., когда между командующим ВВС Японии генералом Мацумаэ и командующим 5-й американской воздушной армией Робертом Брендзом было заключено секретное соглашение. Соглашение предусматривало: командующий ВВС Японии должен довести до сведения всего личного состава военно-воздушных сил, что в угрожаемый период, как и во время войны, японо-американские войска будут пользоваться сообща системой «Пэйдж». В соглашении указывалось, что для более надежного и эффективного управления войсками на всех командно-наблюдательных пунктах этой системы будут находиться представители 5-й американской воздушной армии. Штаб 5-й воздушной армии на паритетных началах с ВВС Японии может пользоваться системой связи «Пэйдж» не только для приема информации, но и для передачи распоряжений как на терри-

тории Японии, так и за ее пределами. В соглашении далее отмечалось, что в случае угрозы нападения извне ВВС Японии вместе с американскими войсками немедленно принимают меры по отражению нападения, а затем уже могут заниматься оформлением процедурных вопросов⁵⁸. Таким образом, ст. 3 японо-американского «договора безопасности» о необходимости предварительной консультации с японским правительством перед принятием важных решений фактически полностью игнорируется. Во время «Карибского кризиса», при задержании Корейской Народно-Демократической Республикой шпионского корабля «Пуэбло» и в двух других случаях японские войска были приведены в боевую готовность «номер-один» без ведома не только премьер-министра, но даже и без санкции начальника Управления обороны.

В планах противовоздушной обороны и совместных действий японских и американских ВВС не скрывается, что вся система «обороны» и действия боевой авиации направлены прежде всего против социалистических стран. На всех воздушных, военно-морских и совместных учениях отдельных видов вооруженных сил условным «противником» представляется Советский Союз.

Все это свидетельствует о том, насколько опасны для дела мира замыслы американских и японских агрессивных кругов, связанные с использованием вооруженных сил Японии.

е) Финансирование вооруженных сил Японии

В связи с оккупацией территории Японии американскими войсками и размещением американского военного персонала правительство Японии обязано было нести расходы на содержание оккупационных войск, а с 1950 г. предусматривались также бюджетные ассигнования на содержание и развитие национальных вооруженных сил. Размер субсидий на содержание оккупационной армии в 1948 г. был определен в 155 млн. долл. в год. В конце 1955 г. в результате переговоров между правительствами Японии и США было решено, что начиная с 1957 г. Япония будет ежегодно сокращать субсидии на содержание американского военного персонала на сумму, равную половине суммы прироста военных ассигнований на содержание и оснащение национальных вооруженных сил. В результате расходы Японии на содержание американской оккупационной армии постепенно сокращались и в 1961 г. вообще были прекращены. На содержании правительства Японии оставался только корпус американских военных советников в японской армии, но в начале 1969 г. Япония и от этого вида расходов была освобождена в связи с упразднением института американских советников. В настоящее время

правительство Японии выплачивает только компенсацию за пользование американскими вооруженными силами арендованных у частных лиц земельных участков, за транспортные перевозки американских войск, а также различные страховые компенсации за причиненные убытки в результате аварий и катастроф американской техники на дорогах и во время совместных учений и маневров японской и американской армий.

Расходы Японии на содержание американской армии по всем перечисленным статьям за все послевоенное время, а также суммы от различного рода налоговых льгот, заниженных тарифов на государственных железных дорогах, за пользование телефонно-телеграфной сетью и другие в общей сложности достигли 5,5 млрд. долл. Безвозмездная военная «помощь», которую оказывали США Японии, за это время составила всего 1,4 млрд. долл.⁵⁹.

Военные расходы Японии неизменно увеличиваются, что наглядно видно из таблицы*:

Год	Расходная часть государственного бюджета, млрд. иен	Прямые военные расходы, млрд. иен	Удельный вес военных расходов в государственном бюджете страны, %
1950	633,3	13,2	2,0
1955	1018,2	136,0	13,4
1960	1743,2	163,5	9,4
1965	3744,7	301,4	8,4
1966	4474,1	340,7	7,7
1967	4950,9	380,9	7,7
1968	5818,6	422,1	7,3
1969	6720,0	483,8	7,2
1970	7949,8	569,5	7,2
1971	9414,3	670,9	7,1

* «Кэйдзай», 1964, № 4, стр. 26—27, «Бозэй Нэнкан 1970», 1970, стр. 352; «Кэйдзай хёрон», 1969, март, стр. 2; «Кокубо», 1970, № 10, стр. 125 (на япон. яз.).

Таким образом, как военные расходы, так и расходная часть государственного бюджета быстро растут. Тем не менее доля военных расходов в государственном бюджете проявляет при этом тенденцию к снижению. Кроме того, удельный вес военных расходов в валовом национальном продукте и абсолютные расходы на одного человека в Японии на протяжении всего послевоенного периода оставались ниже, чем в других капиталистических странах. Это подтверждается данными за 1967 г.*:

Страна	Доля военных расходов в валовом национальном продукте страны, %	Доля военных расходов в расходной части госбюджета, %	Военные расходы на одного человека, тыс. иен
Япония	0,9	7,4	3,9
США	9,8	45,0	132,5
Великобритания	5,7	16,8	34,9
Франция	5,3	—	38,2
Западная Германия	2,6	16,2	22,7
Италия	2,9	14,2	13,0

Примечание. 1 доллар соответствует 360 иенам.

* «Бэй Нэнкан 1970», 1970, стр. 352.

Однако для правильных выводов из этих данных необходимо иметь в виду, что правительство Японии далеко не все затраты на военные цели включает в сумму прямых военных расходов. В частности, почти во всех странах мира пенсии бывшим военнослужащим проходят по бюджету военных министерств. В Японии же они включаются в бюджет министерства здравоохранения. А это довольно внушительная сумма (200 млрд. иен в год).

Кроме того, расходы на специальные исследования в области атомной энергии, космоса, на строительство аэродромов и автострад проводятся по статьям гражданских министерств и ведомств, хотя эти виды расходов связаны и с военным строительством.

Но даже при явном занижении прямых военных расходов ассигнования на военные цели, по официальной статистике, увеличиваются ежегодно на 15—18%, и чем дальше, тем темпы роста военных расходов нарастают, что особенно заметно на примере финансирования долгосрочных военных программ*:

План укрепления и развития „сил самообороны“	Годы	Размер ассигнований, млрд. иен	Примечание
Первый план	1958 — 1961	654,9	Выполнен В стадии выполнения Проект
Второй план	1962 — 1966	1 388,0	
Третий план	1967 — 1971	2 340,0	
Четвертый план	1972 — 1976	5 796,0	

* «Бэй Нэнкан», 1968, стр. 353; «Иомиури». 22.I.1970; «Коку дзёхо» 1971, № 5, стр. 30 (на япон. яз.).

Таким образом, если ассигнования на выполнение второй и третьей программ были удвоены, то на выполнение четвертой программы они в 2,5 раза превышают затраты на выполнение третьей. Поскольку военные расходы капиталистических стран Западной Европы обычно увеличиваются на 4—5% в год, то нетрудно видеть, что по объему военных ассигнований, даже по официальным данным, Япония в ближайшие годы выйдет на уровень этих стран. Таким образом, в Японии, как и в других капиталистических странах, а может быть и даже в большей степени, активно действуют силы, заинтересованные в агрессивной, милитаристской политике, и под их влиянием растут военные ассигнования, увеличивается военный потенциал.

Вплоть до конца 60-х годов все виды вооруженных сил Японии развивались в основном равномерно, что видно из данных таблицы.

Из ежегодных ассигнований на содержание и развитие вооруженных сил в течение 60-х годов на долю сухопутных войск приходилось около 44,5%, военно-морских сил—23—24 и военно-воздушных—22—23% общих ассигнований. Но в 1970 г. доля сухопутных войск была снижена на 4%, а ассигнования на развитие военно-морских и военно-воздушных сил соответственно увеличены. В личном составе существенных изменений не произошло. Следовательно, в строительстве вооруженных сил делается упор на развитие военно-морского флота и военно-воздушных сил. Эта тенденция окончательно закрепляется распределением средств между видами вооруженных сил по четвертой программе. Планом предусматривается, что на содержание и развитие сухопутных войск в период с 1972 по 1976 г. будет затрачено 1800 млрд. иен, или в 1,9 раза больше, чем было израсходовано в предыдущем пятилетии. На развитие военно-морских сил предназначается 1300 млрд. иен, или в 2,3 раза больше, чем в предыдущем пятилетии, и на развитие военно-воздушных сил—1550 млрд. иен, что в 2,8 раза превышает расходы за предшествующий период времени⁶⁰.

Такое распределение средств на содержание и развитие видов вооруженных сил говорит о том, что основной упор делается на развитие наступательных возможностей «сил самообороны». Увеличение ассигнований на военную научно-исследовательскую работу в 3,5 раза по сравнению с расходами на эти цели по третьему плану подтверждает этот вывод. Резкий крен в сторону развития авиации и флота официально объясняется необходимостью усиления «самостоятельной обороны».

Но такого вида «оборона» с полным основанием начинает беспокоить прогрессивные, миролюбивые силы в самой Японии, которые решительно осуждают поли-

Распределение военных ассигнований по видам вооруженных сил*

Вид вооруженных сил и центральные управления	Г о д											
	1966		1967		1968		1969		1970		1971	
	Сумма, млрд. иен	%	Сумма, млрд. иен	%	Сумма, млрд. иен	%	Сумма, млрд. иен	%	Сумма, млрд. иен	%	Сумма, млрд. иен	%
Сухопутные войска . . .	150,0	44,1	166,4	43,8	187,8	44,5	211,8	43,7	252,2	44,3	284,0	40,8
Военно-морские силы . .	75,1	22,1	85,1	22,3	97,4	23,1	114,4	23,6	139,3	24,2	174,2	25,0
Военно-воздушные силы	85,4	25,2	94,9	24,9	98,2	23,3	112,5	23,3	125,2	22,0	169,1	24,4
Управление националь- ной обороны	9,1	2,6	11,2	2,9	13,5	3,1	14,8	3,1	17,2	3,1	22,2	3,2
Военно-строительное управление и науч- ные исследования .	21,0	6,0	23,4	6,1	25,1	6,0	30,3	6,3	35,4	6,4	46,8	6,6
Итого . . .	340,6	100,0	381,0	100,0	422,0	100,0	483,8	100,0	569,3	100,0	696,3	100,0

* «Бэй Нэнкан 1970», 1970, стр. 354; «Кокубо», 1970, № 10, стр. 122 — 127 (на япон. яз.).

тику возрождения милитаризма в стране, выступают против поддержки правительством Японии американской агрессии в Индокитае.

ж) Принципы планирования развития вооруженных сил Японии

Комитет по планированию развития вооруженных сил был создан при Управлении национальной обороны в августе 1952 г., сразу же, как только Резервный полицейский корпус был преобразован в «охранные войска» («Хоантай»).

Руководство разработкой первого плана развития вооруженных сил было сосредоточено в руках Управления национальной обороны. К его составлению привлекли широкий круг военных специалистов, экспертов, экономистов, историков и политических деятелей. В июле 1956 г. проект первого плана был представлен Совету национальной обороны.

После рассмотрения его в совете Комитету по планированию потребовался еще год на устранение замечаний, и только в июне 1957 г. план был утвержден сроком на три года (1958—1960). Однако на его выполнение ушло четыре года, и поэтому он вошел в историю как первый четырехлетний план развития и укрепления «сил самообороны» (1958—1961).

План предусматривал создание основы сбалансированных вооруженных сил: сухопутных войск, военно-морских сил и авиации. Но развитие их предполагалось преимущественно на базе американского оружия, поставляемого на основе безвозмездной военной «помощи». Национальное военное производство хотя и существовало в то время, но было еще слабым.

Первую программу в основном выполнили, однако по плану численность сухопутных войск была определена в 180 тыс., фактически в 1961 г. она составляла 150 тыс. человек кадрового состава и 20 тыс. обученного резерва командного состава. Сухопутные войска были вооружены американскими винтовками и карабинами, оставшимися после второй мировой войны; 1819 танков и 1593 артиллерийских орудия были в абсолютном большинстве американского производства. Орудия отечественного производства составляли всего 10%, а танки и бронемашины — 7,8%. Численность военно-морских сил была доведена до 34 тыс. человек. На вооружение ВМФ поступили корабли, полученные от США, и частично корабли старого флота, сохранившиеся после второй мировой войны. На вооружении флота находилось: эскадренных миноносцев — 50, подводных лодок — 5, патрульных катеров — 26, миноносцев — 9, истребителей подводных лодок — 22, тральщиков — 66 и 190 других боевых кораблей и вспомогательных судов и около 200 самолетов.

В составе военно-воздушных сил были 41 586 человек, а на вооружении их находилось 1270 самолетов, из них 370 самолетов учебных⁶¹. Самолеты и вертолеты отечественного производства составляли 47,8%⁶².

Второй план развития и укрепления вооруженных сил Японии (1962—1966) был уже пятилетним. Он разрабатывался в ходе выполнения первого плана с учетом опыта, полученного в предыдущие десять лет развития вооруженных сил.

На выполнение плана было ассигновано 1,5% национального дохода страны, что составляло 1160,0 млрд. иен. Фактически расходы составили 1388,0 млрд. иен (119,6% от ранее намеченной суммы). Но так как рост национального дохода за это пятилетие был выше предполагаемого, то удельный вес военных расходов составлял всего 1,2% национального дохода страны, т. е. на 0,3% ниже запланированного.

Задача второго пятилетнего плана состояла в том, чтобы продолжать совершенствовать организацию, обучение и воспитание личного состава «сил самообороны», обратив особое внимание на модернизацию вооружения.

Во втором плане снова ставится задача довести численность сухопутных войск до 180 тыс. человек, сформировать 13 дивизий, а численность обученного резерва увеличить до 30 тыс.⁶³. Наряду с этим предполагалось оснастить сухопутные войска ракетами класса «земля — земля» отечественного производства.

Намечалось сформировать два ракетных дивизиона класса «земля — воздух» типа «Найк» и «Хок».

Планом предусматривалось развернуть отечественное производство танков, пулеметов, винтовок и артиллерийских орудий.

По данным на конец 1966 г., численность сухопутных войск составляла 171,5 тыс. человек, военно-морских сил — 35 тыс., военно-воздушных — 39,6 тыс. человек. Всего в составе вооруженных сил насчитывалось 246,1 тыс. человек и резерв — 30 тыс.

Сухопутные войска имели на вооружении: винтовок — 197,6 тыс. (из них значительная часть образца «64» отечественного производства), пулеметов — 6,8 тыс. (в том числе пулеметы образца «62» отечественного производства), орудий различных систем — 4,4 тыс. (в том числе 1,2 тыс. 106-мм безоткатных пушек отечественного производства), 2 тыс. танков, бронемашин и самоходно-артиллерийских установок — 2 тыс., ракет — 8 тыс. и самолетов и вертолетов — 310⁶⁴.

Военно-воздушные силы имели 1,1 тыс. самолетов, из них 590 истребителей типа «F-104j», «F-86д», «F-84f» и «Т-34»⁶⁵.

На вооружении военно-морского флота находилось 520 судов общим водоизмещением 150 тыс. т (в том числе эсмин-

цев — 40, подводных лодок — 10, торпедных катеров — 40 и ряд других боевых и вспомогательных судов) ⁶⁶.

При этом пополнение вооружения происходило уже преимущественно за счет отечественного производства. Всего с 1951 по 1966 г. США поставили Японии вооружения, боевого снаряжения и боеприпасов на 567,9 млрд. иен ⁶⁷, из них на 1951—1961 гг. приходится 92,2%, а на 1962—1966 гг.— 7,8%.

Сокращение поставок американского вооружения Японии и рост военного производства в стране начинаются с 1955 г., и к концу 1964 г. поставки оружия в счет безвозмездной «помощи» или в кредит были прекращены. Национальная промышленность Японии стала основным поставщиком боевой техники вооруженным силам своей страны.

Монополистический капитал Японии охотно включился в военное производство, поскольку это приносит ему немалые прибыли. Часть военной продукции стала вывозиться за границу. Виды же на экспорт оружия в страны Юго-Восточной Азии были довольно перспективными. Многие из стран Восточной Азии вовлечены в агрессивные блоки, но своего военного производства не имеют. Американское же и европейское оружие для этих стран по физическим особенностям личного состава их вооруженных сил менее подходило, чем японское. Усиление агрессии американского империализма в Индокитае обещало увеличение притока заказов на различного рода вооружение и боеприпасы.

Третий пятилетний план укрепления и развития «сил самообороны» (апрель 1967 — март 1971 г.) был утвержден 29 ноября 1966 г. Его особенностью является значительное увеличение ассигнований на военное строительство (2340 млрд. иен). В то же время численность вооруженных сил увеличилась всего на 3%.

Увеличение военного производства, создание новых типов оружия требуют дополнительных капиталовложений в научно-исследовательскую работу и в обрабатывающую промышленность, расширение круга производителей оружия.

Предварительные оценки показывают, что третий пятилетний план выполняется с некоторым опережением ранее намеченных сроков. Планом предусматривалось к 1971 г. определить и ввести на вооружение новый единый истребитель-бомбардировщик. Но уже в 1969 г. правительство Японии остановило свой выбор на самолете новейшей американской марки фирмы «Локхид» «F-4E». Раньше срока вступают в строй новые средства управления и связи, инженерно-саперной и морской десантной техники.

В связи с опережающими темпами развития вооруженных сил фактические расходы на вооружение оказались выше запланированных. По плану на содержание и развитие вооруженных сил с 1967 по 1971 г. предусматривалось затратить

2340 млрд. иен, фактически же, по предварительным итогам, будет израсходовано 2552,4 млрд. иен.

При разработке четвертого пятилетнего плана укрепления и развития вооруженных сил (1972—1976) особое внимание уделяется дальнейшему наращиванию огневой мощи всех видов вооруженных сил, повышению их мобильности, намечается полная модернизация вооружения и боевой техники на основе новейших достижений в области военного дела. При этом особый упор делается на развитии военно-морских и военно-воздушных сил.

В сухопутных войсках по-прежнему останется 13 дивизий. Число механизированных дивизий с одной в 1971 г. будет доведено до четырех в 1976 г. Бронетанковый парк к 1976 г. намечается довести до 1000 танков (250 танкосамоходных орудий и 850 бронетранспортеров). Количество автомобилей различных систем будет увеличено в 4 раза. В состав пехотных и механизированных дивизий вводится подразделение вертолетов, а количество ракетных дивизионов увеличивается в 2 раза (восемь вместо четырех). Парк самолетов и вертолетов в сухопутных войсках будет состоять из 1100 машин⁶⁸.

Военно-морские силы пополнятся новыми боевыми кораблями, число которых к 1976 г. достигнет 200 общим водоизмещением 245 тыс. т.

Пятый пятилетний план должен обеспечить дальнейшее развитие и совершенствование достижений четвертого плана. При этом имеется в виду, что во второй половине 70-х годов устареет даже та боевая техника, которая вводилась на вооружение в конце 60-х годов. По мнению авторов проекта плана, например, истребитель-бомбардировщик «F-4Ej» должен быть заменен самолетом «F-4X». Все это, утверждают они, требует не только новых ассигнований, но и численного увеличения вооруженных сил. Сухопутные войска будут увеличены до 300 тыс. человек, возрастет и численность военно-морских и военно-воздушных сил. Высказывается даже мысль о том, что основой военно-морского флота станут атомные подводные лодки. На вооружение флота поступят авианосцы, и будет сформирована морская пехота.

Правящие круги Японии теперь уже не скрывают своего курса на «самостоятельную оборону». Больше того, они развернули широкую пропагандистскую кампанию за необходимость перевооружения страны. В сентябре 1970 г. Управление национальной обороны впервые после второй мировой войны опубликовало «Белую книгу», в которой делается попытка теоретически оправдать возрождение милитаризма в стране, обосновать экспансионистские амбиции монополистического капитала и милитаристских групп.

Председатель Комитета по вопросам безопасности при правящей либерально-демократической партии Н. Фунада в од-

ном из своих выступлений требовал дополнить силы самообороны Японии созданием миллионного «резервного оборонительного корпуса» или «национальной милиции».

А для оснащения организованного резерва численностью в миллион человек он предложил развернуть в стране производство вполне современного оружия. Фунада считал необходимым увеличить экспорт оружия и начать подготовку для использования «в оборонных целях» морского дна⁶⁹.

Концепция, изложенная представителями Комитета по вопросам безопасности при правящей партии, отражает курс, весьма опасный для дела мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Военное дело любого государства вплоть до военной доктрины, на основе которой строятся вооруженные силы, методы боевой подготовки войск, характер военных задач и способы их решения в конечном счете являются отражением его общественного строя. Наряду с этим военные доктрины современных капиталистических стран отражают и их международное положение. «Каждое из империалистических государств преследует свои собственные цели. В то же время все они звенья мировой капиталистической системы»⁷⁰.

«Для проведения агрессивной политики на международной арене и укрепления классового господства в своих странах империалисты используют рост государственно-монополистических форм капитализма, международную хозяйственную интеграцию, достижения науки и техники»⁷¹.

Военная доктрина современной империалистической Японии исходит из учета не только внутриаقتصاديого и политического положения страны, классового соотношения сил в ней, но и международной военно-политической обстановки.

Империалистические круги буржуазных стран до сих пор не хотят примириться с существованием, развитием и укреплением мировой социалистической системы. Реакционные милитаристские элементы в Японии все еще авантюристически мыслят категориями неизбежности вооруженной борьбы с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. При этом они исходят из того, что сила и мощь социалистической системы, и прежде всего Советского Союза, таковы, что в одиночку с этим противником не может совладать ни одна капиталистическая держава мира. Отсюда, по мнению руководящих кругов Японии, вытекает необходимость военных союзов и блоков империалистических сил. Именно поэтому правительство Японии считает военно-политический союз с американскими империалистами основой своей внешней политики. В августе 1969 г. министр иностранных дел Японии Анти заявил, что «Япония основывала и будет про-

должать основывать свою безопасность на японо-американском договоре безопасности»⁷².

В преамбуле заключенного в 1951 г. «договора безопасности» говорится, что по вступлении мирного договора в силу Япония не будет располагать эффективными средствами для осуществления своего неотъемлемого права на самооборону, поскольку она в момент капитуляции была разоружена. Но так как в мире «еще не уничтожен безответственный милитаризм»⁷³, Япония желает, чтобы одновременно с мирным договором вступил в силу и «договор безопасности» с Соединенными Штатами Америки. Таким образом, необходимость японо-американского военного союза объяснялась наличием в мире «безответственного милитаризма», вынашивающего якобы планы порабощения Японии. Дальнейший ход событий, связанный со вступлением в силу «договора безопасности», и все направление пропаганды показывают, что руководящие круги США и Японии под «безответственным милитаризмом» понимают Советский Союз и другие социалистические страны.

Бороться совместно против так называемого «безответственного милитаризма», а по существу против социалистических стран выразили готовность как американское, так и японское правительства. И на этой основе правительство Японии предоставило США право размещать на своей территории и вблизи нее наземные, военно-морские и военно-воздушные силы⁷⁴. Американские вооруженные силы «могут быть использованы,— сказано в 1-й статье договора безопасности,— в целях способствования делу поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности Японии от вооруженного нападения извне, включая помощь, предоставляемую по специальной просьбе Японского Правительства для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков в Японии»⁷⁵. Таким образом, вооруженные силы США, в условиях когда военная мощь Японии была слабой, брали на себя задачу не только борьбы против «безответственного милитаризма», но и против японского пролетариата, если бы он выступил против эксплуататорских классов. Вторую, внутреннюю функцию американские руководители считали временной до тех пор, пока японский капитализм с их помощью не наберет силу и не сможет самостоятельно справляться с революционным движением в стране. К концу 50-х годов японский капитализм действительно укрепил свое положение. В январе 1960 г. вместо договора, носившего следы неравноправного положения договаривающихся сторон, был заключен новый Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности между Соединенными Штатами и Японией. В новом договоре уже нет параграфов, которые ущемляли бы прямо суверенитет Японии, но

США в качестве старшего партнера и союзника принимают на себя «обязанности» прикрывать территорию Японии «атомным зонтом». Япония же предоставляет США право на размещение американских войск и оборудование военных баз на территории собственно Японии и на Окинаве.

По договору 1960 г. Соединенные Штаты Америки обязаны предварительно обсуждать с японским правительством вопросы использования американских войск, размещенных на территории Японии, а Япония «должна оказывать помощь США в ее деятельности по поддержанию мира и порядка на Дальнем Востоке». Однако ни в рассматриваемом договоре, ни в других японо-американских соглашениях правительству Японии не предоставлено право «вето» в отношении использования в агрессивных целях американских военных и военно-морских баз, находящихся на территории Японии. В результате Япония может быть втянута американскими империалистами в любую военную авантюру без согласия, а в некоторых случаях даже и без ведома правительства Японии.

Срок договора 1960 г. истек 22 июня 1970 г., и, несмотря на требования широких масс трудящихся отменить чреватый для японского народа трагическими последствиями Договор о взаимопомощи, правительство Японии продлило срок его действия и после 1970 г. В оправдание этого акта в «Белой книге по обороне Японии» говорится: «Мы не имеем ядерного и обычного наступательного оружия, поэтому японо-американская система безопасности Японии представляется необходимой до тех пор, пока не произойдет коренных изменений в международной обстановке»⁷⁶.

Близкая к правительству печать, ответственные государственные политические деятели, влиятельные чиновники Японии и депутаты от либерально-демократической партии в парламенте неизменно подчеркивают, что общность интересов Японии и США значительно сильнее разногласий и трений, которые имеют место между этими странами.

Монополии Японии стремятся как можно более широким фронтом выйти на рынки Азии и Дальнего Востока, о безраздельном господстве в которых всегда мечтал японский империализм. Но послевоенные политические и социально-экономические изменения в Азии, борьба народов этого континента за полное политическое и экономическое освобождение, рост влияния идей социализма — все это толкает японские руководящие круги на союз с главным оплотом неоколониалистской империалистической политики — с США.

Противоречия по вопросу о сферах и масштабах экспансии в страны Азии между правящими кругами США и Японии не сняты, они все время углубляются. США требуют от Японии более активного и непосредственного участия, в частности, в разбойничьей войне в Индокитае. Трения между

японскими и американскими монополиями возникают по вопросам состава и размеров японского экспорта в США, по вопросам фрахта и т. д. Конечно, империалистов США раздражает то, что разрыв в уровне развития этих стран сокращается. В 1955 г. по объему валового национального продукта США превосходили Японию в 14 раз, а в 1969 г. этот разрыв сократился до 5⁷⁷. Империалистам США не нравится и то, что активное сальдо Японии в торговле с США только в 1968 г. превысило 1 млрд. долл., а импорт американских товаров в Японию по-прежнему продолжает ограничиваться. Однако правящие круги США и Японии пытаются преодолеть возникающие противоречия, с тем чтобы согласовывать основные линии в проведении империалистической политики. Общим в этой политике является антикоммунизм, борьба против распространения идей и принципов социализма в Азии, Африке и Латинской Америке.

Агрессивность и авантюризм складывающейся военной доктрины Японии и состоит в том, что в ее основе лежит стремление любыми способами ослабить позиции социализма в Азии, подорвать национально-освободительное движение народов стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, задержать необратимый процесс упадка капитализма. Именно с этой целью были заключены двусторонние военные союзы Японии с правящей кликой Южной Кореи, с Чан Кай-ши на Тайване и другими реакционными режимами. С этой целью Япония проявляет активность в создании Организации тихоокеанско-азиатского договора (ПАТО), который справедливо называют восточным двойником НАТО.

Управление национальной обороны и другие правительственные учреждения Японии разработали «теорию», оправдывающую политику военных блоков и военных союзов. В этой «теории» нет ничего оригинального, все ее доводы и аргументы широко используются империалистическими пропагандистами, сторонниками строить внешнюю политику с позиции силы.

Из одного официального документа в другой переходит версия о том, что поскольку международный коммунизм неизменно выступает за мировую социалистическую революцию, то это, мол, создает почву для многочисленных конфликтов между двумя системами. Отсюда делается вывод, что никакого мирного сосуществования между социалистической и капиталистической системами быть не может. Коммунистический лагерь, утверждает официальная версия, безусловно, совершит нападение на Японию, стоит только ему почувствовать уверенность в конечном успехе.

Японские буржуазные пропагандисты, дублируя аргументацию своих американских коллег, пытаются доказать, что миролюбивая политика, которую проводят Советский Союз

и другие социалистические страны, направлена на то, чтобы подчинить себе и поработить народы так называемого «свободного мира».

Объективный ход истории привел к тому, что социализм победил, упрочился и развивается в значительной части мира; расширился состав сил, выступающих за революционное переустройство общества, а борьба за национальное освобождение во многих странах стала перерастать в борьбу против социального строя эксплуатации и угнетения. Империалистические круги современной Японии пытаются представить это как результат злонамеренных заговорщических действий коммунистов.

Все меньше становится в мире людей, которые верят этим клеветническим измышлениям. Но правящая верхушка империалистической Японии стремится возвести антикоммунизм на уровень государственной политики.

Японские реакционные круги выступают против политики нейтралитета, считая ее неприемлемой для Японии как страны, занимающей, по их мнению, исключительное положение на Дальнем Востоке. Если Япония с ее высоким уровнем развития производства и ее географическим положением, утверждают японские милитаристы, будет придерживаться политики нейтралитета, то это нарушит равновесие сил между капиталистической и социалистической системами и пагубно скажется на положении в Азии. Здесь проявляются не только приверженность правящих кругов Японии к агрессивным блокам и военным союзам, но и желание выполнять роль самостоятельной опоры «свободного мира», претензии на руководящую роль в мировой политике. «Чтобы устранить противоречия в мировых делах,— говорится в „Белой книге по обороне Японии“,— мы должны быть готовы к тому, чтобы использовать нашу растущую экономическую мощь для обеспечения стабильного благосостояния народов мира»⁷⁸. Именно для того чтобы иметь возможность эффективно влиять на мировую политику, правящие круги империалистической Японии взяли курс на создание военной организации, которая соответствовала бы ее возрастающему экономическому потенциалу. Однако курс на «самостоятельную оборону» сочетается с японо-американским военным союзом. В современную эпоху, говорится в официальных документах, практически трудно обеспечить оборону собственными силами, поэтому «Япония, как и многие другие страны, прибегающие к системе коллективной безопасности, стремится предотвратить внешнюю агрессию и противодействовать ей на основе совместной безопасности с Соединенными Штатами, с которыми они имеют общие интересы в политической, экономической и других областях»⁷⁹.

Именно с учетом необходимости сотрудничества с амери-

канским империализмом, который на современном этапе ярко проявил свое стремление «играть роль своеобразного гаранта и охранителя международной системы эксплуатации и гнета»⁸⁰, складывается военная доктрина японского империализма после второй мировой войны. Сущность этой доктрины сводится к следующему.

1. В полном соответствии с американской стратегией «гибкого реагирования»⁸¹ военная доктрина Японии допускает возможность трех видов войн: глобальной, или всеобщей, войны, войны ограниченной и локальных войн.

Разумеется, что между этими видами войн трудно установить четкую грань. Они могут путем эскалации перерасти одна в другую. А это значит, что наращивание ядерного потенциала представляет собой главное направление в подготовке вооруженных сил империалистических стран к войне.

2. По мере роста экономики страны, увеличения потребности во внешних рынках и сферах приложения капитала Япония стала постепенно отказываться от трех принципов — «не производить, не ввозить в страну и не иметь атомного оружия» — и начала призывать народ к постепенному «избавлению от атомной аллергии»; ставится задача использовать опыт и достижения американского союзника в области подготовки к применению атомного оружия, не упустить возможности, создаваемой в связи с возвращением административных прав на о-ва Окинава, получить в будущем в свое распоряжение и находящиеся на этих островах атомные базы. Однако, пока в Японии нет атомного оружия, необходимо оставаться под «атомным зонтом» США и приобщиться к атомной стратегии своего союзника.

3. Добиваться планомерного и согласованного развития всех видов вооруженных сил и родов войск. При условии дальнейшего количественного и качественного роста сухопутных сил перенести основной упор на развитие военно-морских и военно-воздушных сил.

Японские буржуазные пропагандисты доказывают, что теперь, когда Япония по совокупному общественному продукту и по объему промышленного производства занимает второе место среди капиталистических стран и третье место в мире, ее морской флот и авиация должны занять соответствующее этому рангу место.

4. Главной формой ведения войны признается наступление. Отдавая предпочтение наступлению перед обороной, военная доктрина Японии решает на этой основе ряд других принципиальных вопросов подготовки и ведения войны.

Если судить по плану объемом 1400 страниц иероглифического текста — пять томов⁸² операции «Три стрелы» («Санъя кэнкю»), — разработанному УНО в 1963 г., то японские стратеги придерживаются только наступления как в локальной,

так и в глобальной войне. Из плана «Три стрелы» видно, что японо-американские войска действуют по единому стратегическому замыслу и выполняют единую оперативную задачу. Эти планы исходят из того, что японо-американские войска располагают всеми современными средствами вооруженной борьбы. Поэтому они готовы к ведению любых войн: мировых или локальных, ядерных или обычных, больших или малых. Они готовы к действиям, которые могли бы «сдержать коммунистические силы или пресечь войну в самом зародыше». Все это очень напоминает американскую «стратегию гибкого реагирования».

Поскольку Япония не является ядерной державой и может случиться, что политическая обстановка в стране и в Азии заставит ее оставаться под прикрытием «атомного зонта» США, план изобилует различного рода оговорками и предупреждениями, которые призваны определить место безъядерной Японии в войне. В плане «Три стрелы» говорится, что, «исходя из опасности развязывания всеобщей войны, учитывая политику нашего государства (Японии.— *Прим. автора*), чувства народа и прочее, крайне желательно избежать применения ядерного оружия американской армией». Но тем не менее отношение авторов плана к ядерному оружию выражено довольно определенно: «Ядерный удар возмездия — естествен», применение первыми ядерного оружия допускается, но «в таких пределах, чтобы избежать развязывания всеобщей войны». В планах не отрицаются и превентивные войны, и упреждающие удары, предусматривается и перенесение военных действий на территорию противника. Это подтверждается и заявлениями высокопоставленных политических деятелей Японии.

Безызвестный Сигэо Икэда в бытность свою премьер-министром Японии заявил, что при определенных обстоятельствах «он допускает возможность нападения японских вооруженных сил на иностранные базы межконтинентальных баллистических ракет»⁸³.

В «Белой книге по обороне Японии» нашла свое отражение и эта мысль. Там говорится, что в случае возникновения войны необходимо «стремиться к обеспечению господства в воздухе и на море в пределах территории нашей страны и в прилегающем морском и воздушном пространстве, стараться ограничить порождаемый такой ситуацией ущерб и в начальной стадии ликвидировать агрессию»⁸⁴.

Все сказанное свидетельствует, что военная доктрина Японии строится на принципе превентивности ударов в любой войне: локальной или глобальной, ядерной или безъядерной. Эта доктрина носит антикоммунистический характер и базируется на блоковой стратегии, в которой союз США и Японии занимает центральное место.

4. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА НАСЕЛЕНИЯ И ЛИЧНОГО СОСТАВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЯПОНИИ

При определении военной мощи государства важно учитывать не только его материальные, экономические, но и моральные возможности. Моральный потенциал государства можно представить себе как способность его населения и армии выдержать в течение войны величайшее напряжение, колоссальные потери, связанные с применением современных средств массового уничтожения, и не утратить при этом воли к борьбе и победе. В конечном счете моральный потенциал государства определяется характером общественного строя, господствующей идеологией, а также целями, ради которых ведется война.

Моральный дух народа и армии не представляет собой величину постоянную. Он изменяется в зависимости от обстоятельств. При этом политические цели войны оказывают решающее влияние на моральное состояние народа и армии во время войны. В этом отношении агрессоры оказываются в невыгодном положении. Но вся сложность вопроса состоит в том, что господствующие классы империалистических государств держат политические цели войны в глубокой тайне, а на поверхность выставляют такие причины войны, выдвигают такие лозунги, которые способны оказать воздействие на народ и армию, поднять и повести массы на несправедливые, захватнические войны.

Правящие классы Японии накопили богатый опыт идеологической обработки населения и армии в деле подготовки и ведения захватнических, империалистических войн. В современных условиях правящие круги Японии вынуждены проводить тщательную подготовку общественного мнения к восприятию идей милитаризма. Применяются все возможные формы демагогической пропаганды, «оправдывающие» мероприятия правительства в этом направлении.

Из послевоенной истории Японии можно привести немало примеров того, как ее вооруженные силы постоянно использовались в разгроме прогрессивных организаций, подавлении забастовок рабочих, в борьбе против демонстраций. Так, 30 мая и 25 июня 1952 г., во время массовых манифестаций против американской агрессивной войны в Корее, все вооруженные силы Японии были приведены в боевую готовность. 15 июня 1960 г., во время демонстрации и второй всеобщей политической забастовки протеста против японо-американского «договора безопасности», в которой принимало участие около 6 млн. человек, в Токио у стен парламента произошли кровопролитные столкновения между демонстрантами и воинскими частями, действовавшими во взаимодействии с полицией. Воинские части в район столкновений были переброше-

ны на вертолетах. Во время ожесточенных схваток с демонстрантами в этот день войска применяли слезоточивые газы.

Монополистическая буржуазия и правящая либерально-демократическая партия Японии отдают себе отчет в том, что армия, лишенная поддержки народа, не в состоянии выполнить возлагаемые на нее задачи как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому основные усилия правительства Японии направлены к тому, чтобы убедить народ в общенациональном значении вооруженных сил, которые в рамках японо-американского «договора безопасности» способны защитить Японию от агрессии извне, убедить в том, что для создания и содержания армии необходимы крупные ассигнования на развитие военных отраслей промышленности.

В качестве главной идеологической основы для оправдания милитаризма правящие круги Японии избрали антикоммунизм и шовинизм. Они всеми мерами и средствами распространяют эти идеи среди широких масс трудящихся и среди личного состава вооруженных сил. Не последнюю роль в идеологической подготовке народа в духе милитаризма играет также религия.

В довоенной Японии большим успехом пользовалось восхваление отваги, мужества, презрения к смерти, превозносились способность руководить людьми и сила воли военачальников. Но поражение Японии во второй мировой войне и ее безоговорочная капитуляция заставили японский народ по-новому взглянуть на роль и значение войн в жизни народов и государств. После второй мировой войны в стране развернулось мощное антивоенное движение, результатом которого явилась ст. 9 конституции 1947 г. Не случайно поэтому мысль об «отказе от войны» в преамбуле и ст. 9 конституции является в настоящее время предметом острой борьбы между японскими силами демократии и реакции.

Конституция 1947 г. превратилась в объект нападок и резкой критики со стороны той же самой печати, которая еще так недавно провозглашала ее достоинства. Все чаще и громче раздаются призывы влиятельных членов правящей либерально-демократической партии пересмотреть основной закон страны, снять ограничения в области развития и использования национальных вооруженных сил.

В печати, устной пропаганде, по телевидению и в кино по-прежнему много говорится, что Япония всеми силами души ненавидит войну, но, к сожалению, в мире сохранились «безответственные милитаристские силы», которые создают угрозу миру и безопасности японского народа и народов других стран Азии. Поэтому будто бы Япония вопреки своей воле и желанию вынуждена вооружаться, чтобы сохранить собственный суверенитет.

Буржуазная печать Японии не делает секрета из того, что

под агрессивными государствами понимаются социалистические страны, и прежде всего Советский Союз. Управление национальной обороны и правительственные организации неизменно подчеркивают, что «монолитный международный коммунизм не поколеблется в осуществлении экспансии, если только будут шансы на успех»⁸⁵. Одновременно с этим говорится о возможности косвенной агрессии изнутри, со стороны коммунистических сил. Правящие круги Японии, таким образом, направляют острие пропаганды против социалистических стран, а внутри страны — против демократических организаций и прогрессивных сил. Бывший при правительстве Икэда начальник Управления национальной обороны Фудзиэда писал: «Я хочу, чтобы японский народ объединился под великим лозунгом антикоммунизма и не забывал о том, что мы должны быть готовы к борьбе с коммунистическим лагерем»⁸⁶. Другой бывший начальник Управления национальной обороны, Нисимура, применительно к вооруженным силам говорил: «Мы считаем необходимым учить военнослужащих сил самообороны тому, чтобы они были готовы для борьбы с коммунизмом»⁸⁷.

В изданном в 1961 г. «Моральном кодексе военнослужащего», где изложены основные правила поведения военнослужащих, подчеркивается, что основой морального кодекса японских военнослужащих является антикоммунизм.

Линия антикоммунизма в идеологической обработке населения Японии и ее вооруженных сил пронизывает всю систему правительственных мероприятий идеологического воздействия. В августе 1969 г. Управление национальной обороны опубликовало проект «Белой книги по обороне Японии», рассчитанный на массового читателя. В нем содержится попытка теоретически обосновать необходимость дальнейшего укрепления и развития вооруженных сил Японии.

Сама «Белая книга» выдержана в духе «холодной войны». Авторы ее доказывают, что в борьбе против коммунизма Япония может выстоять только в том случае, если она будет располагать не только наземными, но и крупными военно-воздушными и военно-морскими силами, способными сохранить за собой господство в воздухе и на море. Исходя из особенностей современной войны, говорится в той же «Белой книге по обороне Японии», «недопустимо прежнее медлительное реагирование, должна быть заранее подготовлена система обороны, способная немедленно ответить на нападение»⁸⁸. Отсюда и вытекает требование того, что Япония не должна останавливаться перед увеличением военных расходов на оборону, поскольку «интересы свободы и независимости превыше всего».

Пропагандой милитаризма стали заниматься и другие министерства и ведомства Японии. В сентябре 1969 г., напри-

мер, министерство иностранных дел выпустило брошюру под названием «Соображения о гарантии безопасности Японии». Брошюра предназначена для влиятельных депутатов парламента — членов либерально-демократической партии. Материалы и стиль брошюры явно претендуют на «научное» обоснование нового курса правительства. Брошюра начинается с анализа международной обстановки, при этом упор сделан на показ вооруженных сил потенциальных противников Японии. В брошюре сообщается, что Китайская Народная Республика располагает армией в 2,5 млн. человек и к тому же обладает ядерным оружием в объеме до 40 атомных и водородных бомб. Однако военно-морской флот КНР, хотя он и оснащен 30 подводными лодками, приспособлен для действия преимущественно вдоль побережья и эффективных операций на море предпринимать не может. Поэтому на обозримый период времени КНР не представляет собой более или менее серьезную угрозу для Японии.

Корейская Народно-Демократическая Республика, говорится в брошюре, является сильной в военном отношении государством. Вооруженные силы ее достигают 300 тыс. человек и могут быть увеличены полувоенными формированиями численностью до 1,3 млн. человек. Но военная мощь Северной Кореи, делается заключение в брошюре, до известной степени уравнивается вооруженными силами Южной Кореи и дивизиями США, расположенными на полуострове южнее 38-й параллели. Поэтому для Японии КНДР также не представляет большой опасности.

Что же касается Советского Союза, то, по мнению министерства иностранных дел Японии, его вооруженные силы, основанные на традиционно мощной армии, значительно модернизированы, вооружены в соответствии с требованиями нынешнего века ракетно-ядерным оружием и поэтому будто бы они и составляют главную опасность для Японии.

Как это свойственно буржуазной пропаганде, министерство иностранных дел Японии именует империалистические государства «свободными государствами», которые якобы никаких претензий к Японии не имеют, поэтому с ними Япония должна налаживать и поддерживать союзные отношения.

Не отстает от министерства иностранных дел министерство финансов. Министр финансов Такэо Фукуда, выступая на семинаре Федерации предпринимателей Японии (Никкэйрэн) в августе 1969 г. в г. Фудзисиды, заявил, что в соответствии с международной обстановкой ежегодные расходы на оборону необходимо довести до 2 трлн. иен⁸⁹, т. е. увеличить в 4 раза по сравнению с военными расходами Японии в 1969 г.

Призывая народ к поддержке политики правительства в деле милитаризации страны, правящие круги Японии взяли за оправдание всех захватнических войн, которые прихо-

дилось вести японскому империализму. По официальной трактовке, война с Китаем 1894—1895 гг. преподносится так, будто бы Япония силой обстоятельств была вовлечена в эту войну помимо своей воли и желаний. Аналогичное объяснение официальная печать Японии дает и русско-японской войне 1904—1905 гг. Другие войны, в том числе вторая мировая война, также преподносятся как войны вынужденные и, безусловно, справедливые со стороны Японии.

Истинный смысл фальсификации истории войн прошлого состоит в том, чтобы готовить общественное мнение к войнам будущего. Именно об этом говорит заявление бывшего начальника штаба военно-воздушных сил Японии (ныне депутата парламента) генерала в отставке Гэнда, который на одной из пресс-конференций в Великобритании заявил: «Мы не сожалеем о нападении на Пирл-Харбор. Если бы мы об этом сожалели, то не смогли бы повторить такое нападение во второй и третий раз»⁹⁰.

Начав с оправдания войн прошлого, правящие круги Японии перешли к воскрешению старой милитаристской концепции о том, что война есть вид очищения, изгоняющего зло, которое будто бы распространено на всей земле. Всякое зло есть труднопреодолимое препятствие на пути к миру. В связи с этим война будто бы не только неизбежна, но и необходима для установления и сохранения справедливости.

Поборники милитаризма и войны в современной Японии стремятся разбудить в народе патриотические чувства и настроения. Под флагом «патриотизма» протаскиваются идеи национализма, шовинизма и милитаризма.

Японскому народу изо дня в день внушается, что он обладает превосходными качествами, позволяющими ему за короткий срок добиться результатов, на достижение которых другим народам потребовалось бы целое столетие. Будто бы благодаря этим качествам японский народ после второй мировой войны совершил скачок в своем промышленном развитии, в результате которого страна по объему валового национального продукта вышла на третье место в мире. Сохраняя такие же темпы развития, твердит буржуазная пропаганда, Япония скоро превзойдет все народы мира и по доходу на душу населения. И все это приписывается особому национальному складу, свойственному только японцам.

На шовинистической базе в Японии возникло большое количество различного рода ультраправых организаций, используемых буржуазными партиями не только в целях антикоммунистической пропаганды, но и для усиления репрессий против демократических сил. Созданы военизированные молодежные отряды, в задачу которых входит участие вместе с полицией в разгоне демонстраций и разгроме прогрессивных организаций. Во главе этих отрядов поставлен некий

И. Кодама, бывший военный преступник категории «А». Он в свое время отсидел три года в тюрьме и был освобожден американской администрацией. Этот военный преступник считает, что военизированные молодежные организации должны «иметь выучку настоящих „Командос“». «Мы начнем,— говорит он,— убивать, как только коммунисты зашевелятся»⁹¹.

Не последнюю роль в пропаганде антикоммунизма и милитаризма играют организации, объединяющие бывших военнослужащих. С 1954 г. существует в Японии Общество друзей армии (Тайюкай), в составе которого, по данным на 1967 г., насчитывалось 78 тыс. человек. В декабре 1957 г. создано Общество отцов и братьев личного состава «сил самообороны» (Дзиэйтай фукэ); в его составе в 1967 г. насчитывалось 133 тыс. человек⁹². Создано и развивается Общество взаимодействия и сотрудничества с «силами самообороны» (Дзиэйтайёкёрёкукай), в которое входят не только военнослужащие, но и мэры городов, старосты деревень, члены городских и сельских самоуправлений, а также торговые служащие учреждений, снабжающих воинские части⁹³. Перечисленные милитаристские организации имеют свои отделения почти во всех префектурах страны. Особую роль играют организации под названием «местные отделения связи» («тихо рэнракубу»). Сеть этих отделений для связи с вооруженными силами была создана 1 июля 1964 г. Вначале они были связаны с сухопутными войсками, а с августа 1966 г. установили связь и с военно-морским флотом и авиацией. Филиалы отделений имеются во всех 49 префектурах страны. Отделения на общественных началах содействуют укомплектованию вооруженных сил. Они ведут учет лиц, годных к службе в армии, организуют физическую тренировку и медицинский надзор за этими лицами, а также проводят милитаристскую пропаганду среди молодежи, привлекая ее в армию. В итоге «тихо рэнракубу» выполняют функции содействия мобилизационному аппарату, облегчают ему выполнение задачи комплектования вооруженных сил страны, способствуют отбору в армию нужного контингента.

Милитаристскую и шовинистическую пропаганду среди населения страны проводит также Общество семей погибших фронтовиков (Нихон киндзокукай), состав которого исчисляется миллионами человек. Политический вес этого общества настолько велик, что во время выборных кампаний в парламент оно часто решает исход голосования в отдельных районах страны. Многие из перечисленных организаций имеют свои печатные органы. Так, например, организация «Кайкокай» издает ежемесячный журнал «Кайко». Правящая либерально-демократическая партия всячески поддерживает эти организации, оказывая им материальную и иную помощь. В свою очередь она использует эти организации как органы

«давления» на их членов при проведении антидемократических мероприятий в стране.

С целью повышения авторитета «сил самообороны» широко популяризируется их деятельность в оказании помощи населению во время землетрясений, наводнений, тайфунов и других стихийных бедствий, в расчистке и ремонте дорог, благоустройстве школьных помещений и школьных дворов и др. Инженерные войска нередко привлекаются к строительству железных и шоссейных дорог, проведению линий связи, линий электропередач и других сооружений, особенно если они имеют стратегическое значение. И каждый случай так называемой хозяйственной деятельности «сил самообороны» затем широко освещается в печати, передается по радио и телевидению, освещается в художественной литературе.

Во время землетрясения в Ниигата помощь пострадавшему населению оказывал 30-й пехотный полк 12-й пехотной дивизии, дислоцировавшийся в г. Сибата. Материалы о действиях полка публиковались в печати, была также сооружена и 8 июня 1967 г. открыта панорама под названием «Землетрясение в Ниигата и силы самообороны». Содержание ее было посвящено не столько состоянию вооруженных сил в целом, сколько перспективам их развития. Так как 1967 год был первым годом намеченного третьего пятилетнего плана укрепления и развития вооруженных сил Японии (1967—1971), то основные материалы панорамы были посвящены пропаганде содержания плана.

Специальный стенд отражал историю вооруженных сил императорской армии, где особое внимание обращалось на действия японских войск в русско-японской войне (1904—1905 гг.) и в период интервенции на советском Дальнем Востоке (1918—1922). В роли экскурсоводов выступали специально подготовленные офицеры 30-го пехотного полка⁹⁴. В книге отзывов бизнесмен Такахаси из префектуры Акита записал, что, будучи по коммерческим делам в Нагасаки, он познакомился с панорамой, где «имел возможность наблюдать, какой прогресс совершился в области вооружения. В результате всего увиденного я зримо почувствовал, как возросло мое уважение к силам самообороны»⁹⁵. Панорама была показана по телевидению.

Для привлечения внимания населения к армии в гарнизонах и лагерях устраиваются выставки, организуются концерты и спортивные соревнования; на все эти мероприятия вход свободный. «Цель этих концертов,— пишут Я. Хосино и С. Хаяси,— состоит в том, чтобы через музыку возбуждать у населения чувство близости к войскам, воспитывать из него сторонников армии»⁹⁶.

В идеологической обработке населения и армии широко используется религия. Наиболее распространенной религией

в Японии является буддизм, второе место занимает синтоизм, который связан с культом почитания императора и предков. Вплоть до конца второй мировой войны синтоизм считался государственной религией. 15 декабря 1945 г. специальной директивой американского штаба оккупационных войск распространение синто в качестве государственного культа в стране было запрещено.

По конституции 1947 г. религия отделена от государства. «Ни одна религиозная организация,— говорится в ст. 20 конституции,— не получает привилегий от государства и не имеет политической власти. Никто не может принуждать граждан принимать участие в религиозных актах, обрядах и церемониях. Государство и его органы воздерживаются от религиозного обучения или другой религиозной деятельности».

В послевоенные годы синто получил широкое распространение. В связи с активизацией правых организаций в Японии развернулась широкая кампания за восстановление синто в правах государственной религии. Это движение поддерживает правящая либерально-демократическая партия, а движение за возрождение синто возглавляет бывший премьер-министр Японии С. Иосида (брат премьер-министра Сато).

После длительной и напряженной борьбы с демократическими силами страны реакционерам в 1967 г. удалось в законодательном порядке восстановить государственный праздник — мифический день основания империи. История этого праздника весьма характерна. Согласно японской мифологии, первым смертным императором Японии был император Дзимму. (По преданию, Дзимму происходит от богини Аматэрасу.) В годы своего правления он будто бы объединил земли Японии и в 660 г. до н. э. создал централизованное государство. В честь этого события и был учрежден ежегодный праздник (11 января), который получил название «Кигэнсэцу».

Фактически государство в Японии сложилось не ранее IV в. н. э., т. е. примерно на тысячу лет позже мифической даты. После второй мировой войны праздник Кигэнсэцу был отменен. Но, как уже говорилось, в 1967 г. реакционным кругам удалось снова восстановить его под названием «Кэнкоку киннэмби» («Памятный день основания государства»).

С этого времени в стране снова празднуется день основания государства, и особенно торжественно он отмечается в войсках самообороны. 11 января в частях и соединениях проводятся торжественные собрания, а в гарнизонах — различные игры и спортивные соревнования. В ряде гарнизонов солдатам и офицерам, ревностно несущим военную службу, вручаются подарки от Общества содействия силам самообороны.

С целью разжигания шовинистического угара среди насе-

ления и в армии в 1968 г. было пышно отпраздновано в Японии столетие революции Мэйдзи. Пропаганда в период празднования юбилея была направлена на восхваление императорского строя в прошлом, на показ исключительности Японии и японской нации.

3 апреля 1969 г. в Японии была создана ультраправая полурелигиозная студенческая организация под названием Союз студентов храма Ясукуни (Ясукуни гакусэй рэммэй). 24 июня этого же года в Токио состоялся съезд этой организации, на котором присутствовало 400 человек. С приветственной речью к участникам съезда обратился заведующий отделом народного движения правящей либерально-демократической партии Х. Огава. Он одобрил саму идею создания подобного рода организации и призывал участников съезда к активной деятельности ради будущего японской нации. Оратор подчеркивал, что жертвы японского народа не должны пропасть даром. «Все переосмыслив,— заявил Огава,— японцы должны снова начать свой путь»⁹⁷. Председатель организации Ясукуни гакусэй рэммэй студент университета Коку дайгаку С. Танаи заявил, что «мы существуем сегодня лишь благодаря духам героев Ясукуни, павших жертвами на полях брани. Наше движение должно стать авангардом эпохи»⁹⁸.

В программе действия этой организации записано:

— не предавать забвению духов героев, павших на поле брани;

— полностью пересмотреть конституцию, сковывающую развитие военного потенциала.

«Важнейшей задачей,— подчеркивается в программе этой организации,— является обеспечение возвращения Японии островов Окинава и „северных территорий“».

Под «северными территориями» понимаются Курильские острова и южная часть о-ва Сахалин. То, что претензии на советскую территорию внесены в программу такой реакционной, милитаристской организации, как Ясукуни гакусэй рэммэй, не удивляет: милитаризм и реваншизм составляют ее политическую основу.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что необоснованные претензии на ту или иную часть Курильских островов, а в ряде случаев даже на все Курильские острова и южную часть о-ва Сахалин выдвигаются многими политическими партиями и организациями Японии.

Либерально-демократическая партия, которая в настоящее время находится у власти, заключение мирного договора с Советским Союзом ставит в прямую зависимость от передачи Японии трех островов Курильской гряды: Кунашир, Шикотан и Утуруп и гряды Хабомай. Это авантюристическая политика, обреченная на провал.

Необоснованность территориальных претензий империалистических, националистических кругов Японии к Советскому Союзу подтверждается всей послевоенной системой международных договоров и соглашений. В частности, в мирном договоре с Японией, подписанном в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г., по территориальному вопросу записано: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»⁹⁹. И только усилением реваншистских тенденций в политике правящих кругов Японии можно объяснить отказ правительства Японии от пунктов договора, им подписанного.

С восстановлением японских империалистических планов и амбиций, с ростом военного потенциала в Японии усиливается шовинистическая, милитаристская пропаганда.

Среди многих ярых поборников милитаризма и реваншизма особой активностью выделяется бывший начальник штаба военно-воздушных сил Японии генерал в отставке Гэнда. Он в устных и печатных выступлениях призывает молодежь следовать принципам отрядов «Токкотай» («смертников»), доказывая, что во время второй мировой войны молодежь Японии шла на смерть по личному побуждению, поскольку у нее был сильный дух и преданность родине.

Правительство Японии, как бы перекликаясь с этими речами, ежегодно 15 августа, в день принятия условий безоговорочной капитуляции, печатает длинные списки о посмертном награждении солдат и офицеров, погибших во время второй мировой войны. В тот же день ежегодно в Токио, в зале «Нихон будокай», в присутствии императора и членов правительства проводится панихида в память более 3 млн. человек, погибших в годы второй мировой войны.

Все это говорит о том, что в Японии усиливается идеологическая обработка населения в духе милитаризма и шовинизма.

Однако представление о милитаристской пропаганде в Японии было бы не полным без учета роли школы в деле воспитания молодежи.

Школа в Японии занимает особое положение. Всеобщее обязательное обучение в стране было введено еще в 1872 г. Но если до второй мировой войны обязательным было начальное (шестилетнее) образование, то в настоящее время введено обязательное среднее (девятилетнее) образование. Кроме того, в Японии широко развито высшее образование. Поэтому школами, университетами, колледжами и различного рода профессионально-техническими училищами охвачена почти четверть населения страны. Если учесть еще контингент учащихся в различного рода профессиональных училищах,

школах и на курсах, то станет ясно, насколько велик процент охвата обучением населения Японии.

После второй мировой войны произведена перестройка всех школьных программ и учебников. Основные принципы и структура системы просвещения были регламентированы двумя законами, принятыми в 1947 г.: «Основным законом об образовании» и «Законом о школьном обучении».

В преамбуле «Основного закона об образовании» записано: «Мы будем уважать человеческое достоинство и стремиться воспитывать людей, любящих правду и мир». В названных законах запрещалась любая дискриминация по признакам расы, вероисповедания, пола, социального и экономического положения. Однако эти требования не были выполнены.

Школьная администрация после второй мировой войны была децентрализована. Ответственность за школьные бюджеты, учебные программы, надзор за начальным и средним обучением возложены на местные комитеты просвещения, которые вскоре попали в зависимость от местных властей. Либерально-демократическая партия Японии на протяжении долгого времени держит под контролем большинство префектуральных и муниципальных собраний. Через эти собрания она оказывает соответствующее влияние на школьную администрацию, на содержание школьных программ и на школьное обучение в целом. Еще в 1952 г. бывший премьер-министр Японии Иосида заявил, что если не будет улучшено преподавание истории в духе превознесения национального государственного строя Японии, не будет преподаваться в школах география, восхваляющая прелести родины, то начнется распространение марксизма, а это, по его мнению, слишком опасно для судеб Японии. Глава правительства требовал повсеместного введения императорского гимна «Кими-га-ё» и полного пересмотра программы преподавания истории в духе показа «исключительности» Японии.

Указания премьер-министра были приняты к руководству министерством просвещения. Согласно указаниям начался пересмотр программ и учебников по истории и другим общественным дисциплинам. В проекты учебников для первого класса были включены песни, прославляющие солдат и армию. Вместо осуждения войн учебники доказывали необходимость усиления вооруженных сил. В начале 60-х годов было закончено обсуждение и утверждение учебников и пособий для школ начального и среднего образования.

Дальнейшим шагом в области перестройки образования была разработка в сентябре 1962 г. общей программы воспитания в процессе школьного образования, которая ориентировала органы просвещения на воспитание у молодежи и подростков частнособственнических инстинктов, духа реваншиз-

ма и шовинизма. Когда союз учителей Японии развернул борьбу против милитаристского контроля над просвещением, против насаждения в школе шовинистических и милитаристских тенденций, правительство Японии осуществило ряд репрессивных мер против работников просвещения. Был принят закон, запрещающий учителям заниматься политической деятельностью.

Местные комитеты по делам просвещения, проводя перестройку школьного образования в реакционном духе, являются инициаторами организации торжественных встреч воинских частей, прибывающих с учений или отправляющихся для участия в маневрах, демонстрации в школах милитаристских кинофильмов и т. п.

Курс правящей либерально-демократической партии на ремилитаризацию страны, которого она придерживается последние 15 лет своего пребывания у власти, последовательно претворяется в жизнь, несмотря на конституционные ограничения и антивоенные настроения широких масс трудящихся.

Правительство Японии и правящая либерально-демократическая партия стремятся возможно шире распространить реваншистские, милитаристские настроения. Оценивая сдвиги в этом направлении, премьер-министр Японии Эйсаку Сато говорил в 1969 г.: «К счастью, в последние два-три года споры в стране по вопросу о безопасности стали носить более реалистический и объективный характер. Народ постепенно начинает понимать точку зрения правительства по поводу безопасности, которая основывается на международном положении Японии и ее материальной мощи»¹⁰⁰.

С выходом страны на второе место среди капиталистических стран по объему валового национального продукта правительство Японии все настойчивее ставит вопрос об «интернационализации экономики», об усилении экономической «помощи» развивающимся странам Азии. Растут экспансионистские аппетиты японских монополий.

Развитие японского монополистического капитала, рост промышленного производства ставят перед правящими кругами Японии вопрос о расширении внешних рынков, сфер приложения капитала, что с неизбежностью порождает политику экспансии. Именно на этой основе возрождается и активизируется японский милитаризм, развиваются вооруженные силы страны, растет военное производство. Особой заботой монополистического капитала и правящих кругов Японии является проблема оснащения вооруженных сил новыми образцами оружия и новыми видами вооружения.

Правительство Японии даже 25 лет спустя после окончания второй мировой войны не подписало с социалистическими странами мирного договора. Амбиция и претензии правящих кругов Японии на ревизию послевоенной системы, на пере-

смотр границ лишний раз показывают опасную для дела мира направленность внешнеполитического курса монополистического капитала Японии, идущего вразрез с коренными интересами японского народа.

Против политики милитаризации выступают коммунистическая и социалистическая партии Японии, Генеральный совет профсоюзов (Сохё) и многие другие прогрессивные общественные организации. В их числе Всеяпонский совет запрещения атомного и водородного оружия, Народная лига защиты конституции, Совет движения против американских баз в Японии, общество «Япония — Корея», Японский комитет солидарности стран Азии и Африки, Национальный комитет борьбы против захода атомных подводных лодок в японские порты, Центральный комитет борьбы за аннулирование японо-американского «договора безопасности» и удовлетворение всех требований трудящихся и многие другие. Среди названных антимилитаристских организаций имеются и весьма представительные. В частности, Сохё объединяет ряд профсоюзов Японии с общим количеством 4650 тыс. человек (данные 1970 г.), что составляет 37,8% общего числа членов профессиональных союзов Японии.

Миролюбивые силы Японии борются против политики агрессии и ремилитаризации страны, проводимой правящими кругами Японии в тесном союзе с американским империализмом.

Однако антимилитаристские, демократические силы не всегда действуют согласованно, что нередко снижает эффект их деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Японский капитализм со второй половины XIX в. и до наших дней прошел более чем столетний путь, оставив на нем кровавые следы агрессии. На рубеже XX в. и в первые его десятилетия жертвами колониальной милитаристской политики Японии были народы Кореи и Китая. В годы второй мировой войны под иго японских колонизаторов подпали многие народы Восточной и Юго-Восточной Азии. Только благодаря победе над германским фашизмом и японским милитаризмом, одержанной при решающей роли Советского Союза, порабощенные Японией народы Азии освободились от японского колониального гнета.

В. И. Ленин в своих трудах дал глубокий анализ причин возникновения и характера войн в эпоху империализма, разоблачил хищническую сущность капиталистического милитаризма, подавляющего и угнетающего всякого рода движения пролетариата¹. Капиталистический милитаризм, и в частности японский, включал в себя комплекс экономических, политических и идеологических факторов, направленных на подготовку и осуществление агрессивных войн. Ленинское утверждение о том, что «войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах в интересах господствующих классов»², убедительно можно проиллюстрировать на примере Японии. История японского милитаризма показывает, что военно-экономическая конъюнктура, которая характеризовала развитие страны в первые десятилетия XX в., хотя и позволяла обеспечить современным оружием и военной техникой растущие армию и флот, ограничила тем не менее возможности Японии в этой области. Господствующие классы и обслуживавшая их военщина Японии возлагали надежду на возможность компенсации относительной экономической слабости моральной стойкостью солдат в армии и на флоте, воспитанных в шовинистическом духе.

Известное отставание военно-экономической базы Японии стремилась восполнить путем выгодного использования финансовой и материальной поддержки великих держав, заинтересованных в том, чтобы при помощи Японии ослабить позиции своих конкурентов в Азии и вместе с тем поставить Японию в положение зависимого от них государства. Таков был опыт русско-японской войны 1904—1905 гг., когда правительство Англии и США стремились подорвать позиции царской России на Дальнем Востоке руками Японии.

Первую мировую войну 1914—1918 гг. и вступление в союз с государствами Антанты японский империализм использовал для укрепления своей военно-промышленной базы, усиления армии и флота. В результате поражения кайзеровской Германии Япония расширила свои колониальные владения.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России японские империалисты встали на путь наращивания своего военно-экономического потенциала, вновь вступив в коалицию с другими империалистическими державами. Япония стремилась взять на себя роль ведущей силы в борьбе против молодой Советской Республики (1918—1922 гг.) и против национально-освободительного движения в Китае.

Агрессивные планы японского государства, его тщательная и всесторонняя подготовка к антисоветской войне, особенно после захвата Маньчжурии и превращения ее территории в военную и военно-промышленную базу для такой войны (1931—1941 гг.), привлекали внимание буржуазных правительств США, Англии, Франции. Именно в связи с этим правительства великих держав, несмотря на наступление Японии на их колониальные позиции на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, шли на уступки агрессору, способствовали укреплению его военного и военно-экономического потенциала для войны против СССР и национально-освободительного движения в Азии. В канун второй мировой войны правящие круги Японии заключили союз с европейскими фашистскими агрессорами — Германией и Италией. Японские руководители рассчитывали на то, что их фашистские союзники в Европе, воюя против Советского Союза, Великобритании и Франции и отвлекая силы Соединенных Штатов, откроют для Японии возможность реализовать ее широкие захватнические планы в Азии. Правящие круги Японии были уверены в успехе гитлеровского «блицкрига» и готовились пожинать плоды военных успехов фашистских агрессоров.

Вторая мировая война шла уже более двух лет, в нее были втянуты почти все страны Европы, и, только после того как потерпели поражение Франция и Голландия и образовался в связи с этим «колониальный вакуум» в Юго-Восточной Азии, японские флот и авиация нанесли решительный

удар по американскому флоту на Гавайских островах (Пирл-Харбор).

План японской военщины под кодовым названием «Кантокуэн», специально разработанный для войны против Советского Союза в середине 30-х годов, не был отменен, он лишь уточнялся в зависимости от положения на советско-германском фронте и изменений в стратегической обстановке на Тихом океане.

Не выполнив плана скоротечной операции в Китае, а затем и не добившись «молниеносной победы» на Тихом океане и очутившись перед фактом затяжной войны, японские руководители, ведя войну, стали искать пути для сепаратного мира со своими противниками. Они рассчитывали при этом сыграть на антисоветских и антикоммунистических настроениях определенных кругов США и Англии, сговориться с ними за счет Китая и других народов Азии. Только решительная позиция Советского Союза, его последовательная борьба за уничтожение фашизма и милитаризма, за быстрейшее окончание второй мировой войны помешали этому.

В соответствии с решением Ялтинской конференции ровно через три месяца после капитуляции фашистской Германии, 8 августа 1945 г., Советский Союз вступил в войну против империалистической Японии. Советская Армия разгромила главную ударную силу сухопутных войск Японии — Квантунскую армию — и заставила японских руководителей отказаться от дальнейшего сопротивления и капитулировать.

Японский милитаризм, как и немецкий фашизм, был разгромлен, и после тяжелых шести лет второй мировой войны мир вздохнул свободно. Получил возможность воспользоваться миром и японский народ.

* * *

На всех этапах агрессивной политики японского империализма военщина играла особую роль. Правящие классы Японии возлагали на генералов и офицеров армии и флота не только военные, но и политические задачи.

В составе почти всех правительств Японии на протяжении XX в. министерские портфели (помимо министров военного и военно-морского флота) получали генералы и адмиралы в отставке. Особенно часто представители армии и флота получали портфели министров внутренних дел и просвещения, что облегчало им возможность влиять на содержание обучения и воспитание молодежи в духе национализма и шовинизма, контролировать и пресекать всякие проявления антивоенных настроений среди населения, бороться против идей социализма и демократии.

Военщина возглавляла многочисленные националистиче-

ские, фашистские и профашистские организации, которые создавались не только в армии и на флоте, но и в гражданских ведомствах и учреждениях, постоянно направляла деятельность солдат и офицеров резерва, прошедших военную службу. Миллионы резервистов, объединенных в специальную организацию «Дзайго гундзин кай» (Союз резервистов), становились пропагандистами захватнических войн, воспитателями детей в школах, студентов в вузах в духе японизма и шовинизма.

В Японии с древних времен создавался культ воина. Хотя после буржуазной революции 1867—1868 гг. сословие воинов-самураев и было ликвидировано, но феодальный кодекс воина-самурая и в условиях развитого капитализма внедрялся в армии и на флоте. Фанатизм личного состава японской армии и флота, основанный на идее «превосходства» Японии и японцев над всеми другими государствами и народами, был возведен в главный принцип поведения на поле боя.

По мере быстрого развития японского капитализма росла численность и организованность рабочего класса Японии, была создана коммунистическая партия, ширилось влияние идей социализма среди интеллигенции и других слоев населения.

События, связанные с японской интервенцией 1918—1922 гг. на советский Дальний Восток, оказали известное влияние и на японскую армию. Идейная убежденность и самоотверженность большевиков—руководителей вооруженной борьбы против интервенции, мужество и мастерство бойцов Красной Армии и партизан показывали, что пролетарские массы горячо любят свою Советскую Родину, умело защищают ее и борются за высокие идеалы социализма и интернационализма. Под впечатлением увиденного и услышанного некоторая часть японских рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, начинала задумываться, сомневаться в правоте тех, кто затеял интервенцию, кто зарился на богатства советского Дальнего Востока.

Армия и флот особенно тщательно оберегались правящими кругами Японии от возможного влияния революционных идей. В 30-х годах в связи с ростом рабочего и крестьянского движения, обострением классовой борьбы правящие круги Японии вступили на путь фашизации страны.

Японские монополии видели в фашизме свою опору в борьбе против революционного и демократического движения трудящихся. Но они особенно поощряли, поддерживали и финансировали фашистское движение, поскольку оно облегчало политику агрессии и обеспечивало идеологическое «совершенствование» армии и флота в качестве главного инструмента войны и колониальных захватов.

Фашизм в Японии, как и нацизм в Германии, широко пользовался «антимонополистической» демагогией для того,

чтобы завоевать популярность среди мелкой буржуазии города и деревни, вербуя среди нее своих сторонников. Но это не мешало организаторам и руководителям фашистского движения быть тесно связанными с японскими «дзайбацу», пользоваться их финансовой помощью. Японские фашисты за щедрую финансовую помощь «дзайбацу» служили им верой и правдой.

В условиях колониальных захватов в Китае, интенсивной подготовки к войне против Советского Союза, а также против США и Англии японские правящие классы летом 1940 г., опираясь на военщину, пошли на создание режима, который несколько отличался от тоталитарного режима фашистской Германии. «Помощь трону» — это была специфически японская форма политической мобилизации народа и армии, экономических и трудовых ресурсов страны для агрессивной войны. Такая форма тотальной мобилизации позволяла под лозунгом «служения трону через производство» скрывать антинародный и преступный характер всех мероприятий военного времени, проводившихся государственным монополистическим капиталом, военщиной.

Поражение Японии во второй мировой войне было закономерным результатом авантюристической политики агрессии, оно обнажило социально-классовые противоречия в японском обществе, показало несостоятельность военной и политической стратегии японского империализма.

* * *

В условиях новой расстановки сил в мире, когда социализм вышел на мировую арену в качестве решающей силы послевоенного развития, а империализм терял одну позицию за другой, правящие круги США встали на путь возрождения военно-экономического потенциала побежденной Японии.

С 1946 по 1951 г. штаб американской оккупационной армии под командованием генерала Макартура шаг за шагом осуществлял мероприятия, направленные на восстановление прав и возможностей монополий Японии, прежнего государственного аппарата, сохранение кадров генералов и офицеров разгромленной императорской армии. Пользуясь правом оккупирующей державы, командование США в Японии построило хорошо оборудованные военные и военно-морские базы и другие военные объекты, в том числе и ракетно-ядерную базу на о-ве Окинава. К началу корейской войны 1950—1953 гг. были подготовлены условия для восстановления японской армии и флота. Экономический бум, возникший в связи со значительными американскими военными заказами японской военной промышленности, дал новый толчок к укреплению монополистической буржуазии Японии и способствовал воссозданию японских вооруженных сил.

После заключения так называемого мирного договора с США, Англией и другими капиталистическими странами в Сан-Франциско (США) и ряда других договоров и соглашений, в том числе и «договора безопасности» (1951—1954 гг.), началась полоса открытого возрождения японского милитаризма. 1 июля 1954 г. было создано Управление национальной обороны (УНО) для руководства тремя видами «сил самообороны» — сухопутными, военно-морскими и воздушными, при премьер-министре Японии был создан Совет национальной обороны, а при УНО — объединенная группа начальников штабов.

В январе 1960 г. в Вашингтоне был подписан новый японо-американский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, который закрепил за США на десятилетний срок право иметь на территории Японии военные, военно-морские базы и гарнизоны. Наступил новый этап союзнических отношений между США и Японией на базе общего стратегического плана «действий с целью отражения общей опасности».

Японские правящие круги пытаются предать забвению тяжелые уроки военного поражения во второй мировой войне, но зато учитывают те просчеты, которые были допущены в деле экономического обеспечения войны. Экономический потенциал Японии, его качественная характеристика в наши дни не идут ни в какое сравнение с потенциалом и его качественной характеристикой периода второй мировой войны. На основе быстрого и эффективного использования в промышленности достижений науки и техники, зарубежного опыта военных отраслей промышленности, особенно США, японский государственно-монополистический капитализм постепенно создает и свои военные отрасли промышленности. Япония теперь за счет внутреннего производства стрелкового, артиллерийского и танкового оружия полностью удовлетворяет потребности вооруженных сил. Она строит современные военные суда для морского флота, создает запасы вооружения и стратегических материалов, разворачивает научно-исследовательскую работу по совершенствованию обычного вооружения и созданию новых видов оружия, особенно в области авиации и ракетостроения. Воссоздана широкая сеть военно-учебных заведений для подготовки командного состава и специалистов для всех видов и родов войск. Япония постепенно увеличивает экспорт оружия, военной техники и боеприпасов в зарубежные страны Азии, предоставляет техническую помощь в области военного производства странам — сателлитам США и членам агрессивного военного блока СЕАТО.

Правящие круги Японии организуют идеологическую обработку населения и личного состава вооруженных сил в духе милитаризма и шовинизма. С этой целью перерабатываются

школьные программы и школьные учебники, настойчиво воспитывается реваншизм, для чего широко используется провокационное беспочвенное требование к Советскому Союзу о возвращении Японии так называемых «северных территорий».

Это не может не беспокоить прогрессивные силы в Японии. Прогрессивную общественность не без основания волнует и изменение политических и военных функций Японии в двустороннем военном союзе с США. В коммюнике, опубликованном в ноябре 1969 г., после переговоров президента США Никсона и премьер-министра Японии Сато, говорится, что обе стороны еще раз подтверждают намерение твердо сохранить «договор безопасности» и поддерживать контакты по вопросам, затрагивающим мир и безопасность Дальнего Востока. Япония, таким образом, в качестве младшего партнера США берет на себя ответственность «за мир и безопасность» на Дальнем Востоке.

Несмотря на широко развернувшуюся в Японии кампанию протеста против американской агрессии в Индокитае, правящие круги Японии фактически поддерживают эту преступную войну, предоставив Соединенным Штатам возможность использовать мощности высокоразвитой японской индустрии для выпуска военной продукции по «спецаказам», ремонта и восстановления американской военной техники, поврежденной в ходе боев во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

В свою очередь японское правительство использует американскую политику «вьетнамизации» войны для расширения своих позиций в Юго-Восточной Азии. В японском парламенте все чаще слышны голоса руководителей «сил самообороны», требующих, чтобы эти силы выполняли задачу по «охране японских морских коммуникаций» от Персидского залива (откуда вывозится сырая нефть) до восточных приморских портов собственно Японии.

Если до недавнего времени японские правящие круги, чтобы отвести обвинение в возрождении милитаризма, говорили, что Япония тратит на армию и ее вооружение сравнительно небольшую часть совокупного общественного продукта, то теперь в связи с опубликованием четвертой программы перевооружения «сил самообороны» (1972—1976 гг.), а также в связи с новыми задачами, которые вытекают из опубликованной в 1970 г. «Белой книги по обороне Японии», становится очевидным, что в ближайшие годы военно-экономический потенциал будет расти и Япония по удельному весу военных расходов в государственном бюджете выйдет на уровень Великобритании, Франции и Западной Германии.

Несмотря на протесты прогрессивной общественности, правительство Сато пролонгировало в июне 1970 г. на неопределенный срок японо-американский «договор безопасности».

Уже сейчас японское командование имеет тщательно разработанный план размещения в Японии своих военных объектов в 1972 г., после «возвращения» о-ва Окинава.

Рост милитаризма в Японии не может не обратить на себя внимания миролюбивых сил, особенно соседних с Японией государств. Правительство и народы Советского Союза всегда стремились к установлению добрососедских отношений с Японией, к укреплению дружбы между советским и японским народами. Это стремление полностью отвечает ленинской политике мирного сосуществования государств с различным социальным строем, проводимой Советским Союзом. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев говорил: «Мы видим немалые возможности для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества с Японией, хотя попытки некоторых японских кругов эксплуатировать так называемый „территориальный вопрос“, разумеется, не идут на пользу советско-японским отношениям. Их полная нормализация на соответствующей договорной основе затрудняется и наличием в Японии иностранных военных баз. Между тем такая нормализация соответствовала бы долгосрочным интересам народов обеих стран, интересам мира на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана»³.

Советский Союз делает все необходимое для нормализации отношений с Японией, укрепления добрососедских и взаимовыгодных экономических, торговых и культурных связей. Это отвечает и кровным интересам японского народа. Япония может только прогадать, если она последует антисоветскому курсу политики, усиливающему ее зависимость от Соединенных Штатов Америки.

Путь милитаризма и агрессии уже привел Японию однажды к катастрофическому поражению в 1945 г. На этот пагубный путь пытаются ныне вновь толкнуть страну те же самые реакционные элементы, которые ответственны за прошлую преступную политику военных авантюр.

Надо надеяться, что в Японии найдутся силы, способные помешать этому.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 187.

² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», М., 1969, стр. 295.

³ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 16.

Глава I

¹ 1 коку риса соответствует 180 кг.

² Сэппуку — китаизированное чтение японского слова «харакири» (букв. «разрезание живота»).

³ Цутя, Нихон кэйдзайси гайё, Токио, стр. 275 (на япон. яз.).

⁴ Хаттори, Мэйдзи иссин какумэй оёби ханка-кумэй, Токио, стр. 22 (на япон. яз.).

⁵ Гунбацу — букв. «военная клика». Хамбацу — букв. «клановая клика».

Глава II

¹ Х. Т. Эйдус, История Японии с древнейших времен до наших дней, М., 1968, стр. 70.

² Г. Норман, Становление капиталистической Японии, М., 1952, стр. 7.

³ Т. О'Конрой, Японская угроза, М., 1942, стр. 26.

⁴ Там же.

⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 262.

⁶ Симонсекский договор был подписан 17 апреля 1895 г. В нем говорилось, что Китай: 1) признает независимость Кореи; 2) уступает Японии острова Формоза и Пескадорские, а также части Ляодунского полуострова, лежащие южнее линии Инькоу — Аньдун; 3) уплачивает 25 160 256 английских фунтов (300 млн. юаней) военного вознаграждения; 4) открывает

для торговли три новых порта; 5) предоставляет Японии в них, равно как в прежде открытых, все преимущества, наиболее благоприятствуемые нации; 6) впредь до уплаты военного вознаграждения оставляет крепость Вэйхайвэй за Японией. См.: «Япония и ее обитатели», СПб., 1904, стр. 99.

⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 352.

⁸ Нисияма и Вакай, Дзэттай Нихонси, Токио, 1953, стр. 302 (на япон. яз.).

⁹ Сигэки Тояма, Мэйдзи исин, Токио, 1954, стр. 284 (на япон. яз.).

¹⁰ Контр-адмирал Сайто в статье, посвященной флоту, указывает, что японцы впервые познакомились с основами западного судостроения во время строительства судна русскими моряками из экипажа «Дианы», погибшей во время сильного землетрясения в бухте Симода в декабре 1854 г.

¹¹ По вопросам о реформе образования и системе воинской повинности использованы материалы П. П. Топехи, за что автор выражает ему глубокую благодарность.

¹² Сигэки Тояма, Мэйдзи исин, стр. 300.

¹³ Г. Квигли, Правительство и политическая жизнь Японии, М., 1934, стр. 98.

¹⁴ Там же, стр. 98—99.

¹⁵ M. Ramming, Japan, Geschichtlicher überblick, Berlin, 1941, стр. 177.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid., стр. 177—178.

¹⁸ Г. Квигли, Правительство и политическая жизнь Японии, стр. 142.

¹⁹ Там же, стр. 142—143.

²⁰ Suehara, The Industry and Trade of Japan, London, 1936, стр. 210.

²¹ Сэйдзи Маэдзима, Нихон гун тодзири тэйкокусюги но кэйсэй, Токио, 1959, стр. 6 (на япон. яз.).

²² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 174.

²³ Х.Т. Эйдус, История Японии..., стр. 103.

²⁴ О причинах, характере, а также о военном искусстве в русско-японской войне 1904—1905 гг. обстоятельно рассказано в монографической работе А. А. Строкова «История военного искусства (до конца первой мировой войны 1914—1918 гг.)», М., 1967, стр. 34—143. Здесь мы рассматриваем лишь вопросы, связанные с милитаризмом Японии.

²⁵ A. Zischka, Japan in der Welt. Die japanische Expansion seit 1854, Leipzig, 1939, стр. 168—169; Sobei Modii, V. Redman, The Problems of the Far East, London, 1935, стр. 143—144.

²⁶ A. Zischka, Japan in der Welt, стр. 169.

²⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 155—156.

²⁸ R. V. Porter, Japan, The Rise of a Modern Power, London, 1919, стр. 160.

²⁹ Ibid., стр. 160.

³⁰ Ibid., стр. 161.

³¹ «Варэра но син хэйки», Токио, 1940, стр. 143—144 (на япон. яз.).

³² Там же, стр. 144.

³³ Там же, стр. 146.

³⁴ Там же, стр. 152.

³⁵ Там же. По данным на 1902 г., в личном составе японского военно-морского флота находились: 2 адмирала, 9 вице-адмиралов, 25 контр-адмиралов, 65 капитанов 1-го ранга, 119 капитанов 2-го ранга, 167 капитан-лейтенантов, 220 старших и 305 младших лейтенантов (мичманов), 232 инженера, 275 врачей, 235 казначеев, 90 инженеров-строителей и топографов, 31 688 канониров, боцманов, фейерверкеров и матросов.

³⁶ Там же, стр. 152.

³⁷ Там же, стр. 158.

³⁸ Там же, стр. 161—162.

- ³⁹ Там же, стр. 201.
- ⁴⁰ В. Л. Р а н ц о в, Вооруженные силы Японии, СПб., 1904, стр. 212.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² В нашу задачу не входит описание боевых действий и оценка военного искусства воевавших сторон. Об этом написано много и достаточно подробно. Нас интересует процесс развития милитаризма в ходе русско-японской войны.
- ⁴³ «Нитиро сэн си сирё», Дайрен, 1936, стр. 161 (на япон. яз.).
- ⁴⁴ Там же, стр. 161—162.
- ⁴⁵ Х а н и Г о р о, История японского народа, М., 1957, стр. 109.
- ⁴⁶ Там же, стр. 109.
- ⁴⁷ В. И. Л е н и н, Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 152.
- ⁴⁸ S u e h a g a, The Industry and Trade of Japan..., стр. 32.
- ⁴⁹ Х. Т. Э й д у с, История Японии..., стр. 117.
- ⁵⁰ J. E. O r c h a r d, Japan's Economic Position, New York, 1930, стр. 222.
- ⁵¹ Ibid., стр. 226.
- ⁵² Ibid., стр. 220.
- ⁵³ W. S c h y l z e, Weltkämpfe für Rohstoffe, Berlin, 1912, стр. 18.
- ⁵⁴ «Кэйдай ронсо», т. XVI, № 7, 1913, стр. 276 (на япон. яз.).
- ⁵⁵ Подсчитано по: «Мэйдзи-Ико Хомпо Сюё Кэйдай токэй», Токио, 1966, стр. 127—182 (на япон. яз.); см. также: «Гэндай нихон сангё кодза», II, Токио, 1959, стр. 46—53 (на япон. яз.).
- ⁵⁶ Х. Т. Э й д у с, История Японии..., стр. 127.
- ⁵⁷ «Мэйдзи гайко си сирё», IV, Токио, 1931, стр. 82 (на япон. яз.).
- ⁵⁸ Там же, стр. 91.
- ⁵⁹ «Нихон», 8.XI.1912 (на япон. яз.).
- ⁶⁰ Там же, 22.I.1913.
- ⁶¹ Там же, 2.VIII.1914.
- ⁶² Там же, 19.VIII.1914.
- ⁶³ «Тайсё дзидай но гайко сирё», Осака, 1939, стр. 217 (на япон. яз.).
- ⁶⁴ Там же, стр. 286.
- ⁶⁵ Там же, стр. 291.
- ⁶⁶ Там же, стр. 293.
- ⁶⁷ «К годовщине событий у Циндао»,— «Дзи-дзи-симпо», 22.VII.1915 (на япон. яз.).
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ T. M i l l a r d, Democracy and the Eastern Question, New York, 1929, стр. 81—82.
- ⁷¹ Ibid., стр. 87.
- ⁷² Ibid., стр. 88—89.
- ⁷³ «Син нихон», 21.I.1915 (на япон. яз.).
- ⁷⁴ Там же, 21.I.1915.
- ⁷⁵ Об этих требованиях не разрешалось ни писать в печати, ни говорить на официальных дипломатических встречах.
- ⁷⁶ P. H. V. K e n t, The Twentieth Century in the Far East, London, 1937, стр. 73—78.
- ⁷⁷ «Син нихон», 27.VI.1916 (на япон. яз.).
- ⁷⁸ «Дзёхо то кайсэцу», 18.2.1915, стр. 9 (на япон. яз.).
- ⁷⁹ «Син нихон», 22.2.1915.
- ⁸⁰ «Нихон дзигё сёси», Токио, 1924, стр. 137 (на япон. яз.).
- ⁸¹ «Дзёхо то кайсэцу», VIII, Токио, 1917, стр. 7 (на япон. яз.).
- ⁸² «Нихон дзигё сёси», стр. 289.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ «Дзёхо то кайсэцу», стр. 17.
- ⁸⁵ «Нихон дзигё сёси», стр. 302.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ «Reinische Zeitung», 17.III.1917.
- ⁸⁸ «Варэра но син хэйки», Токио, 1942, стр. 329 (на япон. яз.).

⁸⁹ «Нихон», 23.III.1915.

⁹⁰ «Нихон рекиси кодза», «Дай року кен», «Киндай хэн», Токио, 1954 (на япон. яз.).

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

Глава III

¹ Иноуэ Киёси, Ононоги Синдзабуро, Судзуки Сёси, История современной Японии, М., 1955, стр. 25.

² Сэйдзиро Имаи, Рококу какумэй дзицудзё, Токио, 1918, стр. 82—83 (на япон. яз.).

³ В августе 1918 г. издательство «Асахи симбун» опубликовало книгу подполковника Хосино Тэрадзиро, вернувшегося из Франции, «Осору бэки карёку хаттацу» («Невиданное развитие огневой мощи»), посвященную развитию огневой мощи армии стран Европы — Германии, Англии, Франции и России. Автором приводились конкретные данные о росте количества и скорострельности полуавтоматического стрелкового оружия, росте калибра, скорострельности и дальности стрельбы артиллерии, весе снарядов и их убойной и пробивной силе. В конце книги Тэрадзиро Хосино писал: «Нельзя считатья передовой и способной к обороне страной, не имея мощной артиллерии, современных танков, бронемашин, самолетов. Империя должна все это иметь, в этом ее будущая судьба» (стр. 77).

⁴ Генералу Кадзусигэ Угаки в то время исполнилось 65 лет, он не принадлежал к клановым группам Тёсю или Сацума и тем не менее был на высоком посту военного министра в нескольких кабинетах. Угаки был близок к дворцово-аристократическим кругам и через них связан с титулованной группой буржуа, преуспевших за время первой мировой войны. Карьера генерала Угаки продолжалась до 1930 г., когда в связи с подготовкой интервенции в Маньчжурию он оказался отодвинутым на задний план новыми, более экстремистскими силами офицерства и был заменен на посту военного министра генералом Минами.

⁵ Кадзусигэ Угаки, Гумби то сэйсин кёйку, Кодзахэн, Токио, 1921, стр. 9—10 (на япон. яз.).

⁶ Там же, стр. 46.

⁷ Генерал Араки, который пользовался особым авторитетом среди офицеров, объяснял значение «кодо» следующим образом: «Первый император Японии создал армию для выполнения ответственных и почетных задач... мы, солдаты императорской армии, несем ответственность за распространение императорского пути... это наша священная задача...» См.: Н. В у а s, The Japanese Enemy, His Power an His Vulnerability, New York, 1942, стр. 59—60.

⁸ Н. Логу, Japan's Military Masters, New York, 1943, стр. 37.

⁹ Сэндзиро Хаяси, Бусидо си то кодо канкэй рон, Токио, 1922, стр. 154 (на япон. яз.).

¹⁰ Там же, стр. 158.

¹¹ «Мияко», 18.IV.1918 (на япон. яз.).

¹² Сэйдзи Маэдзима, Нихон фасизуму то гикай, Токио, 1956, стр. 27 (на япон. яз.).

¹³ Киитиро Нарахаси, Сяппей токи гайко рон, Осака, 1921, стр. 137 (на япон. яз.).

¹⁴ Фусоку Хирата, Кёдо сэнряку то ниппон но тайдо, Токио, 1933, стр. 201 (на япон. яз.).

¹⁵ Там же, стр. 201—202.

¹⁶ Такэторо Мори, Сяппэй о мита хито, Осака, 1923, стр. 86 (на япон. яз.).

¹⁷ Там же, стр. 131.

¹⁸ Киёси Иноуэ, Синдзабуро Оконоги, Сёси Судзуки, История современной Японии..., стр. 110.

¹⁹ Там же.

²⁰ Н. Логу, Japan's Military Masters..., стр. 76.

²¹ Тэйдзиро Хаяси, Сюппэй дзики тэки оmoi ката, Токио, 1924, стр. 173 (на япон. яз.).

²² Там же.

²³ Нобуюки Абэ, «Коннита но сайдай нинму», Токио, 1919, стр. 8 (на япон. яз.).

²⁴ «Дзёхо то кайсэцу», III, 1919, стр. 27 (на япон. яз.).

²⁵ Там же, стр. 39.

²⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 330.

²⁷ «Мияко», 8.XI.1919 (на япон. яз.).

²⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 284.

²⁹ Ryuichi Kaji, Japan, Ein kulturüberblick, Berlin, 1938, стр. 74.

³⁰ Ibid., стр. 74—75.

³¹ «Кокумин симбун», 23.VIII.1919 (на япон. яз.).

³² «Дзёхо то кайсэцу», VIII.1919, стр. 47 (на япон. яз.).

³³ «New York Times», 10.XI.1921.

³⁴ «Документы внешней политики США», М., 1951, стр. 95.

³⁵ «Токио нити-нити», 21.VII.1922 (на япон. яз.).

³⁶ В. Белли, Борьба за Тихий океан, М., 1929, стр. 78.

³⁷ «Мияко», 24.IX.1922.

³⁸ В. Белли, Борьба за Тихий океан, стр. 247.

³⁹ Там же, стр. 62.

⁴⁰ A. Lahiri, Japanese Modernism, Tokyo, 1939, стр. 67. См. также: «Варэра но синхэйки», Токио, 1942, стр. 213.

⁴¹ Там же, стр. 217. К 1930 г. в состав артиллерии дивизии был включен дивизион противотанковых пушек — 16 орудий, а также 12 орудий гаубичной артиллерии (105-мм гаубицы).

⁴² Винтовкой системы Арисака (1905 г.), пистолетом образца «14» (1925 г.), легким пулеметом образца «11» (1922 г.), тяжелым пулеметом образца «88» (1928 г.), гранатометом образца «89» (1929 г.). Японская промышленность выпускала 75-мм полевые орудия, 75-мм горные орудия, производила также крепостную, береговую и осадную артиллерию 240-, 350- и 410-мм. В процессе освоения находились легкие и средние танки, бронемашины, новые типы самолетов боевой авиации.

⁴³ «Варэра но синхэйки», стр. 21. См. также: Amar Lahiri, Japanese Modernism..., стр. 67.

⁴⁴ Н. Логу, Japan's Military Masters..., стр. 113.

⁴⁵ Каждый год допризывники в течение трех месяцев проходили лагерную подготовку, участвовали в учениях и маневрах, втягивались в походы, обучались слаженным действиям во всех видах боя, действиям в различных климатических условиях, в дневное и ночное время. Все данные об успехах и недостатках будущего солдата заносились в его послужной список, который следовало вместе с ним на место службы. Жандармские подразделения при частях получали также характеристики о «благонадежности» будущего солдата.

⁴⁶ «Кокубо то гумби», Токио, 1942, стр. 198—199. (на япон. яз.).

⁴⁷ В 1910 г. неграмотных в японской армии было 4,28%, в 1924 г. — только 1,69%. См.: A. Lahiri, Japanese Modernism..., стр. 67.

⁴⁸ См.: A. Lahiri, Japanese Modernism..., стр. 68—69. На 30 июня 1925 г. в составе военно-морского флота Японии было 6 линейных кораблей водоизмещением в среднем по 33 800 т каждый, 25 крейсеров, 11 эсминцев, 111 торпедных катеров, 54 подводные лодки.

⁴⁹ О качестве обмундирования и снаряжения часто заботились коллективно все члены семьи, а также близкие и дальние родственники.

⁵⁰ Всего были представлены три проекта, но ни один из них не был принят. Только через 10 лет после попытки в феврале 1936 г. военно-фашистского переворота был одобрен упомянутый проект наставления.

⁵¹ «Токио Асахи», 21.IX.1926. См. также: Н. Логу, Japan's Military Masters..., стр. 32.

⁵² Н. Логу, Japan's Military Masters..., стр. 37.

⁵³ «Тэнно-Хэйка гун но сэйсин то кёйку, со ан», Токио, Самбохому, 1926, стр. 7 (на япон. яз.).

⁵⁴ Там же, стр. 18. См. также: Н. Логу, Japan's Military Masters..., стр. 40.

⁵⁵ Интересен в связи с этим документ, который был представлен автору книги «Japan's Military Masters» Хиллису Лори и который свидетельствует о степени фанатизма японского офицерского корпуса. Дежурный офицер по 61-му полку лейтенант Дзиро Усироку во время торжественного чтения рескрипта императора Мэйдзи допустил ошибку, исказив текст. Он застрелился, оставив посмертное письмо, которое приводится в сокращенном переводе. «С 26 ноября я исполнял обязанности еженедельного дежурного офицера. 30-го был день торжественных проводов старослужащих — второгодников — и утром после переключки... после того как был исполнен национальный гимн „кимигаё“, я почтительно стал читать рескрипт императора и допустил ошибку, прочел вместо „быть готовым выполнить мои указания“ — „следя нашим указаниям“.

Тот факт, что это случилось со мной — офицером действительной службы, обязанным быть образцом воли и духа и не имеющим права забыть содержание рескрипта императора, который должен помнить каждый солдат, является не только величайшим позором, но и нарушением моральных норм, соблюдения которых требуют наши командиры полка и все коллеги — офицеры полка. Мой позор и проступок не могут быть прощены...

От глубины души прошу прощения у командира полка, у моих коллег-офицеров... После смерти я больше не буду доставлять вам огорчения.

Я прошу вас похоронить меня так, как я это заслужил. Дзиро».

См.: Н. Логу, Japan's Military Masters..., стр. 54—55.

⁵⁶ С. Кимура, Кикин но номин, Токио, 1932, стр. 81 (на япон. яз.).

⁵⁷ По данным «Дзайсэй кэйдзай токэй», задолженность японской деревни в 1911 г. составляла 764 млн. иен, в 1920 г. — 1023 млн. и в 1931 г. — 6 млрд. иен; см. стр. 217—218.

⁵⁸ Кэнтаро Кобаяси, Нихон сихонсюги то носон кэйдзай, Токио, 1931, стр. 19 (на япон. яз.).

⁵⁹ S. Uehara, Trade and Economic Development in New Time, Tokyo, 1932, стр. 81.

⁶⁰ Семь концернов («Мицубиси», «Мицуи», «Сумитомо», «Фурукава», «Фудзита», «Кухара» и «Ясуда») давали в 1928 г. 89,3% добытой нефти, 86,7% выплавленной меди, 49,5% добытого угля в стране.

⁶¹ «Родо токэй нэнкан», Токио, 1930, стр. 212—217 (на япон. яз.).

⁶² «Япония: Кризис и военно-фашистское движение», Хабаровск, 1932, стр. 92.

⁶³ «Кэйдзай нэнпо», Токио, 1932, стр. 117 (на япон. яз.).

⁶⁴ «Япония: Кризис и военно-фашистское движение», стр. 10.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 11.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Такиторо Ионэдзавэ, Гумби то сангё хаттэн мондай, Токио, стр. 182 (на япон. яз.).

⁷⁰ «Япония: Кризис и военно-фашистское движение», стр. 11.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 11.

⁷⁴ «Родо дзёхо», IX.1932, стр. 3 (на япон. яз.).

⁷⁵ Исороку Судзуки, Сэнторёку то сэйсинрёку, памуфрето, Токио, 1930, стр. 3 (на япон. яз.).

⁷⁶ «Мияко», 3.III.1930.

¹ «The Japan-Manchoukuo Year Book», Токуо, 1938, стр. 622, 656.

² Японские части продвигались по основным коммуникациям, захватывали и закрепляли за собой крупные города, железнодорожные станции, речные порты, не проникая в глубинные районы Маньчжурии. Китайские части и соединения под командованием Чжан Сюэ-ляна, не оказывая противнику сопротивления, откатывались из Центральной Маньчжурии на юг и юго-запад, на территорию Внутренней Монголии и Северного Китая. Значительная часть китайских солдат, покидая армию, возвращалась в свои деревни. Другая часть с оружием уходила в горы, вливалась в создаваемые под руководством коммунистов партизанские отряды. Были и такие солдаты и офицеры, которые объединялись в бандитские (хунхузские) отряды, сделав своим ремеслом разбой и грабеж.

³ «National Defence Bulletin», Токуо, 1932, стр. 8—11. См. также: «Тосихико, Симата, Канто гун. Дзайман Рикугун но докусю», Токио, 1966, стр. 118—119 (на япон. яз.). Кроме перебросенной из Японии бригады 8-й дивизии 27 декабря 1931 г. в Маньчжурию были переведены еще два полка 20-й дивизии из Кореи, а из Японии прибыли 1-я кавалерийская дивизия и части усиления.

⁴ «National Defence Bulletin», стр. 111—112.

⁵ Захваченный в плен в 1945 г. советскими войсками император Маньчжоу-го Пуи заявил: «В 1932 г. японский генерал Итагаки заявил мне в грубой форме, что я должен стать во главе правительства Маньчжоу-го. Я попытался возразить, после чего генерал Итагаки предупредил меня, что я нахожусь в полном его распоряжении и что в случае отказа он может сделать со мной что угодно. Я вынужден был согласиться и взять на себя роль императора Маньчжоу-го... Японцы продиктовали мне структуру государственных органов и назначили везде своих советников. При мне постоянно находился политический советник, он же и военный советник, генерал Иосикоа (Архив МО СССР, ф. 234, оп. 253347, д. 7, л. 256).

⁶ По данным печати Маньчжурии, в 1935 г. только в государственных органах находилось 5232 японских советника различных рангов; из них более 65% составляли офицеры императорской армии резерва.

⁷ Юг дзиро Сиратори, Мансю коку гайко сэйсаку, Синьдзин, 1936, стр. 11 (на япон. яз.).

⁸ «Дзёхо то кайсэцу», II.1932, Токио, стр. 17 (на япон. яз.).

⁹ Там же, стр. 21.

¹⁰ Там же, стр. 29.

¹¹ «Дзёхо то кайсэцу», стр. 30.

¹² «Мияко», 17.XI.1931.

¹³ В связи с оккупацией Маньчжурии рабочие и студенты Шанхая организовали 22 сентября 1931 г. мощные антияпонские демонстрации.

¹⁴ «Дзёхо то кайсэцу», стр. 36.

¹⁵ Сэй дзи Маэдзима, Нихон фасизуму то гикай, Токио, 1956, стр. 298.

¹⁶ Там же, стр. 298.

¹⁷ Сэй дзи Маэдзима пишет: «В то время как шли ожесточенные бои на суше, командующий гоминьдановским флотом Ли Ши-ен развезжал в автомобиле с командующим японскими силами адмиралом Номура, знакомясь с обстановкой» (там же, стр. 299).

¹⁸ «Гэндай си сирё», т. XII, 1965, Токио, стр. 3.

¹⁹ Сэй дзи Маэдзима, Нихон фасизуму то гикай, стр. 299.

²⁰ Макото Каваниси, Минскай ундорон, Токио, 1933, стр. 30 (на япон. яз.).

²¹ Там же, стр. 43.

²² Наосу Исихара, Нихон то Мансюоку кэйдзай кёрёку, Синьдзин, 1936, стр. 7 (на япон. яз.).

²³ «Тохо хёрон», III, Шеньян, 1940, стр. 65 (на япон. яз.).

²⁴ Кадзуо Такаси́ма, Косэн, Токио, 1938, стр. 51 (на япон. яз.).

²⁵ Уити Нагаи, Камэдэо Танимото, Дайтоа сангё татидо-коро гайсэцу, Токио, 1942, стр. 12 (на япон. яз.).

²⁶ Т. О'Конрой, Японская угроза, М., 1942, стр. 107.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 108.

²⁹ «Тохо хёрон», VIII, 1941, стр. 68 (на япон. яз.).

³⁰ Там же, стр. 71.

³¹ «Тайхэйё сэно сюкецурун», Токио, 1958, стр. 749 (на япон. яз.).

³² «Хотэн майнити», 11.I.1936 (на япон. яз.). По данным этой газеты, маньчжурские партизаны были объединены в четыре армии, в каждой армии насчитывалось по 3—5 партизанских колонн (равных дивизии). Кроме того, на границе между Кореей и Маньчжурией по р. Ялу действовало объединенная маньчжуро-корейская партизанская армия.

³³ Китайской-Восточная железная дорога (КВЖД), построенная царским правительством России, обошлась примерно в 400 млн. руб. После победы социалистической революции в России эксплуатация дороги стала совместной — советско-китайской. Реакционные силы Китая не раз создавали большие трудности для нормальной эксплуатации КВЖД, а в 1929 г. даже спровоцировали военное столкновение в зоне КВЖД.

³⁴ «Мантэцу гэппо», 11.III.1938 (на япон. яз.). Надо заметить, что генералам и офицерам не разрешалось заниматься конторской деятельностью или непосредственно управлять предприятием. Они это делали через доверенных лиц.

³⁵ «Мансю нити-нити», 4.XII.1937 (на япон. яз.).

³⁶ Сэйити Осима, Сэндзи ниппон дзюкогё, Токио, 1938, стр. 66 (на япон. яз.).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 67.

³⁹ «Сэндзи ниппон дзюкогё», стр. 135.

⁴⁰ «Нихон кэйдзай ненпо», VI, 1936, стр. 27 (на япон. яз.).

⁴¹ Такео Мори, Сэндзи кэйдзай мондай кодза, Токио II, 1935, стр. 211 (на япон. яз.).

⁴² Там же, стр. 237.

⁴³ Микио Овада, Мансю коку бунка сорон, Токио, 1941, стр. 94.

⁴⁴ Уда Наоси, Тайсина бунка косаку соан, Токио, 1939, стр. 71—72.

⁴⁵ Охват начальным образованием был крайне низок. По официальной маньчжурской статистике, в 1937 г. школьным образованием было охвачено всего 1,5 млн. из 12 млн. детей (8—14 лет), или 12,5%.

⁴⁶ Микио Овада, Мансю коку бунка сорон, стр. 94.

⁴⁷ «Тохо хёрон», III, 1940, стр. 68.

⁴⁸ «Сэндзи нихон дзайсэй кэйдзай», Токио, 1942, стр. 167 (на япон. яз.). См. также: «Томэн нихон но дзэнментэки бунсэки», Токио, 1939, стр. 94 (на япон. яз.).

⁴⁹ Там же, стр. 109.

⁵⁰ «Токио нити-нити», 23.III.1938.

⁵¹ В созданном совете директоров банка были: Окубо Тосиката — один из директоров «Йокогама спешиа́л бэнк», где доминирующую роль играли концерны «Мицуи» и «Мицубиси»; Кодзо Мори — от банка «Ясуда»; Норихико Мусиро — от банка «Сумитомо»; Тэтаро Оки — министр финансов, впоследствии директор Японского банка; Кэнъити Кагами — один из директоров концерна «Мицубиси»; Синго Цуда — президент компании «Канэгафуги», один из директоров концерна «Мицуи»; Тэрао Мацумото — бывший министр торговли и промышленности, представлявший концерн «Кавасаки». Такой состав совета давал преимущественную власть в банке концернам «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и «Ясуда». Контроль и регулирование, таким образом, попадали в руки крупнейших концернов Японии.

⁵² «Токио нити-нити», 23.III.1938.

- 53 «Тайхэйё сэно сюкецу рон», Токио, 1958, стр. 259.
- 54 «Дзи-дзи нэнпо», IX.1939, стр. 9.
- 55 Н. G. Moulton, L. Marlio, The Control of Germany and Japan, Washington, 1944 стр. 70.
- 56 «Бозки нэнкан», Токио, 1940, стр. 227—230.
- 57 Тэрасаки Ионэйти, Кокубо Хоанпо, Токио, 1943, стр. 203.
- 58 «Тайхэйё сэно сюкецу рон», стр. 321.
- 59 Е. Жуков, О японском фашизме. Япония, 1934, стр. 87.
- 60 Там же, стр. 85.
- 61 «Reinische Zeitung», 8.I.1936.
- 62 Е. Жуков, О японском фашизме, стр. 84.
- 63 «Токио Асахи», 18.VIII.1934.
- 64 Киёкацу Сато, Минсююги сисо то носон минкай, Токио, 1933, стр. 11.
- 65 Гиити Инумару, Нихон но киндай хяку нэн си,— «Акахата», 1968, № 59 (на япон. яз.).
- 66 Там же.
- 67 Там же.
- 68 «Япония: Кризис и военно-фашистское движение», Хабаровск, 1932, стр. 68.
- 69 Газета «Мияко» сообщила 16 июня 1936 г. что всего поступило более 150 тыс. индивидуальных и коллективных петиций.
- 70 Е. Жуков, О японском фашизме, стр. 87.
- 71 «Мияко», 28.VI.1932.
- 72 Гиити Инумару, Синтаро Накамура, Нихон но киндай хяку нэн си,— «Акахата», 1968, № 63 (на япон. яз.).
- 73 О. Араки, Сёва дзидай дайниппон томэн но нинму, Токио, 1936, стр. 211.
- 74 Там же, стр. 213.
- 75 Гиити Инумару, Синтаро Накамура, Нихон но киндай...
76 Там же.
- 77 Там же. Авторы сообщают, что начальник канцелярии премьер-министра полковник Мацуо Кобаяси помог премьеру скрыться.
- 78 Там же.
- 79 Там же.
- 80 Там же.
- 81 «Дзёхо то кайсэцу», № 66, 2.III.1936, стр. 14.
- 82 Там же, стр. 17.
- 83 Гиити Инумару, Синтаро Накамура, Нихон но киндай...
84 Там же.
- 85 «Коннити но памфуретто», 18, Токио, 1936, стр. 11 (на япон. яз.).
- 86 Такэо Мори, Ниппон но сэйдзи кэйдзай сорон, Токио, 1937, стр. 241 (на япон. яз.).
- 87 Гиити Инумару, Синтаро Накамура, Нихон но киндай...
88 Там же.
- 89 «Кокумин симбун», 18.II.1937.
- 90 Гиити Инумару, Синтаро Накамура, Нихон но киндай...
91 Там же.
- 92 «Кокумин симбун», 14.II.1937.
- 93 ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 292.
- 94 ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 292.
- 95 «50 лет Вооруженных Сил СССР», М., 1968, стр. 219.
- 96 Там же, 227.
- 97 Е. Жуков, О японском фашизме, стр. 92.
- 98 Там же.
- 99 О. Араки, Сёва дзидай дайниппон томэн но нинму, стр. 139.

- ¹⁰⁰ Там же, стр. 140.
- ¹⁰¹ «Нихон», 28.I.1937.
- ¹⁰² «Кризис и военно-фашистское движение в Японии», т. V, Хабаровск, 1936.
- ¹⁰³ Ма кэо Мори, Сэндзи кэйдзай но аюми, Токио, 1938, стр. 43.
- ¹⁰⁴ Пособие было опубликовано от имени капитана Танака, майора Мацумото, майора Нагаи, капитана Харада. Есть предположение, что в действительности авторами этого пособия были лидеры военно-фашистского движения.
- ¹⁰⁵ «Ниппон гунтай но сэйсин кёнку. Соан», Токио, 1936, стр. 8.
- ¹⁰⁶ Там же, стр. 11.
- ¹⁰⁷ Там же, стр. 17.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же, стр. 22.
- ¹¹⁰ «Ниппон гунтай но сэйсин кёнку. Соан», стр. 12.
- ¹¹¹ Там же, стр. 16.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же, стр. 29.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же, стр. 32.
- ¹¹⁷ Там же, стр. 34.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же, стр. 43.
- ¹²⁰ Там же, стр. 123.
- ¹²¹ «Япония: Кризис и военно-фашистское движение», т. V, стр. 97.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ «Нихон», 12.IX.1933.
- ¹²⁶ «Berliner Mondhefte», III, 1936, стр. 9.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Тэцудзо Арахаси, Нихон гайко кэнкю си, Токио, 1945, стр. 3.
- ¹³⁰ «Luftschutz Nachrichtenblatt», 8, 1936, стр. 4.
- ¹³¹ Ibid., стр. 7.
- ¹³² «Luftschutz Nachrichtenblatt», 2, 1934.
- ¹³³ Симадзакки Хирата, Варэра ва моси тата каваба, Токио, 1933, стр. 49 (на япон. яз.).
- ¹³⁴ Там же, стр. 52. См. также: «Япония», М., 1934, стр. 314.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Там же, стр. 78.
- ¹³⁷ Там же, стр. 83.
- ¹³⁸ Там же. См. также: «Япония», стр. 314.
- ¹³⁹ Там же, стр. 101.
- ¹⁴⁰ «Варэра по синсэнряку то синхэйки», Токио, 1937, стр. 11.
- ¹⁴¹ Там же, стр. 22.
- ¹⁴² Там же, стр. 24—25.
- ¹⁴³ Там же, стр. 32.
- ¹⁴⁴ Там же, стр. 34.
- ¹⁴⁵ Подробно о военных событиях на Хасане и Халхин-Голе см.: «Бои у озера Хасан», М., 1939; «Бои на Халхин-Голе», М., 1940.
- ¹⁴⁶ «Нихон», 17.IX.1939.
- ¹⁴⁷ Автор этих строк перевел и прокомментировал в 1940—1941 гг. «Полевой устав японской армии 1938 г.», «Наставление по полевой фортификации японской армии», «Методические указания по обучению роты и взвода в японской армии 1939 г.» и т. п.
- ¹⁴⁸ В 1941 г. автор этой главы сделал выборочный перевод из трех томов и издал «Сборник примеров боевых действий мелких подразделе-

ний японской армии в Китае». Вступительную статью к сборнику написал комбриг Урбанович.

¹⁴⁹ «Нихон Сисо рон», Токио, 1938, стр. 6 (на япон. яз.).

¹⁵⁰ «Luftschutz Nachrichtenblatt», 2, 1934.

¹⁵¹ Ibid., стр. 21.

¹⁵² «Нихон», 23.VIII.1933.

¹⁵³ «Кокубо сэйдо то кайхацу нинму мэйбо», Токио, 1938, стр. 4 (на япон. яз.).

¹⁵⁴ Там же, стр. 7.

¹⁵⁵ Там же, стр. 11.

¹⁵⁶ «Нихон», 27.VIII.1938.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ «Нихон», 23.VII.1938.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ «Тайхэйё сэнсо э но мити», т. 4, Токио, 1963, стр. 97 (на япон. яз.).

Глава V

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 137.

² «Oriental Economist», 12.II.1949, стр. 67.

³ «The Japan Year-Book», 1946—1948, стр. 437.

⁴ Ibid.

⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 60.

⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 330.

⁷ «Правда», 25.IV.1940.

⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 218.

⁹ Американские инвестиции в странах Восточной Азии и южных морей в 1937—1939 гг. составляли около 1500 млн. долл.: на Филиппинах — 400 млн. долл., в Австралии и Новой Зеландии — 400 млн., в странах Юго-Восточной Азии и Голландской Индии — 250 млн. долл. (см.: В. Я. Аварин, Борьба за Тихий океан, М., 1952, стр. 252).

¹⁰ «China Economist», 10.V.1948.

¹¹ Архив Министерства юстиции СССР. Международный военный трибунал для Дальнего Востока, т. 15, л. 40 (далее — МВТ для ДВ).

¹² Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (далее — ЦГАОР), ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 185.

¹³ Архив внешней политики СССР, ф. 4366, д. 69, л. 243.

¹⁴ Хироси Осима — с марта 1934 по октябрь 1938 г. был военным атташе, а с октября 1938 по декабрь 1939 г. и с декабря 1940 по май 1945 г. — послом Японии в Берлине (см.: ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 460/17 (Личное дело Осима), лл. 92—96).

¹⁵ «Documents on Germany Foreign Policy 1918—1945», Series D, The War Years, September 4, 1939—march 1940, vol. VIII, London, 1954.

¹⁶ T. A. Bisson, America's Far Eastern Policy, New York 1945, стр. 85.

¹⁷ «Amerasia», 1942, March, стр. 22.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 197, л. 338.

¹⁹ «Congressional Record, 77-th, 1 ses», vol. 87, pt 4, October.

²⁰ «Правда», 12.I.1940.

²¹ «Oriental Economist», 26 June 1948, стр. 518.

²² См.: В. Я. Аварин, Борьба за Тихий океан, стр. 247.

²³ Глава правительства Фумимаро Коноэ был крупнейшим акционером ряда компаний концерна «Сумитомо», зятем главы концерна, отпрыском знатного рода Фудзивара, находившегося в родственной связи с императорской фамилией. Именно Коноэ являлся главой движения за «новую структуру» государства. Посты министра торговли и промышленности, финансов, путей сообщения и связи заняли представители главных монополий — Итидзо Кобаяси («Мицуи»), Исао Кавада («Мицубиси»), Сёдзо

Мурата («Сумитомо»). Пост председателя планового бюро при кабинете министров в ранге министра занял бывший председатель генеральной администрации Маньчжоу-го — ставленник концерна «Мангё» Наоки Хосино. Пост военного министра был предоставлен генералу Хидэки Тодзио — главе «группы контроля» армии («тосэйха»), шефу свирепой военной жандармерии («кэмпэйтай»), бывшему начальнику штаба Квантунской армии, разрабатывавшему планы нападения на СССР.

Во главе министерства иностранных дел были поставлены сторонники японо-германо-итальянского военного союза: министром иностранных дел — Мацуока (бывший председатель ЮМЖД), его заместителем — бывший заместитель министра иностранных дел Маньчжоу-го Охаси, советником — генерал Сиратори (бывший посол в Риме) (см.: Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, М., 1949, стр. 71; «The Japan Year Book», Токио, 1946—1948, стр. 457).

²⁴ См.: Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно дзэн си (Полная история войны в великой Восточной Азии), Токио, 1965, стр. 33 (на япон. яз.).

²⁵ МВТ для ДВ, т. 78, л. 41.

²⁶ «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», изд. 2, М., 1956, стр. 518.

²⁷ Там же, стр. 519.

²⁸ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно дзэн си, стр. 30.

²⁹ М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Международный процесс главных японских военных преступников. М.—Л., 1950, стр. 242.

³⁰ Его участниками были: премьер Коноэ, министр иностранных дел Мацуока, начальник бюро планирования Хосино, начальник Управления военных дел военного министерства генерал-майор Муто, вице-председатель кабинета Судзуки, председатель исследовательского комитета Хара и др.— *Прим. авт.*

³¹ М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 242.

³² ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 248.

³³ МВТ для ДВ, т. 25, лл. 170—171.

³⁴ См.: Л. Н. Кутаков, Внешняя политика и дипломатия Японии, М., 1964, стр. 168.

³⁵ См.: «Коноэ Фумимаро ко-но-сюки. Усиварэси сэйдзи» («Дневник князя Коноэ Фумимаро. Проигранная политика»), Токио, 1946, стр. 37—38, 39 (на япон. яз.).

³⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7955, 49381.

³⁷ См.: Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно дзэн си, стр. 79.

³⁸ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 234; Shigenori Togo, The Cause of Japan, New York, 1956, стр. 351—352.

³⁹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 838.

⁴⁰ Имелись в виду военные действия в районе р. Халхин-Гол.— *Прим. авт.*

⁴¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 279.

⁴² ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 984; «Japan's Decisions for War, Records of the 1941 Policy Conferences», Stanford, California, 1967, стр. 135.

⁴³ Полномочные послы Японии, участвовавшие в переговорах с правительством США в Вашингтоне.— *Прим. авт.*

⁴⁴ «Hitler's Secret Conversation», New York, 1951, стр. 117.

⁴⁵ «Foreign Relation of the United States, Japan 1931—1941», vol. 2, стр. 768—770.

⁴⁶ МВТ для ДВ, т. 22, лл. 378—379.

⁴⁷ Операция «Z» — так был зашифрован план нападения японских вооруженных сил на американскую военно-морскую базу Пирл-Харбор.— *Прим. авт.*

⁴⁸ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. 1, Washington, 1946, стр. 866.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 1024.

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 280; «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 379, 381. В данном случае имелось в виду не допу-

стать, чтобы японские вооруженные силы вынуждены были вести войну одновременно против СССР, США и Англии. Японские стратеги надеялись, что первые же их успехи на Тихом океане заставят правительство Чан Кай-ши пойти на переговоры об условиях мира.

⁵¹ См.: МВТ для ДВ, т. 25, лл. 172—173.

⁵² МВТ для ДВ, т. 15, л. 96.

⁵³ См.: Такусиро Хаттори, Дайтоа сэнсо дзэн си, стр. 144—148 (на япон. яз.); «Japan's Decision for War», стр. 77—100.

⁵⁴ См.: Г. Н. Севастьянов, Подготовка войны на Тихом океане, М., 1962, стр. 443.

⁵⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8169—8169, 23316—23317.

⁵⁶ «Тайхэйё сэнсо э но мити» («По пути тихоокеанской войны»), т. 5, Токио, 1963, стр. 323 (на япон. яз.); ЦГАОР, ф. 7876, оп. I, д. 275, л. 279.

⁵⁷ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэнсо дзэн си, стр. 83—85.

⁵⁸ Подготовка к нападению на Пирл-Харбор началась в январе 1941 г. под руководством адмирала Ямамото. 13 сентября была отдана предварительная директива, предусматривавшая в общем плане войны операцию против Пирл-Харбора (см.: Н. Н. Яковлев, Загадка Пирл-Харбора, М., 1968, стр. 10, 13).

⁵⁹ M. Okumia, T. Horikoshi with M. Caiden. Zero, New York, 1956, стр. 61.

⁶⁰ T. A. Bisson, Japan's War Economy, New York, 1945, стр. 50.

⁶¹ Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны, М.—Л., 1950, стр. 66—67.

⁶² «The Japan Times and Advertiser», Tokyo, 25.XI.1940, стр. 7.

⁶³ См.: И. А. Латышев, Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане, М., 1955, стр. 169.

⁶⁴ См.: М. И. Лукьянова, Японские монополии во время второй мировой войны, М., 1953, стр. 299.

⁶⁵ См.: «Стенограмма Токийского процесса», стр. 33992.

⁶⁶ Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны, М.—Л., 1950, стр. 69.

⁶⁷ Г. И. Болдырев, Финансы Японии, М., 1946, стр. 250, 253; T. V. Cohen, Japan's Economy in War and Reconstruction, 1949, стр. 88.

⁶⁸ «Japanese War Production Industries», Report № 1583, British Intelligence Objectives Subcommittee, London, H. M. Stationary Office, стр. 17.

⁶⁹ «Journal of Finance and Commerce», Tokyo, 15 September, 1948, стр. 21.

⁷⁰ «Iron Age», 17 October, 1946, стр. 125.

⁷¹ «Commodity Year Book», 1949, стр. 77.

⁷² И. А. Латышев, Внутренняя политика японского империализма..., стр. 155.

⁷³ М. И. Лукьянова, Японские монополии..., стр. 97, 101, 103.

⁷⁴ «Тайхэйё сэнсо сюкэцурон...», стр. 278—279.

⁷⁵ «Oriental Economist», 13 July, 1946, стр. 37.

⁷⁶ «Всемирная история», т. 10, М., 1965, стр. 168—169.

⁷⁷ Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии..., стр. 111.

⁷⁸ В конце 1941 г. на службе в концерне «Мицуи» находилось 13 отставных генералов и адмиралов, в концерне «Мицубиси»—11, в концерне «Сумитомо»—8 (см.: Okano Susumu, The construction of a democratic Japan Jenan, Shanshi, China, August, 1945, стр. 31).

⁷⁹ Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, стр. 27.

⁸⁰ «Japan Year Book», 1943—1944, Tokyo, стр. 627.

⁸¹ «Oriental Economist», August, 1941, стр. 404.

⁸² «Тайхэйё сэнсо си», т. III, Токио, 1953, стр. 88 (на япон. яз.).

⁸³ М. И. Лукьянова, Японские монополии..., стр. 162.

⁸⁴ Это давало повод японским фашистам утверждать, что фашизм впервые появился в Японии (см.: М. Ю. Рагинский, С. Я. Розен-

б л и т, Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 150).

⁸⁵ «Дзидзи нэнкан», Токио, 1947, стр. 386 и др. (на япон. яз.).

⁸⁶ «The Japan Times and Advertiser», Tokyo, 8 December, 1940, стр. 1—2.

⁸⁷ И. А. Л а т ы ш е в, Внутренняя политика японского империализма..., стр. 142.

⁸⁸ M a s u o K a t o, The Lost War, New York, 1947, стр. 187—188.

⁸⁹ «Ниппон сэйдзи нэмпо» («Ежегодник японской политики»), Токио, 1943, стр. 87 (на япон. яз.).

⁹⁰ «Всемирная история», т. 10, стр. 168.

⁹¹ Директором-распорядителем ассоциации был назначен крупный финансист Хатисабуро Хирао, советниками — президент Японской экономической федерации барон Го, главный директор концерна «Сумитомо» Огура Масацунэ и т. д. (см.: «The Japan Times and Advertiser», Tokyo, 25 November, 1940, стр. 8).

⁹² См.: «Кайдзо», № 4, 1941, стр. 60 (на япон. яз.); «Nippon Times», September, 8, 1945, стр. 3.

⁹³ «Oriental Economist», June, 1943, стр. 261—262.

⁹⁴ «Кайдзо», стр. 52.

⁹⁵ «Всемирная история», т. 10, стр. 168.

⁹⁶ См.: M a s u o K a t o, The Lost War, стр. 191.

⁹⁷ История войны на Тихом океане, т. IV, М., 1958, стр. 122. т. IV, М., 1958, стр. 122.

⁹⁸ «Кокубо хоанто» («Закон об обеспечении национальной обороны»), Хобунся ханко, Токио, 1943, стр. 5 (на япон. яз.).

⁹⁹ См.: И. А. Л а т ы ш е в, Внутренняя политика японского милитаризма..., стр. 153.

¹⁰⁰ «The Japan Times and Advertiser», Tokyo, 10 December, 1940, стр. 3.

¹⁰¹ «Всемирная история», т. 10, стр. 169.

¹⁰² Для пополнения вооруженных сил в Японии в основном была принята территориальная система. Территория страны делилась на 14 дивизионных округов, каждый из которых делился на 4 полковых участка, а последние в свою очередь — на несколько призывных пунктов. Призыву на военную службу подлежали японцы-мужчины в возрасте от 17 до 40 лет. Практически в 1939—1941 гг. в вооруженные силы призывались мужчины с 20 до 40 лет.— *Прим. авт.*

¹⁰³ МВТ для ДВ, т. 18, л. 366.

¹⁰⁴ Дж. Б. Коен, Военная экономика Японии, М., 1951, стр. 290.

¹⁰⁵ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэнсо дзэн си, Токио, 1956, стр. 136 (на япон. яз.).

¹⁰⁶ См.: Дж. Батлер и Дж. Гуайер, Большая стратегия, М., 1967, стр. 227.

¹⁰⁷ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэнсо дзэн си, стр. 201.

¹⁰⁸ «History of the Second World War», vol. 8, Paulton near Bristol, 1968, стр. 3212.

¹⁰⁹ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэнсо дзэн си, стр. 71.

¹¹⁰ Е. Шведе, Военно-морской флот Японии, М., 1939, стр. 39; «Japan's Decisions for War», стр. 70.

¹¹¹ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэнсо дзэн си, стр. 194—196.

¹¹² «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», М., 1958, стр. 355—356.

¹¹³ Нобору Кодзима, Тайхэй сэнсо (Война на Тихом океане), т. I, Токио, 1966, стр. 26 (на япон. яз.).

¹¹⁴ «Кампании войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов», М., 1956, стр. 45—47.

¹¹⁵ «Полевой устав японской армии 1938 г.», М., 1939, стр. 168.

¹¹⁶ См.: «Артиллерия японской армии», М., 1939, стр. 13.

¹¹⁷ Л. Н. Соколов, Г. П. Чепраков, Действия японских войск в сложных условиях, М., 1941, стр. 3—165.

¹¹⁸ Там же, стр. 6.

- ¹¹⁹ См.: Нобору Кодзима, Тайхэйё сэнсо, т. 1, Токио, 1966, стр. 8 (на япон. яз.).
- ¹²⁰ Н. Н. Яковлев, Загадка Пирл-Харбора, изд. 2, М., 1968, стр. 11, 12, 29; Нобору Кодзима, Тайхэйё сэнсо, стр. 9.
- ¹²¹ См.: Итару Ионэхара, статья в сборнике «Антикоммунизм — враг человечества», Прага, 1962, стр. 49.
- ¹²² Кодзи Иидзука, Нихон-но гунтай, стр. 40.
- ¹²³ Е. М. Жуков, Паназиатизм как идейное оружие японской экспансии, — «XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1963, стр. 4—7.
- ¹²⁴ См.: Кодзи Иидзука, Нихон-но гунтай (Японская армия), Херонся, Токио, 1968, стр. 118—135 (на япон. яз.).
- ¹²⁵ Л. Ф. Петров, Политаппарат японской армии и методы обработки японского солдата, М., 1934, стр. 29.
- ¹²⁶ Кодзи Иидзука, Нихон-но гунтай, стр. 149.
- ¹²⁷ О ходе военных действий на Тихом океане см.: «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», 1958; «История Великой Отечественной войны», т. 2, М., 1961; «Всемирная история», т. 10, М., 1965; «История войны на Тихом океане», т. 3, 1958; Такусиро Хаттори, Дайтоа сэнсо дзэн си (Полная история войны в великой Восточной Азии), 1965, Токио, 1965 (на япон. яз.); «Кампании войны на Тихом океане»; Дж. Батлер, Дж. Гуайер, Большая стратегия; Нобору Кодзима, Тайхэйё сэнсо..., т. 1—2.
- ¹²⁸ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 280.
- ¹²⁹ «Pearl Harbor Attack. Hearings before the Joint Committee on the Investigation on the Pearl Harbor Attack», pt 14, Washington, 1946, стр. 1402.
- ¹³⁰ Н. Н. Яковлев, Загадка Пирл-Харбора, стр. 129.
- ¹³¹ «The International Year Book 1943», New York, 1943, стр. 344.
- ¹³² См.: «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49, 371; см. также: М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 251.
- ¹³³ F. C. Jones, Japan's New Order in East Asia. It's Rise and Fall, 1937—1945, London — New York — Toronto, 1954, стр. 371.
- ¹³⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7410, 49372.
- ¹³⁵ Генерал-майор Сумихиса Икэда — начальник 5-го отдела штаба Квантунской армии, разработавшего планы колонизации советского Дальнего Востока и Сибири. — *Прим. авт.*
- ¹³⁶ «Тайхэйё сэнсо си», т. IV, Токио, 1953, стр. 11 (на япон. яз.).
- ¹³⁷ Гиммлер в письме от 29 декабря 1942 г., адресованном всем начальникам управлений СС, отмечал, что «отдельные сотрудники японского посольства проявляют странное и бестактное любопытство. Гиммлер дал указания предостерегать японцев против заключения сепаратного мира (см.: «Reichsführer! Briefe an und von Himmler», Stuttgart, 1968, стр. 174).
- ¹³⁸ «Тайхэйё сэнсо си», стр. 11.
- ¹³⁹ 1 июля 1943 г. немецко-фашистское командование имело на советско-германском фронте 196 дивизий, т. е. 66% общего числа дивизий фашистской Германии («Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история», изд. 2, М., 1970, стр. 566).
- ¹⁴⁰ См.: «Новая и новейшая история Китая», М., 1950, стр. 235.
- ¹⁴¹ С декабря 1941 до конца 1943 г. потери японского торгового флота составили 3213,1 тыс. т (см.: Сире Нихон си (Материалы по истории Японии), т. 2, Токио, 1958, стр. 234 (на япон. яз.).
- ¹⁴² С 1941 по 1943 г. запасы слитковой стали, например, сократились с 5018 тыс. до 2605 тыс. т, т. е. почти наполовину (см.: «История войны на Тихом океане», т. 3, стр. 309).
- ¹⁴³ «Japanese War Production Industries», Report № 1583, British Intelligence Objectives Subcommittee, London, H. M. Stationary Office, стр. 8.
- ¹⁴⁴ К. Попов, Экономика Японии в годы второй мировой войны. Послесловие к книге Г. Треварта «Япония», М., 1949, стр. 501.

- ¹⁴⁵ Мория Фумио, Нихон сихонсюги хаттацу си (История развития японского капитализма), Токио, 1958, стр. 275 (на япон. яз.).
- ¹⁴⁶ W. H. Mc Neil, *America, Britain and Russia, Their Cooperation and Conflict 1941—1946*, London—New York—Toronto, 1953, стр. 229.
- ¹⁴⁷ «United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy», Washington, December, 1946, стр. 27.
- ¹⁴⁸ «Сире Нихон си» (Материалы по истории Японии), т. 2, Токио, 1958, стр. 234 (на япон. яз.).
- ¹⁴⁹ W. H. Mc Neil, *America, Britain and Russia...*
- ¹⁵⁰ «Contemporary Japan», June 1943, стр. 788—793.
- ¹⁵¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, стр. 357.
- ¹⁵² «Report of the Mission on Japanese Combines», W., 1946, стр. 33.
- ¹⁵³ *Ibid.*, стр. 73.
- ¹⁵⁴ Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, стр. 189.
- ¹⁵⁵ С. Тояма, С. Имаи, А. Фудзивара, Сёва си (История периода Сёва), Токио, 1959, стр. 218 (на япон. яз.).
- ¹⁵⁶ Мория Фумио, Нихон сихонсюги хаттацу си, стр. 275.
- ¹⁵⁷ См.: ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, лл. 74—75, 83, 290; «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49371, газета «Тайо Дайниппон», 5.I.1942; Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии..., стр. 288—289.
- ¹⁵⁸ Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, стр. 159.
- ¹⁵⁹ Мория Фумио, Нихон сихонсюги хаттацу си, стр. 266.
- ¹⁶⁰ См.: Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии..., стр. 301.
- ¹⁶¹ Г. И. Болдырев, Финансы Японии, М., 1946, стр. 271.
- ¹⁶² «Нихон сангё кэйдай», 13.I.1944 (на япон. яз.).
- ¹⁶³ См.: М. И. Лукьянова, Японские монополии, стр. 188.
- ¹⁶⁴ См.: Г. И. Болдырев, Финансы Японии, стр. 250, 254; Дж. Б. Коен, Военная экономика Японии, стр. 86.
- ¹⁶⁵ Сигэки Тояма, Сэйити Имаи, Акира Фудзивара, Сёва си, стр. 242.
- ¹⁶⁶ Кийси Иноуэ, Сёси Судзуки, Нихон киндай си (Современная японская история), Токио, 1957, стр. 436 (на япон. яз.).
- ¹⁶⁷ Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии..., стр. 110.
- ¹⁶⁸ Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, стр. 255.
- ¹⁶⁹ М. И. Лукьянова, Японские монополии..., стр. 349.
- ¹⁷⁰ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 188.
- ¹⁷¹ A. Roth, *Dilemma in Japan*, Boston, 1945, стр. 224.
- ¹⁷² «Japan Year Book», Tokyo, 1943—1944, стр. 422.
- ¹⁷³ «Асахи», 21.V.1944 (на япон. яз.).
- ¹⁷⁴ «Oriental Economist», April, 1944, стр. 150—151.
- ¹⁷⁵ «Дзидзи нэнкан», Токио, 1947, стр. 434 (на япон. яз.).
- ¹⁷⁶ «Майнити симбун», 25.IX.1943 (на япон. яз.).
- ¹⁷⁷ В 1941—1942 гг. было переоборудовано около 600 верфей для постройки судов с деревянными корпусами.— *Прим. авт.*
- ¹⁷⁸ «Oriental Economist», December, 1945.
- ¹⁷⁹ М. И. Лукьянова, Японские монополии..., стр. 367.
- ¹⁸⁰ См.: «The Effects of Air Attack on Japanese Urban Economy,— Summary Report, Urban Areas Division», USSBS, Washington, March, 1947, стр. 25.
- ¹⁸¹ Сиро Кониси, Киндай сякай. Синнихонси тайкэй (Современное общество. Серия истории новой Японии), т. 6, Токио, 1957, стр. 425 (на япон. яз.).
- ¹⁸² Из 187 учредителей ПАПТ, ранее не входивших в парламент, 63 человека были прямыми представителями «дзайбацу», 10 человек являлись генералами и адмиралами, см.: «Нити-нити», 20.V.1942 (на япон. яз.).
- ¹⁸³ «Тайхэйё сэнсо си» («История войны на Тихом океане»), т. 3, Токио, 1953, стр. 207 (на япон. яз.).

- ¹⁸⁴ Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, стр. 173.
- ¹⁸⁵ «Тоё кэйдзай», 20.III.1943 (на япон. яз.).
- ¹⁸⁶ Сигэки Тояма, Сэйити Имаи, Акира Фудзивара, Сёва си, стр. 242.
- ¹⁸⁷ Хатояма Итиро, Хатояма Итиро кайкороку (Воспоминания Хатояма Итиро), Токио, 1957, стр. 16—20 (на япон. яз.).
- ¹⁸⁸ Внутри ПАПТ летом 1943 г. насчитывалось восемь фракций: Гиин конданкай (Общество дружеского собеседования членов парламента), в которое входили бывшие члены Сэйюкай и группы «Накадзима»; «Сакурай» (Общество вишни) — группа бывших членов Минсэйто; «Кинтоби-кай» (Общество золотого коршуна), состоявшее из членов парламента — отставных генералов и адмиралов, и др. (см.: «Ямато», 7.VII.1943 (на япон. яз.).
- ¹⁸⁹ С. Усами, Б. Эгуги, С. Тояма, С. Нохара, Э. Мацусима, История войны на Тихом океане, т. 4, М., 1958, стр. 118.
- ¹⁹⁰ «История войны на Тихом океане», т. 4, стр. 125.
- ¹⁹¹ «История войны на Тихом океане», т. 3, стр. 348.
- ¹⁹² Там же, стр. 343, 349.
- ¹⁹³ S. Sakimura, Neuordnung der Japanischen Wirtschaft, Bremen, 1942, стр. 13.
- ¹⁹⁴ См.: Кодзи Иидзука, Нихон-но гунтай (Японская армия), Токио, Хёронсяхан, 1968, стр. 35—36 (на япон. яз.).
- ¹⁹⁵ «The Japan Year Book 1946—1948», Токио, 1948, стр. 474.
- ¹⁹⁶ Управление информации при кабинете министров было создано на основе Бюро информации в октябре 1940 г. — Прим. авт.*
- ¹⁹⁷ «История войны на Тихом океане», т. 3, стр. 347—348.
- ¹⁹⁸ Хитоси Асида, Дайнидзи сэкай тайсэн гайкоси (Дипломатическая история второй мировой войны), Токио, 1960, стр. 473—475 (на япон. яз.).
- ¹⁹⁹ E. C. Jones, Japan's New Order in East Asia..., стр. 354.
- ²⁰⁰ Мариносукэ Касима, Тэйкоку-но гайко то дайтоа кэйзэн (Дипломатия империи и сфера процветания великой Восточной Азии), Токио, 1943, стр. 76 (на япон. яз.).
- ²⁰¹ «Сэйсэн госюнэн» («Пять лет священной войны»), Токио, 1942, стр. 140—141 (на япон. яз.).
- ²⁰² Японии представлялась территория СССР от Уральского хребта на восток до побережья, а также воды и острова Тихого океана, страны южных морей, Австралия. — Прим. авт.
- ²⁰³ F. C. Jones, H. Vortton, B. R. Pearn, The Far East 1942—1946. Survey of International Affairs 1939—1946, London—New York—Toronto, 1955, стр. 98.
- ²⁰⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 41593, 6681—6686.
- ²⁰⁵ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 192, лл. 107—108.
- ²⁰⁶ «Тайхэйё сэносси», т. 4, стр. 4.
- ²⁰⁷ E. M. Zacharias, Secret Missions. The Story of an Intelligence Officer, New York, 1946, стр. 213.
- ²⁰⁸ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, лл. 28—30, 305—306.
- ²⁰⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 34246; 34267—34269.
- ²¹⁰ См.: Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно сэно дзэн си (Полная история войны в великой Восточной Азии), т. 3, Токио, 1956, стр. 235—237 (на япон. яз.).
- ²¹¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7994—7996; М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 256—257.
- ²¹² W. H. Elsbrree, Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movement 1940 to 1945, Cambridge, 1953, стр. 85.
- ²¹³ Мамору Сигэмицу, Сёва-но доран (Потрясения периода Сёва), т. 2, Токио, 1952, стр. 323—324 (на япон. яз.).
- ²¹⁴ «Contemporary Japan», March, 1943, стр. 377.
- ²¹⁵ Ibid., July, стр. 931—932.

- ²¹⁶ Д. И. Гольдберг, Внешняя политика Японии в 1941—1945 гг., М., 1962, стр. 143.
- ²¹⁷ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 31065.
- ²¹⁸ «United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy», Washington, December, 1946, стр. 27.
- ²¹⁹ «Сирё-ни ёру нихон-но аюми» («Материалы по истории Японии»), т. 4, Токио, 1957, стр. 259 (на япон. яз.).
- ²²⁰ Дж. Б. Коен, Военная экономика Японии, стр. 291.
- ²²¹ «Вторая мировая война. Военно-исторический очерк», М., 1958, стр. 528.
- ²²² Дж. Б. Коен, Военная экономика Японии, стр. 241, 251—252.
- ²²³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7531, 19905, 49374.
- ²²⁴ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 99.
- ²²⁵ См.: Кодзи Иидзика, Нихон-но гунтай (Японская армия), Хёронса, Токио, 1968, стр. 40 (на япон. яз.).
- ²²⁶ «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 536.
- ²²⁷ «Всемирная история», т. 10, стр. 493.
- ²²⁸ P. E. Eckel, The Far East since 1500, стр. 710—711.
- ²²⁹ Там же, стр. 708—709.
- ²³⁰ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно дзэн си, т. 4, стр. 93.
- ²³¹ «Contemporary Japan», July 1943, стр. 937—938.
- ²³² F. C. Jones, H. Borton, B. R. Pearn, The Far East 1942—1946, Survey of International Affairs 1939—1946, стр. 70.
- ²³³ «Оборонительная линия Суэцугу» условно проходила через острова южных морей, Новую Гвинею, острова Бисмарка, Соломоновы, Гильберта, Маршалловы, Уэйк, Кыска, Атту; «первая линия» — через острова Ява, Новая Гвинея, Филиппинские, Каролинские, Маршалловы, Бонин, Гангес, Курильские; «основная линия» — через острова Ява, Филиппинские, Тайвань, Рюкю, собственно Японские, Курильские. — *Прим. авт.*
- ²³⁴ «Сире Нихон си» («Материалы по истории Японии»), т. 2, Токио, 1958, стр. 236 (на япон. яз.).
- ²³⁵ «United States Strategic Bombing Survey. Japan's Struggle to End the War», Washington, 1946, стр. 4.
- ²³⁶ Потери торгового флота Японии в 1944 г. составили 4115,1 тыс. т. (см.: «Сирё Нихон си», т. 2, стр. 234).
- ²³⁷ См.: Сокити Такаги, Тайхэйё кайсэн си (История морских сражений на Тихом океане), Токио 1957, стр. 217—218 (на япон. яз.).
- ²³⁸ Toshikazu Kase, Journey to the «Missouri», New Haven, 1950, стр. 71—72.
- ²³⁹ К сентябрю 1944 г. Советская Армия нанесла поражение финским войскам (Финляндия была выведена из войны), начала освобождение Польши, разгромила немецко-фашистские войска в Яско-Кишиневской операции, что создало благоприятные условия для выхода Румынии из войны с Советским Союзом. — *Прим. авт.*
- ²⁴⁰ Дж. Эрман, Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944 г., М., 1958, стр. 498.
- ²⁴¹ О борьбе населения оккупированных Японией стран в 1944 г., см.: К. Горшал, Народ в колониях, М., 1949, стр. 23, 78—79; Н. В. Ребрикова, Очерки новейшей истории Таиланда 1958—1959 гг., М., 1960, стр. 101—105.
- ²⁴² «Сюэнсироку. Гаймусе» («Документы об окончании войны. МИД Японии»), Токио, 1952, стр. 194—195 (на япон. яз.).
- ²⁴³ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно дзэн си, т. 7, стр. 89.
- ²⁴⁴ Об освободительной борьбе народов оккупированных Японией территорий в первой половине 1945 г. см.: Хо Ши Мин, Избранные статьи и речи, М., 1959, стр. 163; М. Крус, Филиппины в борьбе за свободу, М., 1958, стр. 78; К. Гошал, Народ в колониях, стр. 230, 234; Ф. Васильев, Путь к независимости, стр. 100.
- ²⁴⁵ Toshikazu Kase, Journey to the «Missouri», стр. 151—152.
- ²⁴⁶ Сокити Такаги, Тайхэйё кайсэн си, стр. 236—239.

²⁴⁷ «The History of the Second World War», Paulton near Bristol, vol. 6, 1968, стр. 2636.

²⁴⁸ См.: Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно дзэн си, т. 8, стр. 37—38.

²⁴⁹ «Сюэнсироку, Гайсусе», стр. 320—321.

²⁵⁰ Там же, стр. 354—355.

²⁵¹ «Сирё нихон си», т. 2, стр. 236.

²⁵² Toshikazu Kase, Journey to the «Missouri», стр. 174.

²⁵³ Симомура Хироси, Сюэнки (Записки об окончании войны), Токио, 1949, стр. 53 (на япон. яз.).

²⁵⁴ «The History of the Second World War...», vol. 6, стр. 2635.

²⁵⁵ См.: «Сирё-ни ёру Нихон-но аюми» («Материалы по истории Японии»), т. 4, Токио, 1957, стр. 259 (на япон. яз.).

²⁵⁶ План операции «Олимпик» предусматривал высадку 6-й американской армии (13 дивизий) на о. Кюсю; «Коронет» — высадку 8-й и 1-й американских армий (14 дивизий) в районе Токио и Иокогама.— *Прим. авт.*

²⁵⁷ Киёси Иноуэ, Синдзабуро Оконоги, Сёси Судзуки (История современной Японии), М., 1955, стр. 263—264.

²⁵⁸ Вместе с находившимися в ведении министерства вооружения 150 компаниями общее их число составило 574 (Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, стр. 214—215, 218).

²⁵⁹ Консультативная ассоциация предприятий военного производства была создана 4 апреля 1944 г. для осуществления более тесной связи промышленников с министерством вооружения. Президентом ее стал адмирал Тэйдзиро Тоёда — ставленник концерна «Мицубиси». Впоследствии Тоёда был назначен министром вооружения.— *Прим. авт.*

²⁶⁰ «Тайхэйё сэно сюкэцурон», стр. 320 [таблица].

²⁶¹ Там же.

²⁶² Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно дзэн си, стр. 235.

²⁶³ По подсчетам Японского банка, в сентябре 1944 г. в обращении находилось свыше 13 млрд. иен, в середине августа 1945 г. — 29,3 млрд. иен [см.: Такао Цутя, Нихон кэйдай си-но тисики (Очерк истории японской экономики), Токио, 1954, стр. 267 (на япон. яз.)].

²⁶⁴ Киёси Иноуэ, Сёси Судзуки, Нихон киндай си, стр. 436; «Тайхэйё сэно си», т. 4, стр. 88.

²⁶⁵ «Асахи», 21.V.1944.

²⁶⁶ «Нихон сангё кэйдай», 5.V.1944.

²⁶⁷ «World Economic Review, 1942—1944», стр. 141.

²⁶⁸ Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, стр. 257—258.

²⁶⁹ Там же, стр. 280—281.

²⁷⁰ «Хомпо кэйдай токэй 1952. Нихон гинко токэй кёку» («Экономическая статистика нашей страны 1952 г. Статистическое бюро Японского банка»), Токио, 1952, стр. 211—212 (на япон. яз.).

²⁷¹ «Igon Age», 17.X.1946, стр. 125.

²⁷² См.: «Тайхэйё сэно сюкэцурон», стр. 259, 274, 278—279.

²⁷³ Там же, стр. 320 [таблица].

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ «United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale»,— «Morale Division», June, 1947, Washington, 1947, стр. 17—18.

²⁷⁶ Там же, стр. 19.

²⁷⁷ Премьер-министр генерал Койсо принадлежал к реакционной «квантунской группировке». В его кабинет вошли представители «дзайбану» и военщины: адмирал Ионаи — военно-морской министр (он же заместитель премьер-министра); маршал Исидзиро — военный министр, представитель концерна «Мицубиси»; Фудзивара — министр вооружения; министром финансов остался Исиватари, имевший широкие связи с монополиями.— *Прим. авт.*

- ²⁷⁸ «Майнити», 20.IX.1944 (на япон. яз.).
- ²⁷⁹ Сигэки Тояма, Сёити Ямадзакэ, Масаси Ои, Киндай нихон сисо нэмпё, Токио, 1957, стр. 137 (на япон. яз.).
- ²⁸⁰ В новом правительстве пост премьер-министра занял бывший генерал-адъютант императора адмирал в отставке барон Судзуки, министра иностранных дел и министра по делам Восточной Азии — бывший посол Японии в Москве Того, военно-морского министра — адмирал Ионаи, военного министра — генерал Анами, министра вооружения — адмирал Тоёда.— *Прим. авт.*
- ²⁸¹ См.: Goshikazu Kase, Journey to the «Missouri», стр. 151—152.
- ²⁸² Решение о совмещении территорий восьми военных и административных округов было принято правительством Японии 11 февраля 1945 г. Президенты окружных административных советов, командующие соответствующими округами обязывались совместно решать главные вопросы, касающиеся подготовки округов к ведению боевых действий (см.: Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, стр. 253—255).
- ²⁸³ «Майнити», 20.IX.1944 (на япон. яз.).
- ²⁸⁴ Синэо Сайгуса, Гэнрон Сёва си. Данъацу то тэйко (История общественного мнения в период Сёва. Подавление и сопротивление), Токио, 1958, стр. 163.
- ²⁸⁵ «История войны на Тихом океане», т. 4, стр. 125.
- ²⁸⁶ Там же, стр. 122.
- ²⁸⁷ Там же, стр. 127.
- ²⁸⁸ Там же, стр. 123.
- ²⁸⁹ «United States Strategic Bombing Survey...», стр. 19.
- ²⁹⁰ Идзутаро Суэхироси, Нихон родо кумиан ундоси (История профсоюзного движения в Японии), Токио, 1954, стр. 93, 97 (на япон. яз.).
- ²⁹¹ «United States SBS, The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale...», стр. 137.
- ²⁹² 86-я сессия японского парламента, проходившая с 26 декабря 1944 по 26 марта 1945 г. решила предоставить Корею 7 мест в верхней палате и 23 места в нижней, Тайваню — 3 места в верхней и 5 мест в нижней палате.— *Прим. авт.*
- ²⁹³ Представители «правительства» Муссолини формально продолжали заседать в комиссиях держав «оси» до мая 1945 г., однако реальной силы фашистский режим в Италии уже не имел.— *Прим. авт.*
- ²⁹⁴ «Очерки новейшей истории Японии», М., 1957, стр. 253.
- ²⁹⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 41639.
- ²⁹⁶ См.: «Сюзэнсироку. Гаймусе», стр. 322—326.
- ²⁹⁷ W. R. Fischel, A Japanese Peace Maneuvre in 1944,— «The Far Eastern Quarterly», August 1949, стр. 386—387, 394.
- ²⁹⁸ См.: R. J. C. Butov, Japan's Decision to Surrender, Oxford, 1954, стр. 53.
- ²⁹⁹ R. J. C. Butov, Japan's Decision to Surrender, стр. 53.
- ³⁰⁰ См.: «Нихон сирё сюээй», стр. 599.
- ³⁰¹ Shigenori Togo, The Cause of Japan, New York, 1956, стр. 296.
- ³⁰² Lester Brooks, Behind Japan's Surrender (The Secret Struggle that Ended an Empire), New York, 1968, стр. 139, 153.
- ³⁰³ «Сире-ни-ёру Нихон-но аюми», т. 4, стр. 259.
- ³⁰⁴ А. Д. Багреев, Военное искусство капиталистических государств 1939—1945 гг., М., 1960.
- ³⁰⁵ К. Попов, Экономика Японии в годы второй мировой войны..., стр. 513.
- ³⁰⁶ «The History of the Second World War...», vol. 6, стр. 2635.
- ³⁰⁷ См.: «Сире Нихон си», т. 2, стр. 238.
- ³⁰⁸ По оценке американского командования. См.: «History of the Second World War...», vol. 6, стр. 2635.
- ³⁰⁹ «Известия», 16.VI.1961.

³¹⁰ Киёси Иноуэ, и др., История современной Японии, стр. 263—264.

³¹¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 363.

³¹² Киёси Иноуэ и др., История современной Японии, стр. 263—264.

³¹³ «Правда», 9.VIII.1945.

³¹⁴ «Известия», 16.VII.1961.

³¹⁵ См.: Дж. Эрман, Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945 г., М., 1958, стр. 264, 281.

³¹⁶ L. Morton, The Atomic Bomb and the Japanese Surrender,— «Marine Corps Gazette», № 2, 1959, стр. 20, 27; «History of the Second World War...», vol. 6, стр. 2635.

³¹⁷ «Известия», 27.XIII.1960.

³¹⁸ У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, изд. 2, М., 1955, стр. 453.

³¹⁹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 5, М., 1963, стр. 563—571.

³²⁰ «U. S. Strategic Bombing Survey. Japan's Struggle to End the War», Washington, 1946, стр. 10.

³²¹ «Правда», 16.VIII.1945.

³²² См.: Симомура Хироэси, Сюэнки, Токио, 1949, стр. 165—166.

³²³ «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история», изд. 2, М., 1970, стр. 553.

³²⁴ «The New York Times», August 15, 1945.

³²⁵ «Правда», 11.VI.1951.

³²⁶ См.: «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история», стр. 567.

³²⁷ «Тайхэй сэно си», т. 4, стр. 11.

³²⁸ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7531, 19905, 49374, 37105—37106.

³²⁹ Там же, стр. 7531, 19905.

³³⁰ Там же, стр. 7552—7553.

³³¹ Там же, стр. 7548—7549, 7555.

³³² Подсчитано нами по материалам архива (см.: ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, док. № 713).

³³³ ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 103.

³³⁴ См.: «Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк», стр. 355, 529, 763—764.

Глава VI

¹ «Сумицуин дзюэгидзи обоэгаку» («Протоколы обсуждения важнейших вопросов в Тайном совете»),— Сэйдзиро Усами, Токуро Эгити, Сигэки Тояма, Сиро Нохара, Эйити Мицусима, История войны на Тихом океане, т. 5, М., 1958, стр. 92.

² Подробнее см.: Laster Brooks, Behind Japan's Surrender. The Secret Struggle that Ended an Empire, New York, 1950; Сэйдзиро Усами и др., История войны на Тихом океане, т. 5, стр. 180—187.

³ Этот приказ императора был в тот же день по его особому поручению доставлен командующим фронтами принцами—членами императорской семьи для исполнения.

⁴ «Всемирная история», т. I, стр. 544; «Финал», М., 1969, стр. 176—339, 348.

⁵ С. Хаяси, Японская армия в военных действиях на Тихом океане, М., 1964, стр. 164, 169.

⁶ «Нихон-но-родо ундо», Токио, 1964 (на япон. яз.).

⁷ Сэйдзиро Усами и др., История войны на Тихом океане, т. IV, стр. 243.

⁸ См.: В. А. Аварин, Борьба за Тихий океан, М., 1952, стр. 430—454; М., 1947, стр. 433—440; А. М. Дубинский, Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке, М., 1969, стр. 543—573.

⁹ «Нихон-но-хяку нэн» («Сто лет Японии»), Токио, 1967, стр. 333—335 (на япон. яз.).

¹⁰ Сэйдзиро Усами и др., История войны на Тихом океане, т. 5, стр. 90.

¹¹ «Если дзайбацу вновь займут ведущие позиции в экономической жизни Японии,— писал незадолго до капитуляции американский историк Т. Биссон,— то их неизменный спутник — военщина — снова окажется тут как тут» (Т. А. Биссон, Военная экономика Японии, М., 1949, стр. 53).

¹² R. Brines, MacArthur's Japan, New York, 1948, стр. 74—78.

¹³ W. Price, Key to Japan, New York, 1946, стр. 286.

¹⁴ Ibid., стр. 285.

¹⁵ L. Brooks, Behind Japan's Surrender, New York, 1950, стр. 368.

¹⁶ Willard Price, Key to Japan, стр. 289.

¹⁷ F. Hunt, The Untold Story D. MacArthur, New York, 1954, стр. 79.

¹⁸ A. Ackerman, W. H. Chamberlin, Japan's Prospect, New York, 1946, стр. 292.

¹⁹ Ibid., стр. 294. Идеи сохранения Японии в качестве вооруженного плацдарма в Азии имели место в США и в то время, когда шли ожесточенные бои. «5 июня 1945 г., когда еще продолжались бои,— писал другой американский ученый, Ф. Данн,— военная разведка США представила министерству обороны секретный доклад, в котором поставила два вопроса: (1) как будет заполнен вакуум, образовавшийся после поражения Японии? (2) Смогут ли США обеспечить существование единого и сильного Китая? Ответ гласил, что существование единого и сильного чанкайшистского Китая невозможно. В докладе шла речь о необходимости сохранения „сильной Японии“» (F. S. Dunn, Peace-making and the Settlement in Japan, Princeton, 1963, стр. 188—199).

²⁰ Сэйдзиро Усами и др., История войны на Тихом океане, т. 5, стр. 87—88. См. также: J. F. Byrnes, Report by Secretary of State Moscow Meeting of Foreign Ministers, December 16—20, 1945, Washington, United States Government Printing Office, 1946, стр. 5.

²¹ H. Borton, C. Wilbur, Japan between East and West, ch. 5, стр. 199—202; Ю. П. Кузнец, От Пирл-Харбора до Потсдама, М., 1970, стр. 312—313.

²² C. Brown, Tojo Last banzai, New York, 1964, стр. 240.

²³ W. Reitzel, M. Kaplan, C. Coblenz, United States Foreign Policy, 1945—1955, Washington, 1956, стр. 173.

²⁴ «Заявление Белого дома о политике в отношении Японии от 23 сентября 1945 г.»— «Сборник документов МИД СССР», М., 1947, стр. 48.

²⁵ Ю. П. Кузнец, От Пирл-Харбора до Потсдама, стр. 254—263.

²⁶ М. Гейн, Японский дневник, М., 1951, стр. 79, 156, 495, 506.

²⁷ Эту теорию развивают в своих работах: Wilbur, Japan between East and West, 1957, ch. 5, стр. 202; M. Cameron, T. Mahony, C. Macreynolds, China, Japan and Other Powers, New York, 1952, стр. 632; E. Reischauer, United States and Japan, Princeton, 1965; Baron von Aduard, Japan from Surrender to Peace, New York, 1952, стр. 3, 112—113, и другие авторы. Правда, историк Х. Бортон считает, что такая «переориентация» произошла не в 1949, а в 1947 г. (H. Borton, Japan's Modern Century, New York, 1957, стр. 358), а историк Рейтцель и другие доказывают, что это произошло уже в конце 1946 г. (W. Reit-

zel, M. Kaplan, C. Coblenz, United States Foreign Policy, стр. 171—173).

²⁸ Spraikman, American Strategy in World Politics, New York, 1942, стр. 460.

²⁹ L. Kaplan, Recent American Policy, Homewood, 1968, стр. 113.

³⁰ «The Nippon Times», 22.XI.1945.

³¹ Г. В. Астафьев, Интервенция США в Китае и ее поражение, М., 1958, стр. 403.

³² Там же, стр. 417—418.

³³ М. Гейн, Японский дневник, стр. 503.

³⁴ «Это очень плохо, что мы не прикончили крысу,— писал военный обозреватель Х. Бодуин в газете «Нью-Йорк Таймс» в связи с капитуляцией Японии.— Было бы много лучше для мира, если бы война продолжалась до тех пор, пока японская армия была бы разгромлена полностью» (см.: W. Price, Key to Japan, стр. 291).

³⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 94.

³⁶ E. O. Reischauer, The United States and Japan, New York, 1965, стр. 328—332.

³⁷ W. Reitzel, M. Kaplan, C. Coblenz, United States Foreign Policy, стр. 175.

³⁸ См.: М. И. Лукьянова, Японские монополии во время второй мировой войны, М., 1953.

³⁹ «Сборник документов МИД СССР», стр. 24.

⁴⁰ Там же, стр. 47.

⁴¹ Там же, стр. 48.

⁴² «Основная политика в отношении Японии после капитуляции», М., 1947, стр. 11—12.

⁴³ A. Comma ger, The Story of the Second World War, New York, 1945, стр. 539—542.

⁴⁴ А. Динкевич, О. Барышникова, Промышленность в послевоенный период (1945—1956 гг.), М., 1958, стр. 45.

⁴⁵ «Тайхэйё сэсо сюкэцурон», Токио, 1958, стр. 320 [таблица] (на япон. яз.).

⁴⁶ «Нихон-но-Хякунэн», стр. 307—327.

⁴⁷ В начале войны Япония располагала гражданским морским флотом общим тоннажем 7 млн. т; в конце войны был миллион тонн, по другим данным — 1526,9 т (см.: «Тайхэйё сэсо сюкэцурон», стр. 304).

⁴⁸ «Сэнсо Хигаи Сирёсю» («Сборник материалов по военным убыткам»),— Сэйдзиро Усами и др., История войны на Тихом океане, стр. 237.

⁴⁹ А. Динкевич, О. Барышникова, Промышленность Японии в послевоенный период..., стр. 21.

⁵⁰ Подробно о «Политике стабилизации» см.: Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны, М.—Л., 1950, стр. 423—447; Ка дзиниси Мицухая, Нихон сихонсюги хаттауси, дзоку (Развитие капитализма в Японии), Токио, т. II, 1957, стр. 323—361.

⁵¹ К моменту заключения мирного договора японский крупный капитал восстановил свои позиции. Уже в марте 1951 г. 8,3% акционеров владели 68% всех акций японских компаний (Т. А. Bissop, Zaibatsu Dissolution in Japan, Токио, 1954, стр. 203).

⁵² М. Гейн, Японский дневник, стр. 155.

⁵³ Первоначально было выделено для репараций 1090 предприятий военного значения (314 авиазаводов, 131 артиллерийский завод, 18 военных верфей и т. д.) (А. Динкевич, О. Барышникова, Промышленность Японии в послевоенный период, стр. 19).

⁵⁴ К этому времени было поставлено устаревшего репарационного оборудования Великобритании, чанкайшистскому режиму в Китае и на Филиппины на сумму 93,940 тыс. иен (следовало поставить на сумму 2,466 млн. иен).

- ⁵⁵ «The Trend of Japanese Economy in the Past Ten Years», Tokyo, 1955, стр. 14.
- ⁵⁶ «Сборник документов МИД СССР», стр. 24.
- ⁵⁷ «Основная политика в отношении Японии после капитуляции» (решение Дальневосточной комиссии от 19 июня 1947 г.), М., 1947, стр. 12.
- ⁵⁸ L. Brooks, Behind Japan's Surrender, стр. 337.
- ⁵⁹ Такусиро Хаттори, Дайтоа сэно дзэнси (История войны в Восточной Азии), т. 7, Токио, 1956, стр. 83—124.
- ⁶⁰ W. Price, Key to Japan, стр. 296—297.
- ⁶¹ «Mission Accomplished», Washington, 1946, стр. 27.
- ⁶² Сэйдзиро Усами и др., История войны на Тихом океане, т. 5, стр. 93.
- ⁶³ E. Askerman, W. Chamberlin, Japan's Prospect, стр. 307.
- ⁶⁴ «Truman. Memoirs. Years of Trial and Hope», New York, 1956, стр. 62; Г. В. Астафьев, Интервенция США в Китае и ее поражение, стр. 19, 50—52.
- ⁶⁵ «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», М., 1951, стр. 628—629.
- ⁶⁶ D. MacArthur, Reminiscences, New York, 1964, стр. 298, 318.
- ⁶⁷ Начиная с 1928 г. японские милитаристы подготовили и осуществили ряд агрессивных акций против Китая и других стран Азии. Продолжая эту политику в 1941 г., они ввергли страну во вторую мировую войну, закончившуюся для нее тотальным поражением.— *Прим. авт.*
- ⁶⁸ «Приговор Токийского трибунала главным японским военным преступникам», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, л. 11.
- ⁶⁹ Там же, л. 1081.
- ⁷⁰ Там же, л. 1049; «Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны», М., 1949.
- ⁷¹ «Известия», 28.XI.1948.
- ⁷² М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Международный процесс главных японских преступников, М.-Л., 1950, стр. 215—216.
- ⁷³ М. Kajima, Modern Japan's Foreign Policy, Tokyo, 1969, стр. 50—53.
- ⁷⁴ По данным штаба, лишь 9000 человек были отстранены от работы в государственных учреждениях и частных компаниях (из общего числа примерно 500 тыс. человек).— *Прим. авт.*
- ⁷⁵ Н. Вагвальд, The Purge of Japanese Leaders under the Occupation,— «University of California Press», 1959, стр. 80.
- ⁷⁶ К. Хаяси и др., Ракетное оружие и Япония, М., 1964, стр. 225.
- ⁷⁷ Л. Брукс, За кулисами японской капитуляции, М., 1971, стр. 325—335.
- ⁷⁸ W. Reitzel, United States Foreign Policy, 1945—1955, стр. 171; Borton, Japan's Modern Century, New York, 1957, стр. 358.
- ⁷⁹ «Современная Япония», М., 1964, стр. 246.
- ⁸⁰ А. А. Миголатьев, Эскалация милитаризма, М., 1970, стр. 184.
- ⁸¹ Там же, стр. 246—247. Из 300 милитаристских обществ штаб распустил 233. Остальные продолжали действовать, но уже в контакте с американской разведкой (Хандзи Киносита, Уэку тэро (Правый терпор), Токио, 1960, стр. 83 (на япон. яз.)).
- ⁸² J. M. Makii, Japanese Militarism. Its Cause and Cure, New York, 1945, стр. 225—229; Е. М. Жуков, История Японии, М., 1939.
- ⁸³ Такаси Танака, Айкоусин-но мэджимэ (Пробуждение патриотизма), Токио, 1962, стр. 200—213.
- ⁸⁴ См. заявления Советского правительства в Дальневосточной комиссии относительно нарушения главнокомандующим Потсдамской декларации и решений ДВК по демократизации Японии; также заявления о рабочей политике в Японии (сб. «Заявления, предложения и запросы представителя СССР в Дальневосточной комиссии, март 1946—январь 1950 г.», МИД СССР, 1950, стр. 19—57).
- ⁸⁵ «Japan News», August, 11, 1950.

⁸⁶ D. MacArthur, Reminiscences, стр. 285.

⁸⁷ «Асахи», 17.I.1964. Эти списки демобилизованных использовались американцами в 1950 г., когда в конгрессе обсуждался вопрос о посылке японских воинских контингентов в Корею для участия в боевых операциях на стороне США. В то время от этого пришлось отказаться вследствие неблагоприятной политической обстановки и решительного сопротивления японской общественности.

⁸⁸ J. J. Morris, Nationalism and the Right Wing in Japan, New York, 1960, стр. 219—221.

⁸⁹ И. Сергиенко, Возрождение милитаризма в Японии, М., 1968; А. Марков, Япония: курс на вооружение, М., 1970.

⁹⁰ С. В. Вишнев, Современные милитаристы и монополии, М., 1952, стр. 163.

⁹¹ Хадзимэ Доба, Нихон но Гундзирёку (Вооруженные силы Японии), Токио, 1963, стр. 13 (на япон. яз.).

⁹² S. Yoshida, Memoires, London, 1961, стр. 274; «Сангё Кэйдзай», 25.II.1951 (на япон. яз.).

⁹³ «Правда», 15.II.1951.

⁹⁴ S. Yoshida, Memoires, стр. 274, «Войска самообороны» формировались, вооружались и размещались еще до официального их признания 9 июня 1954 г. американским командованием. Вся подготовительная работа проводилась Управлением национальной безопасности.

⁹⁵ Конституция была принята японским парламентом 3 мая 1947 г. в соответствии с основными принципами оккупационной политики союзных держав. (Подробно см.: И. Латышев, Конституционный вопрос в послевоенной Японии, М., 1959.)

⁹⁶ «Иомиури», 1.I.1950 (на япон. яз.).

⁹⁷ Сэйдзиро Усами и др., История войны на Тихом океане, т. 5, стр. 307.

⁹⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 284.

⁹⁹ А. Динкевич, О. Барышникова, Промышленность Японии в послевоенные годы, стр. 67; «Цюсе Хакусё», 1961, стр. 3, 7 (на япон. яз.).

¹⁰⁰ E. Reischauer, US and Japan, Cambridge, 1950, стр. 43.

Глава VII

¹ Д. Утида, Сэнго Нихон докусэн сихонсюги сирон (Оценка послевоенного монополистического капитализма Японии), Токио, 1961, стр. 4.

² Масаси Судзуки, Сэнго Нихон-но ситэки (Послевоенная Япония. Исторический анализ), Токио, 1969, стр. 47.

³ Имеется в виду закупка американскими вооруженными силами различного рода вооружения, боеприпасов, боевого снаряжения, специального обмундирования и стратегических материалов, а также оплата услуг американского военного ведомства.

⁴ «Известия», 28.I.1967.

⁵ «Monthly Bulletin of Statistics», February, 1971, table 66.

⁶ «Нихон-но бэй кэйдзай», Токио, 1967, стр. 165.

⁷ «Кэйдзай хёрон», 1968, № 10, стр. 107 (на япон. яз.).

⁸ Там же, стр. 108.

⁹ «Политика США в странах Дальнего Востока», М., 1964, стр. 180—185.

¹⁰ «Коку дзёхо», 1971, № 5, стр. 30 (на япон. яз.).

¹¹ «Бэй нэнкан», Токио, 1970, стр. 312 (на япон. яз.).

¹² «Japan Press News», 12.IX.1969.

¹³ «Кагаку гидзюцу хакусё», Токио, 1969, стр. 40 (на япон. яз.).

¹⁴ «Крейслер» — одна из крупных компаний США, занятых производ.

ством вооружения; специализируется на производстве ракетной электроники.

- 15 «Кокубо», 1970, январь, стр. 77 (на япон. яз.).
- 16 Там же.
- 17 «Иомиури», 13.XI.1969.
- 18 «Бозэй Нэнкан 1968», § 94.
- 19 «Экономисуго», 1968, № 5, апрель (на япон. яз.).
- 20 «Сякай», 1968, № 133, май (на япон. яз.).
- 21 «Сякай», стр. 47.
- 22 «Нихон кэйдзай симбун», 16.XII.1970 (на япон. яз.).
- 23 «Кохо антэна», 1967, январь, № 78, стр. 32 (на япон. яз.).
- 24 «The Canberra Times», January, 11, 1971.
- 25 «Акахата», 5.V.1967 (на япон. яз.).
- 26 «Сякай», 1967, № 7, стр. 129 (на япон. яз.).
- 27 Там же, стр. 130.
- 28 «Дайямондо», 6.X.1969, стр. 25 (на япон. яз.).
- 29 «Нихон кэйдзай симбун», II.VI.1970 (на япон. яз.).
- 30 Там же.
- 31 «Дайямондо», 6.X.1969 (на япон. яз.).
- 32 «Нихон кэйдзай симбун», 11.VI.1970.
- 33 «Кэндзай хэрон», 1968, № 10, стр. 106 (на япон. яз.).
- 34 «Дейли Иомиури», 18.V.1970 (на япон. яз.).
- 35 Там же.
- 36 «Бозэй соби кокусанка конданкай икэнсю», ч. 1, Токио, 1964, 15 июня (на япон. яз.).
- 37 «Нихон-но бозэй то кэйдзай», Токио, 1967, стр. 172—173 (на япон. яз.).
- 38 «Современная Япония», М., 1968, стр. 501 (приложение).
- 39 «История войны на Тихом океане», т. V, М., 1958, стр. 305.
- 40 «Бозэй нэнкан 1970», Токио, 1970, стр. 202—203 (на япон. яз.).
- 41 «Коку дзэхо», 1971, № 5, стр. 30 (на япон. яз.).
- 42 «Нихон-но бозэй. Бозэй хакусэ» («Белая книга по обороне Японии»), Токио, 1970, стр. 94 (на япон. яз.).
- 43 «Бозэй нэнкан 1968», Токио, 1968, стр. 276—277 (на япон. яз.).
- 44 Там же, стр. 277.
- 45 «Кэйдзай», 1967, № 1 (январь), стр. 145 (на япон. яз.).
- 46 Я суса буро Хосино и Сигэо Хаяси, Истинное лицо японской армии, М., 1965, стр. 132.
- 47 «Кэйдзай», 1969, № 1 (январь), стр. 114.
- 48 «Токио симбун», 25.VI.1969 (на япон. яз.).
- 49 «Кохо антэна», 1967, январь, стр. 51.
- 50 «Дайямондо», 1969, 6, октябрь, стр. 26.
- 51 «Бозэй нэнкан», Токио, 1968, стр. 428 (на япон. яз.).
- 52 «Майнити», 17.II.1969; «Дайямондо», 6.X.1969, стр. 26 (на япон. яз.).
- 53 «Japan Press News», 1969, № 234, стр. 2.
- 54 «Кэйдзай хэрон», 1966, № 7, стр. 111.
- 55 «Коку дзэхо», 1971, № 5, стр. 31.
- 56 Ракета «Асрок» имеет длину 4,5 м, диаметр — 0,3 м, дальность стрельбы — 9 км, в подводном положении она имеет сверхзвуковую скорость. Вес ракеты — 450 кг, а вес установки в боевом положении — около 20 т.
- 57 Самолет типа «Фантом» — «F-4E» имеет скорость более 2 тыс. км/час, потолок — 20 км, дальность — свыше 4000 км. Самолет оснащен автоматизированными системами перехвата и прицеливания, имеющими дальность действия в режиме обнаружения до 50 км.
- 58 «Сякай», 1968, май, № 133, стр. 51—52.
- 59 «Политика США в странах Дальнего Востока», М., 1964, стр. 203.
- 60 «Коку дзэхо», 1971, № 5, стр. 30 (на япон. яз.).
- 61 «Бозэй нэнкан 1968», стр. 214.
- 62 «Политика США на Дальнем Востоке», стр. 186—188.

- ⁶³ «Бозэй нэнкан 1968», стр. 215.
- ⁶⁴ Там же, стр. 265—266.
- ⁶⁵ Там же, стр. 266.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ «Коку дзёхо», 1971, май, стр. 131—132 (на япон. яз.).
- ⁶⁹ «Правда», 26.VIII.1969.
- ⁷⁰ «Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий», М., 1969, стр. 14.
- ⁷¹ «Правда», 10.IV.1971.
- ⁷² «Киодо Цусии», 28.VIII.1969 (на япон. яз.).
- ⁷³ «История войны на Тихом океане», т. V, стр. 368 (приложение).
- ⁷⁴ Там же, стр. 369.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ «Белая книга по обороне Японии», Токио, 1970, стр. 30.
- ⁷⁷ «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1969 и начало 1970 г.», М., 1970, стр. 13.
- ⁷⁸ «Белая книга по обороне Японии», стр. 3.
- ⁷⁹ Там же, стр. 30.
- ⁸⁰ «Известия», 31.III.1971, стр. 3.
- ⁸¹ См.: И. Н. Потапов, Послевоенные доктрины и развитие флотов империалистических государств, М., 1966, стр. 64—65.
- ⁸² В этом документе приведены все необходимые данные об экономическом и политическом положении Японии, сведения о союзных странах и о вероятных противниках. Союзными странами в документе называются США и Южная Корея, а противниками — Корейская Народно-Демократическая Республика, Советский Союз и Китайская Народная Республика. В плане отражены не только оперативно-стратегические, но и политические, экономические и организационные вопросы применительно к начальному периоду войны. Всего разработаны 24 вводные задачи, в которых предусмотрены «мероприятия» и «действия» войск во всеобщей, ограниченной и локальных войнах, подробно рассматриваются мероприятия по разгрому революционного движения в стране и репрессивные действия против демократических организаций. К плану приложен ряд проектов чрезвычайных законов, которые надлежит принять с началом войны. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство этих проектов имеет сходство с законами, которые приняло японское правительство в ходе второй мировой войны. Это относится к проекту законов «О мобилизации нации», «О перестройке промышленности», «О создании специальной службы информации», «О мерах сохранения военной тайны», «О введении контроля над рабочей силой, сырьем, продовольствием и материальными ресурсами», «Организация местной противовоздушной обороны» и ряду других законопроект.
- ⁸³ «Красная звезда», 26.III.1964.
- ⁸⁴ «Белая книга по обороне Японии», стр. 37—38.
- ⁸⁵ «Асахи симбун», 18.X.1969 (на япон. яз.).
- ⁸⁶ Ясусабуру Хосино и Сигэо Хаяси, Истинное лицо японской армии, М., 1965, стр. 88.
- ⁸⁷ «Вооруженные силы Японии», Хабаровск, 1966, стр. 40.
- ⁸⁸ «Белая книга по обороне Японии», стр. 13—14.
- ⁸⁹ «Japan Press», 1969, 13, September.
- ⁹⁰ Ясусабуру Хосино и Сигэо Хаяси, Истинное лицо японской армии, стр. 88.
- ⁹¹ «За рубежом», 1969, № 44, стр. 21.
- ⁹² «Бозэй нэнкан 1968», стр. 232.
- ⁹³ «Бозэй нэнкан 1963», стр. 232.
- ⁹⁴ «Агаумо», 20.VII.1967 (на япон. яз.).
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Ясусабуру Хосино и Сигэо Хаяси, Истинное лицо японской армии, стр. 34.

- ⁹⁷ «Тэйто Нити самбун», 1.VII.1969 (на япон. яз.).
⁹⁸ Там же.
⁹⁹ «История войны на Тихом океане», т. V, стр. 338.
¹⁰⁰ «Фар Истерн Экономик Ревью», 18.XII.1969.

Заключение

- ¹ См.: В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 187.
² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 188.
³ Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 34.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абэ И.** 189
Абэ Нобуюки 82, 91, 204, 346
Аварин В. Я. 352, 363
 Адати 139
Айдзава Мицуро 143
Аматэрасу 186, 328
Анами 361
Андерсен А. 175
Аоки К. 158, 201
Араки О. 350
Араки Садао 82, 113, 139—140, 142—143, 151, 157, 345
Арахаси Тэцудзо 351
Арита 293
Асида Хитоси 358
Асикага 14, 29
Астафьев Г. В. 364, 365
Аюкава Гисуке 125
- Ба Мо** 198
Багге 228
Багреев А. Д. 361
Барышникова О. 364, 366
Батлер Дж. 355, 356
Белли В. 97, 346
Биддл 48
Биссон Т. А. 352—354, 357, 358, 360, 361, 363
Бодуин Х. 364
Болдырев Г. И. 354, 357
Бортон Х. 363, 358, 359, 365
Брежнев Л. И. 7, 341, 369
Брендз Роберт 304
Брукс Л. 361, 363, 365
- Ваксай** 343
Вакацуки 139, 140
Ван И-тан 127
Ван Кэ-мин 127
Ван Цинь-вэй 211, 214
Васильев Ф. 359
Ватанабэ 112
Ватанабэ Дзётаро 144
Ведемейер 244
- Винцент Д.** 244
Вишнев С. В. 366
- Галифакс** 195
Гаусс Кларенс 244
Гейн Марк 242, 361, 363
Гиммлер Г. 356
Гитлер А. 138, 179
Го Сэйносукэ 183, 355
Гоко К. 187
Головнин 26, 29
Гольдберг Д. П. 359
Горо Хани 344
Горшал Д. 359
Гуайер Дж. 355, 356
Гукка Чалс 281
Гэнда 325, 330
- Даллес Джон Ф.** 242
Дан Такума 141
Данн Ф. 363
Деку 176
Джонсон Л. 228
Дзимму 94, 328
Динкевич А. 364, 366
Доба Хадзима 366
Доихара К. 255, 256
Дубинский А. М. 363
- Жуков Е. М.** 350, 356, 365
- Иеясу, см. Токугава**
Извольский 68
Иидзука Кодзи 356, 358, 359
Ии-Камон но kami, см. Ии Наоскэ
Ии Наоскэ 39, 41
Икэда Сигэо 320, 323
Икэда Сумихиса 196, 356
Икэда Сэйдзин 157
Имаи Сэйдзиро 345
Имаи Сэйити 357
Имото Кумао 260
Иноуэ, генерал 113
Иноуэ Дзюнносукэ 141

- Иноуэ Каору 54
 Иноуэ Киёси 354, 357, 360, 362
 Инукаи Ки 94, 140, 141
 Инумару Гинти 350
 Ионаи 173, 227, 360, 361
 Ионэдзава Такитори 347
 Иноэити Тэрасаки 350
 Ионэхара Итару 356
 Иосида С. 172, 239, 261, 320, 328, 331, 366
 Иоснока 348
 Исиватару 360
 Исида Р. 187
 Исидзиро 360
 Исихара Кандзи 122, 147, 148, 172
 Исобэ 145
 Итагаки С. 149, 255, 348
 Ито Хиробуми 44, 54, 57, 68

 Кавада Исао 352
 Кавадзима Гинти 144
 Каваи 253
 Каваниси Макото 348
 Кагами Кэнгити 349
 Кадзима М. 256, 365
 Кадзуо Аоки 209
 Камодэо Танимото 349
 Каная 112
 Канин 113, 139
 Канэмити 188
 Каплан Л. С. 243, 246
 Касахара 151
 Касима Мариносукэ 358
 Катаяма Сэн 63, 88
 Като 71
 Като Кандзи 158
 Като Томосабуро 96
 Кацура Таро 46, 54, 57, 65, 68—70
 Квигли Г. 343
 Кейтель В. 179
 Кидо Коин 43
 Кидо 178, 212, 256
 Киёси Гоко 205
 Кикиути Кан 207
 Киммель Х. 195
 Кимура С. 104, 347
 Кимура Х. 255
 Киносита Хандзи 365
 Киси Н. 200
 Кобаяси Итидзо 352
 Кобаяси Мацуо 350
 Кобаяси Кэнтаро 106, 347
 Кобленц К. 246, 363
 Кога Сэйси 141
 Кода Киёсада 145
 Кодама И. 326
 Кодзима Набору 355, 356
 Коен Дж. Б. 251, 354, 355, 357, 359

 Койсо 139, 215, 216, 223, 224, 226, 227, 360
 Койсо, генерал 113, 157
 Коммагер Х. 248
 Комура Дзютаро 64
 Кондратенко Р. И. 83
 Кониси Сиро 23, 357
 Коноэ Фумимаро 133, 148, 158, 173, 174, 176—178, 180, 182, 183, 187, 188, 212, 227, 352, 353
 Коннэли Т. 230
 Коэлхо 20
 Крус М. 359
 Кузнец Ю. П. 363
 Кумэ Масао 207
 Куропаткин А. Н. 59, 83
 Курус 179
 Кутаков Л. Н. 353
 Кухара Ф. 139

 Латышев И. А. 354, 355, 366
 Ленин В. И. 4, 9, 49, 50, 56, 58, 64, 86, 92, 94, 154, 171, 172, 202, 245, 264, 334, 342—344, 346, 352, 364, 366, 369
 Ли Сун Син 22
 Ли Ши-ен 348
 Литтон 122
 Локк 250
 Лори Хиллс 90, 103, 104, 345—347
 Лукьянова М. И. 354, 357, 364

 Макдональд 154
 Мадзак 113, 142, 144
 Макартур 231, 234, 240—242, 244, 250, 252—254, 256—263, 283, 286, 287, 338, 365, 366
 Макино 139
 Макита И. 276
 Марков А. 366
 Мацуи И. 255
 Мацуката Масаёси 54
 Мацумаэ Мисою 304
 Мацумото Тэрао 351
 Масацунэ Огура 355
 Мацуока 177, 178, 353
 Мацусима Э. 358
 Маэдзима Сэйдзи 343, 345
 Миголатьев А. А. 365
 Мидзуно Сёго 260
 Минами Дзиро 112, 113, 223, 345, 347
 Минамото 10—12, 14
 Мицухая Кадзиниси 364
 Миягава Тадамаро 227
 Мори, политич. деятель 158
 Мори, генерал 232
 Мори Кодзо 349
 Мори Макэо 351

Мори Мотонори 19, 42
Мори Таиэро 152, 349, 350
Мори Такэторо 88, 345
Моррис И. 260, 366
Мотоно 68
Муранака 145
Мурата Сёдзо 352—353
Мусиро Норихико 349
Муссолини Б. 361
Муго Акита 113, 142, 187, 353
Мэйдзи 33, 41, 103, 151, 192, 329,
347
Мяо Пэй-чен 227

Нагаи Уити 123, 349, 351
Нагата Тацудзан 142, 143
Нагумо 180
Накамура Иесио 141
Накамура Синтаро 350
Наоси Уда 349
Наосу Исихара 348
Наполеон 59
Нарахаси Киитиро 345
Насимото 113, 139
Никсон Р. 340
Ниномия 112
Нисида Тикара 145
Нисимура Сусуму 260, 323
Ниси 82
Нисияма 343
Нобунага Ода 16, 17, 19, 29
Номура 179, 348
Норман Г. 342
Нохара Сиро 358, 361, 362

Овада Микио 349
Огава Х. 329
Ои Масаси 361
Окава 158
Окада Хираюки 144, 146
Окамото Кёфуку 197
Оки Тётаро 349
Оконоги Синдзабуро 345, 360
О'Конрой Т. 342, 349
Окубо 44
Окума 70, 72, 75
Онума Масаси 141
Осима К. 174, 179, 195, 288
Осима Сэйити 132, 349
Осима Хироси 352
Отт 179
Охаси 353
Ояма Ивата 54
Оянаги Исаму 281

Певзнер Я. А. 354, 357, 364
Перри 48
Петров Л. Ф. 356
Пибунсонграм 214

Плеханов Г. 63
Попов Ж. 203, 356, 361
Потапов И. Н. 368
Прайс Виллард 239, 252
Пуи 348
Пуяттин 48

Рагинский М. Ю. 353, 354, 356,
358, 365
Ранцов В. Л. 344
Ребрикова Н. В. 359
Рейтцель 241, 246, 363
Рейшауэр Э. 245, 265
Риббентроп И. 174, 179
Розенберг 138
Розенблит С. Я. 353, 354, 356, 358,
365
Рузвельт Теодор 57, 64, 179, 216,
241

Сайго Такамори 44, 50, 142
Сайгуса Синэо 361
Сайондзи Киммоти 54, 69, 139
Сайто Минору 144, 343
Сакимура С. 207, 358
Сакомидзу 225
Сато Киекацу 350
Сато Митио 88, 89
Сато Ока 256
Сато Харуо 207
Сато Эйсаку 274, 280, 281, 328,
332, 340
Севастьянов Г. Н. 354
Сергиенко И. 366
Сигэмицу Мамору 149, 226, 228,
253, 358
Сигэру Иосида 212, 220
Сидэхара 139, 239
Симадзу Сабуро 26, 42
Симомура Хироси 362
Синсаку Такасуги 43
Сиратори Югодзиро 178, 348, 353
Соколов Л. Н.
Спаатс 248
Спайкман 243, 364
Старк Г. 195
Суэхиро Идзутаро 361
Стоун И. 242
Строков А. А. 343
Судзуки 218, 224, 225, 227, 230,
232, 353, 361
Судзуки Иоситаро 11, 113, 140,
144
Судзуки Исороку 347
Судзуки Кисабуро 158
Судзуки Масаси 366
Судзуки Сёси 345, 357, 360
Судзуки Тэйити 183
Суэцугу Нобумаса 158, 187

- Сэйдзи Маэдзима 348, 359
Сэйити Иман 358
- Тайра 11
Такаги Сокити 359
Такасуги Синсаку 43
Такаги Сокити 227
Такасима Кадзуо 349
Такауты Такаморы 141
Такахаси Корэкие 144, 327
Тамон 112, 113
Тан Эр-хэ 127
Танаи С. 329
Танака Такаси 83, 112, 157, 351, 365
Танимото Камэдэо 123
Тафт 57, 65
Того Хэйхатио 62, 65, 256, 361
Тоёда Тэйдзио 360, 361
Тодзио Хидэки 142, 178, 180, 184, 196, 198, 200, 204, 205, 209, 211, 214, 215, 226, 240, 241, 255, 257, 260, 353
Токугава Иеясу 16, 17, 23—27, 30, 34, 35, 37, 38, 39, 43, 44, 47
Томио Ивата 207
Топеха П. П. 343
Тосиката Окубо 349
Тояма Сигэки 343, 357, 358, 361, 362
Треварт Г. 356
Трумэн Г. 231, 242, 254
Тун Гуан 127
Тэйдзио Тоёда 360
Тэраути Масатакэ 68, 75, 82, 147, 175
- У Кай-синь 211
Угаки Кадзусигэ 82, 112, 147, 148, 345
Урбанович 352
Умэдзу 196
Умэсаки 113
Усами Сэйдзио 236, 263, 358, 361—366
Усидзима 113
Усироку Дзио 347
Утида Д. 366
Уэда 82, 130
Уэхара С. 106, 113
- Филмор 48
Фостер У. З. 231, 362
Фудзи Имаса 141
Фудзивара Гиндзио 12, 220, 352, 357, 358, 360
Фудзиэда 323
Фукуда Такэо 324
Фумио Мория 357
- Фунада Н. 313
Фурига Т. 187
- Хамагути 112
Хамада Кунимацу 147
Хант Ф. 240
Хара 353
Хара Кадо 157
Хара Такаси 91, 92
Харада 351
Хасимото 172
Хата 112, 158
Хатанака 232
Хатиман 31
Хатояма Итиро 358
Хаттори Такусиро 33, 260, 342, 353—355, 356, 358—360, 365
Хаяси К. 365
Хаяси Сигэо 367, 368
Хаяси Сэндзио 82, 103, 113, 147, 148, 327, 345, 362
Хаяси Тэйдзио 346
Хелл 257
Хигасикуни 232, 238, 239
Хидэёси Тоётоми 16, 17, 19—25, 29
Хиоки 74
Хиранума Горо 141
Хиранума Кигиро 148, 157, 178, 232
Хирао Хатисабуро 355
Хирата Симадзакэ 162, 163, 351
Хирата Фусоку 345
Хиросэ 112
Хирота Коки 146, 147, 255, 256
Хирохито 101
Хитоси Дзэтакэ 141
Хо Ши Мин 359
Ходж 253
Хокуити Тэру 145
Хондзэ 113, 130
Хондо Коматаро 158
Хосино Наоки 183, 353
Хосино Тэрадзио 345
Хосино Ясусабуо 327, 368
Хосокава Кароку 28, 206
Хэлл 179
- Цзи Ши-юань 127
Цуда Синго 349
Цудзиката Н. 84
Цутия Токао 32, 342, 360
- Чан Кай-ши 116, 120, 121, 127, 133, 215, 221, 227, 244, 317, 354
Ченнолт К. 232
Чепраков Г. П. 355
Черчилль У. 216
Чжан Сюэ-лян 127, 133, 159, 348
Чжу Шэн 127

Шведе Е. 355

Штимер Макс 176

Эгути Бокуро 358, 361, 362

Эйдус Х. Т. 47, 342, 343, 344

Эйити Мицусима 361

Эксман 249

Эрман Дж. 359, 362

Юань Ши-кай 73—75

Юки Тоётаро 158

Яковлев Н. Н. 354, 356

Ямагата Аритомо 43, 44, 46, 54, 57

Ямада 158, 172

Ямадзаки Сёити 361

Ямакава 113

Ямамото Гомбей 46, 96, 97

Ямамото Исороку 182, 354

Яманоути Тоёнори 42

Ямаока Манносукэ 157

Янь Си-шан 133

Ackerman А. 363, 365

Вагввалд Н. 365

Варон фон Адвард 363

Bisson Т. А., см. Биссон

Borton Н., см. Бортон Х.

Brooks Lester, см. Брукс Л.

Brines R. 363

Brown С. 363

Butov R. J. C. 361

Буас Н. 345

Burnes F. E. 363

Caiden M. 354

Cameron M. 363

Chamberlin W. H. 363, 365

Coblentz С., см. Кобленц

Cohen J. В., см. Коен

Commager A. 364

Dunn F. S., см. Данн

Eckel P. E. 359

Elsbree W. H. 358

Fischel W. R. 361

Horikoshi T. 354

Hunt F. 363

Iosida S., см. Иосида С.

Jones F. C. 357—359

Kase Toshikazu 359—361

Kaji Kyuichi 346

Kajima M., см. Кадзима М.

Kaplan M. 364

Kato Masuo 355

Kent P. H. B. 344

Lahiri A. 346

Lory H., см. Лори Х.

Mac Arthur D., см. Макартур Д.

Mahony T. 363

Maki J. M. 365

Marlio L. 350

Mc Neil W. H. 357

Millard T. 344

Modi Sobei 343

Morris I., см. Моррис И.

Morton L. 362

Moulton H. G. 350

Okumia M. 354

Orchard I. E. 344

Pearn B. R. 358, 359

Porter R. B. 343

Price Willard 363—365

Ramming M. 343

Redman V. 343

Reischauer E. O. 363, 364, 366

Reitzel W. 363, 365

Roth A. 357

Sakimura S., см. Сакимура С.

Spraikman, см. Спайкман

Suehara 343, 344

Susumi Okano 354

Togo Shigenori 353, 361

Uehara S. 347

Wilbur C. 363

Zacharias E. M. 358

Zischka A. 343

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Исторические корни японского милитаризма	9
1. Происхождение самурайства	9
2. Превращение самурайства в господствующее сословие	11
3. Утверждение системы военно-феодалной диктатуры	17
4. Агрессивная война против Кореи	20
5. Сёгунат Токугава	23
6. Кризис феодального строя и положение самурайства	32
7. Роль самурайства в буржуазной революции	37
Глава II. Специфические черты японского империализма и милитаризма (конец XIX в.—1917 г.)	47
1. Буржуазная революция 1868 г. в Японии и создание военного аппарата агрессии и захватнических войн в Азии	47
2. Японский милитаризм в период русско-японской войны 1904—1905 гг.	55
3. Японский милитаризм между двумя империалистическими войнами (1906—1914 гг.)	65
4. Японский милитаризм в первой мировой войне 1914—1918 гг.	70
Глава III. Японский милитаризм в 1917—1931 гг.	81
1. Японский милитаризм после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России	81
2. Уроки военной интервенции на Дальнем Востоке	86
3. Война империализма против Советской России и японская военщина	91
4. Вашингтонская конференция — попытка установления контроля над японским милитаризмом	95
5. Изменения в организации сухопутных сил и структуре руководства вооруженными силами Японии (1922—1930 гг.)	98
6. Монополии Японии и милитаризация экономики страны в 1927—1930 гг.	104
7. На пути к военно-фашистской диктатуре и антисоветской войне	111
Глава IV. Милитаризм и колониальная политика Японии 1932—1939 гг.	116
1. Маньчжурия — опытный военный плацдарм и «лаборатория» колониальной политики Японии в Азии	116
2. Военно-инфляционная конъюнктура и ускорение милитаризации Японии (1937—1939 гг.)	131
3. Японский фашизм в 30-х годах XX в.	137
а) Военно-фашистское движение и его влияние на процесс милитаризации страны	137
б) «Антимонополизм» — демагогический прием японских милитаристов	150
в) Военно-теоретическая мысль на службе агрессии и войны	159
Глава V. Японский милитаризм в период второй мировой войны (сентябрь 1939—сентябрь 1945 г.)	171
1. Милитаризация Японии в период подготовки к вступлению во вторую мировую войну	171
а) Курс «дзайбацу» на участие в переделе мира	171
б) Военно-политический союз с Германией и Италией	173
в) Стратегические планы Японии	180
г) Милитаризация экономики Японии в 1939—1941 гг.	182
д) Установление военно-фашистской диктатуры	186
е) Вооруженные силы	190
2. Война на Тихом океане и дальнейшая милитаризация Японии	194

а) Военно-стратегическое положение и процесс милитаризации страны (1941—1943 гг.)	194
б) Дальнейшая милитаризация экономики	199
в) Мероприятия по милитаризации внутривнутриполитической жизни страны	204
г) Внешняя политика Японии в условиях войны	209
д) Состояние японских вооруженных сил в 1942—1943 гг.	212
3. Японский милитаризм в 1944—1945 гг. Поражение милитаристской Японии	215
а) Дальнейшее ухудшение военно-стратегического положения Японии и мероприятия японского правительства на завершающем этапе войны	215
б) «Тотальная мобилизация» и ее кризис	219
в) Разгром милитаристской Японии	230
Глава VI. Американская политика сохранения и восстановления японского милитаризма (1945—1952 гг.)	236
1. Японский милитаризм после тотального поражения	236
2. Отказ США от ликвидации военно-промышленного потенциала Японии	246
3. Проблема демократизации Японии. Политика американских оккупационных властей	252
4. Создание базы для возрождения японских вооруженных сил	259
Глава VII. Японский милитаризм на современном этапе и тенденции его развития	266
1. Экономическая основа возрождения милитаризма в Японии после второй мировой войны	266
2. Военное производство Японии	271
3. Вооруженные силы Японии	286
а) Принцип комплектования вооруженных сил Японии	287
б) Структура и организация вооруженных сил Японии	294
в) Сухопутные войска Японии	298
г) Военно-морские силы Японии	301
д) Военно-воздушные силы Японии	303
е) Финансирование вооруженных сил Японии	305
ж) Принципы планирования развития вооруженных сил Японии	310
4. Идеологическая обработка населения и личного состава вооруженных сил Японии	321
Заключение	334
Примечания	342
Указатель имен	370

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ
(Военно-историческое исследование)

*Утверждено к печати
Институтом военной истории*

Редакторы Ю. О. Бем, Г. Н. Пастернак Художник Е. В. Бекетов
Младший редактор Л. З. Шварц Технический редактор З. С. Телякова
Корректоры М. К. Киселева и В. М. Кочеткова

Сдано в набор 29/Х 1971 г. Подписано к печати 16/II 1972 г.
А-05546. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 2. Печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 25,11. Тираж 9000 экз.
Изд. № 2829. Заказ № 1143. Цена 1 р. 62 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр. Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

1р. 62к.